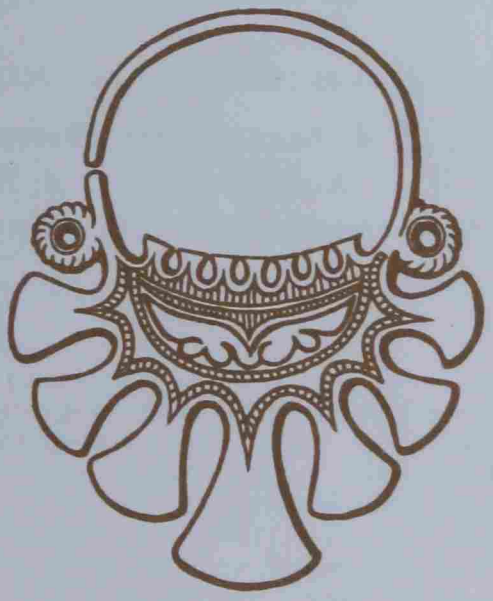
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1996 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1996 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Авилова Л.И. Проблемы датирования бронзового века Анатолии (к вопросу о радиоуглеродной хронологии региона) 5
Девис-Кимбол Дж. Каноны пропорций в ахеменидской скульптуре 21
Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья 41
Адуллаев К. Терракотовая пластика Ай-Ханум 55
Масленников А.А. Новые материалы к истории военного дела античного Боспора 68
Абрамзон М.Г. Отношения Рима с союзными городами Причерноморья по нумизматическим данным.. 80
Горелый А.В. Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками 87
Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) 100
Риер Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных 114
Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов 122
Тимощук Б.А. Отдельный комплекс культовых сооружений святилища Звенигород 133

Публикации

Погорелов В.И. Курганы эпохи бронзы Стояновского могильника 145
Тропин Н.А. О характере домостроительства на южном рязанском порубежье в XII–XIV вв. (по материалам селищ Казинка и Каменное) 159
Коваль В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве 169
Гайдуков П.Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея 177
Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога 185
Тюпаев А.П., Детюк А.Н. Восстановление деталей изображения на сильноокисленных предметах из меди и медных сплавов 197

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1996 г.

История науки

Васильев С.А. Вклад П.И. Борисковского в становление проблематики современного палеолитоведения 201

Критика и библиография

Буров Г.М. *Smith C.* Late Stone Age Hunters of the British Isles. London — New York, 1992 205
Сердитых З.В. The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Cambridge, 1992 211
Федоров-Давыдов Г.А. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпохи. Отв. редактор М.Г. Мошкова. М., 1994 215
Махортых С.В. *Chochorowski J.* Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993 221
Монографии и сборники, опубликованные сотрудниками Института археологии РАН в 1994 году 231

Хроника

Байпаков К.М. Археологические исследования в Казахстане (1991—1995 гг.) 232
Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Двадцать пять лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа 249
Горбунова Н.Г., Брыкина Г.А., Заднепровский Ю.А. Памяти Татьяны Григорьевны Оболдуевой (1908—1995) 252

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1996 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V. I. Gulyaev

CONTENTS

Avilova L.I. The Problems of Dating of the Anatolian Bronze Age (on the radiocarbon chronology of the region) 5
Davis-Kimball J. Canons of Proportions in Achaemenid Sculptur 21
Otchir-Gorjaeva M.A. The Nomad Arrow-Heads from the Low Volga River Region 41
Abdullajev K. The Terra-cotta Plastic Art of Ai-Hanum 55
Maslennikov A.A. The New Data Concerning the History of Poliorcetica of the Ancient Bosporus 68
Abramzon M.G. The Relations between Rome and the Allied Towns of the Pontic Area according to the Numismatics Data 80
Gorely A.V. The Use of the Bosporus Coins as the Byzantine Weights 87
Flerov V.S. The Right Bank Tsimljanskaja Fortress (problems of planigraphy and stratigraphy) 100
Rier J.G. Concerning the Social Development of the Eastern and Central Europe: Comparative Analysis of the Archaelogical Data 114
Burov V.A. Concerning the Ethnic Origin of the Long Barrows Culture Population 122
Timoshchuk B.A. A Cult Complex of Zvenigorod Sanctuary 133

Publications

Pogorelov V.I. The Bronze Age Barrows of Stojanova Burial Ground 145
Tropin N.A. Concerning the Building at the Southern Border of Rjazan Principality in the 12th-14th Centuries 159
Koval V.J. The Spanish Lustre Ceramics in Moscow 169
Gaidukov P.G. The Hoard of Ivan the Terrible Coins in the Collection of Pskov's Museum 177
Artemjev A.R. A Half-Earth Dwelling with the Remains of the Unburied Defenders of Albazin Fortress 185
Tjupaev A.P., Detjuk A.N. The Reduction of the Images on the Strongly Oxidized Artifacts Made of Copper and its Allows 197

History of science

Vasiljev S.A. P.I. Boriskovsky's Contribution to the Modern Investigation of Palaeolithic 201

Critique and bibliography

Burov G.M. *Smith C.* Late Stone Age Hunters of the British Isles. London — New York, 1992 205
Serditykh Z.V. The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge. 1992..... 211
Fedorov-Davydov G.A. Statistitcheskaja Obrabotka Pograbalnykh Pamyatnikov Asiatskoy Sarmatii. Vyp. 1. Savromatskaya epokha. M., 1994..... 215
Makhortykh S.V. *Chochorovski J.* Ekspansija Kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków, 1993..... 221

Chronicle

Baipakov K.M. The Archaelogical Investigations in Kazakhstan (1991—1994)..... 232
Kozenkova V.I., Kuznetsov V.A., Tchetchenov I.M. The 25th Anniversary of Krupnov's Readings on the Northern Caucasus Archaelogy..... 240
Gorbunova N.G., Brykina G.A., Zadneprovsky J.A. In Memory of Tatjana Grigorjevna Oboldujeva (1908—1995)..... 252

Л.И. АВИЛОВА

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА АНАТОЛИИ

(к вопросу о радиоуглеродной хронологии региона)

Данная работа входит в круг ведущихся в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН историко-металлургических исследований Циркумпонтийской металлургической провинции эпохи бронзы (Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989; Černyh E.N. et al., 1991). Проведенное изучение анатолийского металла поставило перед автором вопрос о необходимости специальной разработки проблем хронологии региона на базе имеющихся к настоящему моменту радиоуглеродных датировок. Цель работы заключается в уточнении представлений о хронологии эпохи раннего металла в Анатолии на основе сбора и анализа радиоуглеродных датировок периодов энеолита и бронзового века.

В конкретные задачи работы входит: создание банка данных по радиокарбонным датировкам от энеолита до поздней бронзы; анализ полученных данных с точки зрения обеспеченности отдельных памятников, слоев и комплексов датировками; сопоставление дат по дробным хронологическим подразделениям каждого периода по всем памятникам; уточнение границ основных хронологических периодов.

В статье используются два термина, смысл которых необходимо четко определить. Под «дробными хронологическими подразделениями» понимается традиционно принятое в литературе членение: ранний, средний и поздний халколит; ранний бронзовый век (EBA) 1, 2 и 3; средний бронзовый век (MBA) 1 и 2, часто определяемый также как «переходный период» (к хеттскому времени. — *Л.А.*) или как «период Кюльтепе»; и поздний бронзовый век (LBA), или хеттское время. Такая хронологическая система будет далее для краткости называется «европейской».

Под основными хронологическими периодами подразумевается более обобщенное членение на энеолит — медный век (МВ), ранний, средний и поздний бронзовый века (РБВ, СБВ, ПБВ), принятое в серии историко-металлургических работ. Эта система далее называется историко-металлургической. Одна из важных задач данной работы заключается в сопоставлении первой и второй систем с учетом радиоуглеродных датировок. Далее в тексте для краткости применяются названия периодов — халколит, EBA, 1, 2, 3, MBA, LBA для европейской системы, чтобы отличать их от применяемых для историко-металлургической системы названий МВ, РБВ, СБВ и ПБВ.

Основополагающими принципами обеих систем является классическая последовательность месопотамских культурных комплексов, а историко-металлургическая периодизация учитывает также ряд технологических критериев: внедрение и распространение новых типов и наборов орудий; новых типов сплавов на медной основе; специфических конструктивных особенностей литейных форм. Они подкрепляются наличием определенных культурно-социальных рубежей, таких, как сложение протогородских структур в РБВ; расцвет раннегосударственных объединений с институтами княжеской власти в СБВ и т.д.

В соответствии с историко-металлургической хронологической системой общеисторические рамки периодизации анатолийских памятников несколько смещаются по сравнению с традиционно принятыми: для нас отнесение определенных слоев к халафскому или урукскому времени означает не конец в определении его хронологической принадлежности, а указание на его отнесение к историко-производственной традиции МВ или

© Л.И. Авилова, 1996 г.

РБВ. В этом заключается особенность историко-металлургической системы по сравнению с традиционной европейской в приложении к материалам эпохи раннего металла.

Историко-металлургическая система состоит из менее дробных периодов, чем европейская, а границы периодов проводятся несколько иначе (Černych E.N., 1982; Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989, рис. 1). Именно, к МВ относятся культурные комплексы Халаф — Убейд (Гавра 20—13, Коруджутепе А Амук С—Е, Бейджесултан 34—24 или VI — середина IV тыс. до н.э.). К РБВ относятся комплексы Урук, Джемдет-Наср, (Гавра 12—7, Коруджутепе В—D, Арслантепе VII—VIC, Амук F—H, Бейджесултан 20—13, Алишар I, Троя I, или горизонты ЕВА 1 и 2 — середина IV — середина III тыс. до н.э.). К СБВ относятся культурные комплексы РД 1—3, Аккад и Постаккад — Ур III (Гавра 6—4, Коруджутепе Е—H, Арслантепе VID—V, Амук I—J, Бейджесултан 12—4, Алишар III—II, Троя II—V, Аладжа III, Кюльтепе или горизонты ЕВА 3—МВА). Это середина III тыс. до н.э. — XVIII—XVII вв. до н.э. Памятники хеттского времени или LBA представлены Коруджутепе I—J, Арслантепе V—IV, Бейджесултаном 3—1, Троей VI–VII, Богазкеем частично IV и III.

Приведенные выше сопоставления основаны на ряде работ (Esin U., 1969; Mellaart J., 1979; Caneva C. et al., 1985), в том числе особенно полезна оказалась широкая хронологическая схема Дж. Меллаарта (Mellaart J., 1981, fig. 202).

Здесь не ставится задача описать историю развития метода датирования археологических объектов, открытого У. Либби по скорости полураспада радиоактивного изотопа углерода-14 в мертвых органических тканях; его уточнения с помощью кривых изменения магнитного поля Земли и учета дендрохронологических поправок. Подробный очерк на данную тему содержится во введении к книге Г.Л. Кавтарадзе (Кавтарадзе Г.Л., 1983). Несравнимо более важны результаты применения метода к конкретному археологическому материалу.

Подобно подавляющему большинству современных исследователей, я использую калиброванные радиоуглеродные даты. В литературе встречаются до сих пор некалиброванные даты (в особенности для давно раскопанных памятников). Существует несколько систем калибровки, при этом результаты варьируют, хотя и не слишком значительно. Одна из наиболее популярных систем калибровки — MASCA — основана на корректировке дат по изменению значений магнитного поля Земли (Ralph E.K. et al., 1973). Поэтому целесообразно было откалибровать все собранные даты заново по единой системе, используя компьютерную программу, разработанную в 1987 г. в университете Вашингтона, в четвертичной изотопной лаборатории.

Эта программа позволяет откалибровать каждую дату двумя методами — A и B, причем первый дает несколько вариантов датировки с указанием степени вероятности каждого. Метод A применялся в данной работе, выбиралось то значение датировки, где степень вероятности была наивысшей.

Была создана компьютерная база данных по анатолийским радиоуглеродным датировкам. Всего удалось собрать сведения о 253 датировках с 22 памятников. Полнота и достоверность данных различна. Встречаются такие публикации, где остается неясным, к какому слою или комплексу относится дата; не указаны археологические датировки комплексов и слоев (Esin U., 1985; Ozbakan M., 1985) и т.д. Встречаются также явно неверные даты, не соответствующие даже приблизительно хронологическим рамкам периодов, к которым они отнесены (Kis M., Guller R., 1983). Причины, видимо, кроются в нарушении методики отбора проб или технологии проведения анализа.

Приведем полный список памятников и полученных с них дат по европейской шкале (табл. 1). Уже самое предварительное рассмотрение приведенных в табл. 1 датировок заставило отбросить некоторые из них как заведомо не пригодные к дальнейшей работе.

Это вся серия из девяти дат для Дегирментепе (Ozbakan M., 1983; 1985), не имеющих стратиграфических и хронологических привязок. Датировки охватывают период от VII тыс. до н.э. по IX—X вв. н.э. Ясно, что при таком разбросе нет возможности даже предположительной хронологизации этих дат.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты с анатолийских памятников эпохи раннего металла

Памятник	Всего дат	Использовано в работе	Халколит			EBA			MBA,		Trans.	LBA,		Hitt.	?
			Р	С	П	1	2	3	1	2		1	2		
Демиричи	73	71				2	67	–		4					
Арслантепе	41	41	–	–	3	27	–	4	–	3		4	–		
Икизтепе	24	–	–	–	2	3	5	–	–	–	5				9
Коруджу	21	21	1	–	4	–	8	1	–	5	–	–	–	2	
Афродизий	16	16	–	–	3			9	3		–		1	–	
Тепеджик	15	–	–	–	3	–	–	10	–	1	–				1
Джан Хасан	9	9	8	1	–										
Дегирмен	9	–													9
Карараш	7	7				1	6	–							
Тюлинтепе	7	–	7	–	–										
Гедикли	6	6				2	–	4							
Пулур	5	5	–	–	1	1	2	1							
Аладжа	4	4	–	–	1	–	–	2			1				
Бейджесултан	3	3	–	–	2				–	–	1				
Аджемхейюк	3	3							–	–	3				
Хассек	3	3				3	–	–							
Хаджилар	2	2	2	–	–										
Каледжик	1	1		1											
Алишар	1	1	–	–	1										
Амук G	1	1	–	–	1										
Бешик-Ясс	1	1				1	–	–							
Богазкей	1	1										–	–	1	
Итого:	253	196		41			159			26			8		19
Использовано		196		29			139			20			8		

Икизтепе (Северная Анатолия) (Alkim H., 1983; 1985; Bilgi O., 1985). Памятник представляет собой четыре телля с напластованиями различной мощности. Наиболее представительны холмы I и II, имеющие слои от позднего халколита до переходного периода (MBA). Все даты происходят из поселений; из могильника эпохи EBA 3 дат нет. Девять дат не имеют стратиграфической и хронологической привязки (Ozbakan M., 1983) и исключаются из работы, остальные требуют анализа.

К позднему халколиту относятся две даты, они весьма различны: 4365—4235 гг. (гор. 4) и 3360—2924 гг. до н.э. (гор. 1). Верхняя хронологическая граница вызывает недоверие.

Период EBA 1 представлен тремя датами, имеющими обратное соотношение с порядком залегания горизонтов: нижний гор. 6 дает наиболее позднюю дату — 2861—2464 гг. до н.э., а верхний гор. 3 — наиболее раннюю — 4510—4340 гг. до н.э. — раньше, чем начальная дата позднего халколита. Общая протяженность периода EBA 1 составляет 4510—2464 гг. до н.э. Ко времени EBA 2 относится пять дат. Две даты (гор. 4b) близки и дают промежуток 4361—4166 гг. до н.э. Затем следует разрыв, а горизонты 4a — 1 датируются 3936—2925 гг. до н.э. Весь период EBA 2 занимает время 4361—2925 гг. до н.э., что совпадает с поздним халколитом.

По EBA 3 дат нет. Переходный период или MBA дал также пять дат, причем снова фиксируется обратное соотношение дат и стратиграфии. Две даты из нижнего горизонта 4, самые поздние, вместе дают 1521—1110 гг. до н.э., гор. 3a значительно

более ранний — 3024—2702 гг. до н.э., а верхний гор. 2 также датируется раньше нижнего — 2391—1835 гг. до н.э. Весь период дает невероятный отрезок времени 3024—1110 гг. до н.э.

В целом серия по Икизтепе не дает оснований доверять ей. Веские доводы в пользу неверности дат: обратный порядок следования дат и горизонтов в двух слоях; практическое совпадение датировок по трем периодам от позднего халколита до ЕВА 2; явно ошибочные границы периодов — V тыс. до н.э. как начало ЕВА 1 и ЕВА 2, конец IV тыс. до н.э. как начало МВА. Все это понуждает отказаться от использования всей данной серии в дальнейших сопоставлениях.

Тепеджик (Esin U., 1985; Ozbakan M., 1985). Это поселение в Восточной Анатолии дало серию из 15 дат, одна из них не имеет стратиграфической и хронологической привязки. Еще четыре даты явно не соответствуют никаким хронологическим схемам. Это две даты по позднему халколиту (конец II — начало I тыс. до н.э.) и две даты по ЕВА 3, давшие VI—V вв. до н.э. (Kis M., Guller R., 1983). От использования этих пяти дат мы также вынуждены отказаться, остальные требуют анализа. Из оставшихся дат восемь относятся к ЕВА 3, а поздний халколит и МВА дали по одной дате.

Поздний халколит датируется 3646—3389 гг. до н.э. Датировки по ЕВА 3 чрезвычайно различны. Наиболее ранняя практически не отличается от даты позднего халколита — 3625—3378 гг. до н.э. Затем после разрыва ок. 500 лет следует группа из трех дат, охватывающих промежуток 2896—2459 гг. до н.э. Далее снова следует огромный разрыв ок. 1 тыс. лет и за ним группа из четырех близких дат, занимающих 1407—828 гг. до н.э. Таким образом, общая протяженность периода 3625—828 г. до н.э., что нереально. Доверие вызывает только средняя группа из трех дат 2896—2459 гг. до н.э., однако их нельзя рассматривать отдельно от остальных по этому же периоду. Единственная дата по МВА 1238—975 гг. до н.э. также выглядит слишком поздней.

Подобно серии из Икизтепе датировки из Тепеджика не согласуются между собой внутри периодов; хронологические рамки самих периодов также весьма сомнительны. Эта серия также целиком исключается из дальнейшей работы.

Из поселения Тюлинтепе (Esin U., 1985) в Восточной Анатолии опубликовано семь дат, все относятся к раннему халколиту. Разброс датировок чрезвычайно велик — 5294—2145 гг. до н.э., т.е. больше 3 тыс. лет, верхняя граница периода явно ошибочна. Данный памятник также не включается в дальнейшее рассмотрение.

Последнее относится и к двум датам из Демирчихейюка, стратиграфически относимых к ЕВА 1, но давших IX тыс. до н.э. (Kis M., Guller R., 1983).

Все три забракованных серии радиоуглеродных анализов выполнены лабораториями Турции (шифры ODTU и HUR). Возможно, методика их работы несовершенна. Три анализа из Икизтепе I выполнены в Берлине (ЕВА 2 — 4361—3350 гг. до н.э.), и эти даты также выглядят слишком ранними. Поэтому можно думать, что играют роль и какие-то иные причины. Один анализ из Гронингена (Тепеджик, ЕВА 3 2584—2459 гг. до н.э.) вызывает доверие, но и эта дата бесполезна в отрыве от остальных.

В итоге в нашем распоряжении остается 196 датировок из 18 памятников, которые по периодам историко-металлургической системы распределяются иначе (табл. 2).

Необходимо провести анализ имеющихся серий датировок по стратиграфическим колонкам памятников (в соответствии с европейской хронологической системой — так, как это отражено в публикациях).

Демирчихейюк (Demircihoyuk, 1987, tab. 1). С данного поселения в Северо-Западной Анатолии происходит наиболее крупная серия дат — 71, в основном освещающих время ЕВА 1 — 67 дат. Они распределяются по стратиграфическим фазам неравномерно: 30 дат относится к фазе Е и 25 к фазе Н, остальные фазы дали по 1—4 даты. Интересно, что наиболее ранняя фаза С (3334—2900 гг. до н.э.) находится как бы в отрыве от остальных, датируемых чрезвычайно близким временем, ок. 2900—2500 гг. до н.э. Правда, две фазы — Е и Н — заходят в более раннее время (фаза Е 3019—2281 гг. до н.э., Н — 3255—2354 гг. до н.э.), но характерно, что в обоих

Таблица 2

Распределение радиоуглеродных дат из памятников эпохи раннего металла в Анатолии по периодам историко-металлургической хронологической системы

Памятник	Всего дат	МВ	РБВ	СБВ	ПБВ
Демирчи	71	—	67	4	—
Арслантепе	41	—	30	7	4
Коруджу	21	5	8	6	2
Афродизий	16	3	—	12	1
Джан Хасан	9	9	—	—	—
Карataш	7	—	1	6	—
Гедикли	6	—	2	4	—
Пулур	5	—	2	3	—
Аладжа	4	—	1	3	—
Бейджесултан	3	2	—	1	—
Хассек	3	—	3	—	—
Аджемхейюк	3	—	—	3	—
Хаджилар	2	2	—	—	—
Каледжик	1	1	—	—	—
Алишар	1	—	1	—	—
Амук G	1	—	1	—	—
Бешик-Ясс.	1	—	1	—	—
Богазкей	1	—	—	—	1
Итого	196	22	117	49	8

случаях эти датировки образуются за счет единственной ранней даты в большой серии и статистически эти две фазы также входят в компактную группу фаз, датируемых временем 2900—2500 гг. до н.э. К сожалению, нет дат из фазы D, которые могли бы прояснить соотношение ранней фазы С с группой более поздних. В целом период ЕВА 1 в абсолютном выражении датируется 3334—2281 гг. до н.э.

Затем в напластованиях имеется разрыв. Четыре даты по МВА близки между собой и укладываются в промежуток 1857—1433 гг. до н.э., т.е. соответствуют рубежу МВА — LBA.

Арслантепе (Palmieri A., 1973; 1978; 1981; Alessio M. et al., 1983). Это поселение в Восточной Анатолии дало крупную серию дат позднего халколита — LBA. Даты распределены не только по слоям, но и по строительным горизонтам, а в ряде случаев также и по жилищам.

Слой позднего халколита — VII — представлен тремя датами из двух помещений; дата из комнаты A11 наиболее древняя — 3771—3546 гг. до н.э.; две даты из комнаты A21 близки и дают интервал 3647—3380 гг. до н.э. Слой VII в целом может быть датирован 3771—3380 гг. до н.э.

Наиболее богата серия дат периода ЕВА 1, представленного слоями VIA (ЕВА 1А) и VIB (ЕВА 1В). Слой VIA дал 18 дат, распределенных по четырём жилищам. Жилище 1 представляет собой постройку храмового типа, в которой был найден клад бронзовых изделий, в основном копий и мечей. К нему относятся семь дат, покрывающих в целом интервал 3372—2786 гг. до н.э. В жилище 4 получено восемь дат, дающих в целом 3338—2619 гг. до н.э. Из жилища 3 происходят две идентичные даты — 3254—2915 гг. до н.э. В жилище 2 имеется одна дата, наиболее ранняя для слоя VIA — 3496—3147 гг. до н.э. Итак, слой VIA периода ЕВА 1А может быть датирован 3496—2619 гг. до н.э. (ок. 880 лет).

В слое VIB (ЕВА 1В), давшем шесть дат, жилые комплексы прослежены не столь четко, как в предшествующем: конгломерат из жилищ 6—9 с шестью датами покрывает интервал 3094—2468 гг. до н.э. Этим промежутком можно датировать весь слой VIB в целом.

Слоев EBA 2 на памятнике нет, период EBA 3 соответствует слою VID, из которого происходят всего четыре даты с широким интервалом 2470—1696 гг. до н.э. — датировка всего периода.

Далее в напластованиях опять следует лакуна, и слой V относится в ранней фазе к MBA 2, а в поздней — к LBA 1. Имеются три даты по MBA 2, дающие интервал 1871–1435 гг. до н.э. По периоду поздней бронзы учтено четыре даты, покрывающие 1868—1106 гг. до н.э.

В целом датировки из Арслантепе четко соответствуют стратиграфической колонке памятника. Даты идущих без стратиграфических разрывов слоев VII, VIA и VIB взаимоперекрываются: слои VII и VIA — на протяжении ок. 120 лет, а слои VIA и VIB очень значительно — ок. 470 лет. Периоды позднего халколита, EBA 1 и EBA 2 плавно перетекают один в другой. Слой VID, начинающийся после лакуны, не имеет такого перекрывания с предшествующим: налицо отрыв периода EBA 3 от EBA 1. Несмотря на лакуну между слоями VID и V, их датировки перекрываются на протяжении ок. 180 лет. Отметим практически одновременное начало периодов MBA 2 и LBA ок. 1870 г. до н.э., также как и малую разницу в датах окончания этих периодов — 1435 и 1106 гг. до н.э.

Коруджутепе (Korucutepe, 1978; Easton D.F., 1976; Stuckenrath R., Lawn B., 1971; Lawn B., 1972; 1974). Серия из 21 даты из этого восточноанатолийского поселения распределяется по слоям (именуемым фазами) и хронологическим периодам неравномерно. Наиболее ранняя дата фазы A (ранний халколит) — единственная и дает вторую половину VI тыс. до н.э. — 5335—5228 гг. К фазе B (поздний халколит) относятся четыре даты, охватывающие 4357—3820 гг. до н.э. Период халколита в целом от раннего до позднего датируется 5335—3820 гг. до н.э.

Датировки времени EBA 1 (фаза C) на поселении отсутствуют, представлен EBA 2 (фаза D). Таких дат восемь из пяти строительных горизонтов (58, 72, 73, 74, 77). Семь из них группируются компактно — 2913—2140 гг. до н.э., а одна дата из горизонта 77 несколько выпадает, давая более раннее время, чем датировки из предшествующих горизонтов. Учитывая эту дату, следует датировать время EBA 2 3038—2140 гг. до н.э. Единственная дата для периода EBA 3 (фаза E) 2573—2400 гг. до н.э. укладывается в тот же отрезок времени, видимо, совпадение происходит за счет недостатка данных по EBA 3.

Имеется пять дат периода MBA 2 (фаза H), очень компактных, занимающих в целом отрезок 1874—1430 до н.э. К периоду LBA, или хеттскому времени, относятся всего две даты без точной стратиграфической привязки. Одна из них укладывается в отрезок, соответствующий MBA 2 — 1610–1447 гг. до н.э., вторая более поздняя, так что в целом они охватывают 1610—1031 гг. до н.э.

Отметим, что для распределения датировок из Коруджутепе по европейской хронологической системе в отличие от Арслантепе характерна прерывистость, наличие больших разрывов между периодами халколита и EBA, EBA и MBA.

Афродизий (Stuckenrath R., Lawn B., 1971; Lawn B., 1975; Easton D.F., 1976). Поселение расположено в Юго-Западной Анатолии. Имеется 16 датировок, 13 из них распределяются по разновременным жилым комплексам. Поздний халколит представлен тремя датировками, не привязанными к жилым комплексам — материалы происходят из шурфа. Они охватывают 4361—3534 гг. до н.э.

Дат по периоду EBA 1 и 2 нет. К EBA 3 относятся девять дат из трех комплексов — I, II и IV. Основной комплекс II представлен шестью датами, время его существования — 2584—1826 гг. до н.э. Комплекс IV имеет две даты, он существовал в близкое время — 2576—1919 гг. до н.э. Единственная дата из комплекса I несколько более поздняя; в целом период EBA 3 можно датировать 2584—1778 гг. до н.э.

К периоду MBA относятся три даты из двух комплексов. Комплекс C датируется по двум датам 2190—1649 до н.э., единственная дата из комплекса B более поздняя и позволяет датировать период MBA в целом 2190—1527 гг. до н.э.

Для периода LBA имеется лишь одна дата из комплекса A — 1880—1681 гг. до н.э. Она полностью укладывается в отрезок времени, определенный для MBA. Такой случай уже отмечен в Коруджутепе.

Джан Хасан (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972). Поселение расположено в Юго-Восточной Анатолии. Имеется девять дат, восемь из них из раннехалколитического слоя IIb и одна из среднехалколитического слоя IIa. Семь дат раннего халколита составляют четкую последовательность от 6170 до 5487 гг. до н.э., но последняя дата следует за ними с интервалом ок. 160 лет и поднимает верхнюю границу датировки слоя IIb до 5145 гг. до н.э.

Единственная дата для среднего халколита — 5966—5738 гг. до н.э. укладывается в рамки предшествующего периода, поэтому разграничить ранний и средний халколит в Джан Хасане не удается.

Хаджилар (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972) (Юго-Западная Анатолия). В нашем распоряжении всего две датировки, обе относящиеся к раннему халколиту, но происходящие из разных слоев. Они охватывают промежуток 6120—5730 гг. до н.э., что полностью соответствует данным по Джан Хасану.

Пулур (Stuckenrath R., Lawn B., 1971; Kosay H.Z., 1986). Поселение в Восточной Анатолии. Небольшая серия из пяти дат охватывает периоды позднего халколита, EBA 1, EBA 2 (две даты), EBA 2—3. Серия не слишком представительна, мало информативны и сами даты: кроме одной все они чрезвычайно широки, ок. 600—500 лет.

Дата для периода позднего халколита — 3499—3199 гг. до н.э. Единственная дата по EBA 1 следует за ней с разрывом почти в 300 лет — 2910—2460 гг. до н.э. Две даты по EBA 2 из разных слоев дают огромный промежуток — 3370—2280 гг. до н.э., — почти полностью перекрывающий оба предшествующих периода. Дата по EBA 2—3 — 3296—2626 гг. до н.э. — не только полностью попадает в границы EBA 2, но и оказывается в значительной части более ранней, чем EBA 1. Серия непродуктивна.

Карataш-Семайюк (Easton D.F., 1976; Lawn B., 1977). Поселение и могильник в Юго-Западной Анатолии. Все семь дат происходят из слоев поселения, датируемых EBA 1 (одна дата) и EBA 2 (шесть дат). С последним слоем синхронны многочисленные погребения, некоторые из них содержат вещи типа некрополя Аладжи, в особенности золотые украшения.

Период EBA 1 по единственной дате относится к 2878—2583 гг. до н.э. Даты по EBA 2 очень близки между собой, составляя в целом 2922—2589 гг. до н.э. Близки они и дате по EBA 1 и даже несколько раньше ее. Эта близость является характерным фактом не только для данного памятника.

Аладжахейюк (Stuckenrath R., Ralph E.K., 1965; Stuckenrath R., Lawn B., 1971) — поселение и могильник в Центральной Анатолии, все четыре даты происходят из поселения.

Наиболее ранний слой IV, относимый к позднему халколиту, дал одну дату 3012—2787 до н.э. Из слоя III, к которому относится также знаменитый некрополь, датируемый EBA 3, имеются две даты, не перекрывающиеся между собой и в совокупности дающие 3371—2668 гг. до н.э. Слой II раннехеттского времени дал одну дату, но из самого нижнего горизонта — 4, относимого к периоду Кюльтепе, т.е. к концу СБВ. Дата — 2288—2038 гг. до н.э. В датировках есть несогласованность: дата по позднему халколиту более поздняя, чем начало периода EBA 3. Видимо, это происходит из-за малочисленности серии.

Бейджесултан (Mellink M., 1964; Lloyd S., Mellaart J., 1965) — поселение в Юго-Западной Анатолии. Две даты из разных позднехалколитических слоев довольно близки и покрывают промежуток 3896—3370 гг. до н.э. Дата из слоя 5 (дворец времени Кюльтепе) дает 1960—1543 гг. до н.э.

Гедикли (Stuckenrath R., Lawn B., 1970; 1971). Поселение и могильник в Юго-Западной Анатолии. Серия из шести дат происходит из поселения (четыре даты) и двух

Таблица 3

Абсолютные границы археологических периодов по ряду памятников в европейской системе

Памятник	Халколит		EBA			MBA	LBA
	ранний — средний	поздний	1	2	3		
Джан Хасан	6170—5487						
Хаджилар	6120—5730						
Каледжик	5230—5063						
Коруджу	5335—5228	4357—3820		3038–2140	2573—2400	1874—1430	1610—1031
Афродизий		4361—3534			2584—1778	2190—1527	1880—1681
Аладжа		3012—2787			3371—2038		
Арслан		3771—3380	3496—2468		2470—1696	1871—1435	1868—1106
Пулур		3499—3199	2910–2460	3370—2280	3296—2626		
Бейдже-султан		3896—3370				1960—1543	
Амук		3644—3387					
Алишар		3618—2910					
Караташ			2878—2583	2922—2589			
Гедикли				2921—2667	2577—2137		
Демирчи			3334—2281			1857—1433	
Аджем-хейюк						2037—1629	
Бешик—Ясс.			2923—2706				
Богазкей							2013—1644

разновременных погребений. Две даты из слоя 3 относятся к EBA 2 (конец Амука G) и дают в сумме 2921—2667 гг. до н.э. Период EBA 3 представлен четырьмя датами; одна относится к аккадскому времени — 2465—2288 гг. до н.э., одна — ко времени третьей династии Ура — 2288—2137 гг. до н.э., две остальные не имеют столь четких привязок и дают в сумме 2577—2201 гг. до н.э. В целом период EBA 3 можно датировать 2577—2137 гг. до н.э.

Аджемхейюк (Stuckenrath R., Lawn B., 1971) — поселение в Центральной Анатолии. Три даты получены из дворца в слое III периода Кюльтепе (MBA). Даты занимают отрезок 2037—1629 гг. до н.э.

Хассек-хейюк (Behm-Blancke M.R., 1985, S. 94) — поселение в Юго-Восточной Анатолии. Три даты происходят из позднеурукского слоя (РБВ), в абсолютных цифрах дают промежуток 3332—2922 гг. до н.э.

Датировки, являющиеся единственными на памятнике, — Каледжик (Esin U., 1985), Алишар (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972), Амук (Lawn B., 1973), Бешик-Яссытепе (Korfmann M., 1984, s. 113) и Богазкей (Долуханов П.М., Тимофеев В.И., 1972) — приведены в таблицах и не нуждаются в развернутом комментарии.

Абсолютные рамки археологических периодов по материалам этих памятников приведены в табл. 3.

Рассмотрим полученные обобщенные данные по датировкам дробных подразделений европейской хронологической системы.

По периоду халколита имеется 29 надежно стратифицированных дат, покрывающих промежуток 6200—2800 гг. до н.э. (рис. 1*А*; 2). Ранний и средний халколит представлен датами из Джан Хасана, Хаджилара и Каледжика. Они охватывают период от 6100 до 5100 гг. до н.э., затем период в 700 лет не освещен никакими датами.

Следующая серия датировок относится в основном к позднему халколиту и падает на весьма длительный период от 4300 до 2800 гг. до н.э., причем кривая их распреде-

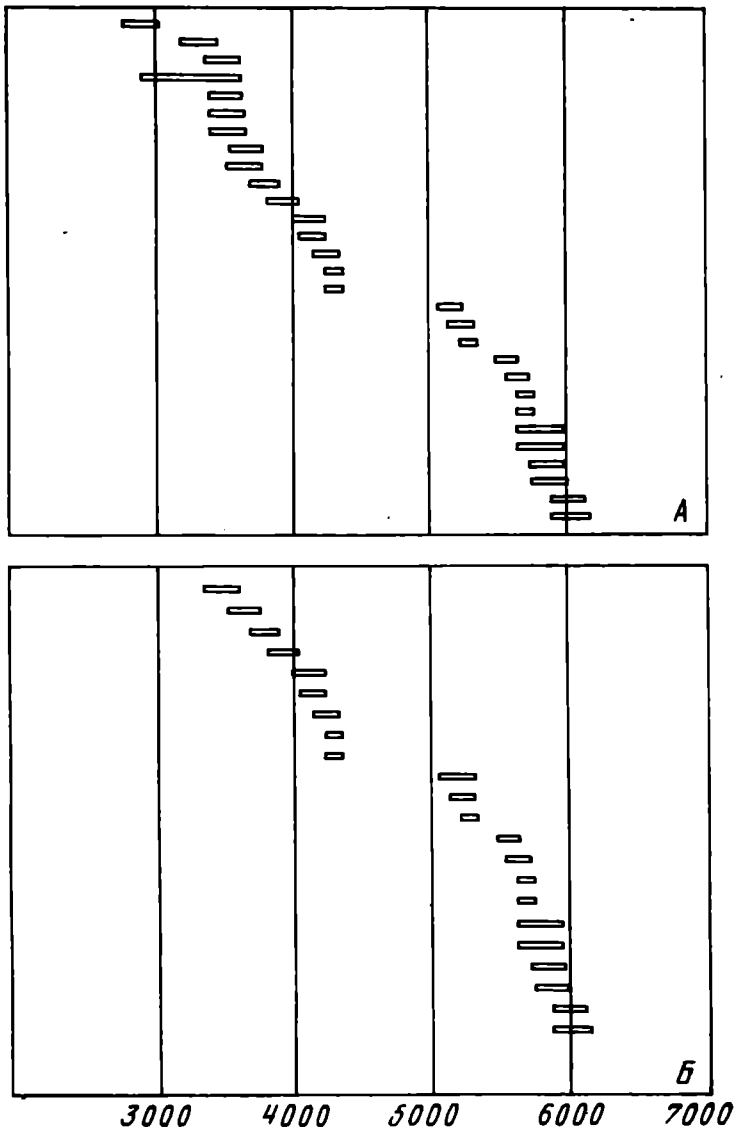


Рис. 1. *А* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода халколита (Chalcolithic); *Б* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода медного века (МВ)

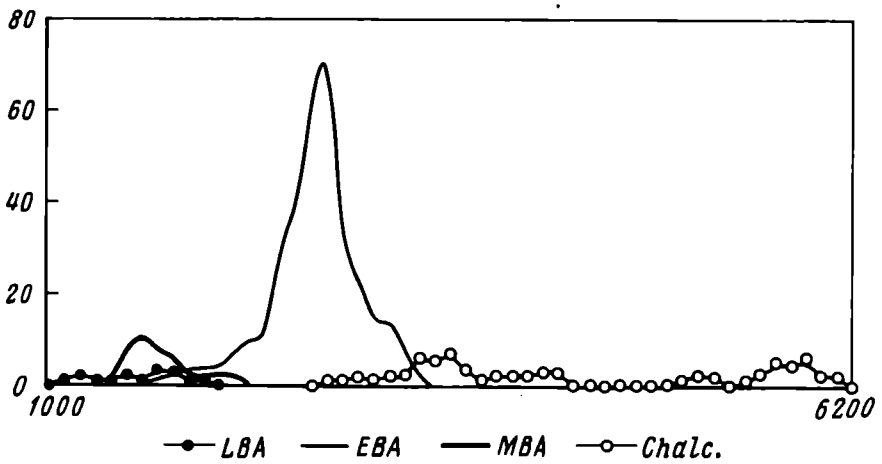


Рис. 2. Количественное распределение радиоуглеродных датировок по временной шкале в соответствии с «европейской» хронологической системой

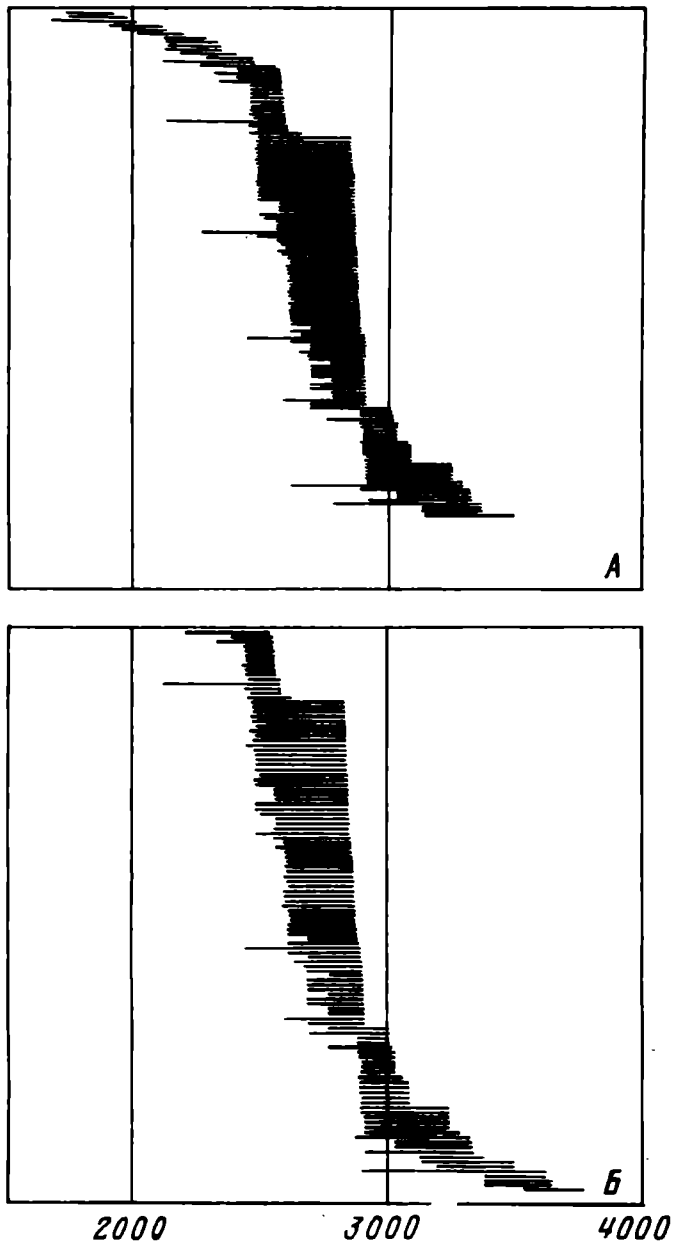


Рис. 3. *А* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода ранней бронзы (ЕВА); *Б* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода ранней бронзы (РБВ)

ления имеет две вершины. Первая группа дат относится к 4300—3800 гг. до н.э. и происходит из Афродизия, Коруджу В и Бейджесултана 36. Стратиграфия по крайней мере двух последних памятников весьма надежна. Вопросы возникают в связи со второй, наиболее поздней и довольно многочисленной группой дат периода 3700—2800 гг. до н.э. с количественным пиком, падающим на время 3600—3400 гг. до н.э. Эти даты происходят из следующих памятников и комплексов: Афродизий, Бейджесултан 36 и 28, Арслантепе VII, Амук G, Алишар 14, Пулур 12 и Аладжа IV. Такое распределение дат вызывает сомнения относительно правильности отнесения самих комплексов к позднему халколиту. Именно пять последних комплексов по нашей схеме относятся к РБВ (об этом см. ниже).

Период ЕВА 1 обеспечен 97 надежно стратифицированными датами, основу составляют 67 дат из Демирчихейюка и 27 дат из Арслантепе VIA и В. Распределяют-

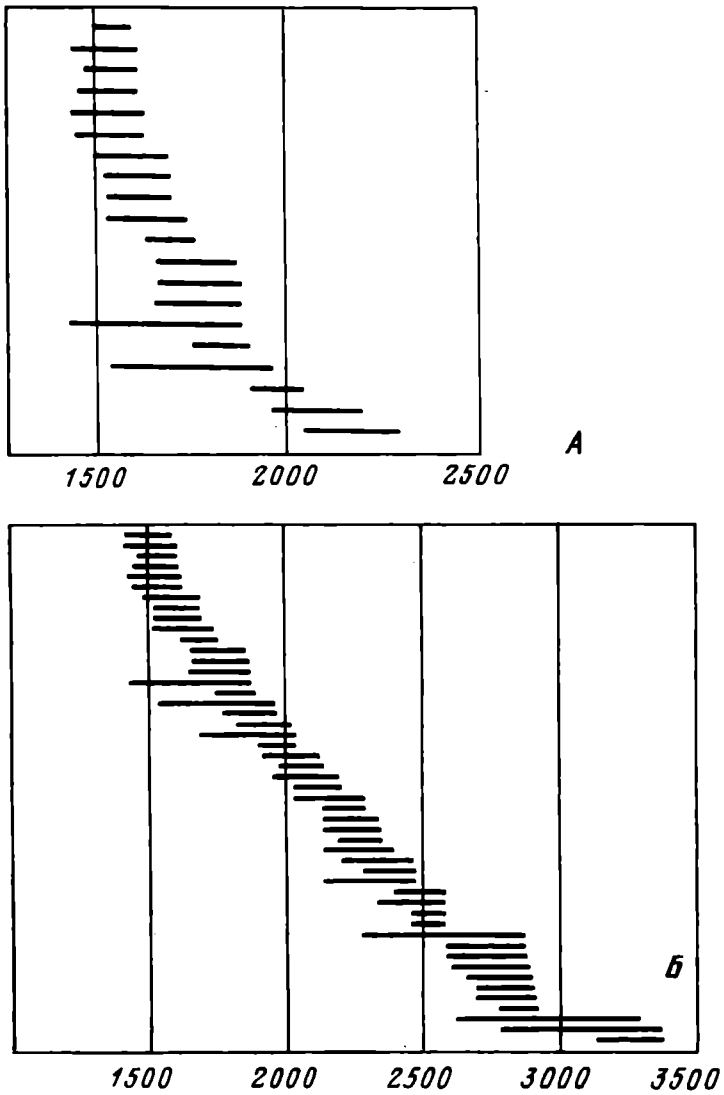


Рис. 4

Рис. 4. *А* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода средней бронзы (МВА); *Б* — радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периода средней бронзы (СБВ)

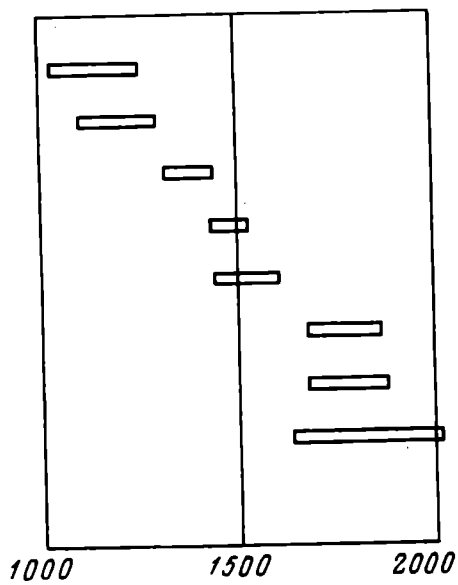


Рис. 5

Рис. 5. Радиоуглеродные датировки анатолийских памятников периодов поздней бронзы LBA и ПБВ

ся они на отрезке 3500—2400 гг. до н.э. по четкой кривой с количественным пиком на 3000—2500 гг. до н.э.

К периоду ЕВА 2 относятся 17 дат, в основном из Карataша и Коруджу D. Они охватывают время 3380—2120 гг. до н.э., причем 3300—3100 гг. до н.э. дает единственная очень широкая дата из Пулура 8. Распределение дат по столетиям выглядит как нормальное с пиком на 2900—2600 гг. до н.э. Следует отметить, что кривые периода ЕВА 1 и ЕВА 2 сдвинуты относительно друг друга всего на 200 лет, как и их пики. Видимо, это отражает реальную картину довольно верно, временна́я разница между периодами невелика и четко разграничить их на всей территории Анатолии не удается. Так, по Дж. Меллаарту, период ЕВА 1 в Северной Сирии (Амук F) полностью соответствует позднему халколиту в Восточной Анатолии (Арслантепе VII, Коруджу B) и Уруку в Северной Месопотамии (Mellaart J., 1981, fig. 202).

По ЕВА 3 имеются 18 надежных дат, в основном из Афродизия и Арслантепе VID. Они распределяются на отрезке 2600—1700 гг. до н.э. довольно компактно, с двумя количественными пиками: значительным на 2400—2150 гг. до н.э. и небольшим на 2100—1900 гг. до н.э., что хорошо соотносится с двумя историческими фазами ЕВА 3 — аккадским и третьей династии Ура. Период ЕВА в целом отражен на рис. 2 и 3*А*.

К МВА относятся 20 дат, в основном из Коруджу H и Демирчи. Общая протяженность периода в абсолютных цифрах — 2200—1420 гг. до н.э. Кривая распределения двухвершинная, первый малый пик приходится на 1900—1700 гг. до н.э. и в целом отражает период Кюльтепе. Новая совокупность дат с пиком на 1600—1500 гг. до н.э. может знаменовать сложение после волны разрушений 1800—1700 гг. до н.э., зафиксированной древними источниками, новых общностей, существование которых уже относится к эпохе поздней бронзы (Рис. 2; 4*А*).

Сам этот период чрезвычайно слабо представлен в наших сборах. Причина пока неясна, сборы будут продолжаться, но ситуация в целом напоминает коллекцию анатолийского металла, когда количество металлических изделий хеттского времени оказалось неожиданно мало (Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989, с. 79, 80). Пока в нашем распоряжении имеются всего восемь дат, охватывающих промежуток 2000—1100 гг. до н.э. В такой ситуации говорить о каких-то зависимостях в распределении не представляется возможным (Рис. 2; 5).

Аналогичного комментария требует распределение дат по историко-металлургической системе (табл. 4). В соответствии с ней к МВ относятся 22 заслуживающих доверия даты. Первая группа дат — 6100—5100 гг. до н.э. — осталась неизменной по сравнению с европейской системой. Вторая, поздняя группа, включает всего пять дат (три из Афродизия и две из Бейджесултана 36 и 28), охватывающих отрезок 4400—3400 гг. до н.э. Статистически эта группа не может считаться достаточной для каких-то выводов, но в целом она означает, что конец МВ приходится на середину IV тыс. до н.э. (рис. 1*Б*; 6).

Меньшее количество дат по МВ в сравнении с серией по позднему халколиту европейской системы объясняется тем, что комплексы, относящиеся к урукскому времени, мы относим к РБВ. Это Арслантепе VII, Коруджу B, Амук G, Алишар 14, Пулур 12 и Аладжа IV.

Кроме упомянутых комплексов позднего халколита, к периоду РБВ относится ЕВА 1 и 2 европейской системы. В результате число дат по РБВ равно 117, а охватываемый период — 3800—2200 гг. до н.э. (Рис. 3*Б*, 6). Основная часть кривой РБВ начинается с 3600 гг. до н.э. и образует мощный пик на отрезке 3100—2500 гг. до н.э. На время после 2500 г. до н.э. приходятся всего одна-две даты, из-за чего конец периода выглядит достаточно резким. Вся кривая РБВ (3600—2500 гг. до н.э.) сомнений не вызывает и прекрасно согласуется с датами конца МВ.

Гораздо менее ясна многовершинная кривая распределения дат СБВ (рис. 4*б*, 6). Общая протяженность периода, к которому относятся 49 надежных дат, судя по ней — 3300—1500 гг. до н.э. Ранняя часть кривой 3300—3000 гг. до н.э. образована

Таблица 4

Абсолютные границы археологических периодов по ряду памятников в историко-металлургической системе

Памятник	МВ	РБВ	СБВ	ПБВ
Джан Хасан	6170—5487			
Хаджилар	6120—5730			
Каледжик	5230—5063			
Коруджу	5335—3820	3038—2140	2573—1430	1610—1031
Афродизий	4361—3534		2589—1527	1880—1681
Бейджесултан	3896—3370		1960—1543	
Арслантепе		3771—2468	2470—1435	1868—1106
Пулур		3499—2460	3370—2280	
Демирчи		3334—2281	1857—1433	
Аладжа		3012—2787	3371—2038	
Гедикли		2921—2667	2577—2137	
Караташ		2878—2583	2922—2589	
Амук		3644—3387		
Алишар		3618—2910		
Хассек		3332—2922		
Бешик-Ясс		2923—2706		
Аджемхейюк			2037—1629	
Богазкей				2013—1644

тремя датами — Аладжа III, гор. 5, Пулур 8 и 5. Даты по Пулуру вообще невыразительны, важнее ранняя датировка Аладжи III.

Следующая группа дат (3000—2600 гг. до н.э.) также выглядит неожиданно ранней с пиком на 2800 г. до н.э. Она образована шестью датами из Караташа, второй датой из Аладжи III, гор. 5 и тремя датами по Пулуру — 8, 6 и 5. Данная часть кривой демонстрирует значительное сходство с кривой РБВ. Даже количественные пики на 2800 гг. до н.э. совпадают. Эту ситуацию создает в основном серия дат из поселения Караташ времени ЕВА 2, прекрасно согласующихся между собой: P–920 2922—2784; P—923 2915—2701; P—917 2912—2701; P—921 2881—2608; P—918 2878—2591; P—919 2877—2589 до н.э.

Именно эта серия выглядит наибольшим диссонансом с нашими представлениями о хронологических рамках СБВ, зато она хорошо согласуется с периодом ЕВА 2. Удовлетворительное объяснение этому дать пока трудно; как сказано выше, время ЕВА 2 относится нами к периоду РБВ. (Имеются и исключения, например в Тарсе, где эти слои синхронны с ЕВА 3 в Сирии (Mellaart J., 1981, fig. 202) и поэтому относятся к СБВ). Основанием для отнесения группы дат из Караташа к СБВ послужило то, что инвентарь из погребений некрополя, одновременного в основном поселенческим слоям времени ЕВА 2 (Mellink M., 1985), имеет неоспоримые, на наш взгляд, аналогии в царском некрополе Аладжи III, Трои II—V — опорных памятниках начала СБВ. Возможно, что хронологическое соответствие поселенческих слоев ЕВА 2 и интересующих нас погребений с вещами типа Аладжи III не столь полное, как пишет Меллинк, и они в действительности раньше погребальных комплексов. Тогда данная серия из шести дат будет отнесена нами к периоду РБВ. Однако в настоящее время этот вопрос не может быть решен.

Третья группа дат СБВ относится к 2600—2000 гг. до н.э. Сюда входят даты из Афродизия II, IV, I, C; Арслантепе VID, Гедикли, Аджемхейюка III, Аладжи II гор. 4 — т.е. классических комплексов времени ЕВА 3 и Кюльтепе.

Четвертая группа, наиболее поздняя, охватывает время 2000—1500 гг. до н.э. с резко выраженным пиком на 1700—1600 гг. до н.э. Она состоит из дат по Коруджу H, Демирчи, Арслантепе V, Афродизия I, C, B. Все они относятся к МВА 2 европейской системы, т.е. к самому финалу СБВ. Две последние группы датировок наиболее полно

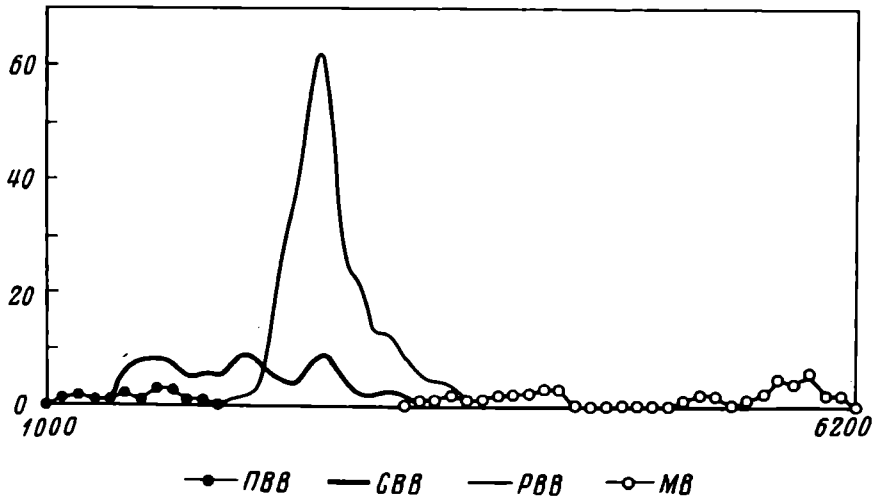


Рис. 6. Количественное распределение радиоуглеродных датировок по временно́й шкале в соответствии с историко-металлургической хронологической системой

соответствуют нашим представлениям о хронологических рамках всего периода СБВ. Интересно, что время МВА 1 не представлено в сборах вообще. Возможно, эти даты сгладили бы те зубцы фигуры распределения, которые приходятся на 1900—1700 гг. до н.э. Приведем полученные датировки периодов по этой системе (табл. 4).

Приведенные в табл. 3 и 4 хронологические границы периодов выражены в абсолютных цифрах. Была проведена компьютерная статистическая обработка этих данных по методу расчета доверительных интервалов с 68% вероятности, что позволило устранить моменты случайности, неизбежные при работе с археологическим материалом, в данном случае с радиоуглеродными датировками. После обработки хронологические рамки периодов двух систем выглядят следующим образом:

Европейская система, гг. до н.э.		Историко-металлургическая система, гг. до н.э.	
Халколит	5541—3380	МВ	5914—4093
EBA	3009—2458	РБВ	3084—2571
EBA 1	2983—2591		
EBA 2	2990—2515		
EBA 3	2431—1990		
MBA	1916—1513	СБВ	2755—1720
LBA	1826—1267	ПБВ	1826—1267

Проведенная работа позволила наглядно представить ситуацию, сложившуюся в области абсолютной хронологии памятников эпохи раннего металла Анатолии. Прежде всего нужно отметить малое количество дат, имеющихся для периодов MBA и LBA европейской системы. Недостаточно число дат и для периода СБВ историко-металлургической системы в связи с неоднозначностью их распределения во времени. Очень неравномерно представлены различные территории — основой базы данных являются датировки из Восточной Анатолии, для периода РБВ подавляющее количество данных происходит из северо-западного памятника Демирчихейюк. Это вполне закономерно, так как именно в данных регионах ведутся в последние годы наиболее интенсивные и методически достоверные раскопки. Тем не менее недостаток датировок из таких важных районов, как Центральная Анатолия и Киликия, дает себя знать в процессе сопоставлений.

Приведенное выше сравнение двух хронологических систем позволяет выявить недостатки и достоинства каждой из них. Кратко они могут быть охарактеризованы следующим образом. При большей дробности европейской системы в ней налицо несогласованность датировок халколита и ранней бронзы, а также практическое совпадение датировок по EBA 1 и 2; MBA и LBA.

Историко-металлургическая система дает значительно более четкие разграничения между периодами МВ и РБВ, РБВ и СБВ, а также СБВ и ПБВ. Зато неудовлетворительно выглядит внутреннее членение СБВ. Видимо, этот недостаток будет исправляться с постепенным накоплением новых датировок по СБВ, а также с уточнением стратиграфических позиций комплексов (таких, как поселенческие слои Караташа). Тем не менее можно констатировать, что данная система перспективна для работы по широкой «метакультурной» проблематике, которая является основной в историко-металлургическом направлении археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Долуханов П.М., Тимофеев В.И. 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.

Кавтарадзе Г.Л. 1983. К хронологии эпохи энеолита и бронзы в Грузии. Тбилиси.

Alessio M., Allegri L., Azzi C., Bella F., Calderoni G., Cortesi C., Importa S., Petroni V., 1983. C_{14} datings of Arslantepe // Origini. V. 12, 2.

Alkim H., 1983. Ikiztepe kazilari // AUBTB. V. III.

Alkim H., 1985. Ikiztepe kazisi ile ilgili arkeometrik arastirmalarin yorumu // AUBTB. V. II.

Behm-Blancke M.R., 1985. Die Ausgrabungen auf dem Hassek Höyük im Jahre 1984 // KST. V. 7.

Bilgi O., 1985. Metal objects from Ikiztepe, Turkey // Beiträge für allgemeinen und vergleichenden Archaologie. V. 6.

Caneva C., Frangipane M., Palmieri A.M., 1985. I metalli di Arslantepe nel quadro del piu antichi sviluppi della metallurgia vicina Orientale // La ricerca scientifica. N 112.

Černych E.N., 1982. Periodiesierung der Fruhmetallzeit: allgemein oder regional? // Il passagio dal Neolitico all'eta del Bronzo nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Verona.

Černych E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejsvili T.O., 1991. The Circumpontic metallurgical province as a system // East and West. V. 41.

Demircihöyuk, *1987.* Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. Bd 2. Naturwissenschaftliche Untersuchungen. Mainz am Rhein.

Easton D.F., 1976. Towards a Chronology for the Anatolian Early Bronze Age // Anatolian Studies. V. XXVI.

Esin U., 1969. Kuantatif spectral analiz yardimiyla Anadolu'da baslangicindan Asur kolonileri çagina kadar bakir ve tunç madenciligi. Istanbul.

Esin U., 1985. Tepecik ve Tulintepe kazilarina ait arkeometrik arastirmalarin arkeolojik acidan degerlendirilmesi // AUBTB. V. II.

Kiş M., Güller R., 1983. Anadolu'nun farkli bolgelerinden degisik orijinli örneklerin radiokarbon tarihlemesi // AUBTB. V. IV.

Korfmann M., 1984. Beşik-Yassitepe ve Beşik-Sivritepe 1983 on raporu // KST. V. 6.

Korucutepe. Final Report on the Excavations of the Universities of Chicago, California and Amsterdam in the Keban Reservoir, Eastern Anatolia, 1968-1970, 1978. V. 2. / Ed. M. van Loon. Amsterdam; Oxford; New-York.

Koşay H.Z., 1976. Keban Project Pulur Excavations 1968—1970 // Keban Project Publications. Ser. III. N. 1.

Lawn B., 1972. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 14 // Radiocarbon. V. 14.

Lawn B., 1973. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 15 // Radiocarbon. V. 15.

Lawn B. 1974. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 16 // Radiocarbon. V. 16.

Lawn B., 1975. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 17 // Radiicarbon. V. 17.

Lawn B., 1977. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 19 // Radiocarbon. V. 19,2.

Lloyd S., Mellart J., 1965. Beycesultan. V. II. London.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern Chronology: a Dilemma? // Antiquity. V. 53.

Mellaart J., 1981. The Prehistoric Pottery from Neolithic to the Beginning of EB IV ca. 7000—2500 B.C. // BAR. N. 98. Oxford.

Mellink M., 1964. Excavations at Karataş-Semayuk, Lycia // AJA. V. 68.

Mellink M., 1985. The Prehistoric sequence of Karataş-Semayuk // KST. V. 2.

Özbakan M., 1983. O.D.T.U. C-14 laboratuvarinda yapilan tarihlendirme sonuclari // AUBTB. V. IV.

Özbakan M., 1985. Tulintepe, Tepecik ve Ikiztepe kazilarina ait C-14 sonuclari // AUBTB. V. II.

Palmieri A., 1973. Scavi nell'area sud-Occidentale di Arslantepe // Origini. V. 7.

Palmieri A., 1978. Scavi ad Arslantepe (Malatya) // La ricerca scientifica. N. 100.

Palmieri A., 1981. Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Studies. V. 31.

Ralph E.K., Michael H.N., Han M.C., 1973. Radiocarbon Dates and Reality // MASCA Newsletter. V. 9. N. 1.
Stuckenrath R., Lawn B., 1970. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 12 // Radiocarbon. V. 12.
Stuckenrath R., Lawn B., 1971. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 13 // Radiocarbon. V. 13.
Stuckenrath R., Ralph E.K., 1965. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, 7 // Radiocarbon. V. 7.

Институт археологии РАН,
Москва

L.I. AVILOVA

THE PROBLEMS OF DATING OF THE ANATOLIAN BRONZE AGE

(on the radiocarbon chronology of the region)

S u m m a r y

The article is connected with the wide-scale investigations of the Circumpontic metallurgical province of the Early and Middle Bronze Ages carried in the Natural Sciences laboratory of the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences). The work was aimed at formation of the databank of the radiocarbon datings from the Anatolian sites of the Chalcolithic up to the Late Bronze Age in order to verify the chronological positions of each separated layer of a site and the chronological borders of each represented epoch. One of the main author's tasks is to compare two chronological systems: the first classical one based on the traditional succesion of the Mesopotamian cultural complexes beginning from Halaf, and the second one basing on the history of metallurgy. To fulfill these tasks a computer database of 253 calibrated radiocarbon datings was formed and analysed logically and statistically. The characteristics and advantages of each system are represented on the fig. 5 and 6. The author came to a conclusion that the chronological positions of the Chalcolithic and the Early Bronze Age are most reliable, but the radiocarbon chronology of the Middle and the Late Bronze Ages needs more datings to clarify their borders.

ДЖ. ДЭВИС-КИМБОЛ

КАНОНЫ ПРОПОРЦИЙ В АХЕМЕНИДСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ

Исторические сведения. В эпоху Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) персы господствовали на территории от Индии до Египта. До установления развитой системы государственного правления они были кочевым народом. Поскольку свои мастера монументальных художественных форм у них отсутствовали, персы вывозили к себе ремесленников из других стран. В правление великого царя Дария (522–486 гг. до н.э.) получил широкое развитие ахеменидский стиль скульптуры, получившей свое воплощение в рельефах на кирпиче и камне. С незначительными изменениями этот стиль сохранялся до конца ахеменидского периода (330 г. до н.э.).

О художественном стиле Ахеменидов написано много, включая дискуссии по вопросам внешних влияний на него. Настоящее исследование касается канонов пропорций, т.е. системы установления математических зависимостей между изображением различных частей человеческого тела. Теории и действительные каноны пропорций являются отражением культурного стиля. Поскольку математические формулы являются универсальным языком, пропорциональные зависимости могут рассматриваться как краткий способ определения художественного стиля.

Пропорции в искусстве. Изучив пропорции человеческой фигуры, представленные в других культурах, ученые смогли получить дополнительную информацию о художественных стилях. В Египте изображения в гробницах наносились по сетке квадратов. Исследования показали, что эта координатная сетка служила основой египетского канона пропорций (Iversen E., 1971). Пропорции изображения юношей в архаической Греции могли основываться на египетском прототипе (Guralnick E., 1973). Классические греческие тексты говорят о том, что Поликлет создал теорию и каноны пропорций, основываясь на красоте и гармонии (Panofsky E., 1955, p. 55). Арабское ученое сообщество IX–XI вв. «Братья Чистоты» придерживалось положения о том, что фундаментальную роль в космологии играет ребенок. Поэтому пропорции младенца являлись первичными пропорциями в изображении человеческой фигуры (Panofsky E., 1955).

Эти системы пропорций, основанные на эмоциональном содержании, контрастируют с византийским каноном IX в. Он представлял собой чисто технический подход к совершенному образу человека (Winfield D., 1982). Напротив, художники Ренессанса, не связанные документированными пропорциями человеческого изображения, изобрели художественую форму, связанную с универсальным законом и гармонией (Panofsky E., 1955). Даже сегодня, в XX столетии, подсознательный канон, опирающийся на пропорции «идеального» женского лица, доминирует в нашем понимании красоты.

Древние меры и их соотношения. Чтобы выяснить пропорции, нужно выполнить ряд измерений. Сами по себе они являются составной частью измерительных систем. Эти системы менялись с течением времени не только по соотношениям мер, но и по номенклатуре, используемой для определения единицы измерения. К сожалению, мы слишком мало знаем об ахеменидских системах счисления или измерения. Однако единицы мер, применявшиеся в доахеменидский период, несомненно употреблялись и в ахеменидской измерительной системе.

Номенклатура, применявшаяся в наиболее важных системах мер древности – месопотамской и египетской, включала палец, ладонь, ширину ладони и кулак. Основ-

© Дж. Дэвис-Кимбол, 1996 г.

ной единицей был локоть – расстояние от локтя до большого пальца. Несмотря на достаточную устойчивость этой номенклатуры, соотношения внутри системы варьировались между различными культурами.

В древневосточном городе-государстве III тыс. до н.э. Шумере отношение пальца к локтю было 1:30. В древневавилонский период локоть равнялся примерно 50 см, а палец 1,66 см, так что отношение пальца к локтю (30 пальцев в 1 локте) было 1:30. Несколько позже, в касситский период, длина пальца была около 3,125 см. Локоть, содержавший 24 пальца, равнялся 75 см. В поздневавилонский период 50-сантиметровый локоть был равен 24 пальцам, в то время как длина пальца равнялась 2,08 см (Powell M.A., 1971).

В Египте основная система мер, относящаяся к додинастическому периоду, основывалась на малом локте. В некоторых гробницах изображения рисовались по координатной сетке. Сторона одного квадрата этой сетки равнялась кулаку изображения; 4–1/5 кулака соответствовали одному локтю. Высота фигуры, определенная «от линии волос до подошвы ног», определялась в 18 кулаков. Эти пропорции известны как «ранний канон 18 квадратов». Начиная с XXV династии и до конца I тыс. до н.э. размер сетки был изменен так, что художники пользовались «каноном 21 квадрата» (Iversen E., 1971). Несмотря на использование дополнительных координатных сеток, на изображениях встречались лишь самые незначительные изменения пропорций. Таким образом, модификации системы измерений не были связаны с трансформацией художественной эстетики.

В ахеменидских надписях обнаружены только две линейные меры – локоть и ширина пальца. Однако измерение ахеменидских кирпичей показывает, что локоть мог равняться примерно 51 см (Dieulafoy M., 1884; 1893; De Mecquenem R., 1947). Кроме того, в некоторых архитектурных элементах Персеполя, связанного с именем Дария I, обнаружено соотношение 6:4:1 (Roaf M., 1983). Преемственность измерительных систем в течение ряда следующих друг за другом столетий очевидна, поскольку в математических текстах сасанидского периода встречаются такие меры, как палец, ладонь, равная 4 пальцам, и локоть из 24 пальцев.

Определение пропорций на ахеменидских барельефах

Методика. Среди нескольких разработанных нами методов для изучения пропорций на ахеменидских изображениях основным являлась фотограммометрия – процесс измерения изображений по фотографиям, адаптированный к специфическим требованиям научного изучения барельефов.

Были отобраны опубликованные фотографии с самым четким изображением рельефов из Суз и Бехистуна, Персеполя – сцены приношения даров, рельеф сокровищницы, сцены из дворца Дария, рельефы с царем на троне, а также из семи гробниц в Накш-и Рустам и Персеполе (Azarpay G.; Schmidt E., 1953; 1970).

Были подготовлены новые фотографии каждого рельефа. Поскольку некоторые важные сцены, например на рельефе Бехистуна, были наклонными и/или скошенными (рис. 1), мы выпрямили изображения так, чтобы они передавали истинные пропорции (рис. 2). Каждая группа изображений (субмонумент) получила свой номер, которым она обозначалась в предполагаемой хронологической колонке истории Ахеменидской империи. Эта колонка показана в табл. 1 и 2, где Бехистунский рельеф имеет, например, № 2а.

Разработанная нами кодированная система идентификации позволяет по одежде и позе выделить мидийцев и персов, а также различные социальные группы, такие как знать, стражи, носильщики даров (данники?) или слуги. Чтобы включить в исследование рельеф сокровищницы (рис. 3), где изображены сидящий царь, великий визирь и склонившийся перед царем вельможа, нами использована специальная формула для вычисления их высоты в положении стоя. Каждому типу изображений присвоен свой идентификационный код.

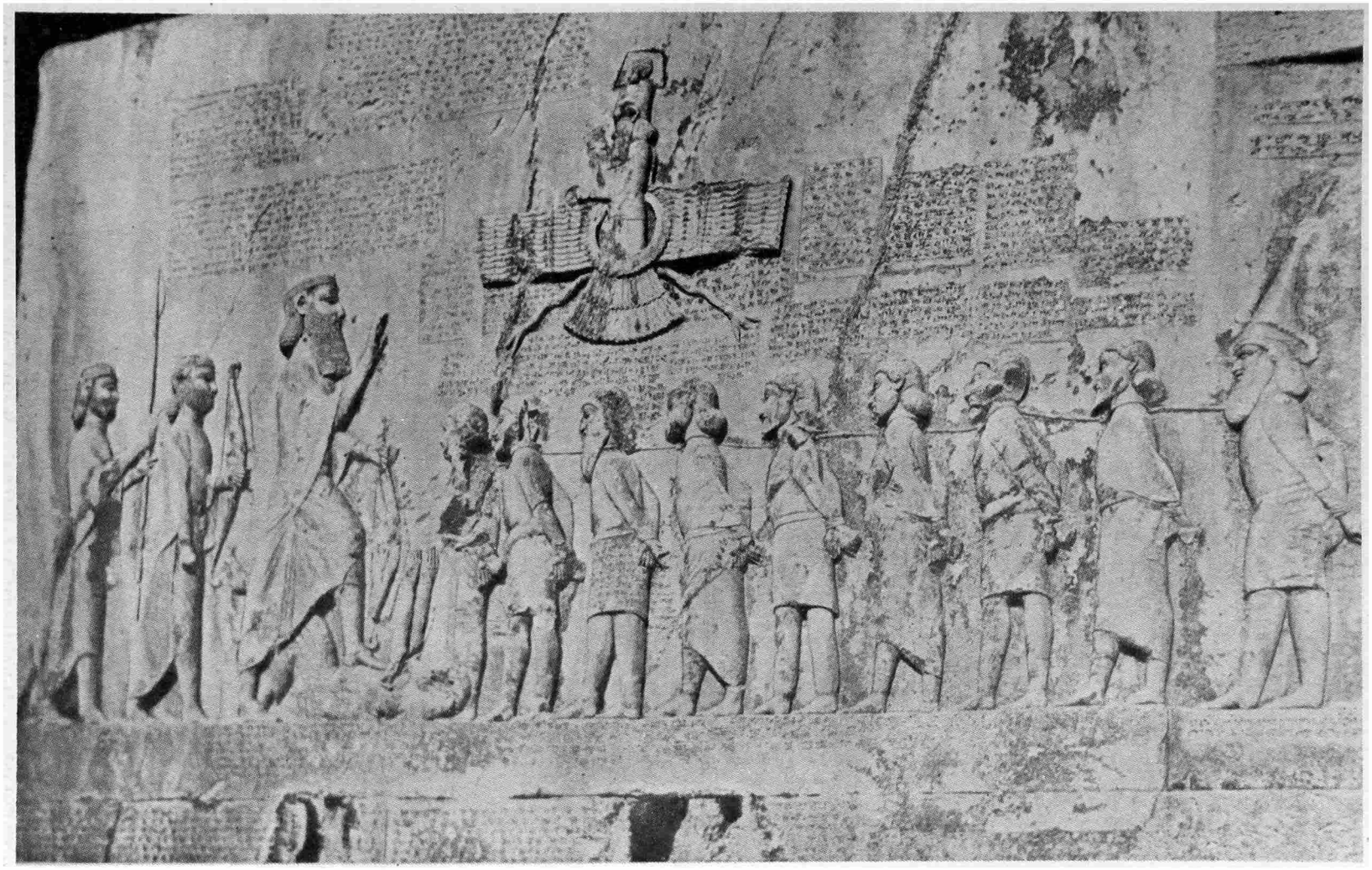


Рис. 1. Бехистунский рельеф (по Laschey H., 1968).

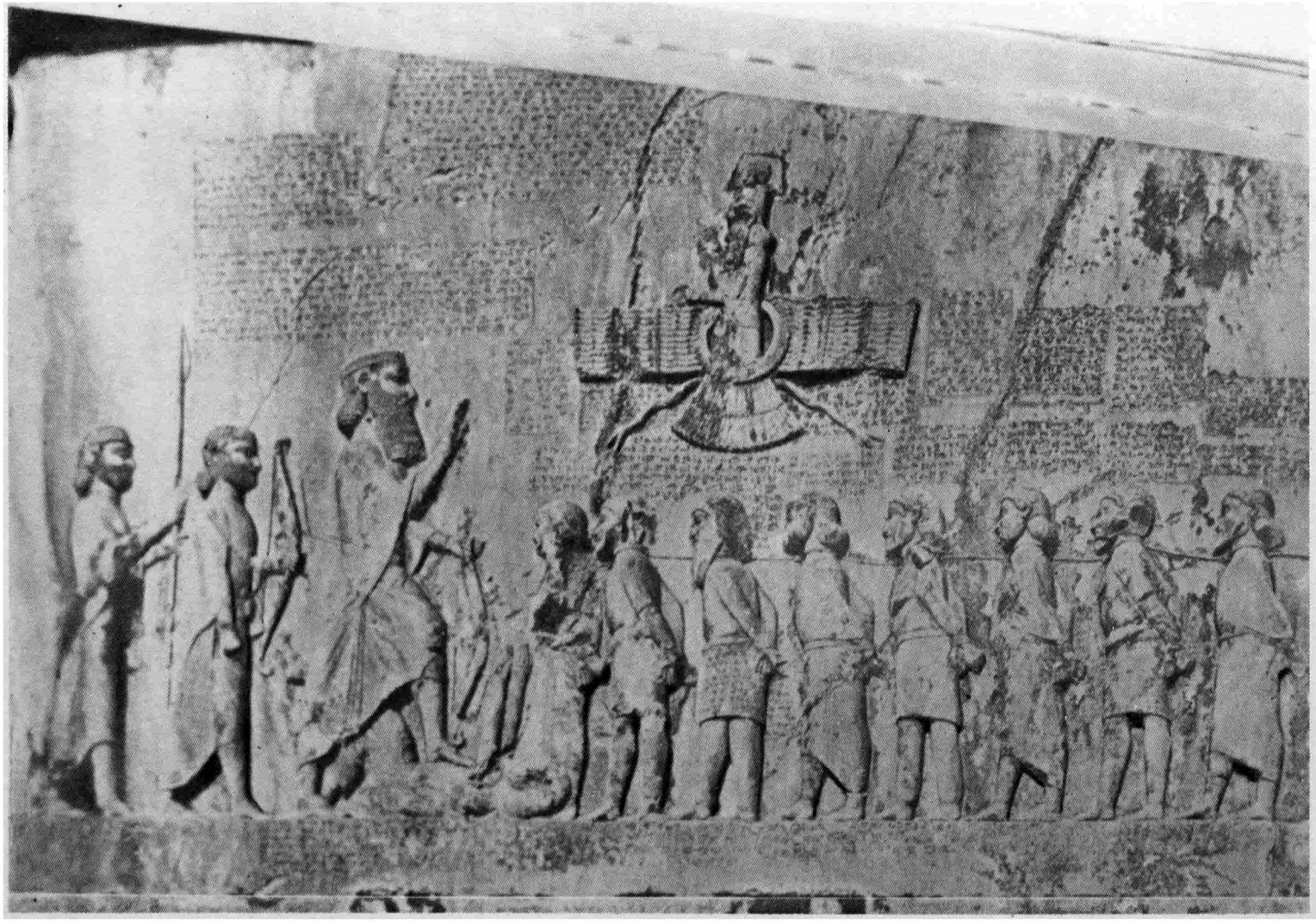


Рис. 2. Бехистунский рельф выпрямленный

Таблица 1

Хронологическое распределение субмонументов

№ п.п.		Царь, местонахождение изображения
I		Кир (559–530)
	1 a	Пасаргады
II		Дарий I (522–)
	2 a	Бехистун
	3 b	Сузы
	4 c	Рельефы дворца «P» в Пасаргадах
III		Дарий II (–486)
	5 a	Ападана, северная лестница
	6 b	Ападана, северная, западная лестницы
	7 c	Ападана, восточная лестница
	8 d	Рельеф сокровищницы
	9 e	Гробница I
	10 f	Дворец Дария, главный зал
IV		Ксеркс I (486–)
	5 a	Ападана, северная лестница
	6 b	Ападана, северная, западная лестницы
	7 c	Ападана, восточная лестница
	8 d	Рельеф сокровищницы
	11 e	Дворец Дария, южная лестница
	12 f	Дворец Ксеркса
	13 g	Гарем Ксеркса
	14 h	Гробница II
V		Ксеркс II (–465/64)
	15 a	Зал совета, главный зал
	16 b	Зал совета, южная лестница
	17 c	Зал совета, северная лестница
	17 d	Зал совета, северная лестница, восток
	18 e	Тронный зал (Зал ста колонн)

Координатная сетка Суз. Смонтированные на поверхности стены кирпичи сузианских лучников (рис. 4) представляют собой не только координатную сетку, но и устойчивый масштаб изображений. Эта система аналогична координатной сетке Египта. При рассмотрении единиц измерения очевидно, что сузианский мастер уделял внимание связи между соединениями кирпичей и расположением анатомических частей изображения.

Расположение лучника таково, что часть лица, не закрытая волосами и бородой, т.е. область между линией волос и основанием носа, соответствует высоте одного кирпича. Мы обозначили эту часть лица как меру brick-face (кирпич-лицо). Сжатый кулак, повернутый пальцами к зрителю, также равен высоте сузианского кирпича. Это расстояние мы назвали мерой brick-fist (кирпич-кулак)[1]. Общая высота изображения равна 17 кирпичам. Однако, поскольку на изображениях из Персеполя имеются головные уборы различной высоты, 17-й кирпич не может быть включен в подсчеты пропорций. Поэтому в данном исследовании за высоту сузианского лучника принимается 16 кирпичей. При этом отношение высоты к brick-face или brick-fist равняется 1:16. Числовые пропорции частей тела сузианских лучников приведен в табл. 3 и в графической форме – на рис. 5. Высокая точность компаратора показыва-

[1] Далее везде по тексту оба обозначения даются на языке оригинала.

Таблица 2

Хронологическое распределение субмонументов

№ п.п.		Царь, местонахождение изображения
VI		Артаксеркс I (465/64–425)
	16 a	Зал совета, южная лестница +
	17 b	Зал совета, северная лестница +
	17 c	Зал совета, северная лестница, восток +
	18 d	Тронный зал (Зал ста колонн) +
	19 e	Ападана, «сцены замещения» на центральном фасаде
	20 f	Гробница III
	21 g	Дворец «H» Артаксеркса I
VII		Дарий II (424–404)
	22 a	Гробница IV
VIII		Артаксеркс II (404–359/58)
	23 a	Гробница V
IX		Артаксеркс III (359/58–338)
	24 a	Гробница VII
	25 b	Дворец Дария, западная лестница
	26 c	Дворец Артаксеркса III
	27 d	Дворец «H» Артаксеркса III
X		Дарий III
	28 a	Гробница VI
XI	29	Рельефы, не имеющие атрибуции

ет, что у сузианских лучников среднее соотношение высоты к brick-face составляет 1:16,09, а к brick-fist – 1:16,73.

Однако из-за некоторых факторов, включая неточность абсолютной хронологии и различие используемых материалов (кирпич и камень), сузианский канон пропорций не является представительным для раннеахеменидского периода. Скорее его ценность заключается в том, что его можно использовать как основу для сравнения или противопоставления пропорциям ахеменидских изображений, вырезанных на камне.

Измеряемые единицы. Следующей стадией было определение тех частей, которые мы должны были измерить на каждом изображении. Руководствуясь информацией древних метрологических текстов и данными, полученными при анализе рельефов сузианских лучников, мы выбрали для измерения 41 часть тела и одежды. В основную группу, названную «первичными мерами», вошли те, с которыми соотносились впоследствии все другие части тела или одежды, названные «вторичными мерами». Пять первичных мер – это: a – высота; b – brick-face; c – brick-fist и две меры, эквивалентные локтю, d – от локтя до кончика большого пальца (когда кулак сжат) – ETT, e – от локтя до кончика среднего пальца (когда ладонь разжата) – MFF. Высоту определяли как расстояние от корней волос до подошвы ступней. Brick-face – это часть лица от корней волос до основания носа, а brick-fist включает большой палец и остальную часть кисти с пальцами, обращенными к зрителю.

Данные расчетов. С использованием компаратора, измеряющее устройство которого имеет точность до 0,1 мм, и фотографий, помещенных на световой стол, измерены выделенные единицы и полученные данные введены в компьютерную таблицу. Затем была составлена вторая таблица, которая могла автоматически дать результат соотнесения первичных измерений ко вторичным. Каждое такое отношение является пропорциональным.

Матрицы. После установления всех пропорциональных соотношений данные по

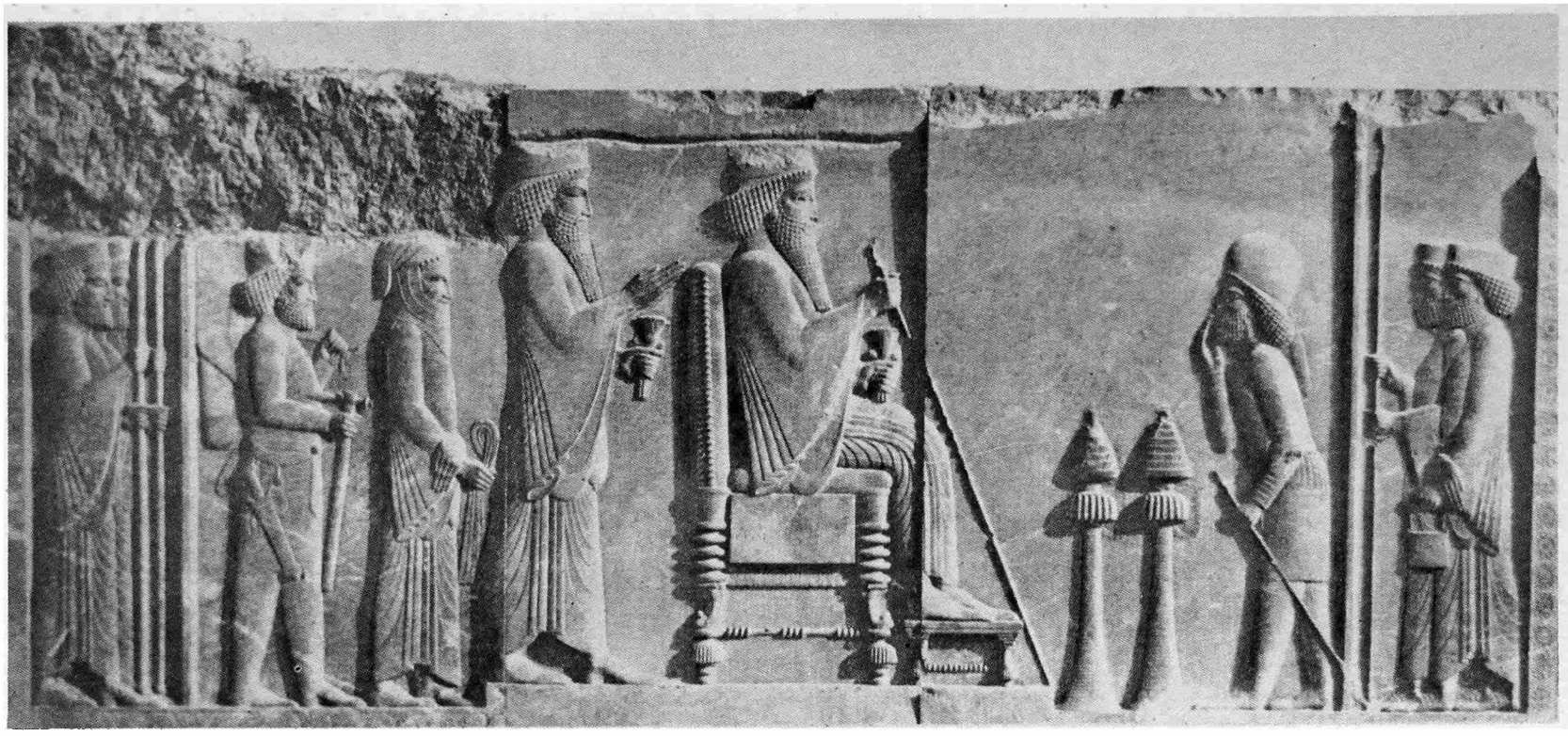


Рис. 3. Рельеф сокровищницы, Персеполь

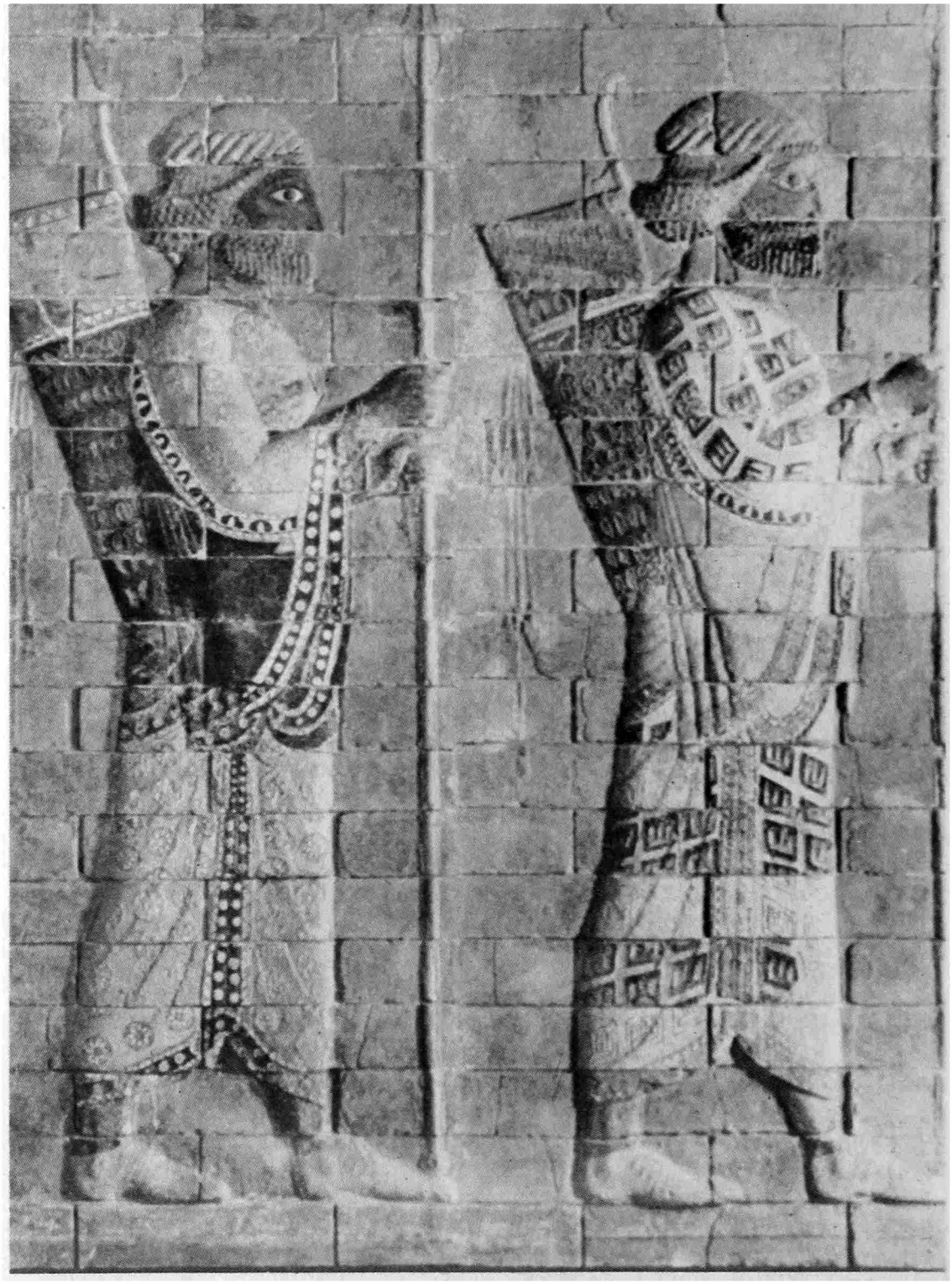


Рис. 4. Лучники, Сузы

изображениям каждого субмонумента были введены в матрицу. Средние значения, стандартные отклонения и итог подсчитаны на компьютере для каждой использованной группы данных. Манипулируя данными матрицы, мы теперь могли бы сравнить и противопоставить пропорции кода каждого типа изображений внутри субмонумента и между субмонументами.

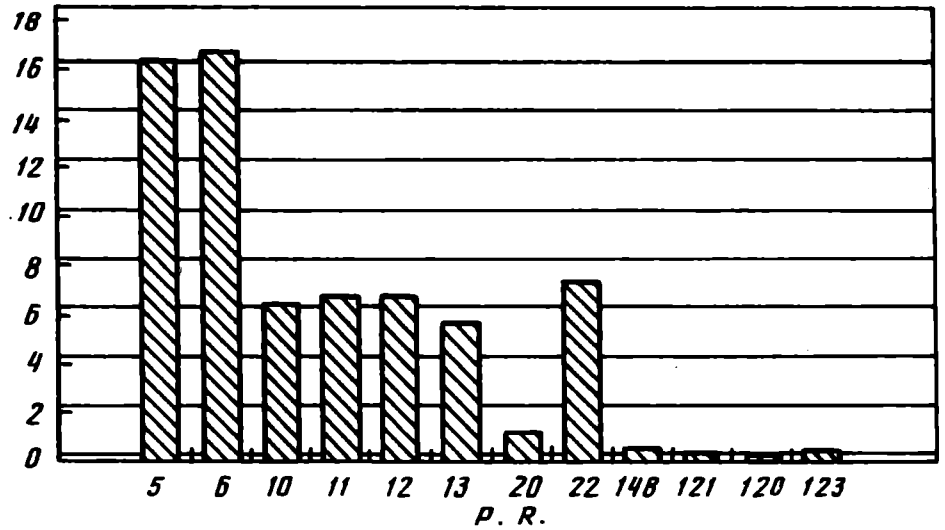


Рис. 5. Средние пропорциональные соотношения фигур сузианских лучников

Статистическая проверка

Введение. Поскольку Ахемениды повторяли одну и ту же сцену с одними и теми же образами, мы смогли разработать достаточно большую базу данных, чтобы провести статистическую проверку. Опираясь на нее, мы выяснили, насколько данные подтверждают гипотезу о том, что каноны пропорций могут быть установлены по метрическим соотношениям. Например, статистическая проверка отвечала на такие вопросы, как: согласуются ли данные, какие четкие соотношения они содержат и демонстрируют ли данные достаточно четкую во времени традицию. Из ответов на эти вопросы можно сделать дополнительные выводы о типах изображений, включая царя, концепции царской власти и об ахеменидской общественной структуре.

Анализ расхождений. Чтобы проверить гипотезу о том, что пропорциональные отношения гораздо ближе внутри групп субмонументов, мы прибегли к анализу по F-проверке расхождения, опираясь на 20 пропорциональных соотношений из восьми субмо-

Таблица 3

Пропорциональные соотношения фигур сузианских лучников

	Соотношение	GH190	POR42	AVE	ST
5	Высота: brick-face	15.83	16.43	16.09	.25
6	Высота: brick-fist	16.76	16.70	17.73	.03
10	Высота: нога, стоящая впереди	6.36	6.68	6.52	.16
11	Высота: нога, стоящая сзади	6.79	6.83	6.81	.02
12	Высота: ширина головы	7.02	6.53	6.78	.24
13	Высота: ширина профиля	5.70	5.78	5.74	.04
20*	Высота: Sh до пола	1.16	1.15	1.16	.01
22*	Высота: Rt/ns-btm/sl	7.13	7.44	7.28	.04
148	Высота: Rt/ns-btm sl	.50	.50	.50	.00
121*	Sh to btm sl: высота	.43	.43	.43	.00
120	Btm/sk до пола : высота	.16	.15	.15	.00
123	Btm/slv-fl : высота	.43	.44	.43	.00

*20+149; *22+146

*121 соответствует 147

Примечание. Измерения и расчеты проведены с использованием компаратора и компьютера.

нументов. Проверка выявила процент встречаемости каждого пропорционального соотношения, если они располагались в случайной выборке. Частота встречаемости определяет, какие соотношения являются достаточно значимыми, какие – средне значимыми, а какие не имеют значения в плане определения развития канона пропорций. В результате мы можем выявить те соотношения, которые играют важную роль, те, которые имели только небольшое влияние, и отбросить те, которые не имели значения для художественного стиля ахеменидов.

Результаты анализа по F-проверке расхождения показывают, что изображения восьми субмонументов имеют три пика, которые почти никогда не встречаются в случайной выборке данных. Поэтому каждое возрастание было значимо отличным и имело очень важное значение для формирования различных канонов пропорций. Такими пиками являются: (5) высота: brick-face; (6) высота: brick-fist; (126) расстояние от пояса до пола: рама.

Шесть дополнительных соотношений, не очень значимых, также были важны для создания канона. Это: (12) ширина головы; (13) ширина профиля; (119) расстояние от низа пояса до пола; (123) расстояние от конца рукава до пола (на изображениях персов); (134) расстояние от низа пояса до конца туники (изображения мидийцев); (135) расстояние от туники до пола (изображения мидийцев).

Оставшиеся 11 соотношений данных, имея высокую вероятность встречаемости в случайных выборках, не были существенными для сложения канона.

Сравнивая и противопоставляя образы восьми субмонументов, мы замечаем, что на двух субмонументах они отличаются от систем, использовавшихся на других пяти. Во-первых, образы со «сцены замещения» в Ападане больше совпадают с датированными еще более ранним временем, чем с более поздними. Во-вторых, анатомические пропорции изображений западной лестницы дворца Дария не имеют заметных отличий от других групп.

Ранговый тест копьеносцев. Этот тест определяет два фактора. Во-первых, тенденцию в изменениях пропорций с течением времени и во-вторых, если такая тенденция существует, то какого типа – колеблющаяся вверх или вниз? Для проведения этого теста мы использовали основную совокупность данных – матрицу, содержащую 17 пропорциональных соотношений по всем измеренным изображениям. Результаты теста (Rho) показывают, что восемь измерений имеют во времени нисходящую тенденцию. Три из них: (5) brick-face, (6) brick-fist и (12) ширина головы – имеют очень значимую тенденцию, в то время как пять: (13) ширина профиля, (17) расстояние от локтя до кончика большого пальца, (121) расстояние от плеча до конца рукава, (120) расстояние от низа одежды до пола, (121) расстояние от плеча до конца рукава – имеют несколько менее значительную тенденцию, так же как и (123) расстояние от конца рукава до пола. Определив, что пропорциональные соотношения имеют нисходящую тенденцию во времени, мы подтвердили тот факт, что лица изображений постепенно становятся все крупнее по отношению к их высоте, а их тела изображаются все короче и приземистее.

Возможная оценка данных

Введение. Сцены приношения дани, в которых участвуют мидийцы и персы (рис. 6), составляющие царскую свиту или выступающие в роли слуг или стражников, наиболее многочисленны среди ахеменидских изображений. Измеряя их, мы установили, что изображения, относящиеся к одной социальной группе, отличаются от изображений других социальных классов пропорциями лица. Например, знать из царской свиты имеет большее brick-face, чем данники. Более того, у первой группы увеличение размеров brick-face меньше, чем у изображений царей и важнейших персонажей. Более того, стало очевидным, что на царских сценах (рис. 3) увеличение brick-face царя и его великого визиря обычно пропорционально больше, чем у изображений царских слуг.

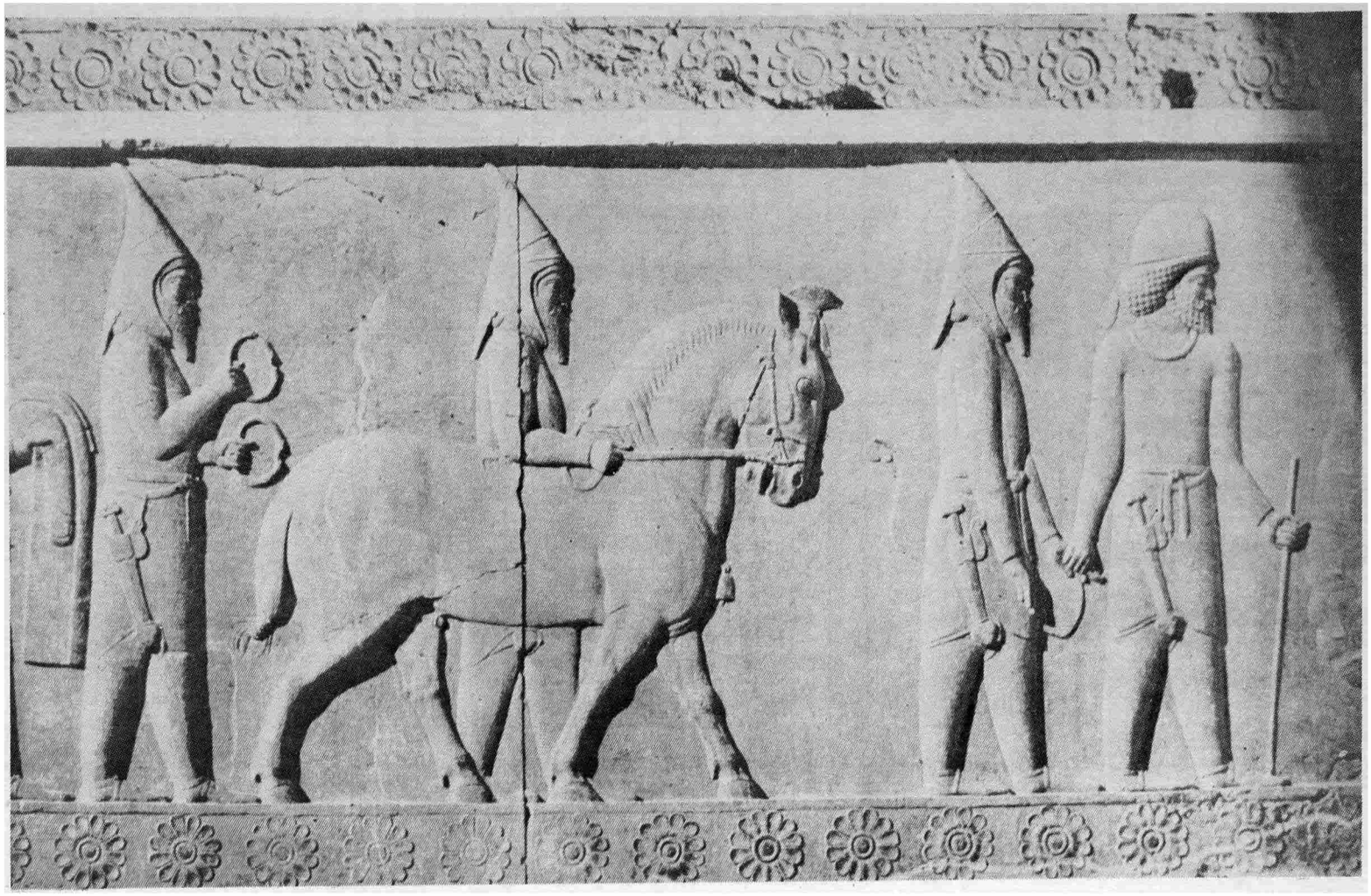


Рис. 6. Сцена с данниками, группа «Саков Тиграхауда», Персеполь

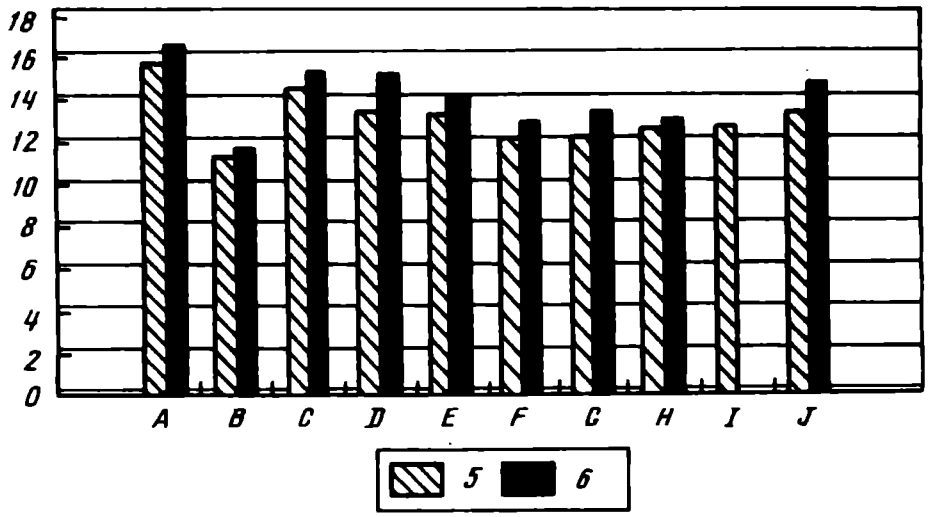


Рис. 7. Средние величины brick-face (5) и brick-fist (6) на изображениях знати и стражников

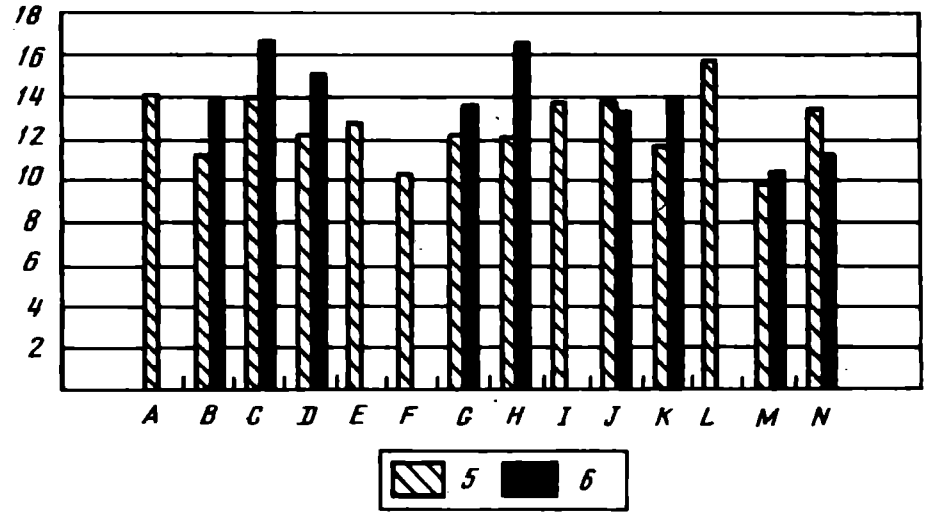


Рис. 8. Цари. Соотношения brick-face (5) и brick-fist (6)

По изображениям знати мы смогли получить большое количество данных, выявив таким образом и ошибки скульптора. Каждое изображение царя на субмонументе обладает только одним битом информации по каждому пропорциональному отношению. Тем не менее мы сочли, что царское изображение представляет слишком важную персону и как главный художник, так и скульпторы должны были быть чрезвычайно аккуратны в исполнении рисунка и его скульптурном воплощении. Затем мы пришли к заключению, что главное действующее лицо сцены должно было быть изображено пропорционально, чтобы выразить концепцию царя и царской власти.

Чтобы изучить различные ветви возрастающих различий между социальными группами, мы выделили специфические данные по дискретным группам субмонументов, поместив их в индивидуальные матрицы. Каждая матрица первой группы содержала данные о царе и его слугах на одной композиции. Вторая группа матриц – средние значения по изображениям знати с девяти субмонументов (включая сузианских лучников) с рельефов без изображений царя. В табл. 4 представлен список средних размеров brick-face и brick-fist для изображений знати этих субмонументов. Графическое изображение этих данных приведено на рис. 7, где даны средние величины

Таблица 4

Средние соотношения brick-face (5) и brick-fist (6) в изображениях знати и стражи в Персеполе

Субмонумент	Код	Ave (5)	Ave (6)
Лучник, Сузы	A	15.83	16.73
Северная Ападана «Миниатюры»	B	11.43	11.83
Знать	C	14.67	15.49
Восточная Ападана			
Знать	D	13.44	15.43
«Миниатюры»	E	13.23	14.24
Зал совета			
Южная лестница	F	12.25	13
Северная лестница	G	12.28	13.56
Ападана, «сцена замещения»	H	12.68	13.04
Западная лестница дворца Дария			
Слуги	I	12.87	
Знать	J	13.45	14.99

brick-face и brick-fist у знати и стражников. Данные по изображениям Восточной Ападаны были определены по функциональному признаку, т.е. знатный человек, сузианский лучник (носящий повязку), приносящие дары (данники?) и церемоний-мейстер (ведущий приносящих дары). Во всех группах исходные данные включают пропорциональные соотношения 10 анатомических единиц, увеличений изображений частей костюма пяти персов и пяти мидийцев.

Беглый анализ вновь созданных матриц выявил несколько интересных фактов. Во-первых, может существовать, хотя и не всегда, значительное несоответствие между ними по возрастаниям в данный период времени. Например, возрастание кирпич-лица и кирпич-кулака на изображениях слуг в фигурах гробницы 3 одинаковы, в то время как те же измерения в гробнице 7 различаются более чем вдвое. Во-вторых, возрастание brick-face и brick-fist персепольских изображений меньше (в трех случаях в 5 раз), чем у сузианских лучников. Следовательно, торсы знатных персон пропорционально длиннее, чем торсы царей. Более того, у каждого изображения существует фиксированное соотношение между возрастанием brick-face и brick-fist.

В следующих двух разделах мы противопоставляем и сравниваем сначала пропорции изображений знати, а затем царей и их слуг.

Возможная оценка данных: знать и стража. Используя сузианских лучников как эталон, мы проанализировали и сравнили средние значения пропорций изображений знати и стражников на восьми субмонументах (табл. 4). Сначала мы сравнили миниатюры Северной и Восточной Ападаны.

«Миниатюры» Ападаны. Соотношения между возрастанием brick-face и brick-fist пропорционально близки к тем, что обнаружены у сузианских лучников. Однако пропорциональная величина brick-face «миниатюр» Северной Ападаны больше на четыре, а у Восточной немного меньше, чем на три единицы увеличена по сравнению с сузианскими лучниками. Соотношение высоты:ETT:ширины около 1:3:6. Это не соответствует архитектурному модулю Персеполя – 1:4:6.

Знать Восточной Ападаны. Увеличение brick-face у этих изображений представителей знати почти такое же, как на «миниатюрах», и в 2,5 раза больше, чем у сузианских лучников. Однако здесь мы находим большие расхождения в увеличении brick-face внутри группы (стандартное расхождение равно 1,00). Такая аномалия не встречается в увеличении brick-fist. В нашей интерпретации это значит, что размер brick-face изменялся намеренно, чтобы указать на социальный статус.

Для подтверждения этой теории существенно, что имели место лишь минимальные вариации анатомических пропорций. Отношение высота:ETT:средняя ширина – 1:4:6

– у них отражает архитектурные пропорции, обнаруженные на более ранних памятниках Персеполя. При сравнении изображений Северной и Восточной Ападаны видно, что последние имеют более удлиненные пропорции.

Зал совета, южная лестница. По сравнению с сузианскими лучниками пропорциональная высота brick-face изображений знати на южной лестнице зала совета возросла более чем в 4 раза. Она также на одно увеличение больше, чем на изображениях Восточной Ападаны. Существует поразительное сходство между пропорциями изображений зала совета, южной лестницы, обеих «миниатюр» Ападаны и «сценами замещения» из Ападаны. Этот факт приводит нас к заключению, что декоративные элементы этих четырех субмонументов были созданы в пределах узкого диапазона времени. Более того, вскоре после завершения этих трех субмонументов произошли изменения в художественных пропорциях и эти пропорции на известных скульптурах никогда больше не использовались.

«Сцены замещения» из Ападаны. Хотя соотношения между увеличением brick-face и brick-fist близки к пропорциям сузианских лучников, brick-face и brick-fist на изображениях «сцен замещения» из Ападаны пропорционально несколько больше. Кроме того, эти изображения слегка менее вытянуты, чем изображения на лестницах зала совета и намного более коренасты, чем изображения Восточной Ападаны. Их пропорции – высота:ETT:ширина – близки к архитектурному модулю 1:4:6.

Статистическая проверка показывает, что четырехкратное увеличение на изображениях «сцен замещения» из Ападаны уникально для всех средних значений на изображениях. Более того, увеличение brick-face и brick-fist очень отличаются от других изображений Ападаны. Это говорит о том, что «сцены» были вырезаны во время, отдаленное от царствования как Дария, так и Ксеркса.

Дворец Дария, западная лестница. Хотя две трети изображений представляют слуг и только треть – знать, мы не нашли значительной разницы между группами. По-видимому, это указывает на то, что слуги составляли в действительности часть общественного слоя знати. На этих изображениях пропорции brick-face на три четверти единицы увеличения больше, чем на изображениях знати «сцен замещения» в Ападане, в то время как пропорции brick-fist больше на 1,5 единицы. Пропорции «миниатюр» Северной Ападаны очень близки к этим. Однако замечено одно важное отклонение в стилизации изображений западной лестницы – нижняя часть их торса очень сжата. В результате изображения становятся более короткими и приземистыми, что указывает на то, что они были сделаны в довольно позднее время ахеменидского периода.

Зал совета, северная лестница. Средняя величина brick-face изображений знати северной лестницы зала совета на 0,5 единицы больше, чем на южной лестнице. Пропорции изображений северной лестницы показывают, что они коротки и имеют мало общего с изображениями Ападаны. Из-за отсутствия сходства северная лестница зала совета, вероятно, значительно отстоит от рассмотренных выше субмонументов.

Выводы: знать и стража. В изображениях социальных групп в Ападане («миниатюры», знать царской свиты, церемониймейстеры и данники) мы встречаем отклонения в средних величинах brick-face и brick-fist. Мы можем предположить, что эти отклонения связаны по крайней мере с двумя явлениями: 1) размеры лица являются показателем иерархического порядка социальных слоев и/или 2) части фасада Ападаны были созданы в течение определенного периода времени, во время которого произошли изменения в каноне.

Исходя как из соотношений анатомических пропорций, так и из статистических наблюдений, мы могли бы прийти к выводу о том, что социальные слои указываются для различных изображений знати, за исключением изображений на «миниатюрах», которые были воспроизведены на лестнице Ападаны в более поздний период.

Хотя плечи, талии и т.д. у всех групп изображений одного субмонумента находятся на одном уровне, деление пространства между субмонументами беспорядочно. Это указывает на то, что условие, используемое для расположения анатомических со-

Таблица 5

Соотношение brick-face (5) и brick-fist (6) в изображениях царей

Местонахождение изображений царя	Код	(5)	(6)
Пасагарды	A	14.29	
Бехистун	B	11.44	14.21
Рельеф Сокровищницы	C	14.50	16.84
Гробница 1	D	12.53	15.21
Дворец Дария, Главный зал	E	12.97	
Дворец Ксеркса	F	10.56	
Гробница 2	G	12.50	13.89
Тронный зал	H	12.51	16.95
Тронный зал	I	14.10	
Гробница 3	J	13.90	13.37
Гробница 4	K	11.75	14.46
Гробница 5	L	16.08	
Гробница 6	M	9.93	10.64
Гробница 7	N	13.50	11.33

членений на определенном уровне, может быть измерено при использовании такой единицы измерения, как, например, brick-fist. Следовательно, x – количество brick-fist являлось расстоянием между подошвами ног и талией. У изображений каждого из восьми субмонументов, имеющих достаточно данных для статистической обработки, каноны пропорций различны. Ни одно из них не имело пропорций, сходных с пропорциями сузианских лучников. «Миниатюры» Северной и Южной Ападаны более похожи между собой, чем с соответствующими им изображениями ападанской знати. Возрастания brick-face и brick-fist у изображений знати Восточной Ападаны более дисперсны, чем у любой другой группы.

Если мы следуем принятой нами хронологии, у изображений этих субмонументов пропорциональное возрастание brick-face и brick-fist увеличивается со временем. Есть два исключения: «сцены замещения» из Ападаны и западная лестница дворца Дария. Это может указывать на то, что эти два памятника были созданы раньше, чем считалось ранее.

Поскольку не существует согласующегося соотношения между brick-fist, предплечьем (или локтем, до кончика большого пальца) на каком-нибудь из субмонументов, представляется маловероятным, что соотношение 1:4:6 (высота:локоть:кулак) имело значение для формулирования художественного стиля Ахеменидов.

Возможная оценка данных – цари, «очень важные лица» и слуги. Ниже анализируются и сравниваются изображения царей, важных лиц и слуг в сценах с царями на рельефах в царских дворцах и гробницах. Хотя изучаемые данные гораздо обширнее, чем представлено здесь (табл. 5), соотношение увеличения brick-face (5) и brick-fist (6) демонстрирует данные, присущие фигурам каждого из 14 царей. Эти данные в виде графика представлены на рис. 8. Все они расположены в том же порядке, как и на табл. 5.

Бехистунский рельеф. Измерения Бехистунского рельефа были сделаны по выпрямленной фотографии (рис. 2) и оттиску, хранящемуся в Музее Келси Мичиганского университета. Этот рельеф считается самым ранним из оставленных Дарием, и для ахеменидской скульптуры он уникален стилистически. Кроме того, на нем обнаружен ряд пропорциональных соотношений, не встречающихся на более поздних рельефах. Например, не только лицо царя пропорционально больше, чем на любом другом царском изображении времени правления Дария, но и вся фигура более приземиста,

чем на других его рельефах. В результате анатомические пропорции не достигают среднего для более поздних рельефов Дария соотношения 1:4:6.

Соотношение между бехистунскими изображениями царя и слуг также уникально, поскольку brick-face у слуг на 3 увеличения меньше, чем у царя. Более того, они примерно на единицу меньше, чем у изображений знати в Ападане. Другие пропорции тела и одежды еще раз подтверждают своеобразие канона пропорций Бехистунских рельефов.

Иерархические системы в ахеменидской скульптуре

Рельеф сокровищницы. В дополнение к двум иерархическим системам, описанным выше, на рельефе сокровищницы (рис. 3) обнаружено дальнейшее их усложнение. На табл. 6 приводятся средние значения для изображений важнейших персонажей. Графическое выражение этих данных дается на рис. 9. Как и выше, среднее увеличение brick-face оруженосца и стража примерно на единицу меньше, чем у царя. Соотношение brick-face великого визиря и наследного принца, напротив, пропорционально равны царскому. Однако brick-face великого визиря на 33% меньше, чем у царя, и на 16% меньше, чем у принца. Поскольку лица царя и принца расположены в одном плане, то на первый взгляд кажется, что они одинаковы. Однако соотношение лица и общей высоты у фигуры царя на 16% больше, чем у принца. Все другие изображения сцены на 33% меньше по высоте, чем фигура царя. Соотношение высот шести основных фигур рельефа сокровищницы приведены в табл. 7.

В результате этих сравнений становится очевидным, что на рельефе сокровищницы использовались четыре различных пропорциональных размера brick-face и, вероятно, были изображены четыре иерархические социальные группы.

Пропорциональное соотношение – высота:ETT:ширина – на рельефе сокровищницы равняется 1:4:6. Оно, как и другие соотношения, показывает, что рельеф был задуман и, скорее всего, выполнен при Дарии. Однако работа над рельефом, вероятно, была завершена в конце его царствования, когда был уже выработан новый канон пропорций.

Гробница 1 (рис. 10). Оценив данные, мы нашли, что в добавление к очевидной иерархической системе, когда самой высокой является фигура царя, рельефам присущи и другие иерархические системы. В рельефе гробницы 1 мы обнаружили, что пропорции у кирпич-лица царя на 3,5 увеличений больше, чем у сопровождающих его знатных персон, и, как результат, его лицо также пропорционально больше, чем у знати. Позже мы обнаружили, что, за двумя исключениями (царские изображения в гробницах 3 и 7), это постоянная практика при изображении царя и его слуг.

Дворец Дария – царь и его приближенные. На рельефах, вырезанных на дверных косяках дворца Дария, изображены царь, его приближенные и слуги. Brick-face всех изображений пропорционально одинаковы, хотя они примерно на 1,5 единицы больше, чем фигуры рельефа сокровищницы, и на 2/3 единицы больше, чем у царя в гробнице 1. Кроме того, другие пропорции частей тела показывают, что соотношение 1:4:6

Таблица 6

Соотношения brick-face (5) и brick-fist (6) в изображениях на рельефе сокровищницы в Персеполе

Персонаж	Код		
Царь	A	14.50	16.84
Наследный принц	B	14.11	14.37
Великий визирь	C	14.77	17.09
Оруженосец	D	15.58	15.58
Стражник	E	15.16	14.92

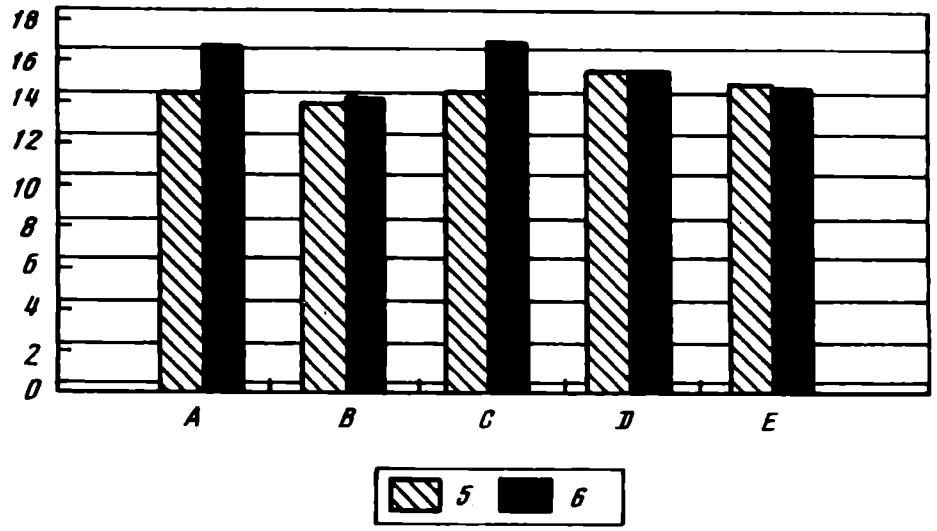


Рис. 9. Увеличение brick-face (5) и brick-fist (6) на рельефе сокровищницы

было отброшено, возможно, для преднамеренного удлинения фигуры с целью подчеркнуть атрибуты царя, героев и божеств.

Тронный зал Ксеркса. Из скульптур, связанных с именем Ксеркса, мы измерили рельефы с царем на троне, вырезанные на косяках тронного зала. На одном рельефе царь изображен с держателем опахала, а на втором – со стражами, держателем опахала и великим визирем. Эти рельефы дают важную информацию о предполагаемой иерархической системе, существовавшей после правления Дария. Оба изображения царя примерно в 1,5 раз выше других персонажей. Лицо царя почти на две единицы больше, чем у царя на рельефе сокровищницы, и на три больше, чем у держателя опахала. Можно предположить, что, увеличивая размер царских изображений в тронном зале, царь хотел подчеркнуть свою власть и положение, а также показать, что его власть была значительно больше, чем у Дария.

Представляется существенным, что на сцене с четырьмя персонажами в тронном зале великий визирь имеет самое большое по отношению к высоте лицо, реальная величина которого близка к лицу царя. Великий визирь, по-видимому, имел значительное влияние при дворе.

На рельефах тронного зала полностью отсутствовало стремление выдерживать пропорцию 6:5:1. Подчеркнутое удлинение в сочетании с крупными кирпич-лицами, кажется, должно говорить о гранях личности Ксеркса. Ахеменидская империя управлялась ныне эгоистическим и надменным царем.

Эти черты личности подчеркнуты также в содержании и расположении надписей в Ападане. Кирпичи, водруженные Ксерксом на стены Ападаны и свидетельствующие о том, что строительство начал Дарий, расположены так высоко, что их трудно прочесть. Наоборот, те надписи на лестницах Ападаны, которые доступны и могут быть прочитаны любым грамотным посетителем, утверждают, что Ападану построил

Таблица 7

Относительная высота изображений на рельефе сокровищницы

Персонажи	Соотношение
Страж : царь	1 : 1.50
Оруженосец : царь	1 : 1.50
Церемониймейстер : царь	1 : 1.48
Наследный принц : царь	1 : 1.29
Великий визирь : царь	1 : 1.46
Страж : царь	1 : 1.48

Рис. 10. Могила Дария, Накш- и Рустам (гробница 1)

Ксеркс и не упоминают вклад Дария. Более того, хотя этот пассаж можно рассматривать с иронией или сарказмом, версия Геродота о переправе Ксеркса из Азии в Европу через Геллеспонт, кажется, подразумевает, что царь полагал даже, что он способен завоевывать моря (Herod VII, 34, 35).

Дворец и гарем Ксеркса. На рельефе из дворца Ксеркса среднее значение brick-face более всего сходно с тем, что найдено на изображении царя из гробницы 6. Царь из гарема Ксеркса имел пропорции тела 1:7 (высота:ширина), что указывает на удлиненное изображение. Пропорции фигуры царя из зала совета и главного зала сходны с пропорциями изображения из гарема, хотя оно менее вытянуто. Вероятно, эти два рельефа были созданы примерно одновременно.

Царь, гробница 2. Традиционно считалось, что в гробнице 2 был погребен Ксеркс. Однако на этом изображении среднее значение brick-face на 2 увеличения больше, чем во дворце Ксеркса. Ширина головы имеет пропорцию 1:6, в то время как пропорция ширины вида сбоку ее превышает. Это изображение совершенно несопоставимо с другими царскими изображениями, рассматриваемыми как изображения Ксеркса – в его дворце, гареме, зале совета, главном и тронном залах. На основании различий в пропорциях мы были бы склонны предположить, что гробница 2 была украшена резьбой не во время царствования Ксеркса.

Цари, гробницы 3 и 7. Фигуры царей в гробницах 3 и 7 являются аномальными среди других царских изображений, поскольку, в противоположность другим пропорциям, увеличения их brick-face меньше, чем brick-fist. Brick-face в гробнице 3 очень велико, хотя тело только слегка вытянуто. Увеличение brick-face на изображении царя в гробнице 7 на две с третью единицы меньше увеличения brick-fist.

Царь, гробница 4. К сожалению, с изображения царя из гробницы 4 получено слишком мало пропорциональных соотношений. Можно только сказать, что около двух и трех четвертых единицы отличаются пропорции brick-face и brick-fist. Кроме того, внутренние соотношения хорошо привязываются к изображениям, приписываемым Ксерксу.

Царь, гробница 5. Изображение царя вытянуто, и некоторые пропорции тела сходны с пропорциями царских изображений Ксеркса. Однако расстояние между плечом и полом, длина рукава и высота подола одежды не сходны с теми, которые были обнаружены на изображениях, относимых к царствованию Ксеркса.

Царь, гробница 6. Изображение короткое и приземистое, со средним значением высоты brick-face 1:10. Однако отношение высота:ETT:brick-fist равно примерно 1:4:6.

Выводы. Анализ данных, полученных при измерении многих барельефных изображений, показывает, что каждый из ахеменидских царей требовал специфического канона пропорций для своего изображения. Более того, разные иерархические схемы использовались при изображении монарха и его слуг на одной и той же сцене. Мы можем интерпретировать эту внутреннюю иерархию как художественное представление самовыражения образа царя, а также как отражение политического и социального устройства этой эпохи.

Например, на рельефе сокровищницы Дария мы находим некоторое подобие эгалитарного общества. Хотя царь и наследный принц стоят на пьедестале, их изображения не возвышаются над слугами, как царь на рельефах тронного зала. Относительная величина brick-face у великого визиря на рельефе сокровищницы много больше, чем у слуг, и пропорционально даже немного больше, чем у царя. В результате мы могли бы предположить, что царь отдавал определенную дань уважения или почтения своему великому визирю. Наследный принц хотя и стоял иерархически выше великого визиря и слуг, имеет меньшее brick-face и пропорции высоты и, таким образом, не находится на одном уровне с царем.

Напротив, сравнительные соотношения на рельефах Ксеркса отражают, возможно, изменения в политической и социальной структуре после смерти Дария. Если прежде внутри верхних социальных слоев существовало своеобразное равенство, то теперь Ксеркс действовал как абсолютный суверен.

Соотношения высоты и brick-face разительно изменялись с течением времени. В те годы, когда Ахемениды создавали свои каноны пропорций, изображения царя были не только выше, но и пропорционально более стройными, чем фигуры знати. В более поздние царствования изображения царей пропорционально короче, с увеличенными лицами и более коренастым туловищем, чем цари или знать более ранних эпох.

Архитектурное соотношение 1:4:6 присутствует также на изображениях знати Ападаны и северной лестницы зала совета и связывает эти субмонументы с царствованиями Дария и Ксеркса. В то же время существующие пропорциональные соотношения изображений, связываемых с Ксерксом, строго говоря, отличаются от тех, которые связываются с Дарием. Пропорции несколько изменяются в течение

долгого царствования Дария и продолжают меняться, поскольку brick-face изображений царя времени Ксеркса становится значительно больше, чем у царя времени Дария. Более того, продолжается тенденция снижения пропорций изображений; они прогрессируют, становясь короче и приземистей в отношении к их brick-face.

В скульптуре и живописи Египта, архаической Греции и Византии единый канон существовал в течение больших периодов времени. В ахеменидском мире, наоборот, хотя и не было заметных изменений в стиле искусства, пропорции изображений существенно менялись. Более того, наши данные показывают, что ахеменидские цари преднамеренно различали социальные группы на изображениях, варьируя относительную величину лица между ними. По-видимому, существовало правило, что, чем значительнее была персона или ее общественное положение, тем крупнее и более доминирующим было изображение ее лица.

Представляется, что царские изображения имели увеличенное лицо из-за намерения визуально подчеркнуть величие царя и его власти. Изображения, вырезанные на камне, являлись образным выражением политической и социальной роли царя той эпохи. Преувеличенное значение царской фигуры подчеркивало могущество царя на земле и, возможно, содержало намек на власть большую, чем временная.

Такая тщательная продуманность в царских изображениях, особенно в первые десятилетия существования ахеменидской империи, показывает замечательное развитие официальной пропаганды при этой династии. Вырезанные в камне релеьфы донесли до нас представление о Великом царе и его власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Azarpay G. Proportional Guidelines in Ancient Near Eastern Art // J. Near Eastern Studies. V. 43. N 3.

De Mecquenem R., 1947. Contribution a l'etude du palais Achemenide de Suse // Mem. Mission archeol. en France. XXX.

Dieulafoy M., 1884. L'Art antique de la Perse II. Paris.

Dieulafoy M., 1893. L'Acropole de Suse d'apres les fouilles executees en 1884–86. Paris.

Guralnick E., 1973. Kouri, Canon and Man: A Computer Study of Proportions // Computer Studies in the Humanities and Verbal Behaviour, 4.

Iversen E., 1971. The Canonical Tradition / Ed. Harris J.A. The Legacy of Egypt. Oxford.

Laschey H., 1968. Studien zu den Darius Relief vor Bisutun // Archäol. Mitt. aus Iran. N.F. 1.

Panofsky E., 1955. Meaning in Visual Art, 2nd edition. New York.

Powell M.A., 1971. Sumerian Numeration and Metrology. Minneapolis.

Roaf M., 1983. Persepolitan Metrology // Iran. 1.

Schmidt E., 1953. Persepolis I, Structures, Reliefs and Inscriptions. Chicago.

Schmidt E., 1970. Persepolis III. The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970.

Winfield D., 1982. Proportion and Structure of the Human Figure in Bizantine Wall Painting and Mosaic // BAR International Series 154. Oxford.

Калифорнийский университет,
Беркли, США

J. DAVIS-KIMBALL

CANONS OF PROPORTIONS IN ACHAEMENID SCULPTURE

Summary

The study is dedicated to canons of proportions in the Achaemenid monumental art which are concerned as indicators of chronological position of the monuments and of social status of the persons depicted on them. The comparator and computer were used for the analysis. The study indicates that each Achaemenid king mandated a distinctive canon of proportions for his image. Multiple hierarchical schemes were employed when portraying a monarch and his attendants in the same tableau reflecting the existence of different social groups. Unlike the Egyptain, archaic Greek and Byzantine sculpture, in the Achaemenid art although no appreciable change occured in the style, proportions of the images dramatically changed in time.

М.А. ОЧИР-ГОРЯЕВА

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ КОЧЕВНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Наконечники стрел из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья уже неоднократно становились объектом изучения. Первую попытку определить хронологию памятников этого региона по наконечникам стрел предпринял П. Рау (Rau P., 1929). Для этого он разработал хронологическую классификацию скифских наконечников стрел. Он выделил группы стрел, характерные для разных периодов существования скифской культуры, и таким образом проследил закономерности их развития. И уже опираясь на эту схему, определил место тогда еще немногочисленных (всего 8 наборов стрел) нижневолжских комплексов по аналогии со скифскими наборами стрел.

Разработанный П.Д. Рау принцип классификации скифских наконечников был принят и еще более углублен в своде А.И. Мелюковой «Вооружение скифов» (Мелюкова А.И., 1964). Не описывая каждый тип в отдельности, исследователь пошла по пути выделения групп колчанных наборов, выявляя при этом определяющие типы наконечников стрел для каждого периода. Основным объектом исследования при таком подходе является колчанный набор — конкретное сочетание типов. В результате ею было выделено четыре хронологических периода. Сделанная с большой тщательностью классификация А.И. Мелюковой, несмотря на пересмотр хронологических границ, до сих пор не утратила своего значения.

По другому пути пошел К.Ф. Смирнов. В монографии «Вооружение савроматов» (Смирнов К.Ф., 1961, с. 31—70) наконечники стрел рассмотрены по типам. При этом решаются проблемы происхождения той или иной формы, а также выявляются аналогии ей во времени и пространстве. О закономерностях развития наконечников стрел дают представление таблицы, где по горизонтали расположены типы, а по вертикали — века (Смирнов К.Ф., 1961, табл. 2—5). Это дает наиболее полную информацию о развитии того или иного типа стрелы. Разработанные К.Ф. Смирновым таблицы хорошо показывают, что типы существуют довольно длительное время. При датировании же конкретного колчанного набора важно сочетание типов — как качественное, так и количественное. Поэтому для хронологического осмысления работа с колчанными наборами более эффективна, чем с типами стрел.

В настоящей работе объединены оба эти принципа. При описании типов я следую за К.Ф. Смирновым, акцентируя внимание на представительности каждого типа в пределах именно данной выборки, а также на других особенностях, выявляющих своеобразие этой локальной группы памятников. При хронологической разбивке я следую принципу П. Рау и А.И. Мелюковой. Была предпринята попытка выделения наборов стрел, близких по составу и по преобладающим типам. Образовавшиеся группы колчанных наборов были проанализированы. При этом удалось выявить некоторые закономерности в развитии поволжских колчанных наборов, а также отдельных типов стрел. Несомненно, вся эта работа позволила расширить информационные возможности такого вида источника, как наконечники стрел.

Изучение бронзовых наконечников стрел для памятников Нижнего Поволжья имеет решающее значение. Ведь инвентарь большинства комплексов этой культуры невыразителен или включает в себя вещи, имеющие широкий хронологический диапазон. Именно поэтому наконечники стрел зачастую являются единственной опорой для датировки отдельных комплексов.

© М.А. Очир-Горяева, 1996 г.

В работе К.Ф. Смирнова были использованы 38 комплексов с наконечниками стрел из Нижнего Поволжья, а также случайные находки. В данной работе учтены 74 колчанных набора и случайные находки из 9 местонахождений. В целом количество учтенных наконечников стрел составляет более 2000 экз. Под колчанным набором мной подразумеваются наконечники стрел из одного закрытого комплекса независимо от их количества и расположения в погребении. Это и наконечники стрел из колчанов, и отдельные стрелы, положенные в могилу. Известны случаи, когда зафиксированы наконечники стрел, находившиеся в теле погребенного (Цаган Усн-VIII, 2/2: Аксеновский-I, 12: Кривая Лука-III, 1/5).

Классификация наконечников стрел производилась по традиционному методу. Отдел определялся поперечным сечением боевой головки: тип — формой головки и местоположением втулки. Однако мной внесены некоторые изменения уточняющего характера, а также предпринята попытка более строгой унификации типов.

Первая группа признаков выделена по различию поперечного сечения боевой головки. Всего получилось четыре отдела: I — двулопастные, II — трехлопастные, III — трехгранно-трехлопастные и IV — трехгранные. Три отдела из четырех соответствуют трем аналогичным отделам классификации К.Ф. Смирнова. Четвертый отдел — трехгранно-трехлопастных наконечников стрел — выделен впервые. Это довольно многочисленный отдел наконечников стрел, у которых верхняя часть головки трехгранная, а нижняя — трехлопастная. При переходе от трехгранной головки к лопастям у них имеются ложки различных видов. В классификации А.И. Мелюковой такие стрелы рассматривались в отделе трехлопастных. К.Ф. Смирнов объединял их в один отдел с трехгранными, отмечая при этом их переходный характер. Л.К. Галанина предлагает называть их комбинированными (устное сообщение).

Вторая группа признаков соответствует формам головок наконечников стрел: 1 — сводчатая головка, 2 — треугольная, 3 — трапециевидная, 4 — лавролистная, 5 — непрофилированная, 6 — ромбически-лавролистная, 7 — ромбовидная, 8 — башневидная, 9 — узкая ланцетовидная.

Третья группа признаков включает все разновидности, связанные с расположением втулки: 1 — наконечники стрел с выступающей втулкой, 2 — базисные, с утопленной втулкой, 3 — наконечники стрел с опущенными ниже втулки лопастями, переходящими в шипы, 4 — наконечники стрел с обрезанной втулкой.

По вышеуказанным трем группам признаков все учтенные нами наконечники стрел были разделены на четыре отдела. Внутри каждого из них выделены типы наконечников по сочетанию признаков второй и третьей группы. Порядок и нумерация признаков в этой сетке классификации объясняется стремлением в первую очередь расположить наиболее распространенные типы. Например, по форме головок номера 1 и 2 — это сводчатая и треугольные в плане головки, а более редко встречающиеся башневидные идут под номером 8. Мы попытались сделать сетку классификации наиболее универсальной, чтобы она подходила для наконечников стрел не только Нижнего Поволжья, но и других регионов. Таким образом, код типа по предлагаемой системе состоит из четырех цифр: первая, римская — отдел, вторая, арабская — расположение втулки, третья, арабская — форма головки. Иногда прибавляется буквенная литера — для учета других, специально оговоренных особенностей. При этом на каждом уровне классификации нумерация признаков остается открытой.

В Нижнем Поволжье по предлагаемой системе классификации выделяется 35 типов бронзовых наконечников стрел (рис. 1—4). При распределении наконечников стрел по типам было замечено, что некоторые наконечники стрел одного типа, обладая одинаковыми морфологическими признаками, тем не менее значительно различаются. Одни из них — крупные и массивные, другие отличаются меньшими размерами и «изяществом». О сосуществовании в рамках одного типа массивных стрел и стрел более легких пропорций исследователи упоминали неоднократно (Мелюкова А.И., 1964, с. 21, 23; Смирнов К.Ф., 1961, с. 47; Полин С.В., 1984, с. 66). При этом буквально все

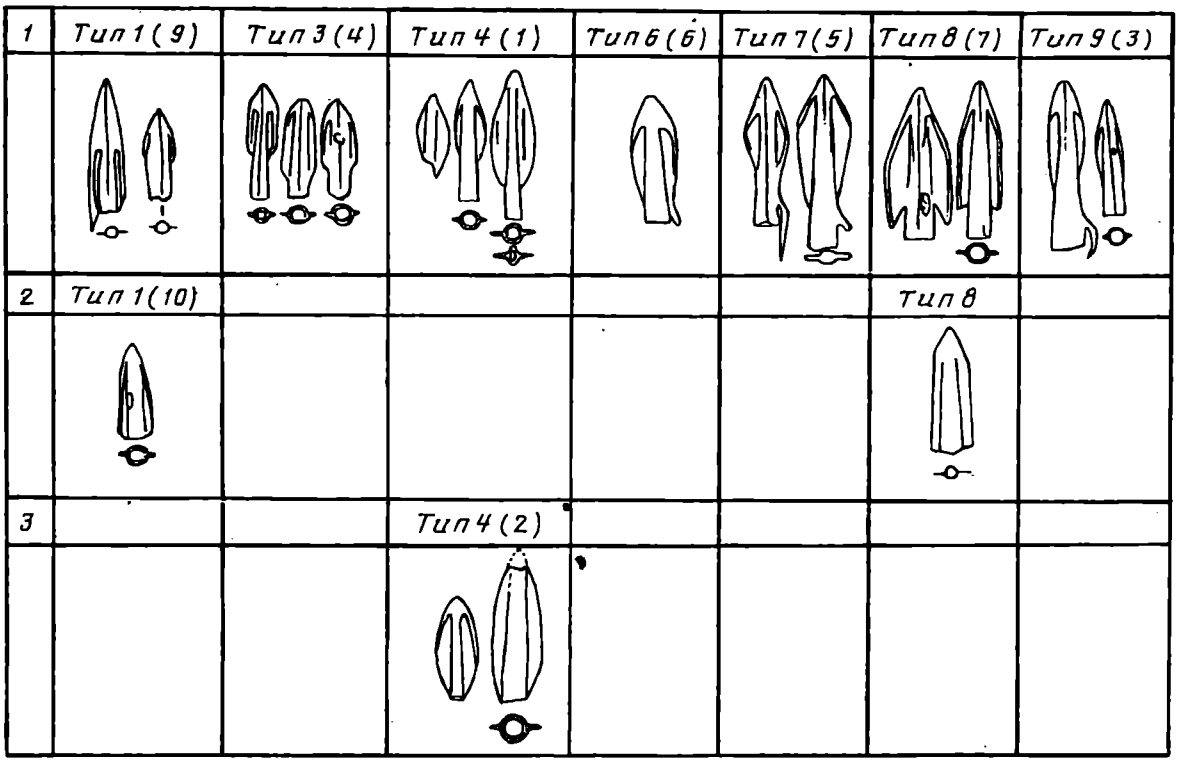


Рис. 1. Отдел I. Двулопастные наконечники стрел

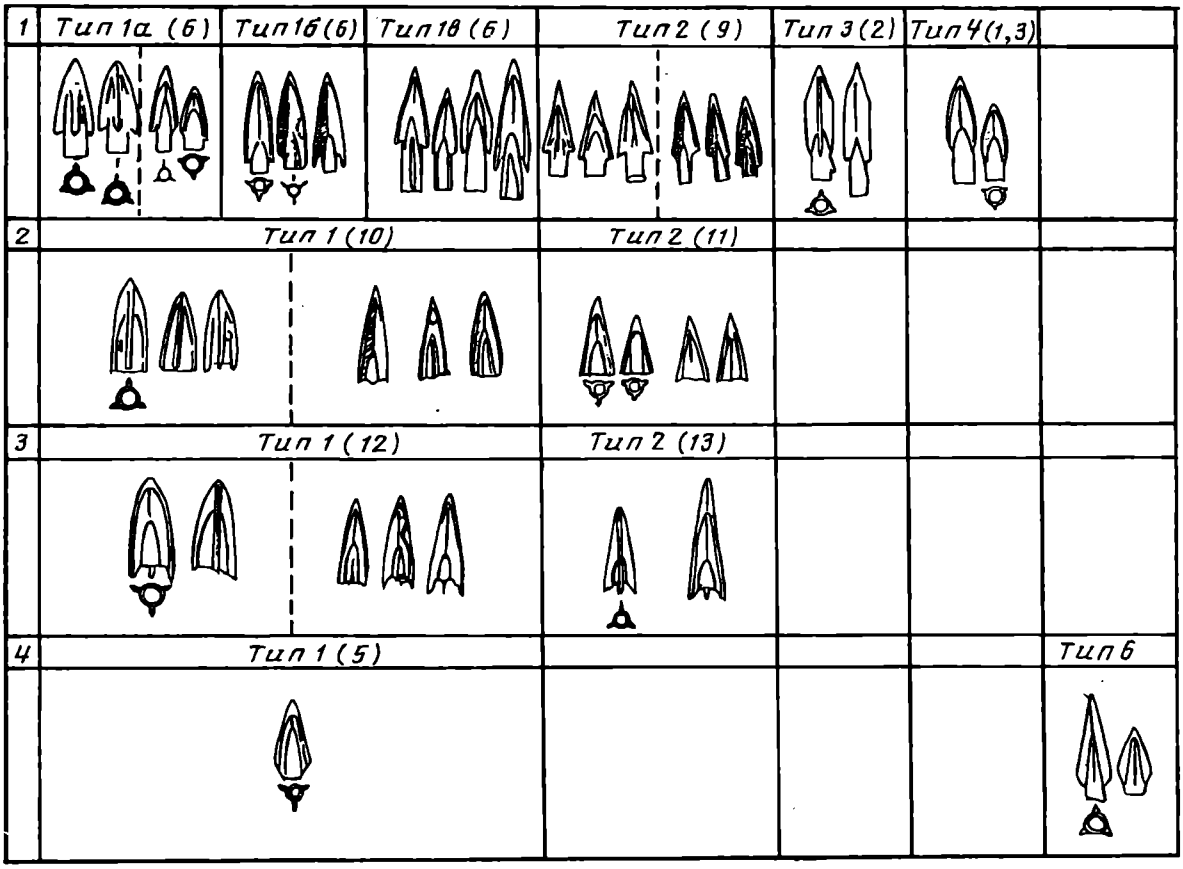


Рис. 2. Отдел II. Трехлопастные наконечники стрел

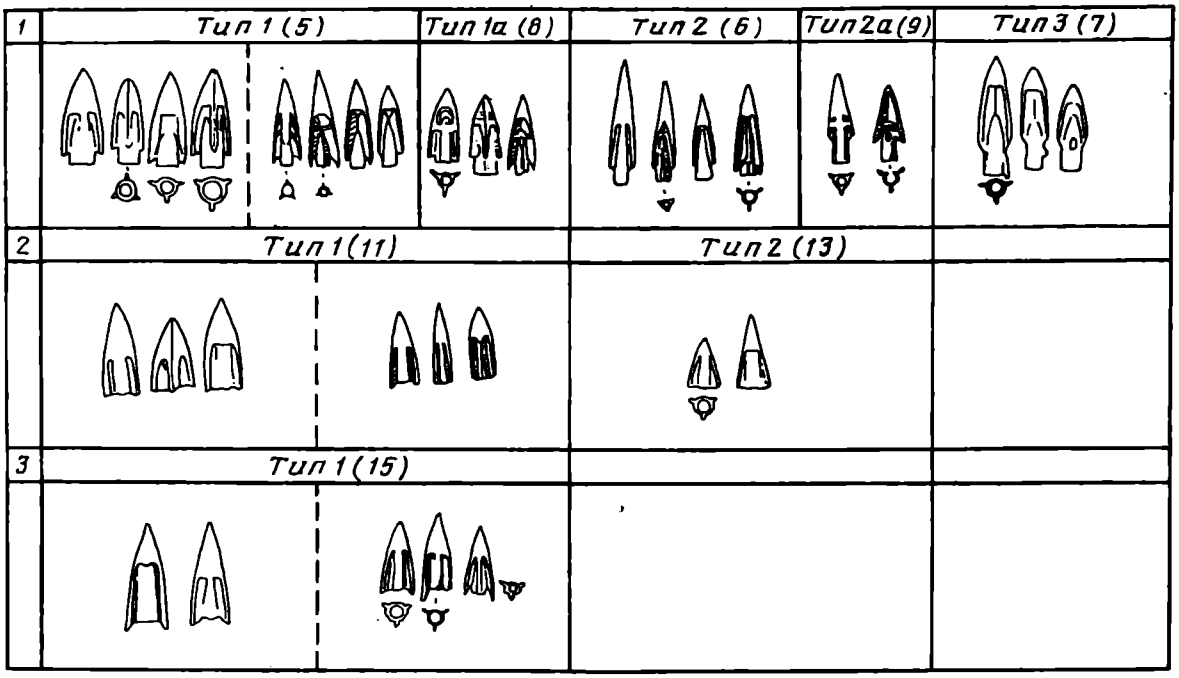


Рис. 3. Отдел III. Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел

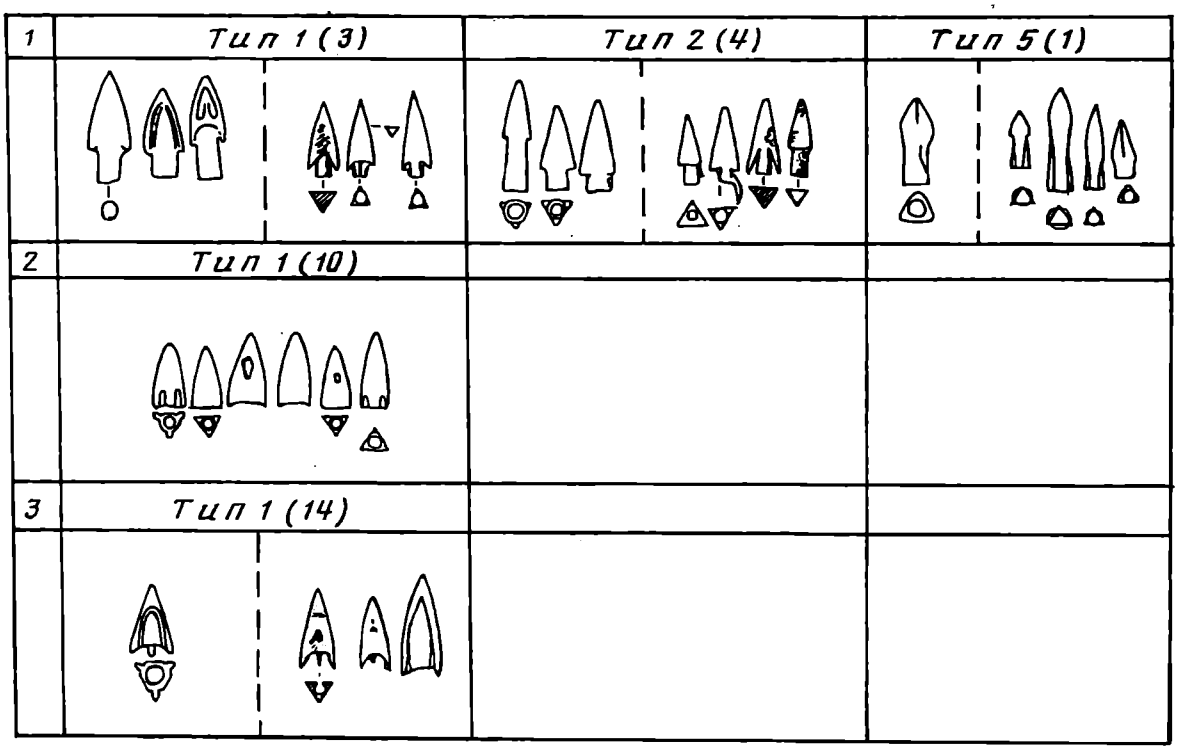


Рис. 4. Отдел IV. Трехгранные наконечники стрел

отмечали, что более массивными пропорциями обладают наконечники стрел из ранних комплексов. А.И. Мелюкова даже указывала примерные границы признаков. Наконечники с соотношением длины к ширине 1:1,5 и 1:2,5 она определяла как массивные, а с соотношением 1:3 и 1:3,5 — как имеющие «более легкие пропорции» (Мелюкова А.И., 1964, с. 21, 23).

На практике при визуальном осмотре признак массивности легко различим. В частности, мной замечено, что высота всех наконечников примерно одинакова. Но массивные наконечники стрел отличаются большим диаметром втулки. Отличаются они и формой кончика острия. Массивные наконечники стрел имеют дугообразную форму острия, а у стрелы легких пропорций более острые головки. Массивность, несомненно, отражается и на толщине лопастей наконечников стрел, об этом свидетельствует кайма по краю лопастей. У массивных она достигает 1—1,5 мм, а у наконечников стрел легких пропорций — от 0,5 мм до полного ее отсутствия.

По признаку массивности 10 из выделенных нами 35 типов наконечников стрел распались на два варианта.

Отдел I. Двулопастные наконечники стрел (рис. 1)

Тип 1,1 (9)[1]. Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой. К нему относятся четыре экземпляра из четырех комплексов. Это довольно редкий для Нижнего Поволжья тип наконечников. Строго говоря, этот тип можно назвать четырехгранно-двулопастным, так как верхняя часть головки этих наконечников в поперечном разрезе имеет плавную форму ромба, а ниже она переходит в две лопасти, отделенные от втулки двумя узкими ложками.

Тип 1,3 (4). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и трапециевидной головкой. К ним относятся три экземпляра, один из которых происходит из случайных находок.

Тип 1,4 (1). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и лавролистной головкой. К нему относятся четыре экземпляра из комплексов и девять из случайных находок.

Тип 1,6 (6). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и ромбически-лавролистной головкой. К нему относится всего один экземпляр из сборов В. Филипченко в 1955 г. в Астраханской обл.

Тип 1,7 (5). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и ромбовидной головкой. К нему относятся всего два экземпляра из комплексов, остальные происходят из случайных находок. Большинство наконечников стрел этого типа снабжено шипами на втулке. На трех наконечниках, найденных в дюне у с. Терновки близ Камышина, имеются разные знаки-метки в виде трех поперечных полос и углов. На самом крупном из них имеются более сложные резные знаки.

Тип 1,8 (7). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и башневидной головкой. К нему принадлежат три экземпляра из находок вне комплекса. Один отличается более стройными пропорциями. Два остальных — широкими лопатями, заостренными в виде шипов.

Тип 1,9 (3). Двулопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и узкой ланцетовидной головкой. К нему относятся два экземпляра из находок вне комплекса и один из погребения 5 могильника Кривая Лука-III.

Тип 2,1 (10). Двулопастные наконечники стрел, базисные, со сводчатой головкой. К нему относится всего один экземпляр из кургана III, 3 с. Визенмиллер (Луговое).

Тип 2,8. Двулопастный наконечник стрелы, базисный, с башневидной головкой. Один такой наконечник стрелы был найден в погребении 4 кургана 2 могильника Цаган Усн. Такой тип не встречался ранее в памятниках Нижнего Поволжья. По моим наблюдениям, не характерны они и для скифских памятников.

Тип 3,4 (2). Наконечники стрел двулопастные с обрезанной втулкой и лавролистной головкой. К нему относятся два экземпляра. Один — из сборов на дюнах, другой — из комплекса.

---

[1] В скобках указаны номера типов по классификации К.Ф. Смирнова.

Отдел II. Трехлопастные наконечники стрел (рис. 2)

Тип 1,1 (6). Трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой. Это один из самых многочисленных типов. Но обладая тремя вышеперечисленными признаками, наконечники стрел этого типа сильно различаются между собой по соотношению головки и втулки. Поэтому пришлось в данном случае отступить от единых принципов классификации и ввести деление внутри типа 1 по особенностям формы. Выделено три типа трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой, которые обозначены мной, кроме номера типа, буквенными литерами.

Тип 1,1а. К нему отнесены наконечники с обычным для нижневолжских стрел соотношением высоты головки и выступающей части втулки. У основной массы стрел это соотношение варьирует в пределах 2:1.

По массивности наконечники стрел делятся на два варианта. Этот тип стрел представлен в 34 комплексах, т.е. является одним из наиболее распространенных.

Тип 1,1б. Его К.Ф. Смирнов определял следующими словами: «легкая трехлопастная сводчатая стрела с узкой головкой и короткой едва выступающей втулкой, очень изящных пропорций» (Смирнов К.Ф., 1961, с. 47). Это так называемый типично блюменфельдский тип стрелы. Соотношение головки и выступающей части втулки равно примерно 4:1. Наконечники стрел этого типа встречены в 24 комплексах, причем во многих из них большими сериями.

Известно, что на стрелах этого типа из Блюменфельда А-12 имеются литые метки в виде змеек и поперечных косых валиков. Сейчас к ним можно добавить стрелы из кургана 1 у с. Никольское, курганов 11 и 15 могильника Аксеновского-I и кургана 14 могильника Аксеновского-II, а также из кургана 34 погр. 6 у ст. Жутово. Метки эти имеют различную форму, но все они сделаны путем гравировки в литейной форме. Интересно то, что литыми метками среди нижневолжских наконечников стрел украшены в основном экземпляры только этого типа.

Тип 1,1в. Наконечники стрел этого типа отличаются крупными размерами (3—4 см), длинной втулкой и короткой сводчатой головкой с довольно широко расставленными лопастями. Соотношение головки и выступающей части втулки примерно равно 1:2. Подобный тип стрелы выделяется впервые. Да и вообще они встречаются редко. Это 13 экземпляров из богатого погребения у хут. Сазонкин Бугор, четыре — из погребения кургана 3 у с. «15 поселок» и три экз. из погребения 6 кургана 34 у ст. Жутово.

Тип 1,2 (9). Трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и треугольной головкой. Стрелы этого типа встречены в 20 комплексах. По массивности они делятся на два варианта.

Тип 1,3 (2). Трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и трапециевидной головкой. Их всего три экз., происходящих из трех комплексов.

Тип 1,4 (1, 3). Трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и лавролистной головкой. Все экземпляры этого типа происходят из 9 комплексов и имеют одинаковые размеры и пропорции. Четыре наконечника имеют шипы на втулке. Выделяемый мной тип 4 соответствует двум типам наконечников стрел по классификации К.Ф. Смирнова: типу 1 — с лавролистной головкой и типу 3 — со сводчатой головкой и кососрезанными внизу лопастями. Мне представляется, что нет принципиальной разницы между указанными выше формами головок.

Тип 2,1 (10). Трехлопастные наконечники стрел, базисные, со сводчатой головкой. Представлены экземплярами из 20 погребений. По массивности они делятся на два варианта. На одном наконечнике на верхней части лопасти имеется литая метка в виде тупого угла, направленного вершиной вниз.

Тип 2,2 (11). Трехлопастные наконечники стрел, базисные, с треугольной головкой. Тип 2,2 представлен в 7 комплексах. Один наконечник — из сборов на дюнах; два комплекса — из района Заволжья, остальные — с правого берега Волги.

Тип 3,1 (12). Трехлопастные наконечники стрел с опущенными ниже втулки шипами и со сводчатой головкой. Такие наконечники стрел встречены в 9 комплексах. Они делятся по массивности на два варианта. Как отмечал К.Ф. Смирнов, все наконечники стрел базисных типов с треугольной головкой можно назвать наконечниками со слегка опущенными шипами (Смирнов К.Ф., 1961, с. 49). Именно этим они отличаются от аналогичных, но более поздних южноприуральских типов, имеющих длинные и острые шипы.

Тип 3,2 (13). Наконечники стрел с опущенными ниже втулки шипами и треугольной головкой. К нему относятся два экз. из двух комплексов.

Тип 4,1 (5). Трехлопастные наконечники стрел с обрезанной втулкой и сводчатой головкой. Пока встречен всего один экз. из разрушенного погребения у с. Ковыловка. Этот тип определяется К.Ф. Смирновым как стрелы с ромбически-лавролистной головкой. Мне представляется, что здесь мы имеем дело со сводчатой формой головки, которая определяется по конфигурации ее верхней части. Нижняя же скошенная часть головки фактически уже относится к обрезанной втулке.

Тип 4,6. Трехлопастные наконечники стрел с обрезанной втулкой и ромбически-лавролистной головкой. Такие наконечники встречаются в двух комплексах. Особенностью их является резкое сужение втулки, которая в основании имеет довольно широкий диаметр. Такой тип выделяется впервые.

Отдел III. Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел (рис. 3)

Тип 1,1 (5). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой. Трехгранная головка отделяется от лопастей при помощи ложков четырех видов: а) узкие продольные; б) дуговидный или арочный вырез; в) прямой вырез; г) вильчатый вырез. Такие наконечники встречены в 20 комплексах. В некоторых из них они представлены целыми сериями, например Сазонкин бугор, 3; Блюменфельд, А-12, Аксеновский-16, 15. По массивности они делятся на два варианта. Из общей массы выделяются три экз.: один из кургана 3 у хут. Сазонкин Бугор и два из погребения 6 кургана 34 у ст. Жутово. У них высокая втулка, составляющая почти $^2/_3$ высоты наконечника. Один из жутовских наконечников со всех сторон имеет на лопастях литую метку в виде елочки с двумя ярусами веток.

Тип 1,1а (8). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, сводчатой головкой, украшенной различного вида каймой. К.Ф. Смирнов отмечал два вида рельефной каймы: А-образную и крестообразную. К ним можно добавить стрелообразную. Тип 1а представлен экземплярами из 10 комплексов. Почти во всех комплексах встречено всего по одному наконечнику этого типа. Исключение составляют курган 1 у с. Никольское, в котором найдено 40 наконечников этого типа, и курган 15 Аксеновского-I могильника, где обнаружено 7 экз. Наконечники стрел этого типа из вышеупомянутых погребений выделяются из общей массы еще и высокими втулками.

Тип 1,2 (6). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и треугольной головкой. Здесь, как и среди наконечников типа 1, различаются 4 вида ложков. Тип представлен 29 экз. из 9 комплексов.

Тип 1,2а (9). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, треугольной головкой, украшенной А-образной каймой. К этому типу относится 6 экз. из трех комплексов.

Тип 1,3 (7). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой и трапециевидной головкой, отделенной от лопастей прямым вырезом. Этот тип относится к разряду редко встречающихся. Представлен всего тремя экз. из двух комплексов.

Тип 2,1 (11). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, базисные, со сводчатой головкой. Головка отделяется от лопастей ложка́ми указанных выше четырех видов. К нему относятся экземпляры из 14 комплексов, в некоторых из них подобные

наконечники стрел встречены большими сериями. По массивности они делятся на два варианта.

Тип 2,2 (13). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел, базисные, с треугольной головкой. К нему относятся 5 экз. из трех комплексов.

Тип 3,1 (15). Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел с опущенными ниже втулки шипами и сводчатой головкой. К этому типу относится семь экз. из семи комплексов. По массивности они делятся на два варианта. Отмечены ложки двух видов: продольные узкие и вильчатые.

Отдел IV. Трехгранные наконечники стрел (рис. 4)

Тип 1,1 (3). Трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой и сводчатой головкой. Представлен экземплярами из 14 погребений. В некоторых из них они встречаются целыми сериями. Так, в погребении кургана 34 у ст. Жутово их найдено 30 шт., а в кургане 15 Аксеновского-I могильника — 4. По массивности они делятся на два варианта. Основная масса наконечников стрел этого типа имеет гладкие грани, но на некоторых есть желобки различных форм.

Тип 1,2 (4). Трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой и треугольной головкой. К этому типу относятся наконечники стрел из 8 комплексов. По массивности они тоже делятся на два варианта.

Тип 1,5 (1). Трехгранные наконечники стрел с выступающей втулкой и непрофилированной головкой. К этому типу принадлежат экземпляры из 4 комплексов. Они делятся по массивности на два варианта. Правда, к массивным относится только один наконечник — из кургана Д4 погребения 5 хут. Шульц.

Тип 2,1 (10). Трехгранные базисные наконечники стрел со сводчатой головкой. Это довольно редкий тип. К нему относятся 6 экз. из двух комплексов. На двух наконечниках имеются небольшие желобки на гранях.

Тип 3,1 (14). Трехгранные наконечники стрел с опущенными ниже втулки шипами и сводчатой головкой. К этому типу относятся четыре наконечника из четырех комплексов.

Костяные наконечники стрел (рис. 5)

В нижневолжских комплексах скифского времени костяные наконечники стрел встречаются довольно редко и всегда в небольших количествах. Они делятся на три типа: 1) круглые, пулевидные; 2) трехгранные; 3) четырехгранные.

Костяные круглые, пулевидные наконечники встречаются очень редко. Мне известны только три экз. из двух комплексов. Трех- и четырехгранные встречаются гораздо чаще. Все они имеют, как правило, треугольные вырезы в основании. Шесть трехгранных костяных наконечников стрел найдено в двух комплексах. Чаще других встречаются четырехгранные костяные наконечники стрел. Они происходят из 10 комплексов правого берега Волги. В Нижнем Поволжье костяные наконечники стрел происходят только с правого берега Волги. Аналоги им имеются на Северном Кавказе (Козенкова В.И., 1982, с. 146, табл. X, *8—11*). Там они встречаются широко не только в скифское, но и более раннее время и тоже по нескольку экземпляров в одном комплексе.

Изредка встречаются в нижневолжских комплексах бронзовые подражания костяным наконечникам. И по форме, и по пропорциям они полностью идентичны, но как те, так и другие одинаково редко встречаются. Возможно, это объясняется их узкой специализацией. Пулевидные бронзовые наконечники стрел найдены: один экз — в кургане А-12 у с. Блюменфельд и три — в погребении 6 кургана 34 у ст. Жутово. Трехгранный бронзовый наконечник стрелы найден в одном экз. в погребении 2 кургана 95 Бережновского-II могильника. Один четырехгранный наконечник стрелы происходит из разрушенного погребения у с. Ковыловки.

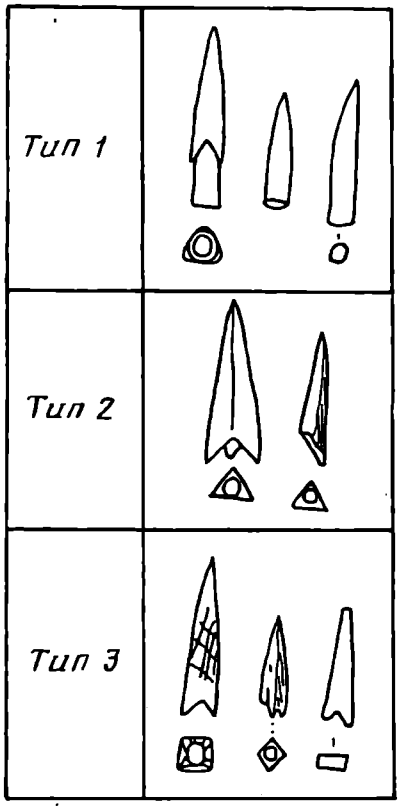


Рис. 5. Костяные наконечники стрел

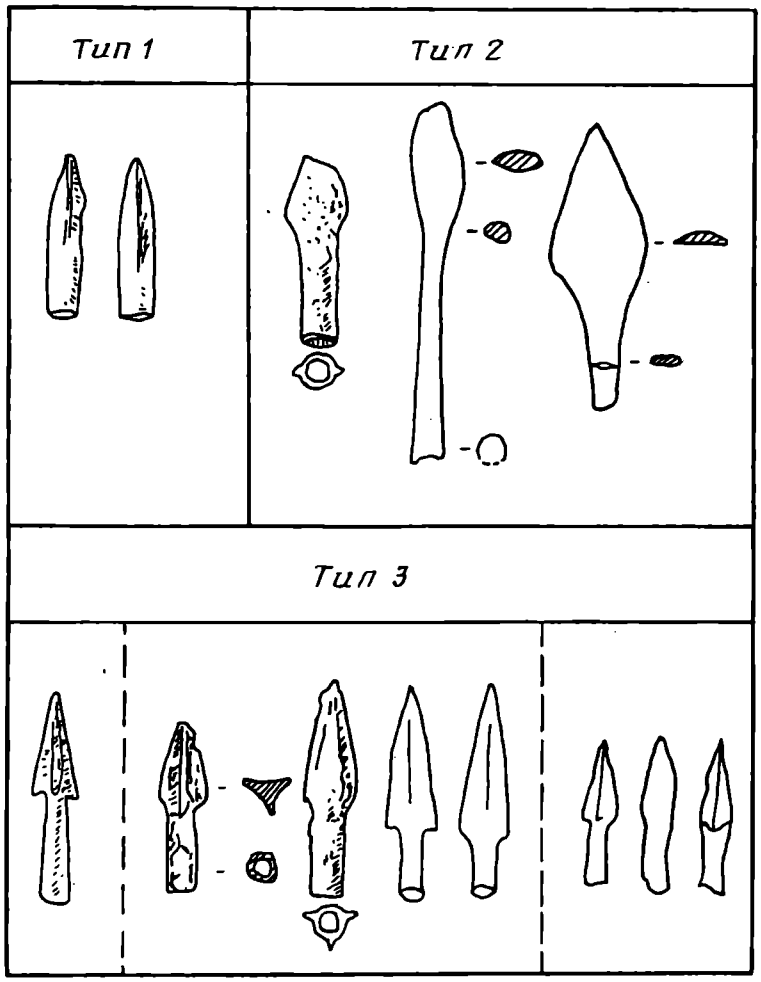


Рис. 6. Железные наконечники стрел

Железные наконечники стрел (рис. 6)

По сравнению с костяными железные наконечники стрел были распространены значительно шире, а в поздних комплексах они представлены уже целыми сериями. По поперечному сечению железные наконечники делятся на три вида: круглые, плоские и трехлопастные.

Круглые наконечники встречены в двух комплексах (Блюменфельд А-12; «15-й поселок», 3/6).

Плоские наконечники также встречаются очень редко. Можно назвать всего три экз., и все они различаются по форме и характеру крепления. Два из них — втульчатые. Это неполностью сохранившиеся экземпляры из Норки, 4/1 и Аксеновского-I, 13. Аксеновский наконечник отличается длинной втулкой.

Такого же типа плоские листовидные наконечники с такими же длинными втулками встречены в Воронежской группе курганов конца V — начала IV вв. до н.э. — Мастюгино, Русская Тростянка, Частые курганы (Либеров П.Д., 1965). Близки к ним и типы 1А3а и б, выделяемые Халиковым среди раннеананьинских железных втульчатых наконечников стрел (Халиков А.Х., 1977, с. 26).

Скорее всего черешковым был железный плоский наконечник стрелы с ромбической в плане головкой из кургана 15 Аксеновского-I могильника. Нижняя его часть сохранилась не полностью. Аналогии этому наконечнику можно найти на Северном Кавказе — Комаровский, Нестеровский, Луговой могильники. Такие плоские черешковые бронзовые наконечники стрел, по данным М.П. Абрамовой, были характерны для

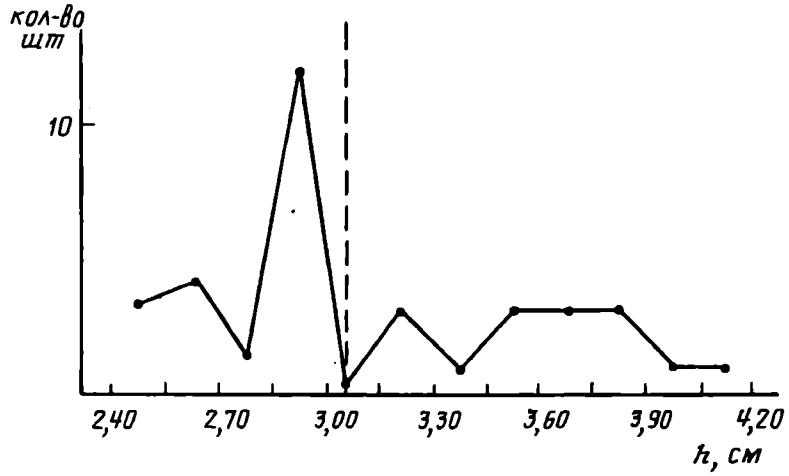


Рис. 7. Гистограмма распределения железных наконечников стрел по высоте

племен Восточных и Центральных районов Северного Кавказа в первой половине I тыс. до н.э. С конца VI в. до н.э. там распространяются и железные наконечники аналогичных форм, которые, сосуществуя с бронзовыми, становятся преобладающими (Абрамова М.П., 1974, с. 195, рис. 2,*20*).

Трехлопастные наконечники стрел. Пока известен один крупный наконечник с длинной втулкой и короткой головкой из погребения 4 кургана С4 у с. Меркель. Аналогии ему можно найти в Прикубанье, Подонье и в Крыму (Мелюкова А.И., 1964, с. 16).

Наиболее массовыми находками представлены железные трехлопастные наконечники стрел обычных размеров. В курганах Аксеновского могильника они встречаются крупными сериями. Например, в кургане 13 найдено 18 бронзовых и 37 железных наконечников стрел; в кургане 16 из 70 наконечников стрел — 13 железные; в кургане 11—78 бронзовых и 11 железных. Рассматриваемые наконечники стрел не одинаковы по размерам, среди них имеются более крупные и экземпляры мелких размеров. Мною измерена длина всех железных наконечников и построен полигон распределения их по высоте (рис. 7). По месту наибольшего падения графика железные трехлопастные наконечники стрел условно разделены мной на две группы: крупные — наконечники стрел высотой >3,07 см; мелкие — наконечники стрел высотой <3,07 см.

Колчанные наборы нижневолжских погребений обычно датируются по аналогии со скифскими, опираясь на схему их развития и абсолютные даты скифских колчанов по греческому импорту.

Между тем все исследователи, занимавшиеся предметами вооружения, отмечали в свое время, что вооружение кочевников Нижнего Поволжья явно отличается своеобразием.

Действительно, в колчанных наборах Нижнего Поволжья всегда преобладают втульчатые наконечники стрел со сводчатой головкой, в то время как в наборах Северного Причерноморья довольно рано возрастает роль базисных наконечников. В скифских колчанах часты наконечники с лавролистной, башневидной и треугольной формами головок. В поздних северопричерноморских наборах преобладают трехгранные базисные наконечники стрел с небольшими выемками или разнообразными бороздками у основания граней. В Нижнем Поволжье вырабатываются свои особые варианты стрел, не характерные ни для Скифии, ни для более восточных районов. И, как отмечала А.И. Мелюкова, различия в комплексах наконечников стрел показывают, что уже со второй половины VI в. до н.э. развитие скифских и нижневолжских стрел идет разными путями, хотя в основе тех и других лежат одни и те же прототипы (Мелюкова А.И., 1964, с. 23).

В настоящее время накоплен достаточно представительный материал по наконечникам стрел Нижнего Поволжья. Он вполне позволяет проследить развитие его во

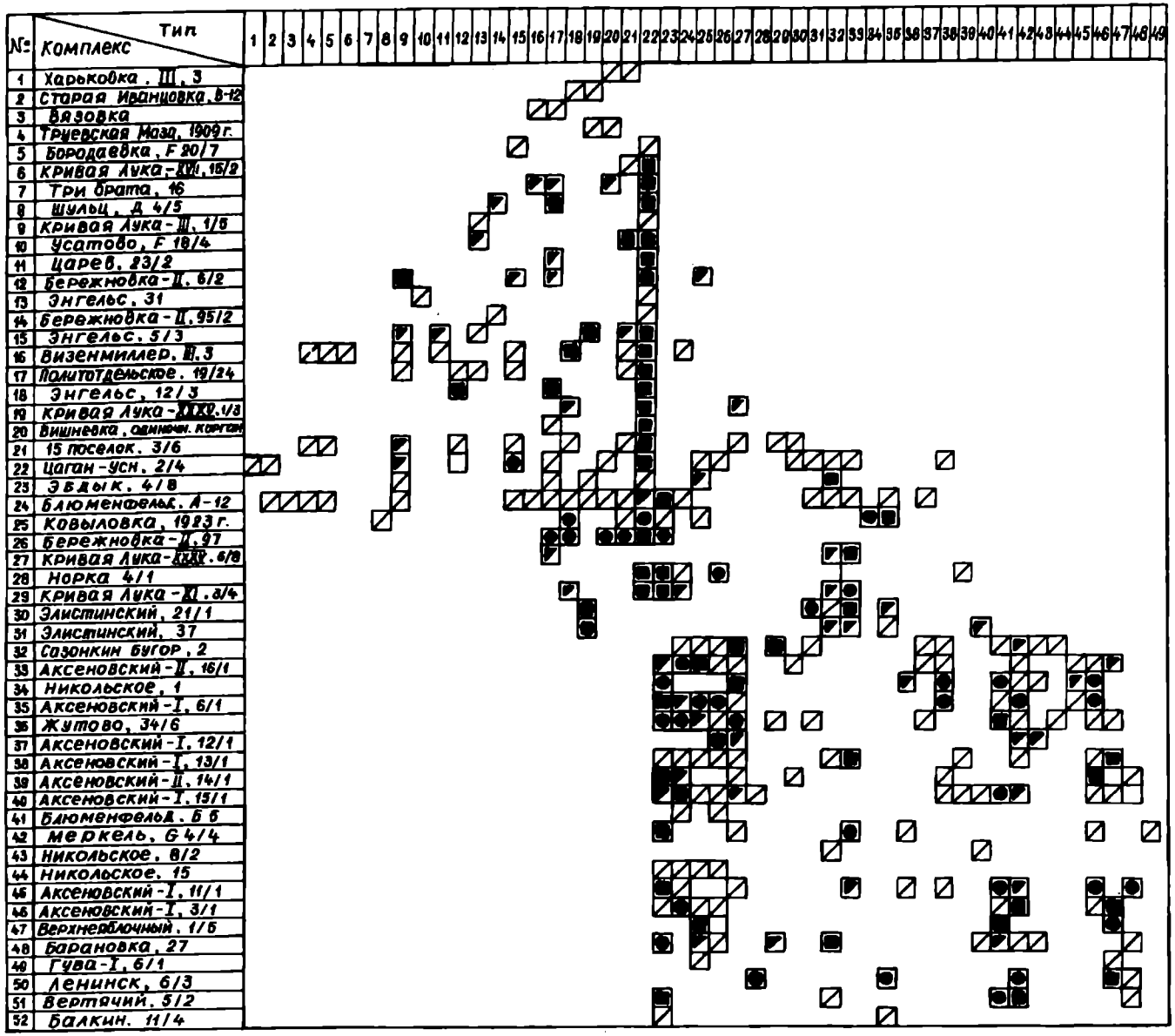


Рис. 8. Взаимовстречаемость типов наконечников. Типы: *1* — I 2,8; *2* — I 1,7; *3* — III 2,2; *4* — M, III 3,1; *5* — I 1,3; *6* — I 2,1; *7* — I 1,1; *8* — I 4,4; *9* — II 1,4; *10* — M, IV 3,1; *11* — III 1,3; *12* — II 1,3; *13* — I 1,4; *14* — M, IV 1,9; *15* — M, II 3,1; *16* — M, IV 1,2; *17* — M, II 2,1; *18* — M, III 2,1; *19* — M, II 1,2; *20* — M, IV 1,1; *21* — M, III 1,1; *22* — M, II 1,1а; *23* — II 1,1б; *24* — H, II 1,1а; *25* — H, II 1,2; *26* — H, II 2,1; *27* — III, 1,1а; *28* — III 3,2; *29* — II 2,8; *30* — I 1,1; *31* — костяные круглые; *32* — костяные четырехгранные; *33* — железные трехлопастные круглые; *34* — III 2,2; *35* — II 2,2; *36* — H, III 3,1; *37* — IV 2,1; *38* — H, III 2,1; *39* — железные плоские; *40* — костяные трехгранные; *41* — H, IV 1,1; *42* — H, III 1,1; *43* — H, IV 1,2; *44* — H, IV 1,9; *45* — H, IV 3,1; *46* — III 1,2; *47* — железные трехлопастные мелкие; *48* — H, II 3,1; *49* — II 3,2; M — массивный вариант; H — немассивный вариант

времени. В связи с этим важным для нас является выяснение характера взаимовстречаемости описанных типов наконечников стрел в комплексах. С этой целью была составлена таблица (рис. 8), в которой по вертикали расположены объекты (колчанные наборы), а по горизонтали — признаки (типы наконечников стрел). В этой таблице варианты массивных и немассивных наконечников стрел 10 типов фигурируют как равноценные с другими типами. Объясняется это задачами исследования. На первом этапе главной задачей было морфологическое описание. На втором основной упор делается на выяснение развития типа во времени. Поэтому в разряд типообразующих вступает и признак массивности, несущий в себе эту информацию. Типы 1,1а и 1,2а отдела III (трехгранно-трехлопастных) — наконечники стрел со сводчатой и треугольной головками, украшенные различного вида каймой, напротив, объединены мной в один тип, так как они встречены в одних и тех же комплексах. Затем выполнена операция упорядочивания объектов по их наибольшему сходству между собой (рис. 8). В эту таблицу не включены те комплексы, которые содержали в своем составе наконечники всего лишь одного типа или вообще всего один наконечник стрелы. В результате в таблицу взаимовстречаемости вошло 52 комплекса или колчанного набора. Для наборов с тремя и более типами стрел в этой таблице введен третий признак — процентное соотношение типов стрел в колчанном наборе. Это усиливает наглядность таблицы и облегчает качественную и количественную оценку каждого колчанного набора. На таблице выделились две четко выраженные группы колчанных наборов: I и II.

I группа. К ней относится 31 колчанный набор. В группу входят колчанные наборы, в составе которых ведущим типом почти во всех случаях является массивный вариант трехлопастной стрелы со сводчатой головкой (II 1,1а). Это наглядно демонстрирует внутренняя штриховка квадратиков, в которых тремя условными обозначениями показано процентное соотношение наконечников стрел внутри комплекса. Наконечники этого типа можно считать индикатором I группы.

Характерными для I группы являются также массивные варианты еще 9 типов. Именно поэтому ее можно назвать группой массивных наконечников стрел. Видоспецифичными для этой группы оказываются наконечники стрел с лавролистной и трапециевидной в плане головкой — двулопастные, трехлопастные и комбинированные (т.е. трехгранно-трехлопастные) в сечении. Кроме того, представлены и все остальные виды двулопастных наконечников стрел. Правда, количество их обычно невелико. Они встречаются по одному, по два экз. в наборе.

Рассматриваемая группа колчанных наборов характеризуется некоторой неоднородностью. Наряду с наборами исключительно с массивными наконечниками стрел здесь представлены наборы, более разнообразные по составу типов и количеству самих экземпляров. В составе этих колчанных наборов имеются и немассивные варианты некоторых типов (II 1,1а; II 1,2; III 1,1а; III 1,2а), которые больше характерны для II группы. Правда, эти наконечники стрел в количественном отношении явно не играют ведущей роли в своих наборах.

Особенностью описываемых колчанных наборов является большое разнообразие типов, а также наличие в них костяных четырехгранных и крупных железных наконечников стрел. Во II группе костяные наконечники стрел встречаются также, но гораздо реже. Железные же наконечники во II группе представлены в основном мелкими экземплярами.

В этих же многочисленных наборах появляется впервые тип II 1,1б. Он зафиксирован в 5 комплексах I группы и в 14 комплексах II группы. Интересно, что зачастую он является ведущим типом в своих наборах. Это тот самый специфически поволжский тип стрелы, который наиболее веско и притом в своей классической форме представлен в знаменитом Блюменфельдском комплексе. На материале имеющихся колчанных наборов можно проследить развитие этого типа. В таких комплексах, как Энгельс 5/3, Визенмиллер III 3, Политотдельское 19/24, имеются наконечники стрел типа II 1,1а, которые, судя по некоторым особенностям формы, могут считаться

прототипами типа II 1,1б. Пропорции этих стрел немного иные, чем у остальных экземпляров типа II 1,1а. Хотя их нельзя еще отнести к типу II 1,1б, но характерный абрис головки уже угадывается. Здесь она еще не приобрела своей стройности, лопасти ее широко расставлены и еще довольно массивны, о чем свидетельствует каемка по их краю. В этих комплексах она сочетается с массивными вариантами типов II 1,1а, II 2,1; IV 1,1 — со сводчатой головкой; с типами II 1,4 и III 1,4 — с лавролистной головкой; с типом II 1,3 — с трапециевидной головкой, а также с двулопастными с лавролистной и трапециевидной головкой. Только в одном комплексе нет двулопастных стрел. Затем в пяти комплексах первой группы она предстает уже в оформившемся виде. В них тип II 1,1б сочетается все с теми же массивными вариантами, к которым добавляются еще железные крупные, а также костяные. В дальнейшем идет процесс грацилизации этой стрелы. Втулка становится еще у́же и короче, лопасти длиннее и острее. Сами лопасти постепенно становятся настолько тонкими, что по существу сходит на нет кайма по их краю. Такие экземпляры встречаются уже во второй группе. Здесь они сочетаются с немассивными вариантами типов стрел, со стрелами с А-образной и каймой других типов (тип III 1,1а; III 1,2а), с мелкими железными наконечниками и с типами бронзовых наконечников стрел, у которых шипы опущены ниже втулки. Такого рода наборы можно видеть почти во всех комплексах Аксеновского могильника, Цаган Усн 2/2, Никольское, 1; Блюменфельд, Б 4; Барановка, 27; Жутово, 34/6.

Позднее процесс грацилизации типа усиливается. Стрела становится мельче, изящнее. При этом лопасти становятся все тоньше, а расставлены несколько шире. Общая высота стрелы уменьшается. Этот процесс можно проследить на комплексах Аксеновского могильника — курганы 3,13,6, а также Никольского, 15, Вертячего, 5/2.

II группа. К ней относятся 20 колчанных наборов (комплексов). Основу ее составляют немассивные варианты 10 типов. Поэтому ее условно можно назвать группой немассивных наконечников стрел. Кроме немассивных вариантов 10 типов, характерными для этой группы являются тип III 1,2 и тип II 3,2, а также мелкие трехлопастные железные наконечники стрел.

Как видно, прежде всего это типы с треугольной в плане головкой, что является отражением общей тенденции в развитии наконечников стрел. Полностью отсутствуют во второй группе двулопастные наконечники стрел всех типов и трехлопастные и трехгранно-трехлопастные с трапециевидной и лавролистной головками. Исключение составляет тип I 1,1. Это тот самый тип, который имеет две лопасти, в то же время головка его имеет ромбовидное сечение. В комплексе второй группы (Аксеновский-I, 14, 16) они представлены по одному экземпляру в таком сточенном состоянии, что едва угадывается форма головки. У колчанов второй группы наблюдается большое разнообразие типов в наборах и большое число самих наконечников стрел. При этом не наблюдается явного преобладания одного типа над остальными, как это было в первой группе с типом II 1,1а. Массивный вариант этого типа теперь может считаться надежным индикатором первой группы.

Во второй группе ведущим является тип II 1,1б, но с ним соперничает по популярности III 1,1а; III 1,2а; немассивные варианты типов — II 1,2; II 2,1; IV 1,1; III 1,1; III 1,2 и мелкие трехлопастные железные наконечники стрел. Присутствие перечисленных типов почти обязательно в наборах II группы.

Таким образом, классификация показала, что наконечники стрел Нижнего Поволжья относятся к 35 типам. Из них 10 типов распадаются на два варианта по признаку массивности. В колчанных наборах кроме бронзовых встречаются костяные и железные наконечники стрел. Путем элементарной таблицы взаимовстречаемости выявлены две группы колчанных наборов. Первая характеризуется наборами, состоящими из нескольких типов с небольшим числом экземпляров. В этой же группе выделяются уже более многочисленные наборы, содержащие некоторые типы стрел, характерные для II группы. Вторая группа характеризуется компактностью и моно-

литностью. В колчанных наборах этой группы преобладают 9 ведущих типов наконечников стрел.

На всех этапах ведущими в колчанных наборах Нижнего Поволжья были типы трехлопастных стрел с выступающей втулкой, что является особенностью именно этого региона.

Существование двух групп наконечников стрел можно объяснить только хронологическими различиями. Доказательством этого служит несколько фактов: 1) наличие в первой группе двулопастных наконечников стрел, также наконечников стрел с лавролистной и трапециевидной в плане головкой, которые широко представлены в архаических скифских комплексах; 2) господство в первой группе стрел массивных вариантов; 3) преобладание во второй группе наконечников стрел с треугольной в плане головкой, а также господство немассивных вариантов. Это является также общей тенденцией, связанной, вероятно, с совершенствованием защитного доспеха; 4) во второй группе значительное место занимают мелкие железные наконечники стрел, которые впоследствии полностью заменяют бронзовые.

Таким образом, колчанные наборы Нижнего Поволжья, судя по прослеженной динамике их развития, охватывают непродолжительный период. По общему облику их можно характеризовать как наборы классического скифского времени. В сочетании с анализом остального инвентаря, по моим представлениям, I группу можно датировать второй половиной VI — первой половиной V в. до н.э.; II группу — второй половиной V в. до н.э. — первой третью IV в. до н.э. Подробная аргументация этого заключения является предметом отдельной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) //.САИ. Вып. В2—5.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1—31.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1—4.

Полин С.В., 1984. Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. Вып. 101.

Халиков А.Х., 1977. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII—VI вв. до н.э. М.

Rau P., 1929. Die Graber der fruhen Eisenzeit im unteren Volga gebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokkrovsk.

Калмыцкий институт общественных наук
РАН, Элиста

M.A. OTCHIR-GORJAJEVA

THE NOMAD ARROW-HEADS FROM THE LOW VOLGA RIVER REGION

S u m m a r y

The article is devoted to the arrow heads found in the Scythian Age nomad burial complexes of the Low Volga river region. The author uses the traditional classification but adds some changes in it taking into account the artifacts collected during the latest years. He marks out two groups of the quiver sets. It simplifies considerably the dating of the the burial complexes containing the arrow-heads.

К. АБДУЛЛАЕВ

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА АЙ-ХАНУМ[1]

Еще в 1938 г. В.В. Тарн в своей книге «The Greeks in Bactria and India» опроверг бытовавшее представление о Бактрии как о задворках эллинистического мира, открыв тем самым новый этап в истории изучения эллинистической культуры Средней Азии. Второй важной вехой на этом пути стало исследование Ай-Ханум — греко-бактрийского города, расположенного на месте слияния рек Амударья и Кокча (Schlumberger D., 1966, p. 36—46; Bernard P., 1966, p. 127—133; 1967, p. 306—324; 1968, p. 263—279; 1969, p. 313—355; Fouilles d'Aï khanoum..., 1968, p. 189—193; Bernard P., et al., 1976, p. 5—51, tab. I—XVII; Bernard P., 1976, p. 263—265; 1982a, p. 217—242; 1982b, p. 148—159; 1990, p. 51—59; Guillaume O., 1983; Francfort H.-P., 1984; Bernard P., 1985; Rapin C., 1987; 1992; Leriche P., 1986; Veuve S., 1987, p. 125—138; Guillaume O., Rougeulle A., 1987, p. 263—267).

Блестящий материал по ремесленному производству города, полученный в ходе археологических раскопок памятника, позволяет говорить о высоком уровне развития материальной культуры.

Относительная малочисленность дошедших до нас скульптурных произведений объясняется использованием непрочных материалов — глины и гипса, так, например, в помещении № 9 было собрано около 2500 мелких фрагментов скульптуры, предположительно от 15 статуй (Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., 1976, с. 123). Даже эти фрагменты дают представление о высоком уровне мастерства айханумских ваятелей. Совершенство пластических форм этих произведений подтверждает мысль о том, что греки пришли в далекую Азию не только как завоеватели, но и как носители высокой духовной и материальной культуры. Соединение этой культуры с древними традициями Востока в какие-то исторические моменты было целенаправленной политикой, но более всего служило удовлетворению собственных духовных запросов полиса и греческих центров. Механизмы этого взаимовлияния остаются не до конца выясненными, в то время как сам факт культурного взаимодействия неоспорим.

Значение скульптуры Ай-Ханум в развитии искусства Средней Азии эллинистического и постэллинистического времени было четко определено П. Бернаром. Греческая культура левобережной Бактрии, по мнению автора, концентрируется в двух основных городах — Бактрах и Ай-Ханум (Бернар П., 1986, с. 253). В зону влияния этих культурных центров входят подчас довольно отдаленные регионы, что отражено в памятниках архитектуры и изобразительного искусства, например в образе Кибелы на серебряном диске — рельефном изображении богини на колеснице из Халчаяна (Bernard P., 1970, p. 339—347, fig. 31; 1983, p. 96; Francfort H.-P., 1984, p. 97).

Айханумский изобразительный комплекс проясняет одну из дискуссионных проблем в формировании Гандхарского искусства, давая возможность проследить эллинистические традиции, которые были стабильными и представляли собой некий модуль в непрерывном развитии и трансформации местной художественной культуры, на основе которой вырастает новое синтезированное искусство кушан.

Греческие черты носят и памятники ремесленного производства, в первую очередь

---

[1] Автор выражает глубокую благодарность П. Бернару, Ж.К. Гардену, Ф. Грене, Б. Лионне за любезно предоставленный материал и ценные советы.

© К. Абдуллаев, 1996 г.

это касается керамической продукции (Gardin J.-C., 1968; Gardin J.-C., Lyonnet B., 1976, p. 45—51; 1978/79, p. 99—154). Исследование керамического комплекса Ай-Ханум, которое провел Ж. Гарден, позволило сделать заключение, что большая часть керамических форм восходит к греческим образцам. Не останавливаясь подробно на характеристике керамического комплекса, отметим, например, одну из особенностей керамики с серовато-черным ангобным покрытием, составляющей примерно 15% всей керамики. Керамика данного типа со штампованным декором, несмотря на ее местное происхождение, несет в себе черты иноземных влияний, она довольно часто встречается во многих центрах эллинизированной Азии, заменяя чернолаковые сосуды, которые прекращают свое существование в Греции к концу IV в. до н.э. (Fouilles d'Aï Khanoum I..., 1968, p.127—129).

Вопросы декоративного оформления керамической посуды Ай-Ханум представляют собой область самостоятельного исследования. Здесь особое внимание привлекают керамические сосуды с налепами на дне чаш, чаще всего антропоморфного характера. Налепы на ручках и донцах сосудов — образцы мелкой пластики, внедренные в керамическое производство (Fouilles d'Aï Khanoum I..., 1968, p.39, 171) можно рассматривать как категорию, пограничную между ремеслом и искусством. С большой долей вероятности можно предположить, что головки, венчающие ручки или украшающие днища чаш, были оттиснуты в матрицах, предназначенных для изготовления терракотовых фигурок.

Часть терракот Ай-Ханум была опубликована А.П. Франкфором в томе, посвященном исследованию святилища «храма с выступами». Несмотря на немногочисленный материал (7 антропоморфных и 6 зооморфных), автор привел довольно обширный круг аналогий с памятниками правобережной Бактрии и прилегающих регионов (Francfort H.-P., 1984, p. 39—41, tab. 14; XVI).

В томе, посвященном предметам малых форм Ай-Ханум, О. Гийом опубликовал подборку терракотовых изделий, куда входят как статуэтки, так и налепы на керамических сосудах (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, p. 60—62, tab. 19, *1—8*, 20, *1—7*; XVI, *1—13*, XVII, *7—18*).

Приводя довольно обширный материал, авторы тома, к сожалению, оставляют предметы без комментариев и тем более без их интерпретации или же ограничиваются несколькими фразами общего характера.

При изучении айханумского комплекса несколько удивляет относительная малочисленность терракоты, что делает особенно важным анализ дошедших до нас образцов. Весь полученный в ходе исследования памятника материал по характеру находок распадается на две части. Это случайно найденные или принесенные местными жителями фигурки и вторая, наиболее важная часть — материал, полученный в процессе раскопок, т.е. зафиксированный стратиграфически. Некоторые из случайных находок являются репликами статуэток, происходящих из слоев памятника, что облегчает их идентификацию и датировку.

Вся терракота Ай-Ханум выполнена в традициях, наиболее характерных для местного производства. Это оттиски в одностворчатых матрицах с подрезкой контуров и тыльной стороны инструментом. На данном этапе изучения памятника не найдено каких-либо следов специализированных мастерских по производству терракот. Отсутствуют также объемные изображения, получаемые в двустворчатой матрице, подобные образцам Танагры и других коропластических центров эллинистического мира.

В терракотовом комплексе Ай-Ханум выделяется группа фрагментированных фигурок. Три фрагмента одного типа были опубликованы Франкфором, другие шесть приведены в томе, посвященном мелким предметам Ай-Ханум (Francfort H.-P., 1984, tab. XVI, *10, 11, 16*).

Несмотря на фрагментарность, все 9 фигурок (рис. 1, *1—7*) передают один и тот же иконографический тип, что облегчает реконструкцию. Это стоящая женская фигура с чуть выдвинутой правой ногой, облаченная в длинное платье, форма которого явно напоминает греческий костюм (хитон, пеплос) (рис. 1, *8*).

Рис. 1. Женские фигурки: *1—3* — Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *2, 4, 6*); *4* — фрагмент нижней части фигурки, Ай-Ханум; *5, 6* — Ай-Ханум (Francfort H.-P., 1984, tab. XVI, *10, 11*); *7* — фрагмент верхней части фигурки (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *1*); *8* — реконструкция; *9* — фигурка из Шортепа (Сурхандарьинская обл.), Термезский музей; *10* — фрагмент фигурки из Зар-тепа (Сурхандарьинская обл.), Термезский музей; *11* — женская фигурка с инвеститурными венками, Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *8*); *12* — фигурка из Саксонохура, Таджикистан; *13* — фигурка из Старого Термеза, Термезский музей

На одном из фрагментов этого типа, представляющем собой верхнюю часть фигурки, различим округлый вырез горловины, прическа из коротко остриженных волос обрамляет овальное лицо, голову венчает полукруглый убор цилиндрической формы (рис. 1, *7*). Образ в целом ассоциируется с произведениями эллинистической пластики, но впечатление это рассеивается при детальном рассмотрении. Во-первых, что стало с игрой складок, в передаче которых эллинистические скульптуры достигают верха совершенства? Они превратились в длинные вертикальные линии, следующие параллельно от горловины до низа платья, и лишь рельефно выступающая на общем фоне линия показывает край верхней одежды, напоминающий колпос (colpos). Лента, повязанная под грудью, передана массивным налепом с толстыми свисающими концами. На поясе появляется орнаментация в виде округлых вдавлений, выполненных полой трубочкой, по всей вероятности, они передают украшения в виде нашивных бляшек. На одной из фигурок такие полосы, близко расположенные, следуют вертикально от талии до бедер и ниже переходят в обычные линии складок (рис. 1, *1*).

Таким образом, произошла значительная трансформация одеяния, сохранившая лишь общую схему греческого костюма. По всей видимости, насыщенная декоровка платья передает реальные особенности современных художнику форм костюма.

Так, например, реконструкция костюма погребенных из некрополя Тилля-тепе демонстрирует украшение платья золотыми и инкрустированными бляшками (Сариниди В.И., 1983, рис. 38, 39; 1989, рис. 15, 17, 25, 32, 39, 41; Sarianidi V., 1985). При этом расшивка подчеркивает не только отдельные детали и особенности покроя, но порой покрывает всю поверхность, составляя различные орнаментальные мотивы.

Таким образом, складывается впечатление, что традиционный костюм (хитон, пеплос) продолжает жить и в последующий период, но уже не в реальной жизни, а в произведениях искусства, дополняясь с течением времени новыми элементами. В области пластики на смену экспрессивной игре складок приходит манера орнаментальной стилизации со всеми признаками художественной деградации образа, строго фронтальной позой, зафиксированной позицией рук, укороченными пропорциями нижней части, статичностью. В меньшей мере это характерно для фрагмента фигурки из Зар-тепа (правобережная Бактрия), аналогичной вышеописанным (Альбаум Л.И., 1960, с. 23, рис. 10). Драпировка на зартепинском экземпляре более выразительна благодаря плавным изгибам, рука несколько отставлена назад и придерживает складки, как бы струящиеся из-под кисти, что придает всему образу более динамичный характер (рис. 1, *10*). Несмотря на это, и в ней, как и на терракоте из Ай-Ханума, можно усмотреть сокращение пропорций фигуры в нижней ее части, что придает фигуре некоторую приземистость. Последнее может в некоторой мере указывать и на антропологические особенности местного населения, чей облик постепенно проникает и в изобразительное искусство Бактрии начиная со второй половины II в. до н.э.

Фрагмент из Зар-тепа, опубликованный впервые Л.И. Альбаумом, был интерпретирован как образ греческой Селены (Альбаум Л.И., 1960, с. 23, рис. 10). Свою версию автор строит лишь на основе формы костюма, хотя аналогичный фасон платья можно видеть и на изображениях других божеств греческого пантеона (Афина, Артемида, Деметра, Нике и др.). Наконец, подобный костюмный ансамбль дает и скульптура из известняка, найденная в святилище храма с уступами (Bernard P., 1972, p. 628—629, fig. 15). В этом образе, своей композиционной схеме явно тяготеющем к произведениям эллинистической пластики II в. до н.э., намечается тенденция к линеарности в передаче драпировки. Этот прием, возможно, переносится и в область коропластики. Во всяком случае, трактовка одеяния на терракотах следует этой тенденции.

Об ориентализации греческих образов говорит и женское изображение с венком в руках, отдаленно напоминающее образ Нике (рис. 1, *11*). Выполнена она в более обобщенной манере; несмотря на это, мастер пытается передать усложненный вариант костюма. Он состоит из трех элементов: это длинный складчатый хитон, вертикальные складки которого сохранились лишь с правой стороны; поверх хитона надет пеплос, плотная фактура его передана гладкой поверхностью, лишь горизонтальная рельефная линия подчеркивает нижний его край. И наконец, плечи персонажа покрывает накидка (гиматий?), показанная косыми складками, идущими от плеча и от локтя. Если допустить, что платье аналогично вышеописанным, т.е. представляет собой хитон без рукавов и пеплос, то накидка становится естественным дополнением к ансамблю, закрывая обнаженные руки. Подобная манера ношения накидки, достаточно известная в эллинистическом искусстве, становится одним из устойчивых признаков в пластическом искусстве бактрийских мастеров — вспомним хотя бы тронные изображения Дальверзин-тепе (Pugachenkova G.A., 1978, p. 36, 37; Пугаченкова Г.А. и др. 1978, рис. 115, *5—8*). Как аналогия этого элемента интересна терракотовая пластика Месопотамии парфянского и сасанидского периодов (Downey S., 1977, fig. 2, 3), к истокам которой восходит ряд образов коропластики Бактрии — Тохаристана (вопрос о культурных взаимодействиях Бактрии и Парфии заслуживает отдельного рассмотрения).

Но вернемся к нашей фигурке из Ай-Ханум, трактованной в несколько обобщенной манере: овал лица с крупным треугольным носом, глаза подчеркнуты тяжелыми веками, крупными рельефами вылеплены брови, сходящиеся у переносицы, прическа из разделенных на пряди и зачесанных назад волос. В руках, как уже отмечалось, инвеститурные кольца. Изображения подобного типа находят широкие аналогии как на памятниках Бактрии (Массон М.Е., 1940, с. 77, рис. 49; Альбаум Л.И., 1960, с. 29, рис. 14), так и Согда (Иваницкий И., 1982, с. 78—80). Наиболее близкой к айханумской фигурке является изображение с городища Саксанохур (Мухитдинов Х., 1975, с. 378—382), в сходной манере показаны складки платья. Отличительным признаком

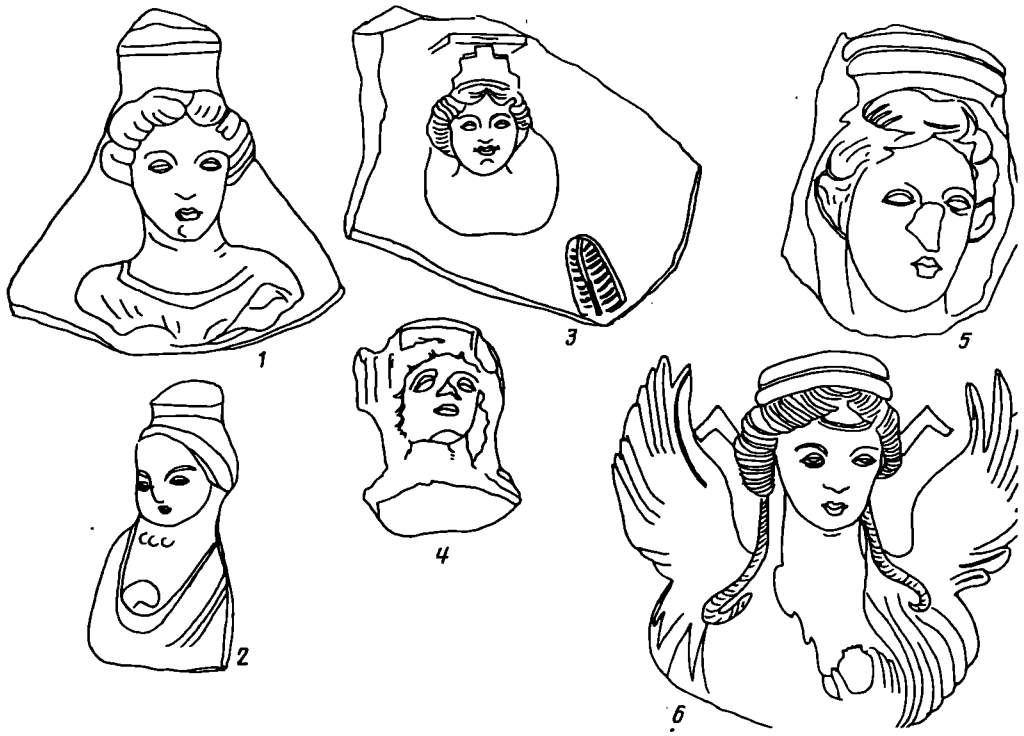


Рис. 2. *1, 3* — налеп на дне чаши, Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., tab. XVII, *11, 9*); *2* — фигурка из Дальверзинтепа, Институт искусствознания, Ташкент; *4* — налеп на сосуде, Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVII, *10*); *5* — налеп на сосуде, Ай-Ханум; *6* — крылатое божество (Хванинда) на чаше из Гос. Эрмитажа

служит наличие чаши в руке; статуэтка датируется I—III вв. н.э. (рис. 1, *12*). Однако образ женского божества, венчающего на власть, является одним из наиболее популярных сюжетов среднеазиатского искусства эллинистической эпохи.

Одним из наиболее ранних соответствий этому персонажу является греческая Ника, которая фигурирует уже на монетах Селевкидов в виде крылатой фигуры, либо протягивающей венок, либо стоящей на длани Зевса и венчающей голову божества (Newell E., 1978, tab. III, *7, 8*; IV, *1, 2, 12—18*). Позднее изображение Ника можно видеть в чекане греко-бактрийских царей, где она дарует власть и победу (Gardner P., 1886, tab. *7*; VII, *9—14*; XI, *7, 13*; XII, *1, 8*).

В кушанской монетной иконографии Ника сменяет божество, известное как Хванинда (Göbl R., 1984, tab. 168, 245, 246). С образом этой покровительницы власти, богини победы и удачи связываются и некоторые образы торевтики, в частности серебряная чаша из Эрмитажа, рис. 2, *6* (Тревер К.В., 1940, с. 64—67, рис. 13). Образ Хванинды, по всей вероятности, передает и фигурка из Зар-тепа (Альбаум Л.И., 1960, с. 22, 23, рис. 9). Наконец, на рельефах со сценой инвеституры и других памятниках официозного искусства парфян и особенно Сасанидов подобную функцию выполняет Анахита. Не останавливаясь подробно на иконографии этого божества, отметим, что одним из наиболее ранних памятников, где она предстает с венком в руке, являются монеты Шапура I (Göbl R., 1971, tab. IV, *3, 4*). Со второй половины III в. н.э. и позднее терракотовые изображения женской фигуры в длинных одеяниях с венком в руках могут в равной степени идентифицироваться как образ Анахиты[2], хотя божества данного типа в зависимости от места «обитания» могли называться по-разному. Учитывая условия и обстоятельства находки айханумской фигурки, ее можно датировать пер-

[2] Критическая точка зрения Л.А. Лелекова на интерпретацию женских фигурок из Анахиты (Лелеков Л.А., 1985, с. 55—60) может быть принята лишь при определенных условиях. Произведения искусства, например, со всей определенностью показывают, что иконография Анахиты разрабатывается в изобразительных комплексах начиная с эпохи Сасанидов.

выми веками н.э. В сходной манере выполнена и другая терракота, от которой сохранилась лишь верхняя часть. По всей очевидности, она принадлежит к тому же кругу образов, что и вышеописанная (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *7*). Она передает тот же обобщенный тип с треугольным носом, большими, опущенными у внешних краев глазами. Рельефы глаз усилены, так же как и брови. Корпус показан в плоскостной манере с правой рукой, прижатой между грудей, последние обозначены слабыми рельефами. Печать обобщенности этих двух статуэток ставит под сомнение авторство скульптора или другого опытного мастера. За попыткой лишь зафиксировать отдельные элементы, несущие основную смысловую нагрузку, теряется стремление придать образу более живой реалистический характер. В двух последующих фрагментах, отличающихся предельной стилизацией, нетрудно различить элементы, привнесенные керамистом (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *12, 13*). Рука мастера чувствуется как в исполнении лица приемом защипа с грубо процарапанными асимметричными щелями узких глаз, так и в огрубленной трактовке фигурок в целом, а также в сплошном украшении корпуса рядами треугольных вдавлений. Авторы публикации рассматривают эти вдавления как попытку передать фактуру меха, хотя не исключено, что они передают нашивные бляшки, украшающие платье, тем более что головка одной из фигурок орнаментирована рядом кружочков, обозначающих, без сомнения, диадему. Следует напомнить, что терракоты, декорированные в аналогичной манере, встречаются в слоях раннекушанского времени, т.е. I в. до н.э.— II в.н.э.

Вызывает интерес терракота, найденная на территории театра (автор находки и руководитель этого раскопа Ф. Грене любезно сообщил, что терракота стратиграфически не фиксируется, так как была расчищена почти на поверхности памятника) и несколько отстоящая от прочих фигур по своим композиционным особенностям. Она представляет тронный персонаж (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *11*); по обе стороны от сидящей скульптуры следуют вертикальные рельефы, передающие, возможно, элементы трона (подлокотники). Обобщенную и схематизированную манеру мы наблюдаем и на данном экземпляре. Верхняя часть одеяния персонажа менее различима, видны длинные рукава с поперечными складками; левая рука опирается о колено и держит предмет ромбических очертаний; кисть при этом не показана. Правая рука, согнутая в локте, прижата к груди и задрапирована, показана лишь кисть, держащая бокал треугольных очертаний. Широкая рельефная линия на груди передает, по всей вероятности, округлый вырез платья (гривна?). На левом плече удлиненный рельеф, возможно, ниспадающий локон (рис. 3, *1*). Определение статуэтки затруднено в основном из-за нечеткости изображения атрибутов, являющихся в данном случае главным признаком для характеристики персонажа. Атрибут в виде ромба может обозначать веер, довольно редкий в репертуаре бактрийских мастеров, но четко зафиксированный в эллинистической коропластике. Так, знаменитые терракоты из Танагры представляют собой изящные женские фигурки явно светского характера, в несколько кокетливых позах с веером в руке (Bieber M., 1955, p. 23, 44, fig. 49).

Айханумский экземпляр несомненно уступает по своим художественным достоинствам живым экспрессивным образам Танагры (Kleiner G., 1942; Pottier E., 1890), однако также носит светский характер. В последующий период на памятниках раннесредневекового искусства можно встретить атрибут, сходный с веером, в руках персонажей в композициях как светского, так и культового характера: Балалык-тепа (Альбаум Л.И., 1960, рис. 100, 102, 109, 116 сл.), ваза из Мерва (Кошеленко Г.А., 1977, рис. 77). Интересно в этой связи наблюдение Д.Н. Лагофета, путешествовавшего в начале века вдоль Амударьи. Описывая окрестности Сирая, он отмечает: «Почти у каждого туземца в руках веер, сплетенный из соломы, который имеет вид параллелограмма с палкой, приделанной вдоль длинной стороны, выступающей в виде ручки» (Логофет Д.Н., 1909, с. 98).

Ближайшей аналогией к рассматриваемому образцу являются две статуэтки из городища Кей-Кобад-Шах (Мандельштам А.М., Певзнер Г.Б., 1958, с. 304, 305,

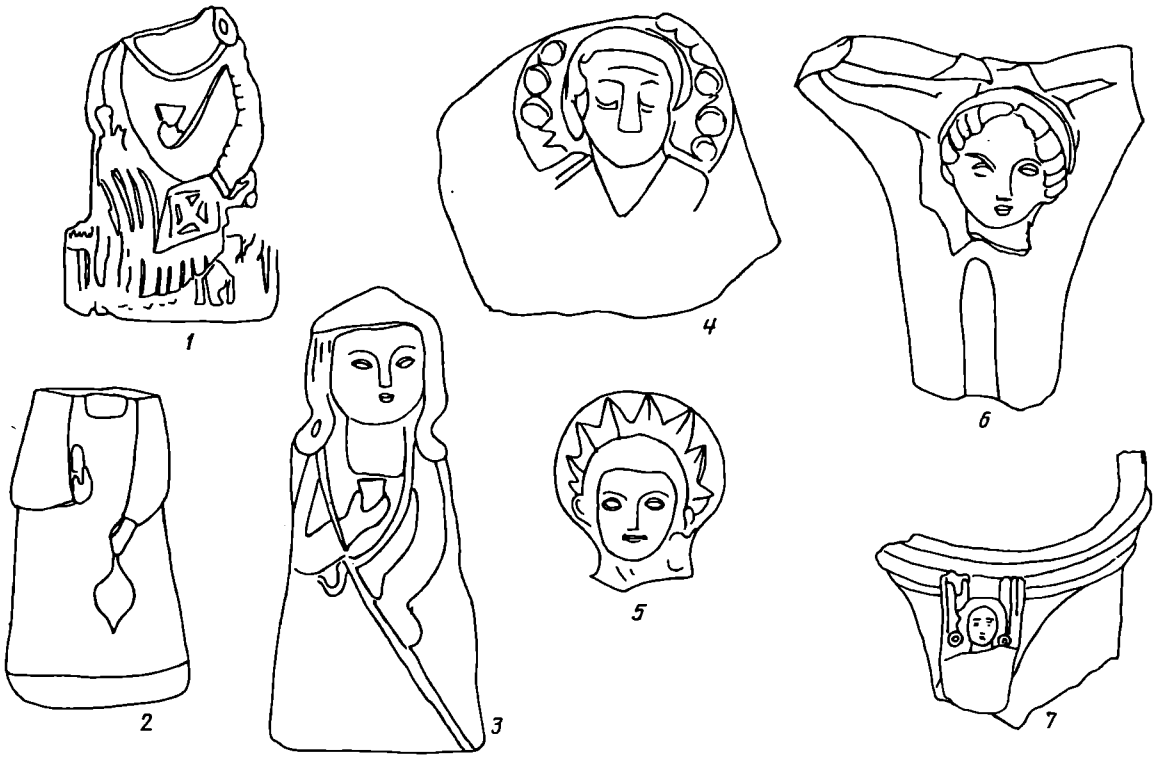


Рис. 3. *1* — сидящая на троне фигура, Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVI, *11*); *2* — сидящая женская фигурка из Шахри Бану (Афганистан); *3* — фигурка из Кей-Кобад-Шаха, Таджикистан; *4* — налеп на сосуде, Ай-Ханум; *5* — головка в лучистом небе, Дильберджин, Афганистан; *6, 7* — налепы на ручках, Ай-Ханум

рис. 12, 13). Первая из них, наиболее сохранившаяся, представляет тот же тронный персонаж (рис. 3, *3*). Его иконографическое родство с фрагментом из Ай-Ханум не вызывает каких-либо сомнений. Близость эта ощущается как в образе в целом, так и в деталях. Терракоты из Кей-Кобад-шаха были найдены в так называемой «свалке» межстенного коридора. «Свалка» датируется на основе найденного в ней обола Герая (не позднее I в. н.э.); датировка эта подтверждается комплексом керамики, которая в целом относится авторами к концу этапа Кобадиан II — этапу Кобадиан III. Между тем культурный слой, лежавший на полу коридора, относится (на основе той же керамики) к более раннему времени, т.е. этапу Кобадиан II, что позволяет датировать его II в. до н.э.—первой половиной I в. до н.э. (Мандельштам А.М., Певзнер Г.Б., 1958, с. 307). Учитывая тот факт, что верхняя часть «свалки» датируется I в. н.э., хронологическими рамками бытования терракот подобного типа можно считать I в. до н.э.—I в. н.э. Следует учесть, что серия терракот с изображением сидящей женской фигуры, среди которых встречаются типы, близкие к вышеописанным, была зафиксирована с монетами Канишки. Таким образом, время бытования подобных терракот доходит до начала II в. н.э., хотя традиция в изображении близких к ним образов продолжается и в посткушанский период (Абдуллаев К., 1988, с. 6—9).

Примерно к этому же периоду относятся, по всей вероятности, и две фигурки, одна из которых вылеплена вручную. Лицевая часть ее передана приемом «защипа» с вдавлениями глаз. Подобные идольчики (всадники) очень распространены в коропластике Бактрии, особенно начиная со времени вторжения кочевых племен на территорию Средней Азии, а с ними и мотивов, связанных с кочевнической средой (образ всадника) (Абдуллаев К., Пидаев Ш., 1989, с. 57). Нередки в коропластике Северной Бактрии (правобережье Амударьи) изображения обезьян, что демонстрирует случайная находка из Ай-Ханум. Достаточно вспомнить фигурки музицирующих обезьян из Баратепе (Пугаченкова Г.А., 1973, рис. 38), Мирзакул-тепе (Пидаев Ш., 1978, рис. 14),

мотивы обезьянок при оформлении ручек сосудов (Абдуллаев К., Завьялов В., 1985, с. 119, рис. 10).

В декорировке керамической посуды из Ай-Ханум особое место занимают чаши с налепами на дне и ручках сосудов. О значении этих изделий в развитии коропластического искусства, а также об их связях как смежных областей ремесленного производства мы уже упоминали. Здесь мы приводим основные интересующие нас образцы этого жанра с попыткой их символической интерпретации.

Терракотовые головки, используемые в качестве декоративного оформления керамической посуды (к этой же категории можно отнести налепы на ручках), довольно распространены в изделиях художественного ремесла горожан. Иконографическое родство и сходство пластической манеры в передаче всех этих головок, за исключением отдельных деталей, указывает на устойчивость пластической традиции данного города.

Разработка деталей лица, прически демонстрирует высокий художественный уровень и богатство пластических приемов. Головки, полные изящества и гармонии, несмотря на свои малые размеры, передают идеализированный тип, характерный для артистической среды эллинистической скульптуры. Показательно в этом отношении погрудное женское изображение в высоком головном уборе — калафе (рис. 2, *1*). Тонкая моделировка деталей, мягкий овал лица с большими глазами и пухлыми губами, взор, устремленный вперед, придают образу глубокую одухотворенность, вместе с тем ощущается непринужденная манера лепки мастера, отвергающего мелочную детализацию. Прическа с симметрично разделенными на отдельные, зачесанными назад прядями волос образует обрамляющий лицо валик; хитон из тонкой материи, с широким разрезом, присборенный на плечах и образующий на этом месте углы, подчеркнут полоской (кайма). Головной убор с гладкой тульей, расширяющейся кверху, довольно типичен в эллинистическом мире. Близкая форма головного убора, украшенная мерлоном, венчает изображение богини Кибелы на серебряном диске, найденном в святилище «храма с выступами» (Guillaume O., 1983, tab. XVI). Гладкая поверхность на уборе терракотовой фигурки более напоминает калаф Сераписа из Ватиканского музея. На эллинистическом Востоке калаф характерен в иконографии Сераписа (Bieber M., 1955, fig. 296 — одно из наиболее известных изображений работы Бриаксиса). Из близких Ай-Ханум памятников можно привести бронзовую статуэтку из Беграма с изображением Геракла-Сераписа и Меркурия (Hackin J., 1954, fig. 10b, 11b). Часто сближается с калафом «корона муралис», в которой нередко изображается богиня Тихе — одна из наиболее популярных богинь на эллинистическом Востоке, выступающая часто как покровительница города, городских стен, богини удачи (Абдуллаев К., 1966). Она входит в официальный пантеон Селевкидов, отраженный в монетном чекане (Newell E., 1978, p. 90, N 247).

О функции покровительницы города говорит, по всей очевидности, головной убор в виде зубчатой башенки мерлона, принадлежащий другой головке — изображению на эблемате (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVII, *9*; 20, *3*). Несмотря на небольшие размеры (высота 2,8 см), ей присуща детализация черт лица, пышная прическа аналогична по форме предыдущей, но фактура волос разработана более четко, пряди чуть приспущены на лоб, оставляя пробор посередине, лицо полное, с округлыми щеками. Пухлые выразительные губы с углублениями на уголках придают образу несколько восточный характер, глаза трактованы в традициях эллинистической пластики, с как бы находящими верхними веками и выступающим из глубины глазным яблоком (рис. 2, *3*). Интересна на данном экземпляре деталь головного убора плоской четырехугольной формы, нависающая как зонт над головой. Деталь эта, по всей вероятности, предохраняла лицо от палящих лучей солнца, она отражена в литературе, посвященной греческому костюму (Готтенрот Ф., 1911). Аналогичная деталь на следующем изображении имеет несколько иную форму и показана в виде двух валиков; примечательно, что и она как бы отделена от головы и нависает над ней (рис. 2, *4*). По форме головной убор напоминает пелос, подобный убор можно видеть

Рис. 4. *1, 5, 9* — Ай-Ханум: налеп на дне чаши, голова Афины; налеп на ручке в виде головы Медузы; налеп на ручке сосуда (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVII, *8, 14, 12*); *2* — оттиск на мегарской чаше, Афинский музей; *3* — терракотовый медальон из Александрийского музея; *4* — терракотовый медальон из музея Фесаллоник; *6* — налеп на дне (?) чаши, Афрасиаб, Гос. Эрмитаж; *7* — налеп на дне чаши, Бела-Хисар, Бактры; *8* — налеп на ручке сосуда, Ай-Ханум (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, tab. XVII, *12*)

на серебряном диске с изображением Хванинды, атрибутируемом как произведение бактрийских торевтов (Тревер К.В., 1940, с. 64—67, рис. 13). На монетах царя Аминты сидящая на троне Тихе показана в аналогичном уборе (Curiel F., Fussman G., 1965, tab. LII, *621*; LIII, *622, 633*). На рассматриваемом экземпляре меняется трактовка головы, это в первую очередь касается выбранного художником ракурса. Голова изображена анфас, слегка наклонена влево, куафюра вылеплена более обобщенно (не исключено, что это следствие стертости), менее различимы разделенные пряди, пробор пересекается горизонтальными линиями, передающими валик, на который накручены волосы. Более выразительна по сравнению с предыдущим изображением манера трактовки глаз, сближающая головку с монументальными произведениями Лисиппа.

Наряду с женскими образами в декорировке керамической посуды встречаются и головки персонажей дионисийского круга. Это образ сатира (Силен); к ним, по всей вероятности, можно отнести налепы на донце сосуда двух плохо сохранившихся головок. Сохранилась лишь верхняя часть прически с заостренными ушами и короткими, разделенными на отдельные завитки, волосами.

Более яркий образец пластического образа сатира запечатлен на декоративно оформленной ручке керамического сосуда (рис. 4, *8, 9*). Ручка представляет собой налепленную на плечико сосуда дужку, концы которой украшают две головки бородатого старца с залысиной, густыми нависшими бровями, с широким носом, густой бородой, расплывшимися в широкой улыбке щеками. Все это придает образу выражение буйной страсти, от густых бровей вверх закругляются рожки (волосы?). Между налепами, под сводом, образованным дужкой, помещена третья головка в более высоком рельефе (Дионис?). Лепная ручка с налепами в виде головок сатира имитирует скорее всего металлическую, богато украшенную посуду. Здесь же, в Ай-

Ханум, была найдена бронзовая ручка с отлитыми погрудными фигурками на фоне виноградного листа. Прически персонажей с витыми конусовидными рожками склоняют видеть в них персонажи дионисийского круга. Относительно аналогичных ручек из Чорсада и ряда памятников исследователи приводят ряд гипотез; наиболее близкие аналогии содержатся в материалах Помпей и идентифицируются с менадой (Francfort H.-P., 1984, p. 54—60, tab. XX, *27*; tab. 20). Среди налепов на дне чаш особый интерес представляет головка Афины, заключенная в медальон. Ее головной убор представляет собой шлем с поднятыми по бокам крыльями и округлым рельефом посередине, напоминающим крылатое существо (рис. 4, *1*).

По своей конструкции шлем близок к убору на рельефном изображении, украшающем основание мегарской чаши с Афинской агоры (рис. 4, *2*) (Rotroff S.I., 1982, p. 240), но совпадение с айханумской головкой здесь лишь в общих чертах и наборе элементов. Между тем другая аналогия, представляющая собой терракотовый медальон из Александрии (Египетской), демонстрирует изображение Афины в аттическом шлеме, увенчанном фигуркой сфинкса с поднятыми крыльями (рис. 4, *3*). Здесь можно отметить полное совпадение с образцом из Ай-Ханум. Терракотовый медальон из Александрии относится к эллинистической эпохе (Lexicon Iconographicum, p. 1047, fig. 54). Возвращаясь к мегарской чаше с афинской агоры, подчеркнем еще одну деталь, общую с орнаментацией айханумской пластики. Это украшение чаши рядами пальметок, как это видно, например, на эмблемате с головой горгоны из «храма с выступами» (Francfort H.-P., 1984, p. 35—37, tab. XVI, *1*).

Следует отметить, что образ Афины в искусстве Бактрии занимает одно из видных мест. Ее изображения можно видеть в монетной иконографии как раннего периода — монеты Софита, Антиоха I (Bernard P., 1985, p. 21, 28, 52), так и периода Греко-бактрийского царства — Диодот (Bernard P., 1985, p. 56), Деметрий II (Curiel F., Fussman G., 1965, tab. III, *34—39;* IV—VI; VII, *76—83*).

В последующие этапы развития культуры Бактрии — Тохаристана культ и образ этого божества продолжает играть большую роль — достаточно вспомнить ее трансформацию в кушанском пантеоне в божество Ришто (Grenet F., 1987, p. 41—45, tab. XXIV—XXV).

Наконец, о широкой популярности этой богини свидетельствуют терракотовые фигурки как Бактрии, так и соседнего Согда (Мешкерис В.А. 1989, с. 271—273, рис. 165, 166).

В украшении айханумской керамики наряду с налепами на дне чаш встречаются налепы в виде женских и мужских головок, венчающие ручки на месте сгиба от горлышка, реже они располагаются и на основании ручки. Здесь мы приводим наиболее выразительные образцы этого вида декорировки. Заслуживает внимания налеп на ручке, оформленной в виде пышнокудрой головки (рис. 4, *5*), идентифицируемой издателями как образ Александра (Guillaume O., Rougeulle A., 1987, p. 64, tab. XVII, *14*). Трактовка лица выполнена в несколько огрубленной манере, черты обобщены, нос и рот лишены тщательной проработки крыльев носа и уголков рта, рельефы выражены слабо, что, возможно, является следствием стертости. Полуоткрытый рот, страдальчески взметнувшиеся к переносице брови и поднятые глаза придают образу выражение чувственного накала. Прическа заслуживает особого внимания. Всклоченные волосы, как отмечают издатели — «грива», придают всему облику сходство со львом. Однако закрученные, как бы извивающиеся пряди, расчлененные на две пышные копны (особенно это заметно надо лбом в двух симметрично расположенных локонах, такие же украшают и нижнюю часть прически), вызывают ассоциацию с образом Медузы Горгоны, столь популярным на эллинистическом Востоке. Динамика и экспрессия в выражении лица, чуть приоткрытый рот, страдальчески приподнятые брови сближают эту головку с образами лисипповского круга и памятниками пергамского типа.

К группе налепов под ручкой относится налеп в виде мужского бюста (рис. 3, *6*) с невысокой прической плоской формы и острым вырезом плотно облегающего платья.

Вокруг головы шли лучевые линии, выполненные путем вдавления острым инструментом и очень нечеткие, что является следствием забитости матрицы. На рассматриваемом налепе привлекает внимание нимбообразное лучевое обрамление головы — признак, сближающий это изображение с иконографией солнечного божества, запечатленного на серебряном диске с Кибелой, где композицию венчают солярные и астральные символы. Издатели серебряного диска идентифицируют образ с радиально расходящимся лучистым нимбом с образом Гелиоса. Близость этих изображений основывается лишь на наличии лучистого нимба, остальные признаки изображения существенно отличаются друг от друга. Форма платья и драпировки, прическа, манера передачи лучей также достаточно различны. Франкфор сближает изображение на диске с эллинистическими образами божества Гелиоса. Следует добавить, что божества с лучистым нимбом характерны не только для греческого изобразительного комплекса, но и для иконографии ближневосточных божеств, символизирующих солнечное светило: рельефы Пальмиры с изображением, в частности, Бел-Шамина (Tēxidor J., 1979, p. 18—25, tab. 8), Хатры (Colledge M.A.R., 1986, tab. XXV, *c*; XXX, *a*). Терракота из кушанских слоев Дильберджина в Афганистане (Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А., 1977, табл. 103, *1*) свидетельствует о популярности солнечного божества в последующие периоды. Дильберджинская головка более четкого оттиска, с правильными чертами лица и более гармонична (рис. 3, *5*). Несмотря на это, авторы затрудняются в определении, путая ее с образом Анахиты (Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А., 1977, с. 100, 101), хотя идентификация с Митрой не вызывает каких-либо сомнений. Митра занимает одно из ведущих мест в кушанской монетной иконографии (Göbl R., 1984, tab.4, *31*; 6, *52*; 8, *64*), а также в искусстве Сасанидов и кушано-сасанидов (Chirshman R., 1962, fig. 233).

Из обзора айханумской пластики можно сделать следующие выводы. Декорировка керамической посуды путем налепов и рельефных изображений чаще всего подражает дорогой металлической посуде; налепы в зеркалах чаш со штампами в виде пальметок внешне напоминают «мегарские» чаши. Мегарские чаши, столь распространенные в эллинистическом мире, доходят и до крайних азиатских областей, о чем свидетельствует несколько фрагментов с характерным рельефным орнаментом в виде растительных мотивов по внешней поверхности (Fouilles d'Aï Khanoum I., 1968, tab.125, *a—f*). Но в айханумской керамике основная часть декора посуды переносится на внутреннюю поверхность. Персонажи, изображенные в медальонах, — это божества, наиболее почитаемые на эллинистическом Востоке. Возможно, что при использовании этой парадной посуды (наливании в нее вина) во время пиршества или ритуальной церемонии совершался обряд возлияния божеству или обожествленному царю, чье изображение (рис. 4, *7*), например, запечатлено на фрагменте из Бала-Хисара (древние Бактры) (Schlumberger D., 1949, tab. 189, fig. 16).

Керамический материал Ай-Ханум со всей определенностью доказывает, что штампованный орнамент на посуде появляется в Бактрии не в кушанский период, как считают некоторые исследователи (Пугаченкова Г.А., 1979, с. 90; Пидаев Ш., 1975, с. 67—71), а в греко-бактрийский и является, по всей очевидности, результатом влияния керамических центров эллинистического мира. С традициями эллинистического Востока можно связать и сюжеты, применяемые в украшении посуды. Аналогии к образам айханумской пластики с памятников правобережной Амударьи свидетельствуют еще раз об единстве культурного развития народов, населявших разные берега Великой реки, выполняющей в этом смысле консолидирующую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К., 1996. Тихе-Ардхохшо-Харити. К вопросу о религиозном синкретизме // ВДИ (в печати).

Абдуллаев К., 1988. Об одном сюжете в коропластике Бактрии // Тез. докл. конф., посвященной 80-летию академика Я. Гулямова. Ташкент.

Абдуллаев К., Завьялов В., 1985. Буддийские мотивы в городской культуре Северной Бактрии (по материалам Зартепа) // ВДИ. № 4.

Абдуллаев К., Пидаев Ш., 1989. Раннекушанская терракотовая пластика из Мирзакултепа // ОНУ. № 9.
Альбаум Л.И., 1960. Балалыктепа. Ташкент.
Бернар П., 1986. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М.
Готтенрот Ф., 1911. История внешней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия народов древнейших времен. СПб.; М.
Иваницкий И., 1982. Образ богини Анахиты в коропластике Согда // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент.
Кошеленко Г.А., 1977. Родина парфян. М.
Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М., 1976. Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1966 гг. (Обзор сводной публикации) // Бактрийские древности. Л.
Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. 1977. Дильберджин. М.
Лелеков Л.А., 1985. Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени // СА. № 1.
Логофет Д.Н., 1909. На границах Средней Азии. Путевые очерки. Кн. III. Бухарско-афганская граница. СПб.
Мандельштам А.М., Певзнер Г.Б., 1958. Работы Кафирниганского отряда // МИА № 66. Тр. Таджикской археологической экспедиции. Т. III. М., Л.
Массон М.Е., 1940. Городища Старого Термеза и их изучение // Тр. Узб. ф-ла АН СССР. Сер. 1. Вып. 2. История, археология. Ташкент.
Мешкерис В.А., 1989. Согдийская терракота. Душанбе.
Мухитдинов Х., 1975. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М.
Пидаев Ш., 1975. О генезисе штампованных орнаментов на керамике античной Бактрии // ОНУ. № 1.
Пидаев Ш., 1978. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1973. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи кушан. М.
Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., Тургунов Б.А. и др., 1978. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.
Сарианиди В.И., 1983. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.
Сарианиди В.И., 1989. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.
Тревер К.В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.
Bernard P., 1966. Première campagne de fouilles d'Aï Khanoum // CRAI.
Bernard P., 1967. Deuxième campagne de fouilles en Bäctriane // CRAI.
Bernard P., 1968. Troisième campagne de fouilles à Aï Khanoum en Bactriane // CRAI.
Bernard P., 1969. Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Bactriane) // CRAI.
Bernard P., 1970. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afganistan // CRAI.
Bernard P., 1972. Campagne de fouilles à Aï Khanoum (Afganistan) // CRAI.
Bernard P., 1976. Les tradition orientales dans L'architecture greco-bactrienne // Le plateau iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Paris.
Bernard P., 1982a. Diodore XVII, 83, 1: Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de l'Oxus? // J. des savants. Juillet—Décembre. Paris.
Bernard P., 1982b. An Ancient Greek City in Central Asia // Sci. Amer. V. 246. N1.
Bernard P., 1982c. Alexandre et Aï Khanoum // J. des savants. Avril — Juin. Paris.
Bernard P., 1983. Aï Khanoum et la diffusion de l'hellénisme en Asie Centrale et dans l'Inde nord-ouest // Les peinture murales et les manuscrits de Dunhuang. Colloque franco-chinois organisé par la Fondation Singer Polingnac. Paris.
Bernard P., 1984. Du nouveau sur la mosaique d'Alexandre // Studia iranica. T. 13.
Bernard P., 1985. Les monnaies hors trésors. Questions d'Histoire gréco-bactrien // Fouilles d'Aï Khanoum IV. MDAFA. T.XXVIII.
Bernard P., 1990. L'architecture religieuse de l'Asie Centrale a l'époque hellenistique // Akten des XIII Internat. Kongr. für Klassische Archaeology. Berlin, 1988. Mainz am Rhein.
Bernard P., Francfort H.-C., Gardin J.-C., Liger J.-C. Lyonnet B., Veuve S., 1976. Fouilles d Aï Khanoum (Afganistan): Campagne de 1974 // BEFEO. T. LXIII.
Bieber M., 1955. The Sculpture of the Hellenistic Age. New-York.
Colledge M.A.R., 1986. The Parthian Period (Iconography of Religions XIV, 3). Leiden.
Curiel F., Fussman G., 1965. Le trésor monétaire du Qundus // MDAFA. T. XX.
Downey S., 1977. The Stone and Plaster Sculpture (The Excavations at Dura-Europos. Final Report III. Part I. Fascicle 2). Los-Angeles.
Fouilles d'Aï Khanoum I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire publié sous la directions de P.Bernard. 1968 // MDAFA. T. XXI.

Francfort H.-P., 1884. Le sanctuaire du temple à niches indentées // Fouilles d'Aï Khanoum III. MDAFA. T. XXVII.
Gardin J.C., 1968. Les céramiques // Fouilles d'Aï Khanoum I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968). Rapport préliminaire publié sous la direction de P.Bernard // MDAFA. T. XXI.
Gardin J.-C., Lyonnet B., 1976. La céramique (Fouilles d'Aï Khanoum (Afganistan), campagne de 1974) // BEFEO. T. LXIII.
Gardin J.-C, Lyonnet B., 1978/79. La prospection archéologique de la Bactriane orientale (1974—1978), premiers résultats // Mesopotamia. 13/14.
Gardner P., 1886. The Coins of the Greek and Scythian Kings of Bactria and India in the British Museum. London.
Ghirshman R., 1962. Arte persiana. Parti i Sässanidi. Milano.
Göbl R., 1971. Sasanian Numismatics. Braunshweig.
Göbl R., 1984. Munzpragung des Kusanreiches. System und Chronologie. Wien.
Grenet F., 1987. L'Athéna de Dil'beržin // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris.
Guillaume O., 1983. Les propylées de la rue principale // Fouilles d'Aï Khanoum II. MDAFA. T. XXVI.
Guillaume O., Rougeulle A., 1987. Les petites objetes // Fouilles d'Aï Khanoum VII. MDAFA. T. XXXI.
Hackin J., 1954. Nouvelles recherches archéologiques à Bégram // MDAFA. T. XI.
Kleiner G., 1942. Tanagrafiguren. Berlin.
Leriche P., 1986. Les ramparts d'Aï Khanoum et monuments associés // Fouilles d'Aï Khanoum V. MDAFA. T.XXIX.
Lexicon Iconographicum Mithologiae Classicae. II, 2. Zurich-München.
Newell E., 1978. The Coinage of the eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. With a Summary of Recent Scholarship Addition and Correction by O.Mørkholm (Numismatic Studies N1). New-York.
Pottier E., 1890. Les statuettes de terra-cuits dans l'antiqueté. Paris.
Pugachenkova G.A., 1978. Les trésors de Dalverzintepe. Leningrad.
Rapin C., 1987. Les textes littéraires grécs de la trésorerie d'Aï Khanoum // Bulletin de correspondence hellénique. T. CXI. Athenes-Paris.
Rapin C., 1992. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum // Fouilles d'Aï Khanoum VIII. MDAFA. T.XXXIII.
Rotroff S. I., 1982. Hellenistic Pottery. Athenian and imported moldmade Bowls (Athenian Agora. V. XXII). Princeton.
Sarianidi V., 1985. Bactrian Gold. Leningrad.
Schlumberger D., 1949. Le prospection archéologique de Bactres (printemps 1947) // Syria. T. 26. N 2. Paris.
Schlumberger D., 1966. Aï Khanoum une ville hellénistique en Afganistan // CRAI. 1965.
Texidor J., 1979. The Pantheon of Palmyra. Leiden.
Veuve S., 1987. Le gymnase. Architecture, céramique, trouvailles // Fouilles d'Aï Khanoum VI. MDAFA. T. XXX.

Институт археологии АН Узбекистана,
Самарканд

K. ABDULLAJEV

THE TERRA-COTTA PLASTIC ART OF AI-HANUM

Summary

The article deals with the terra-cotta plastic art of Ai-Hanum, a Greek town situated at the confluence of the Kokcha and Panj rivers (Afganistan). The author offers a great number of analogies from the right bank Baktria and draws a conclusion that the small plastic art developed in the traditions of the whole Hellenistic world. The author devides the artifacts into two groups. The first one includes the masterpieces of art whose moulds were made by the master who knew the traditions of the Hellenistic sculpture very well. The other one contained more simple examples produced in a workshop of a ordinary potter. Ai-Hanum demonstrates the main shapes of the ceramic decorations imitaiting the metal table-wear with the rich ornaments of palmettes, rosettes, acanthi as well as the antropomorphic decorations depicting the popular gods. The author thinks that bowls with such decorations on the bottoms were used for drinking for these gods.

А.А. МАСЛЕННИКОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА АНТИЧНОГО БОСПОРА

Весьма существенное место в военном деле античных государств, в том числе и Северного Причерноморья, как известно, занимали вопросы осады и обороны. Крайняя скудость источников, в особенности письменных, долгое время принуждала специалистов рассматривать их лишь применительно, как правило, к крупнейшим городским центрам (Блаватский В.Д., 1954. с. 91–112).

Благодаря недавно вышедшим превосходным работам С.Б. Буйских и В.П. Толстикова, существенно расширились наши представления о фортификации и обороне хоры Боспора и Ольвийского государства (Буйских С.Б., 1991; Tolstikov V.P., 1986, с. 167–178; Толстиков В.П., 1992, с. 41–65). Скромным вкладом в этой области исследований является и наша статья. Основанная на материалах многолетних раскопок Восточно-крымской экспедиции ИА РАН сельских поселений Крымского Приазовья (рис. 1), она не претендует на какие-либо обобщения даже регионального плана. В определенном смысле речь в ней пойдет о полиоркетике, хотя необходимо отметить, что содержание данного термина все же несколько уже того, о чем будет сказано ниже. К тому же само слово «полиоркетика» применительно к непритязательным археологическим фактам и облику оборонительных сооружений сельской территории европейского Боспора может вызвать у читателя, знакомого с классическими описаниями греческих и римских авторов и соответствующими укреплениями, снисходительную улыбку. Однако жизнь античного, как и всякого другого общества, была многогранна, и реальная военная история его состояла не только из громких побед и впечатляющих противоборств, но и из самых рядовых столкновений и коллизий. За ними также стояли и напряжение борьбы, и драматизм человеческих судеб.

Итак, оставя в стороне разнообразные аспекты собственно фортификации (даже непосредственно относящиеся к данному изложению, а именно: подробное фиксирование и описание соответствующих сооружений, их предполагаемая реконструкция и т.п.) сельских поселений, остановимся лишь на выбранной теме. Здесь в нашем распоряжении оказываются только некоторые более или менее достоверно истолкованные археологические наблюдения да отдельные находки, как-то увязываемые (и то далеко не всегда) с известными и неизвестными событиями.

Прежде всего о военных действиях, сопровождавших осаду и оборону населенных пунктов (помимо явных следов разрушений), говорят находки предметов вооружения. Однако и новые раскопки подтверждают, что они попадаются довольно редко. Ведь оружие, даже сильно поврежденное, всегда представляло определенную (а иногда и значительную) ценность, как непосредственно, так и в качестве сырья. Поэтому оно, как правило, тщательно хранилось. Только случайно затерявшиеся или совершенно безнадежно испорченные и малопригодные обломки имели шанс дойти до современного исследователя.

В определенной степени исключением, по всей видимости, можно считать наконечники стрел и метательные камни, хотя, безусловно, подбирали и их.

К числу таких находок, к тому же сделанных либо на внезапно прекративших свою жизнь поселениях, либо, предположительно, в слоях и развалинах, связанных с военными потрясениями, относятся два железных наконечника копий. Один – очень распространенной в Северном Причерноморье в IV–III вв. до н.э. формы: с длинным

© А.А. Масленников, 1996 г.

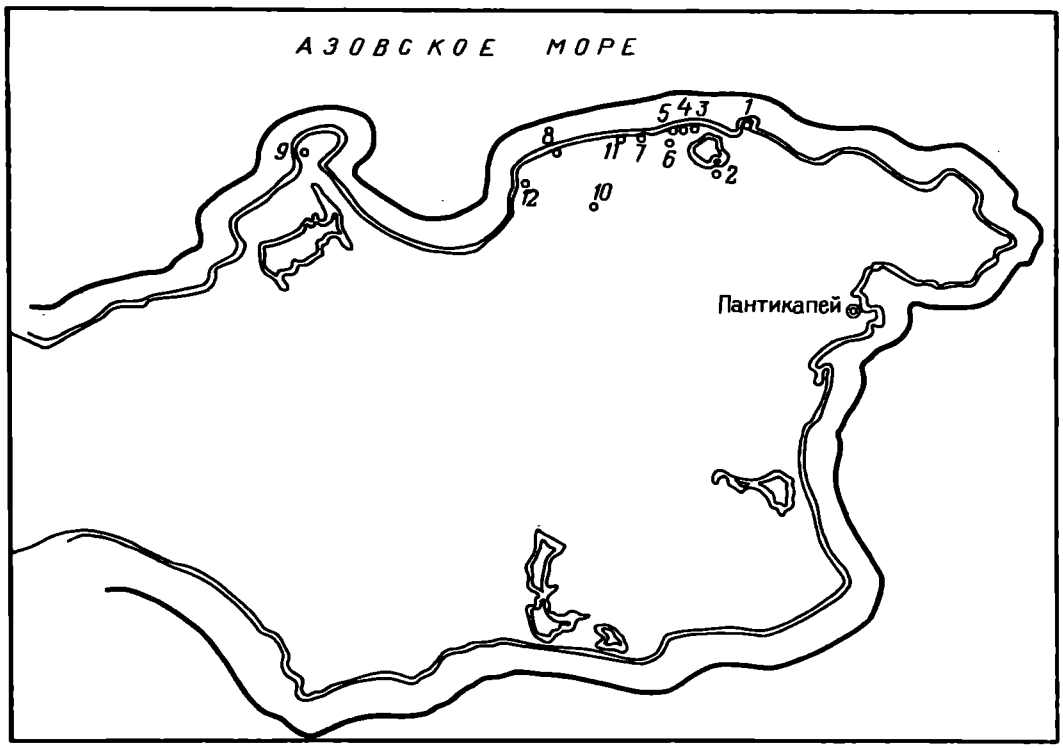


Рис. 1. Упомянутые в тексте сельские поселения европейского Боспора, на которых были сделаны находки оружия. *1* – мыс Зюк; *2* – Чокракский мыс; *3* – Полянка; *4* – Зеленый мыс; *5* – Крутой берег; *6* – Генеральское-восточное; *7* – Генеральское-западное; *8* – Золотое-восточное (Сюрташ); *9* – Казантип-западный; *10* – Артезиан; *11* – Пустынный берег; *12* – Золотое плато

остролистным без ребра пером, плавно переходящим во втулку (Мелюкова А.И., 1964, табл. XIII, *2*; 1989, с. 93, табл. 31, *36, 37*), обнаружен при раскопках крохотной усадьбы («Пустынный берег») на берегу Азовского моря (рис. 2, *9*). Другой – на значительно более солидной постройке усадебного типа на западной оконечности мыса Казантип (Казантип-западный). Оба – в слоях, связанных с гибелью поселений приблизительно в 60–50-е годы III в. до н.э. Второй наконечник без ярко выраженного короткого жаловидного пера на конце длинного, тонкого стержня, являвшегося продолжением втулки (острый край сильно загнут от удара), скорее всего, принадлежал дротику (рис. 2, *10*). Подобные наконечники также широко распространены и, хотя и нечасто, встречаются на обширном пространстве «скифского мира» в эллинистическое время (Мелюкова А.И., 1989, с. 93, табл. 31, *38*, табл. 65, *39*).

Третий наконечник происходит из ямы на поселении Генеральское-западное и по археологическому контексту может быть продатирован этим же периодом. Он мал, с коротким, почти клиновидным пером. Втулке у основания придана подчетырехугольная форма. Близкие наконечники известны среди савромато-сарматских комплексов (Смирнов К.Ф., 1961, табл. 41, *21*), но не исключено, что это подток от копья (рис. 2, *11*).

Вряд ли только на основании вышеприведенных данных и аналогий целесообразно судить о том, кто именно, греки, скифы либо сарматы непосредственно пользовались данными копьями.

Остатки защитного вооружения вообще встречаются очень редко, что лишний раз подтверждает вышесказанные предварительные соображения. Так, за почти 20-летний период раскопок Восточно-крымской археологической экспедиции лишь однажды был найден небольшой обломок медного шлема позднеэллинистического типа (его публикации посвящена специальная заметка М.Ю. Трейстера) да одна-две, вероятно, чешуйки от панциря (поселение Чокракский мыс, I в. до н.э.).

Все прочие находки – это лишь достаточно многочисленные наконечники стрел и

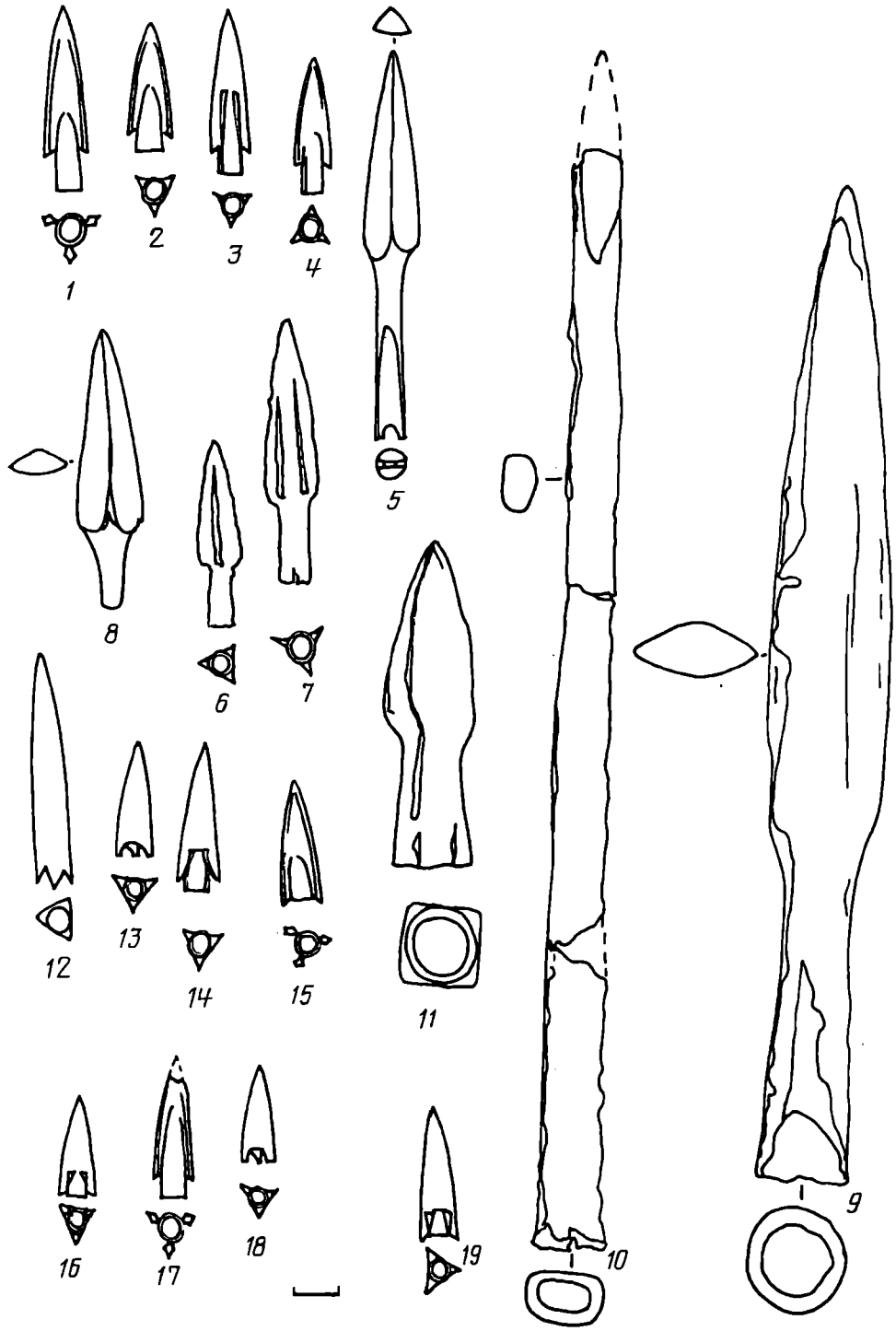


Рис. 2. Предметы вооружения, найденные на некоторых сельских поселениях. *1–3, 8* – мыс Зюк; *4* – Чокракский мыс; *5* – Зеленый мыс; *6* – Золотое-плато; *7* – Крутой берег; *9* – Пустынный берег; *10* – Казантип-западный; *11–19* – Генеральское-западное

камни, служившие ядрами. Именно они, как своего рода косвенные свидетельства, будут в центре нашего внимания.

Информативность тех и других сама по себе довольно ограничена, но все же при благоприятных археологических условиях (уверенная датировка слоя, особые обстоятельства его образования, точная фиксация) они позволяют сделать некоторые небезынтересные, хотя и небесспорные наблюдения и выводы.

Каменные ядра время от времени попадаются в ходе раскопок практически всех го-

Таблица 1

Место находки	Дата слоя	Размер, см	Вес, г	Материал	Примечание
Мыс Зюк	I в. до н.э.	5,2×5,4	285	Известняк	
»	I в. до н.э. – I в. н.э.	5,2×5,7	268	»	
»	Та же	4,8×4,2	145	Гранит	
Савроматий	I половина III в. н.э.	5,6×5,8	310	Известняк	
Золотое (селище)	IV–III вв. до н.э.	6,5×4,3	234	Змеевик?	Терочник?
Полянка	Вторая половина I в. до н.э.	5,1×6	320	Известняк	
»	Та же	6,2×6,1	192	Гранит	Половинка
»	»	6×7	350	Известняк	
Салачик	I в. до н.э. – I в. н.э.	4×4,2	165	Конкреция	
Чокракский мыс	I в. до н.э.	5,8×6,2	312	Известняк	
Артезиан	?	?	250	»	Фрагмент
»	?	?	?	»	
Сююрташ	III–II вв. до н.э.	5,4×4,5	255	Гранит	
»	»	4,3×4,5	145	»	
»	»	6×6,7	254	Известняк	
»	»	5,2×3,7	128	Конкреция	
Генеральское западное	III в. до н.э.	4×4	130	Известняк	
То же	»	7×7	445	»	
»	»	6,4×6,6	380	»	
»	»	6,5×6,6	387	»	
»	»	6,2×6	355	Галька	
»	»	7×7,3	518	Известняк	
»	»	6,5×7	464	»	
»	»	7,5	344	Известняк	Половинка
»	»	7,5×8	495	»	
»	»	7×7,5	530	»	
»	»	6×6,5	325	»	
»	»	4,9×5,4	210	»	
»	»	8,7×7,9	618	»	
»	»	8×6,7	484	»	
»	»	8,3×8,4	434	»	
»	»	7,6×7,5	370	»	
»	»	8×7,8	566	»	
»	»	8,3×7,8	650	»	
»	»	6,6×7,4	340	»	
»	»	6,3×6,6	278	Известняк	
»	»	6,8×7	442	»	
»	»	5,7×6,7	252	»	
»	»	6,5×6,2	198	»	Половинка
»	»	6,2	152	»	»
»	»	5,4×6,2	312	»	
»	»	5,3×6,8	300	»	
»	»	7,3×7,4	535	»	
»	»	6,4×6,5	388	»	
»	»	3,2×4,2	105	Галька	
»	»	4,2×3,2	78	Известняк	
»	»	4,9×3,5	88	Галька	
»	»	4,8×4,8	106	»	
»	»	6,4×7,2	455	Известняк	
»	»	6,1×6,8	288	Ракушечник	
»	»	5,9×6,8	275	»	
»	»	7,2×7,1	505	Известняк	
»	»	5,8×8,9	610	»	
Генеральское-восточное	I в. до н.э.	2,6×3,4	75	Конкреция	
То же	»	3,1×2,8	70	»	
»	»	3,2×3,7	105	»	

родов и многих сельских поселений Боспора и изредка упоминаются в некоторых публикациях. Полной сводки их, насколько нам известно, по крайней мере за последние два с половиной–три десятилетия (после выхода в свет статьи Н.И. Сокольского), сделано не было. Не претендуя на всеобъемлющее восполнение данного пробела, приведем лишь подборку, основанную на собственных раскопках (табл. 1). Все включенные в табл. 1 ядра хранятся в фондах Керченского музея.

В подавляющем большинстве случаев эти ядра были изготовлены на месте из разновидностей (ракушечник или более плотный «мшанковый» известняк) широко распространенных на полуострове известняковых пород, легко поддающихся обработке. Лишь изредка это камни более твердые, не встречающиеся в данном районе (мрамор, гранит, змеевик). Этим объясняется как неоднозначность соотношения весов и размеров, так и спорность изначального предназначения отдельных экземпляров (некоторые из них могли служить «терочниками»).

Во-вторых, обработка очень многих хотя и достаточна для придания им удобной, округлой формы, не всегда аккуратна и точна.

В-третьих, почти все они зафиксированы в слоях и комплексах, как-то связанных с драматическими событиями боспорской истории (середина III в. до н.э.; в. до н.э.; III в. н.э.).

Наконец, и это самое существенное, несмотря на кажущуюся с первого взгляда полную бессистемность, большую широту разброса их весовых характеристик, все эти «снаряды» условно можно свести к нескольким группам. Попутно напомним, что попытки классификации этого материала уже предпринимались, в том числе и в отечественных публикациях (Сокольский Н.И., 1962, с. 242 сл; Акопян А.М., 1986, с. 232–236).

Обращает на себя внимание, что в нашей коллекции нет ядер большого калибра (весом более 1 кг), изредка встречающихся при раскопках крупных боспорских городов (Пантикапея, Фанагории, Нимфея). По-видимому, это не случайно и отражает определенные возможности древней артиллерии применительно к «рангу» того или иного населенного пункта.

Среди перечисленных – самую многочисленную группу составляют ядра весом несколько более 400 г (около 1 греческой мины). Наиболее тяжелые из них не превышают 1,5 мин (650–680 г).

Затем выделяются группы со средним весом от 250 до 400 г, от 150 до 250 г и, наконец, около или менее 100 г. Две последние – самые малочисленные. Как правило, ядра четвертой группы – это галька, природные конкреции. В принципе, количество их могло быть значительно большим, однако, мы сочли возможным оставить в списке лишь те камни, обстоятельства и места находок которых позволяют надеяться на неслучайность их появления. Предположение относительно использования ядер этой и предшествующей категорий для метания при помощи пращи общепринято и очевидно. Не исключено, что и камни несколько большего веса применялись аналогичным образом.

Что касается самых тяжелых, то принято считать, что они были довольно универсальными, т.е. могли бросаться вручную, пращой и малыми камнеметными машинами (Сокольский Н.И., 1962, с. 246). Присутствие последних даже на наиболее крупных сельских поселениях, по-видимому, проблематично и требует в каждом конкретном случае особого рассмотрения. (Учет основных параметров оборонительных стен, особенности их планировок, наличие и размеры башен, топография и, конечно, сами находки крупных ядер.) В этой связи, во-первых, привлекают внимание бастионы городища Золотое-восточное (Сююрташ), являющиеся основным элементом усиления оборонительной линии (рис. 3). Те из них, что расположены на южном ее участке, находят аналогии в укреплениях греческих городов, в частности, в точности повторяют по своим основным параметрам бастионы стен Гераклеи на Латмосе. Последние были специально предназначены для размещения «артиллерии» и возведены не ранее начала III в. до н.э. (Garlan Y., 1974, p. 262, fig. 29).

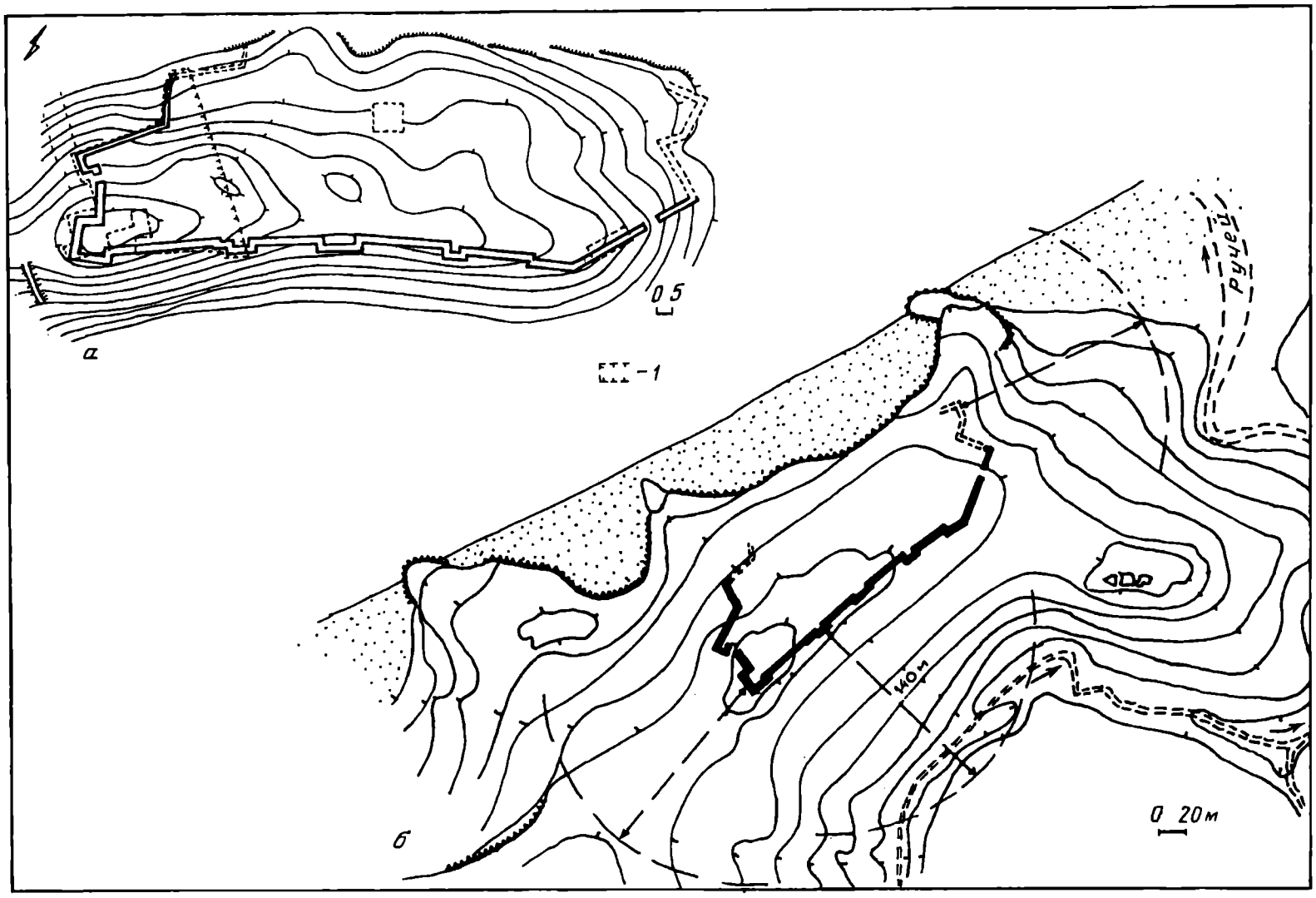


Рис. 3. Городище Золотое-восточное (Сююрташ). *а* – план-схема; *б* – ситуационный топо-план; *1* – границы раскопа

Таблица 2

Место находки	Дата слоя, объекта	Тип	Материал
Мыс Зюк	III–II вв. до н.э.	Трехлопастная	Бронза
»	»	»	»
»	»	»	»
»	IV в. до н.э.	Трехгранная	»
»	?	Трехлопастная	»
»	V–IV вв. до н.э.	?	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	?	»
»	»	?	»
»	V–VI вв. до н.э.	Черешковая	Кость
»	III–I вв. до н.э.	Трехлопастная	Бронза
»	»	?	»
»	»	Трехлопастная	»
»	»	?	»
»	?	Трехлопастная	»
Чокракский мыс	IV–I вв. до н.э.	»	»
»	I в. до н.э.	Трехгранная	»
Зеленый мыс	IV–VI вв. до н.э.	»	Кость
Золотое (селище)	III в. до н.э.	Трехлопастная	Железо
»	»	»	»
Салачик	?	»	Бронза
Крутой берег	III–II вв. до н.э.	»	Железо
»	»	»	Бронза
Артезиан	I в. до н.э.	Трехгранная	»
Генеральское-западное	IV–III вв. до н.э.	?	Бронза
То же	IV–III, III вв. до н.э.	?	?
»	»	?	»
»	III в. до н.э.	Трехлопастная	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	»	»
»	»	?	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	»	»
»	»	Трехлопастная	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	»	»
»	»	Трехлопастная	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	»	»
»	»	»	»
»	»	Трехгранная	Кость
»	»	»	Бронза
»	»	Трехлопастная	»
»	»	Трехгранная	»
»	»	»	»
»	»	»	»
»	»	Трехлопастная	»
Генеральское-восточное	I в. до н.э.	»	»

В данном случае ее применение для обстрела открытых пространств на дальних и ближних подступах к городищу с юга и юго-запада кажется вполне целесообразным (рис. 3, *б*). Не противоречит этому предположению и время постройки стен этого, пожалуй, самого крупного сельского поселения европейского Боспора эпохи эллинизма: середина – вторая половина III в. до н.э.

Не должно нас смущать и отсутствие находок ядер соответствующего калибра. Ближайшие к укреплениям пространства здесь не исследовались, а обстоятельства прекращения жизни на поселении, судя по раскопкам, могут трактоваться неоднозначно.

Во-вторых (об этом мы говорим, правда, в плане очень осторожной гипотезы), в I в. до н.э. – III в. н.э., возможно, существовала даже некая зависимость между максимальным весом ядер (т.е. «калибром» метательных машин или их отсутствием) и типологической принадлежностью, вернее, «рангом» сельских поселений на этой территории. Напомним, что часть их (городища с так называемой линейной застройкой) вроде таких, как Семеновка, Тасуново, Генеральское-восточное, скорее всего, принадлежали военным поселенцам – своеобразному сословию боспорского населения. Другие (с застройкой основной части по периметру, вокруг прямоугольного «двора»), по-видимому, являлись укрепленными, постоянными военными лагерями, фортами и небольшими крепостями на важнейших коммуникациях: Ново-Отрадное, Михайловка, Артезиан. При этом внутри типа выделяются два-три вида (ранга), характеризующиеся особенностями площади, параметрами основных укреплений и др. Не исключено, что каждой группе поселений в этой военно-административной системе соответствовал и вполне определенный по численности, вооружению и средствам защиты воинский контингент. К сожалению, имеющихся в нашем распоряжении данных пока недостаточно для убедительного подтверждения этих предположений. Отметим лишь, что упомянутые выше бастионы оставались характернейшим элементом оборонительных сооружений практически всех поселений первой группы. Для второй – выделим весьма солидную толщину стен (Масленников А.А., 1989, с. 70–78; 1993, с. 13–23).

Во всех случаях мы исходили из посылки, что каменные ядра так или иначе использовались главным образом обороняющейся стороной. Конечно же, это вовсе не обязательно, особенно в отношении применявшихся для метания пращой, а также стрел, к анализу находок которых мы и переходим далее.

Наконечники стрел встречены практически на всех боспорских поселениях (а также и городах), в слоях главным образом VI–I вв. до н.э. Из новых находок на сельской территории перечислим следующие (табл. 2).

Как и в примере с ядрами, наконечники стрел встречены в слоях, связанных с разрушениями и следами военных действий. На первый взгляд, их довольно много. Но, учитывая очень большой объем работ на многих из перечисленных поселений и сравнения с памятниками ольвийской хоры (даже только более узкого хронологического периода) (Назаров В.В., 1988, с. 180), их число нельзя признать чем-то исключительным. Отметим также, что среди найденных экземпляров нет ни одного, относящегося к ранним типам, равно как и к сравнительно поздним. Как правило, все они вполне соответствуют типам и формам, характерным для наборов IV–III вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1989, с. 92), и связаны со скифскими традициями. Лишь некоторые железные, втульчатые, а также костяные, черешковые наконечники теоретически могли принадлежать сарматам или гуннам (рис. 2, *1–8, 12–19*).

В принципе, на этом можно было бы и остановиться, предоставив будущим исследователям возможности дополнений и сравнений. Однако одно обстоятельство, без сомнения, обращающее на себя внимание, позволяет, как нам кажется, продолжить некоторые изыскания в данной области. Речь пойдет о выяснении ряда особенностей осады и обороны применительно к конкретному памятнику и ситуации. Таким во многих отношениях счастливым для археологов объектом является поселение Генеральское-западное.

Интересные в архитектурном плане и относительно хорошо сохранившиеся строительные остатки, необычайная для сельского поселения насыщенность слоя разнообразными находками, предметы и сооружения культового и хозяйственно-производственного назначения – все это выделяет его среди прочих населенных пунктов европейской хоры Боспора. Не вдаваясь в детали вопроса о его датировке (что требует особой публикации, учитывая хотя бы наличие более тысячи амфорных и черепичных клейм и около 100 монет), укажем лишь, что это поселение (богатая усадьба, храмово-хозяйственный комплекс, торговая фактория?) просуществовало со второй четверти IV по 60–50-е годы III в. до н.э. Археологические наблюдения и некоторые находки (прежде всего обилие наконечников стрел и каменных ядер) свиде-

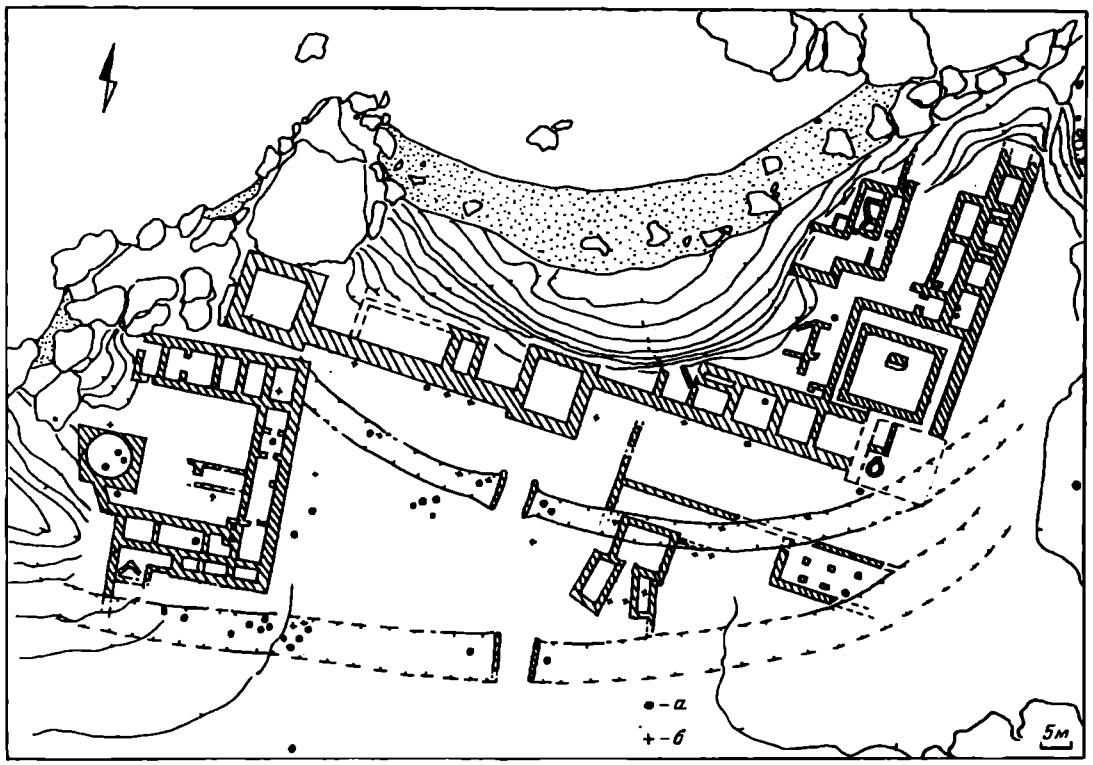


Рис. 4. Схема локализации находок каменных ядер и наконечников стрел на поселении Генеральское-западное. *а* – каменные ядра; *б* – наконечники стрел

тельствуют, что данный объект погиб в ходе военных действий. Правда, на какое-то непродолжительное время жизнь на части поселения временно возобновилась, но в целом все оставалось почти в том же состоянии, что и в момент катастрофы. Причем благодаря тому, что объект был фактически полностью раскопан с соответствующей фиксацией находок, мы имеем представление о местоположении ядер и стрел относительно тех или иных строений и друг друга (рис. 4). Повторяем, в данном случае позднейшие перемещения если и повлияли на все это, то в самой незначительной степени.

Итак, каменные ядра и наконечники стрел с рассматриваемого поселения составляют большую, если не подавляющую часть описанного выше собрания. Первые встречены почти исключительно за пределами построек (31 случай). Трижды – на полах помещений или в грунте их заполнения и столько же – в заполнении огромной зерновой ямы. Все остальные ядра (за исключением двух) обнаружены не только вне помещений, но и за чертой внешних стен основных строительных комплексов поселения, по большей части к югу и юго-востоку от них. Степень этой удаленности различна, от нескольких десятков см до 20–25 м. Предельное расстояние (1 экз.) составляет около 100 м.

В 17 случаях ядра находились в близлежащих к строению раскопанных частях двух оборонительных рвов (в заполнении, у дна), а также возле проходов, имевшихся в этих рвах. Особенно насыщен ими участок внешнего рва рядом с юго-восточным углом строений западного (хозяйственного?) комплекса, непосредственно у проезда во втором, внутреннем, рве и на пространстве вблизи от него к югу. При этом, за немногим исключением, все эти ядра относятся к первым двум весовым категориям.

Случайны ли отмеченные особенности, и о чем они предположительно могут говорить? Прежде всего, более вероятным представляется, что каменные «снаряды» использовались защитниками поселения непосредственно при отражении атаки противника, т.е. для относительно ближнего боя. Это в целом как будто бы более соответствует их местонахождению и расстоянию от строения. Если учесть, что нападающая сторона в момент штурма стремилась возможно быстрее сблизиться с

противником, дабы лишить его преимуществ высоты и относительно статичного положения, то о прицельном метании и стрельбе с ее стороны не могло быть речи. Поэтому оружие дальнего боя применялось, так сказать, на предварительном этапе (прогнать защитников со стен укреплений). И лишь отчасти, если это позволяли мощность и точность оружия, эта стрельба сопровождала атаку. (Лишь сооружение передвижных боевых башен уравновешивало возможности сторон в плане эффективности данного вооружения.) Итак, в случае их использования нападающими каменные ядра должны были бы находиться либо непосредственно у основания внешних стен, либо за их чертой, среди построек и в помещениях, но никак не во рвах. Картина же, как мы видим, обратная. Именно обороняющейся стороне было удобно и выгодно с крыш и из башен (последнее наиболее вероятно) забрасывать камнями замедливших на какое-то время продвижение, преодолевавших рвы или столпившихся перед ними и на проездах во рвах врагов. Кстати, эскарпы рвов были обмазаны глиной и довольно круты. Их внутренние стенки за счет примыкавших относительно невысоких валов были как бы дополнительно «углублены». А вблизи проезда во внутреннем рве, к юго-востоку от него, находилась довольно большая и весьма глубокая (до 2,5 м) яма, на дне которой расчищен лежавший в неестественной позе человеческий костяк, кости лошади, в том числе два конских черепа. Остатки (правда, незначительные) дерева в мусорном по своему характеру заполнении ямы вместе с этими находками, быть может, свидетельствуют, что эта яма была вырыта специально и, возможно, даже преднамеренно замаскирована. Кости человеческих черепов обнаружены и у дна раскопанной части внешнего рва.

Расстояние от предполагаемой исходной точки броска (крыша постройки, стена или, скорее, центральная башня северного, прибрежного, единственного специально укрепленного комплекса строений) составляло в таких случаях в среднем от 5–7 до 15–20 м. Более далекие находки, как уже говорилось, единичны. Это обстоятельство (наряду с особенностями самих укреплений поселения), а также фактор времени и места действия заставляют склониться к мнению, что все (за исключением самых небольших, пращевых) ядра были брошены рукой. Что же касается использования камнеметных машин, то даже усиленная дополнительной кладкой одна из куртин прибрежного комплекса оставалась все же явно узкой для установки таких машин, хотя бы и самого малого калибра (Болдырев А.В., Боровский Я.М., 1948, с. 291; Толстиков В.П., 1977, с. 165).

Теоретически они могли размещаться на этажах и площадках башен, откуда, учитывая дистанцию прямого выстрела небольшого камнемета в 100–140 м (Болдырев А.В., Боровский Я.М., 1948; с. 292; Толстиков В.П., 1977, с. 163), противник обстреливался на дальних подступах к поселению и в момент начала атаки. (Применительно к конкретным условиям окружающего рельефа – на вершинах близлежащих скалистых холмов.) Доказать это можно пока лишь одной случайной находкой хорошо обработанного ядра, хотя и не самого тяжелого, на северном склоне седловины указанных холмов, приблизительно в 100 м от башен и стен. Ручной бросок на такое расстояние невозможен, да и бессмыслен, ибо прицельная точность при таком способе вообще невелика. Эффективность же достигалась, надо думать, при обстреле «групповых» целей. Находки отдельных ядер внутри построек и даже помещений могут быть истолкованы неоднозначно и всей обрисованной картины не нарушают.

Таким образом, оборонявшаяся сторона оставила следы своей активности по крайней мере в виде каменных ядер. О чем же в этом плане свидетельствуют находки наконечников стрел (рис. 4)?

Напомним, что их обнаружено 24. Все они (за исключением одной костяной) бронзовые, втульчатые. Из них 15 трехгранные, пять – трехлопастные, остальные не поддаются определению. Преобладают наконечники с укороченной втулкой (рис. 2, *12–19*). В целом по своей форме и соотношению типов данное собрание вполне соответствует среднестатистическому скифскому набору, характерному для IV–III вв. до н.э. (Мелюкова А.И., 1989, с. 92).

Условия находки свидетельствуют, что эти наконечники, скорее всего, попали в культурный слой именно в момент гибели поселения. Бросается в глаза, что в подавляющем большинстве (20 случаев из 24) они также обнаружены снаружи (к югу) от основных построек и вне помещений. В девяти случаях наконечники зафиксированы непосредственно к югу у основания стен. Это особенно отчетливо видно на примере прибрежного комплекса: стрелы (некоторые погнуты и обломаны) отскочили от камней и упали рядом. Но наиболее показательны их находки в районе второго, внутреннего рва. Почти все они (пять из шести) выявлены не в засыпи его, а впившимися в глинистую обмазку северного эскарпа. Таким образом, совершенно очевидно, что стреляли с противоположного поселению направления, со стороны холмов и степи, с юга. Примечательно, что во внешнем рве наконечников стрел найдено всего два, и все также у северного его борта. Естественно, это место нападавшим не было нужды интенсивно обстреливать. И наоборот, используя луки, осажденные обязательно применили бы их (как и ядра) против скопившихся перед препятствием врагов. (Впрочем, этот ров исследован пока в отличие от внутреннего не полностью.) Единственная костяная стрелка была обнаружена в упомянутой ямеловушке.

Таким образом, хотя нельзя отрицать того, что луки и стрелы, скорее всего аналогичные скифским, могли быть на вооружении и у оборонявшихся (в данном случае, по-видимому, боспорских греков), убедительных свидетельств этому как будто бы нет.

Имеющихся в нашем распоряжении наконечников стрел, конечно же, недостаточно, чтобы судить об интенсивности обстрела поселения. Ясно лишь, что защитники уступали противнику в эффективности оружия дальнего боя, последний же строил свою тактику на факторах быстроты и, возможно, внезапности в сочетании с результативностью обстрела. Все это облегчало успех в ближнем бою. Напомним в этой связи довольно странное на первый взгляд мнение, приводимое Авлом Геллием, о том, что «попадания становятся более частыми и точными, если цель, в которую бросаешь, находится вверху, нежели внизу» (A. Gellius. Noctes Atticae. IX, *1*). Впрочем, это могло быть и чисто «книжное измышление». О том же, как конкретно развивались трагические события того далекого прошлого, мы можем только гадать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян А.М., 1986. Каменные ядра из Арташата // Проблемы античной культуры. М.

Блаватский В.Д., 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Болдырев А.В., Боровский Я.М., 1948. Техника военного де... // Эллинистическая техника. М.; Л.

Буйских С.Б., 1991. Фортификация ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.

Масленников А.А., 1989. К типологии сельских поселений Боспора // СА. № 2.

Масленников А.А., 1993. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. Автореф. дисс. ... д.и.н. М.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д. 1–4.

Мелюкова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия. Скифская материальная культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.

Назаров В.В., 1988. Новые находки наконечников стрел из архаических поселений Нижнего Побужья // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. № 101.

Сокольский Н.И., 1962. Каменные ядра из Пантикапея // Пантикапей. МИА. № 102.

Толстиков В.П., 1977. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV–I вв. до н.э. // ВДИ. № 3.

Толстиков В.П., 1992. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. Вып. 10. М.

Garlan Y., 1974. Recherches de poliorcétique Grecque. Paris.

Tolstikov V.P., 1986. La fortification comme source pour l'histoire du Bosphor antique // La fortification dans l'histoire du Monde Grece. Paris.

Институт археологии РАН,
Москва

A.A. MASLENNIKOV

THE NEW DATA CONCERNING THE HISTORY OF POLIORCETIKA OF THE ANCIENT BOSPORUS

Summary

The author describes and analyses the new artifacts, mostly the pieces of arms as well as some peculiarities of the fortification discovered during the excavations of a number of the rural settlements of the region of Azov during the latest 15 years. The main attention is paid on the stone balls and arrow-heads found on the western Generalskoje settlement (4th-3rd cent. B.C.). It looks like the first ones were used mostly by the defenders of the settlement, i.e. by the Bosporus Greeks, the second ones belong to their enemies, who probably were the Scythians.

М.Г. АБРАМЗОН

ОТНОШЕНИЯ РИМА С СОЮЗНЫМИ ГОРОДАМИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Материалы кладов и отдельных находок монет из ряда причерноморских городов, где дислоцировались римские легионы, могут существенно дополнить сведения других источников о взаимоотношениях полисов этого региона с администрацией Римской империи. Мы имеем в виду не экономические связи между Римом и греческими городами, неоднократно бывшие уже предметом специальных исследований, а военно-политический аспект проблемы. Дело в том, что среди находок встречается немало интересных примеров провинциальных чеканок и союзных монет, дающих информацию о военно-политической экспансии Рима и времени вхождения причерноморских городов в сферу его влияния.

Следует оговориться, что в настоящей статье будут рассмотрены монеты некоторых полисов Юго-Восточного и Северного Причерноморья, игравших чрезвычайно важную роль в проведении римской восточной политики. «Свободные», союзные города, расположенные в восточной части Римской империи, обеспечивали тылы, снабжение и продвижение огромной массы римских войск в Закавказье, Парфию, Ближний Восток, Боспорское царство. В Юго-Восточном Причерноморье такую роль выполняли прежде всего припонтийские города — Амис, Синопа, Трапезунт и другие. В городах Вифинии, Пафлагонии, Понта были расквартированы римские легионы, вдоль побережья располагались римские форты, гарнизоны которых состояли не только из легионеров, но и милиции, частично включавшей отряды из вспомогательных войск (Максимова М.И., 1956, с. 306—324). Города Северного Причерноморья — Херсонес, Тира и Ольвия — также не просто входили в сферу римского влияния, но и обеспечивали интересы империи в данном регионе (Шелов Д.Б., 1981; Авдеев А.Г., 1993; Виноградов Ю.Г., 1992; Зубарь В.М., 1993). История городов Юго-Восточного и Северного Причерноморья не всегда достаточно хорошо освещена нарративной традицией, археологическими и эпиграфическими источниками, поэтому нумизматические материалы могут дополнить эти сведения важной и любопытной информацией (Кузьмина А.Г., 1969, с. 236—252).

Города Юго-Восточного и Северного Причерноморья отражали набеги сармато-аланов и других варваров на восточные границы империи. Так же, как и в боспорской чеканке (Фролова Н.А., 1980, с. 20; Ростовцев М.И., 1913, с. 23, 24), на их монетах нашли отражение факты борьбы римлян с варварскими племенами. Так, в чеканке Синопы времен Каракаллы и Геты появляются типы, связанные с набегами варваров. На реверсе одной из медных монет изображается скачущий верхом римский император, поражающий копьем лежащего врага; на аверсе — портрет Геты. На другой синопской монете изображался пленный варвар со связанными за спиной руками; на аверсе — портрет Каракаллы (Максимова М.И., 1956, с. 307, табл. II, *7, 9*). Монетное дело Синопы между тем указывает на ее зависимое положение от Рима: легенды на синопских монетах всегда на латыни (так как город был италийской колонией — Colonia Iulia Felix Sinope), серии монет без портретов римских императоров встречаются весьма редко, тип реверса составляют иногда чисто римские эмблемы, такие, как, например, волчица с Ромулом и Ремом (Максимова М.И., 1956, с. 345).

© М.Г. Абрамзон, 1996 г.

Это явление характерно для монетного дела и других "квази-автономных" городов Малой Азии. Так, по данным А. Робертсон, например, только 20% монет Антиохии в Писидии отражали местную тематику, остальные 80% типов реверсов были инспирированы Римом. Так же обстояло дело и с монетами, например, Гангры в Пафлагонии (Robertson A., 1981, p. 81).

Монеты Амиса, кроме немногочисленных «квази-автономных»[1], также несли изображение императора на аверсе. Амис выпускал и союзные монеты, в том числе символизирующие союз с Римом. Последние подчеркивали статус Амиса как союзного города. Монеты такого типа чеканились еще во второй половине I в. до н.э., затем при Траяне, Адриане, Септимии Севере. Данный союз и выпуск соответствующих монет, его декларирующих, имели несомненно важное политическое значение. К тому же эта эмиссия позволяет уточнить время получения Амисом статуса союзного города. Так, М.И. Максимова, анализируя монеты Амиса времен правления Августа, убедительно доказала, что Амис становится союзным городом не при Траяне, как считали многие исследователи, а в правление Августа. На аверсе этих монет изображаются голова Аполлона Актийского, покровительству которого Октавиан приписывал свою победу над Антонием[2]. На реверсе — аллегорическая композиция, символизирующая заключение союза между Амисом и Римом: две стоящие женские фигуры пожимают друг другу руки. Правая фигура — с копьем и щитом в левой руке — персонифицирует Рому, левая — без оружия — изображает Амис. Город, таким образом, получил статус свободного и союзного вскоре после 31 г. до н.э. и долго сохранял свои привилегии (Максимова М.И., 1956, с. 345—357).

При Адриане и Антонине Пие привилегии Амиса были расширены предоставлением городу права чеканить серебряную монету. Этот факт заслуживает внимания. В условиях централизации чеканки монеты из драгоценных металлов не так много городов Римской империи имели подобную привилегию[3]. Серебряная монета выпускалась в ряде полисов Малой Азии (кистофоры), а также в получивших этот статус городах: Никополе, Митилене, Книде, Кесарии Каппадокийской и городах Карии. Предоставлением этого права Амису, в частности, Рим стремился укрепить свою власть в этом стратегически важном районе.

Находки серебряных монет Амиса встречаются порой в довольно отдаленных регионах от места их чеканки, например, на территории Македонии, близ Скопле (Noe S.P., 1937, p. 302), в Северном Причерноморье и Среднем Приднепровье (Карышковский П.О., 1962, с. 139; Панфилова С.В., 1982). Несмотря на статус «свободного, автономного, союзного» города Амис не получил право на серебряную «квази-автономную» чеканку и помещал на аверсах своих монет изображения императоров и членов их семей. Большая часть найденных серебряных монет Амиса датируется семью последними годами жизни императора (Панфилова С.В., 1982, с. 75). Монеты с изображением Антонина Пия встречаются крайне редко, так как эмиссия серебряных монет при нем была произведена в Амисе один единственный раз — в 157/158 гг. На аверсах серебряных монет Амиса помещались портреты Адриана, Вибии Сабины, Луция Элия Цезаря, Антонина Пия; на реверсах — изображения Афины, Посейдона, Деметры, Гермеса, козерога с рогом изобилия и шаром (все — в сопровождении стандартной легенды AMICOY ΕΛΕΥΘΕΡΑC декларирующей статус «свободного» города).

Нумизматические источники свидетельствуют, что ряд других городов Малой Азии обладал еще большими привилегиями, пользуясь италийским правом (jus Italïcum).

---

[1] К группе так называемых «квази-автономных» относятся монеты, не имевшие портрета императора на аверсе. Городов, имеющих такое право, в Римской империи насчитывалось весьма мало, среди них — Хиос, Афины, Амис и др.

[2] Изображения Аполлона появляются на монетах Октавиана в 29—27 гг. до н.э. (Sutherland C.H.V., 1976, p. 149).

[3] Среди них: Дура, Фессалоники, Антиохия, Александрия, Коринф, Кипр и т.д. (Bellinger A.R., 1956, p. 104—107).

Возможно, некоторые из таких полисов имели свободу от гарнизонов и военных постоев. Судя по монетам с надписью C.I.F. Sinop. — Colonia Iulia Felix Sinope, Синопа получила jus Italicum при Цезаре или Августе. Италийским правом обладала и Апамея в Вифинии, что подтверждается находками монет с изображением статуи Марсия, стоящей на Римском форуме, — символа обладания городом италийским правом.

Статус "свободного" города получил также и Трапезунт, порт которого использовался римлянами для снабжения армии Корбулона, действовавшей в Армении в 58 г.н.э.: по Понтийскому морю к римлянам поступало продовольствие (Tac. Ann. XIII, 39). Трапезунт на своих монетах никогда не называл себя «свободным городом», но помещал на них эру города, начинавшуюся с 63 г. н.э., когда он был аннексирован римской армией и получил статус свободного. Предоставление этого статуса городу диктовалось его особым стратегическим положением. Бывший царский гарнизон, расположенный в городе, был преобразован в когорту римских граждан — особое подразделение солдат, не входивших ни в состав дислоцированного здесь легиона, ни в число городских когорт. Солдаты его получили римское гражданство, значки и оружие, принятое в римской армии (Tac. Hist. III, 47).

Важную роль в проведении римской восточной политики играли и города Северного Причерноморья. Начиная с 63 г. н.э. вексилляции римских легионов V Македонского, I Италийского, XI Клавдиева были размещены в Херсонесе, которому римляне оказали помощь в борьбе против тавроскифов. Несколько раньше была подчинена Тира. При Траяне или Адриане римский гарнизон находился в Ольвии, а несколько позже город был включен в состав провинции Нижней Мезии. Воинские контингенты римлян были расквартированы и в других городах Северного Причерноморья, где в настоящее время найдено большое количество кладов и отдельных находок римских монет (Пиоро И.С., Герцен А.Г., 1974; Бондарь Р.Д., 1982; Розуменко Ю.Г., 1982; Нудельман А.А., 1982; Анохин В.А., 1975; Кропоткин В.В., 1961, 1966; Golenko K., 1973). Присутствие римлян в этом регионе диктовалось не только военными задачами (охраной границ империи, борьбой с пиратством, мешавшим нормальному снабжению римской армии, ведущей действия против Армении или Парфии), но и политическими соображениями. Несмотря на римское присутствие в Северном Причерноморье, его города и государства продолжают считаться независимыми, о чем свидетельствуют эпиграфические источники и чеканка монет (Шелов Д.Б., 1984, с. 18—20).

Аннексия римлянами Тиры состоялась во время экспедиции Плавция Сильвана, но еще при Траяне город, в котором давно уже находился римский гарнизон, считался за пределами Мезии. Со времен Домициана до правления Александра Севера в Тире осуществляется имперская чеканка (почти без выпуска «квази-автономных» монет), что говорит о фактическом включении города в состав империи (Зограф А.Н., 1951, с. 114, 115). Литературные и эпиграфические источники не дают оснований точно определить время, когда же Тира попадает под влияние Рима. Между тем нумизматические источники позволяют установить это более надежно. Публикация не изданной ранее тирасской монеты с изображением персонификации римского сената, отчеканенной, скорее всего, в последние годы правления Тиберия или в начале правления Клавдия, указывает на тесную связь города с Римом еще до официального признания им верховной власти империи в 57 г. н.э. (Коциевский А.С., 1982). Данный тип примыкает к группе хорошо известных монет с изображением персонификации римского сената и надписью ΙΕΡΑϹ ϹΥΝΚΛΗΤΟΥ и т.д., которые выпускались со второй четверти I в. н.э. до прекращения городской чеканки в III в. н.э. на монетных дворах более чем 100 городов Малой Азии (Head B.V., 1911, P. 914—920).

В Тире обращались и клейменные римские монеты, что принято связывать с введением в город римских контингентов и принятием новой тирасской эры в 57 г. При Домициане, около 85 г., даки совершили набег на Мезию и разбили консуляра Оппия Сабина (Suet. Domit. 6). Готовясь к первому дакийскому походу (86 г.), Домициан разделил Мезию на две провинции и включил Тиру в состав Нижней Мезии. С этого

времени Тира начинает выпускать медную монету по образцу общегосударственной чеканки, т.е. с портретом императора на аверсе. «Квази-автономных" монет Тира не выпускала (Зограф А.Н., 1951, с. 115).

Еще более отодвигают время начала римско-тирасских отношений находки крупных бронзовых монет с легендой KAICAPOC CEBACTOY, чеканенных в Тире в эпоху Августа[4] (Диамант Э.И., 1982, с. 116).

В правлении Септимия Севера монетное дело Тиры переживало подъем, что было связано с закреплением за городом привилегии беспошлинной торговли. Эти заботы римской администрации о Тире, отраженные, например, в хорошо известных письмах наместника Нижней Мезии Л. Овиния Тертулла к тирянам (IPE, I^2, № 4), объясняются стремлением усилить позиции Тиры, удерживающей границы империи от напора варваров из причерноморских степей (Зограф А.Н., 1951,с. 117). Одновременно с экономическими мероприятиями был укреплен и римский гарнизон в Тире, а также в Ольвии и Херсонесе (Зубарь В.М., 1993, с. 37, 38). Находки монет позднеримского времени в Тире говорят о том, что город, переживший натиск варваров в III в. н.э., не потерял своего торгового значения вплоть до времен Максимина.

Ольвия окончательно потеряла свою независимость в правление Септимия Севера, о чем свидетельствует прекращение выпуска «квази-автономных» монет и переход к чеканке ярко выраженного провинциального характера (Зограф А.Н., 1951, с. 114; Карышковский П.О., 1965; Зубарь В.М., 1993). Однако эпоха римско-ольвийских отношений открывается несомненно раньше. Обратимся к истории независимой чеканки Ольвии. Описывая один из монетных типов Ольвии середины I в. до н.э. и сравнивая его с монетой Визáнтия с портретом Марка Антония, А.Н. Зограф высказывает любопытную и не лишенную основания догадку об изображении на этой монете какого-то римского военного деятеля, оперировавшего на Востоке (Зограф А.Н., 1951, с. 139). Очевидно, этот факт говорит о влиянии со стороны Рима, которое Ольвия испытывала в тот период. Какие-то параллели можно провести с монетными типами некоторых городов Малой Азии, помещавшими портрет Помпея.

С середины II в. н.э. в Ольвии был размещен римский гарнизон. Антонин Пий оказывал Ольвии помощь в борьбе против тавроскифов, которые были разбиты и дали заложников (SHA vita Anton. 9,9)[5]. В правление последнего Ольвия окончательно признала римскую ориентацию, что знаменовалось появлением на реверсе ольвийских монет чисто римского орла с венком в клюве. Аналогичное изменение происходит и в монетной типологии Тиры (Зограф А.Н., 1951, с. 143). Позднее присутствие на дунайской границе Марка Аврелия, ведущего Маркоманнские войны, привело к появлению на одном из ольвийских типов вместо головы Аполлона грубо исполненного портрета императора или его сына Коммода. Возможно, это было проявлением лести со стороны Ольвии по отношению к императору и империи, войска которой находились на дунайской границе. Впрочем, это явление было характерно для монетного дела и других городов, имевших право на «квази-автономную» чеканку. Наконец, вхождение Ольвии в состав Римской империи при Септимии Севере ознаменовалось немногочисленной императорской чеканкой города с портретами членов дома Северов на аверсе. На реверсе ассов этой серии изображался стоящий воин.

Херсонес получил статус свободного города (civitas libera) около середины II в. н.э., что сопровождалось вводом римских войск для его защиты от варваров. В городе и непосредственной близости от него дислоцировались римские легионы: в 57 г. н.э. — вероятно, IV Скифский, позже вексилляции VIII Августова легиона и моряки

---

[4] М. Грант отмечает появление аналогичных монет в городах Ликии, Лаодикее, Аполлонии, Триполисе, Милете, Гераклее, Евмении, Дионисполисе и других городах (Grant M., 1946, p. 328, 329).

[5] В общегосударственной чеканке имеется любопытный тип сестерция с изображением Скифии, держащей parazonium и диадему, передаваемую Антонину Пию (Mattingly H., 1946, Pl. 27,2).

Равеннской эскадры. Значительный гарнизон был размещен в соседнем Хараксе. Еще позже, в Херсонесе, превратившемся в опорный пункт римской политики на Востоке, находились вексилляции V Македонского, XI Клавдиева и I Италийского легионов, а также Мезийского Флавиева флота.

Золотая чеканка Херсонеса второй половины 40-х годов I в. н.э. позволяет утверждать, что полис выступал союзником Рима в его войне с Боспорским царством в 45 г. н.э. Контингент херсонесских войск участвовал в действиях римлян под командованием Авла Гирция против Митридата III, совершившего попытку добиться независимости. О победе херсонесского войска говорят монеты с изображением Ники. Вся дальнейшая чеканка монеты в Херсонесе велась под контролем римлян (Анохин В.А., 1977, с. 63, 64, 77, 78). В период Дакийских войн херсонеситы, очевидно, снова оказали Риму важные услуги, что было поощрено разрешением Траяна чеканить в полисе золотую монету. Этот золотой чекан 107 г. принято расценивать как своеобразный отклик Херсонеса на крупную военную победу Рима (Авдеев А.Г., 1993, с. 118).

Постоянное присутствие вексилляций римских легионов в Херсонесе подтверждается находками значительного количества кладов и отдельных монет, свидетельствующими о непрерывном притоке в регион римской монеты, чеканенной с середины I в. н.э. по V в. включительно (Гилевич А.А., 1968). Сопоставив данные о количестве находок римских монет 1—180 гг. н.э. в Херсонесе со временем дислокации в нем подразделений нижнемезийской армии, А.Г. Авдеев установил корреляцию между резким притоком в город римской монеты со времен Траяна и усилением римского гарнизона в этом полисе. Нумизматические данные позволили исследователю датировать время появления V Македонского легиона в Херсонесе последними годами правления Траяна. В это время в Северном Причерноморье сложилась весьма напряженная ситуация; римский гарнизон в городе усиливался либо по просьбе самих херсонеситов ввиду активизации варваров, либо в связи с подготовкой и проведением Парфянской войны (Авдеев А.Г.,1993, с. 121).

Развивая далее наблюдения А.Г. Авдеева, остается только добавить, что апогей притока римской монеты в Херсонес приходится на правление Антонина Пия, при котором город получает элевтерию и начинает выпускать монеты с надписью ΧΕΡCONHCOΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑC. В дальнейшем римское влияние сказывается и в появлении в типологии городских монет типов Асклепия и Гигиейи, пользовавшихся особым почитанием у римских легионеров. При Галлиене были выпущены последние монеты античного Херсонеса. Далее чеканка Херсонеса прекратилась (что характерно и для других городов империи), а римские войска были выведены из полиса. Все это свидетельствует о лишении Херсонеса статуса свободного города; не был подтвержден этот статус и при последующих императорах (Анохин В.А., 1977, с. 92).

Со времен Диоклетиана общеимперская монета полностью заменила херсонесскую. Из наиболее близких городов империи (Константинополя, Гераклеи, Антиохии, Никомедии) в Херсонес поступала огромная масса медных римских монет. Большая часть найденных в Херсонесе монет датируется временем правления Константина Великого и его сыновей. Встречаются также фоллисы и центенионалии Максимиана Геркулия, Валентиана II, Феодосия I, Грациана, Гонория (Белова Л.Н., 1981). Резкий приток римской монеты в IV в. н.э. показывает, что Херсонес продолжает играть важную роль в политической и экономической жизни империи, особенно в обороне ее восточных границ. Администрация империи уделяет много внимания укреплению обороноспособности города: возводятся стены, из Константинополя присылаются материалы для баллист и питание для баллистиариев; возможно, администрация империи назначала и старших офицеров. Несмотря на то, что Константин I, Феодосий и Гонорий неоднократно подтверждали политические и экономические привилегии города (Анохин В.А., 1977), Херсонес, однако, так и не получил более прав на собственную чеканку и оставался по статусу обычным пограничным городом империи.

Итак, нумизматические материалы римского времени, происходящие из Причерноморья, отражают взаимоотношения его полисов с Римом: постепенное втягивание в сферу римского влияния, усиление их политической зависимости и, наконец, включение в состав империи. Некоторые типы монет прямо или косвенно связаны с римским присутствием в регионе, а также с совместной борьбой римлян и их союзников против общих врагов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев А.Г., 1993. О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. № 2.

Анохин В.А., 1975. Клад монет начала III в. из Тиры // SCN. V. 6.

Анохин В.А., 1977. Монетное дело Херсонеса IV в. до н.э. — XIII в. н.э. Киев.

Белова Л.Н., 1981. Монеты из раскопок XIX, XXII и XXV кварталов Херсонеса // ТГЭ. Вып. XXI. Нумизматика, 5.

Бондарь Р.Д., 1982. Находка бронзовых монет Антонина Пия в Орловске // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Виноградов Ю.Г., 1992. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. № 3.

Гилевич А.А., 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиСф. Вып. 3.

Диамант Э.И., 1982. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16.

Зубарь В.М., 1993. Северное Причерноморье и Септимий Север // ВДИ. № 4.

Карышковский П.О., 1962. Клад римских монет из бассейна реки Тясмин // НЭ. Вып. III.

Карышковский П.О., 1965. Находки монет Римской империи в Ольвии // НиСф. Вып. 2.

Коциевский А.С., 1982. Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Кропоткин В.В., 1961. Клады римских монет на территории СССР / САИ. Вып. Г 4–4.

Кропоткин В.В., 1966. Новые находки римских монет в СССР // НЭ. Вып. VI.

Кузьмина А.Г., 1969. К вопросу о взаимоотношениях Рима с полисами Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Исторические науки. Уч. зап. кафедры истории Тульского гос. пед. ин-та им. Л.Н. Толстого. Тула.

Максимова М.И., 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.

Нудельман А.А., 1982. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Панфилова С.В., 1982. Серебряные монеты римского Амиса из собрания Одесского музея // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Пиоро И.С., Герцен А.Г., 1974. Клад антониниан из с. Долинное Крымской области // НиСф. Вып. 5.

Розуменко Ю.Г., 1982. Клад антониниатов Болградского района // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Ростовцев М.И., 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК.

Фролова Н.А., 1980. Монетное дело Рискупорида III (211—226 гг. н.э.) // НЭ. Вып. XIII.

Шелов Д.Б., 1981. Римляне в Северном Причерноморье во II в. // ВДИ. № 2.

Шелов Д.Б., 1984. История античных государств Северного Причерноморья // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.

Bellinger A.R., 1956. Greek mints under the Roman Empire // Essays in Roman coinage presented to Harold Mattingly / Ed. R.A. Carson, C.H.V. Sutherland. Oxford.

Head B.V., 1911. Historia numorum. A manual of greek numismatics. New and enlarged edition. Oxford.

Golenko K., 1973. Le trésor d'antoniniani de Kertch // RN. 15.

Grant M., 1946. From imperium to auctoritas. A historical study of aes coinage in the Roman Empire. Cambridge.

Mattingly H., 1946. Coins of the Roman Empire in the British museum. V. IV. London.

Noe S.P., 1937. A bibliography of greek coin hoards // NNM. № 78.

Robertson A.S., 1981. A rare greek imperial coin of Gangra in Paphlagonia // Coins, culture and history in ancient world. Detroit.

Sutherland C.H.V., 1976. Octavian's gold and silver coinage from c. 32 to 27 B.C. // Numismatica e antichita classiche. «Quaderny ticinesi». V. Bern.

Магнитогорский государственный
педагогический институт

M.C. ABRAMZON

THE RELATIONS BETWEEN ROME AND THE ALLIED TOWNS OF THE PONTIC AREA ACCORDING TO THE NUMISMATICS DATA

Summary

The investigation of the hoards and separate finds of coins in a number of the Pontic towns that played a very important role in the eastern politics of Rome can add a lot of inrformation about the relations between the poleis of this region and the Roman Empire administration. The coins of such towns as Amisos, Sinope, Trebizond, Apameia, Gangra, Olbia, Chersonesus, Tyras and the others telle us about a political and military expansion of Rome and the time when these towns were under the Roman influence. The coins of the Pontic towns testity to the fact if this or that town was an allied one or was ruled by the Italic law. The right of several towns to mint coins extended their political and economic rights. The allegoric compositions on a number of coins and the appearance of the pure Roman elements in the coins typology of several towns depict their gradual involvement under the Roman influence, the growth of their political dependence and finally their inclusion into the Empire. The important turns the poleis did to Rome were also marked by a rare right to mint gold coins. Finally the data abut the hoards and Roman coins found in a number of towns where the Roman garrisons were located testify to the movements of the Roman army, the preparations to the offensive operations as well as to the role the poleis played in the economic life of the Empire.

А.В. ГОРЕЛЫЙ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОБРЕЗАННЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТ С ВИЗАНТИЙСКИМИ ГИРЬКАМИ

Находки боспорских монет, обрезанных в древности, сравнительно редки — в нашем распоряжении имеется всего 42 экз. таких монет. Локализовать места их находок затруднительно, несомненно, однако, что большинство из них происходит с побережья Таманского залива, с территории древних городов Патрэй, Кепы, Фанагория, Гермонасса и поселений у современного пос. Приморский.

В обширной литературе по нумизматике Боспора явление обрезки монет не освещалось. Очевидно, это связано с отношением к обрезанной монете как к объекту нумизматики. Обрезанная монета психологически воспринимается как испорченная, потерявшая часть информации об оригинале, как памятник, потерявший эстетическую ценность. Сравнительная редкость обрезанных монет затрудняла выяснение их утилитарного назначения.

Общее представление о явлении обрезки боспорских монет можно получить на основании описания, приведенного в Приложении, рис. 1 и 2 и некоторых дополнительных сведений и соображений.

По-видимому, обрезке подвергались медные монеты, начиная с пантикапейских IV в. до н.э. и заканчивая позднебоспорскими статерами. Форма обрезанных монет разнообразна — сегменты, секторы, треугольники и многоугольники, часто со следами дополнительной обработки после обрубки или обрезки, что выражается в скруглении острых углов, пропиловке и т.д. (рис. 1, 2). Встречаются монеты с кратным весом, что наводит на мысль о том, что обрезанные монеты — это метрологические объекты, изготовленные из монет, вышедших из обращения. Сравнение веса некоторых из обрезанных монет с нормативами номиналов римской и византийской весовых систем показывает их несомненное соответствие.

Эти материалы стали предметом обсуждения на Проблемном совете по нумизматике Государственного исторического музея (февраль 1991 г., г. Москва), в результате которого возник ряд вопросов: не являются ли обрезанные боспорские монеты эксагиями? Какая связь между изготовлением гирь из обрезанных монет и обращением на территории бывшего Боспора золотой византийской монеты? Как следует датировать обрезку боспорских монет? и т.д.

Попытки непосредственно «вмонтировать» метрологическую совокупность, образованную обрезанными боспорскими монетами, в какую-либо весовую систему не привели к успеху. Точнее, некоторые из монет по весу точно соответствуют римской весовой системе, например, монета под № 37 весом 4,55 (см. Приложение) — секстуле, монета под № 4, весом 6,82 г — сицилику. Другие точно соответствуют византийской весовой системе, например, монета под № 20 весом 2,95 г — двум третям номисмы и т.д.

Предположим, что совокупность обрезанных боспорских монет представляет собой смесь наборов византийских гирь, соответствующих римской и византийской весовым системам.

Наиболее полное, фундаментальное описание римской и византийской весовых систем содержится в капитальной работе Л.И. Чуистовой (Чуистова Л.И., 1962). В ней подведен итог основным исследованиям в области римско-византийской

© А.В. Горелый, 1996 г.

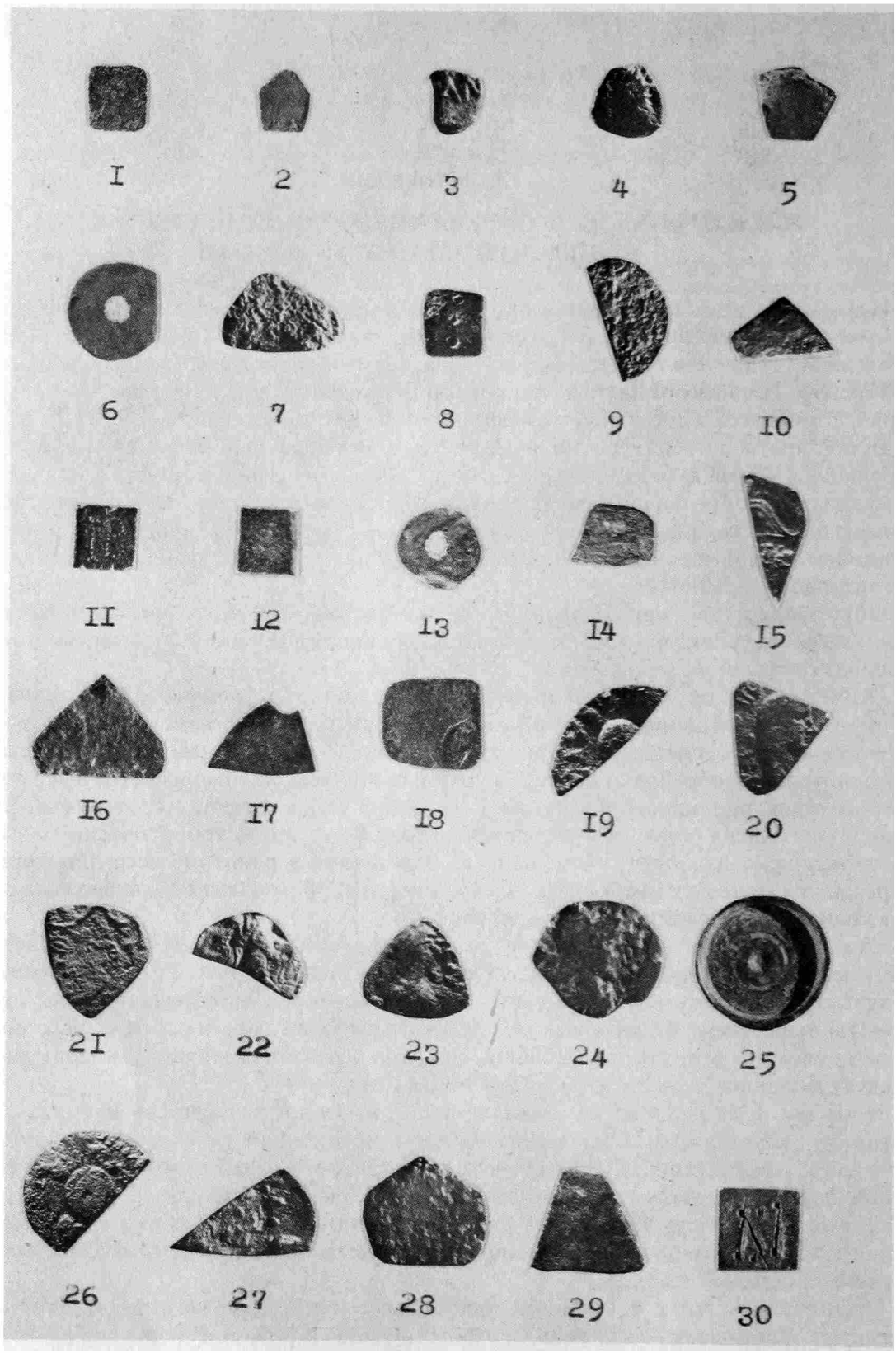


Рис. 1. Обрезанные боспорские монеты и мелкие византийские гири (описание см. в Приложении)

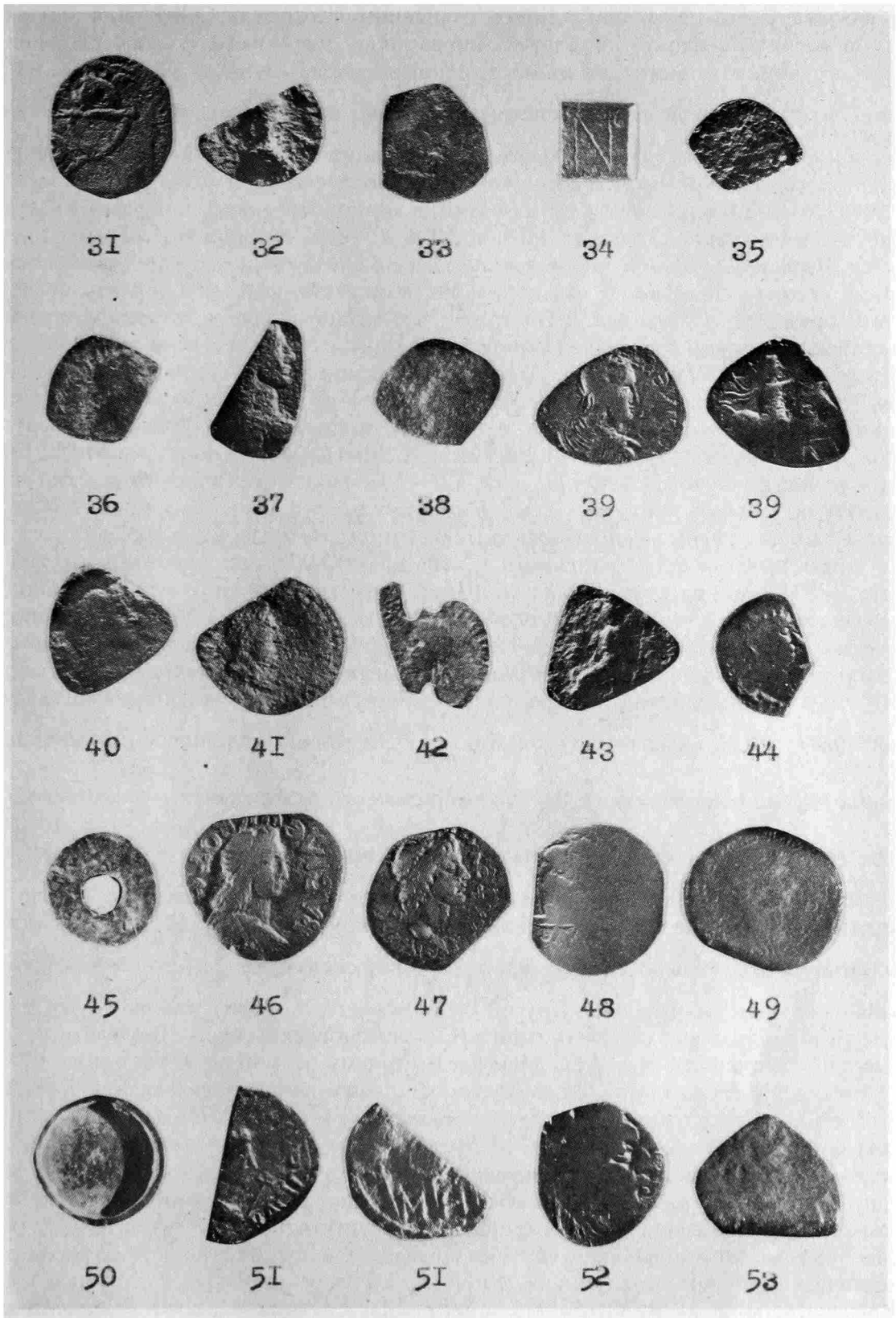


Рис. 2. Обрезанные боспорские монеты и мелкие византийские гири

метрологии с учетом сведений о гирях, хранившихся в музеях СССР. Для описания римской весовой системы приводятся справочные материалы о существовавших номиналах гирь и нормативах их веса, основанных на либре в 327,45 г. К числу античных гирь римской весовой системы отнесено 40 разновесков номиналов от $\frac{1}{2}$ унции (с нормативом в 13,644 г) и выше. При описании византийской весовой системы приводятся сведения о том, что норматив «монетного веса» под названием «номисма» был установлен императором Константином в период монетного кризиса III в. н.э. в 1/72 фунта и составил 4,55 г, а в середине VI в. н.э. (при Юстиниане) он уменьшился до 4,42 г. Введение номисмы, по-видимому, создало впечатление, что произошла смена римской весовой системы на византийскую. Византийской стали считать весовую систему, принятую в Византии. В результате все византийские гири стали относить к византийской весовой системе, игнорируя факт различия римского и византийского (с середины VI в. н.э.) нормативов. В рассматриваемой работе все византийские гири весом до 12 г отнесены только к византийской весовой системе. Этот момент имеет принципиальное значение, так как и в последующих работах стала допускаться аналогичная контаминация. Так, в статье М.И. Золотарева (Золотарев М.И., 1974) описан набор разновесов из Херсонеса XII—XIV вв., теоретический вес которых определен по римской весовой системе. В то же время вес некоторых из них идеально совпадает с нормативом византийской весовой системы (гирька в 2 номисмы имеет вес 8,85 г при нормативе в 8,84 г и гирьки в 2 унции — 52,97 г при нормативе в 53,04 г). В каталоге одного из крупнейших собраний византийских гирь, принадлежащего Музею истории искусств в Женеве, опубликованном Н. Дюрром (Dürr N.), терминология соответствует византийской весовой системе, а нормативы номиналов — римской.

Отличительной особенностью работ по византийской метрологии является тот факт, что в них выработался стереотип в выборе номиналов мелких византийских гирь. В работе Л.И. Чуистовой (1962) это $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ номисмы и 12 силиков (12 силиквами названы гирьки с гравировкой IB, что теоретически эквивалентно $\frac{1}{2}$ номисмы). В работе Н. Дюрра (см. спис.) это номиналы, кратные $\frac{1}{6}$ номисмы и скрупулу — $\frac{1}{4}$ номисмы. В результате идентификация гирь стала производиться по шкале, не содержащей ряда мелких номиналов, таких как 7, 9, 10, 11 и т.д. силиков. Дискретность веса гирь достигла $\frac{1}{6}$ номисмы, или 4 силиков, т.е. $\frac{3}{4}$ г, что соответствует довольно грубым измерениям. Другой стороной этого стереотипа стало то, что к одному номиналу стали относить гири с большим допуском веса. Приведем один из примеров. «Вес наших гирь в среднем дает номисму от 4,36 до 4,965 или до 5,90 г. При этом следует учитывать, с одной стороны, наличие на гирях окиси, с другой — стертости многих из них от частого обращения» (Чуистова Л.И., 1962, с. 113). Действительно, эти обстоятельства следует учитывать, однако не в такой степени, когда к числу гирь весом в одну номисму относятся разновески от 3,00 до 5,90 г. Трудно представить себе, что эти обстоятельста повлияли на разброс в весе гирь настолько, что разновесы одного номинала стали отличаться по весу почти в два раза. Таким образом, представление о системе номиналов и низкой точности византийских гирь следует подвергнуть сомнению.

Исходя из соображений целесообразности, точность гирь, т.е. соответствие их веса нормативам, до настоящего времени связывается с их назначением. Вопрос о назначении византийских гирь мелких номиналов в основном оставался открытым. Известно только, что для взвешивания монет из благородных металлов, в основном из золота, применялись гири, называемые эксагиями. И.М. Холодковский (1912) сообщает, что слово «экзагий» взято из греческого языка, означает «пробный вес». Эти гирьки появились в Византии, что зафиксировано в Кодексе Феодосия, чеканились

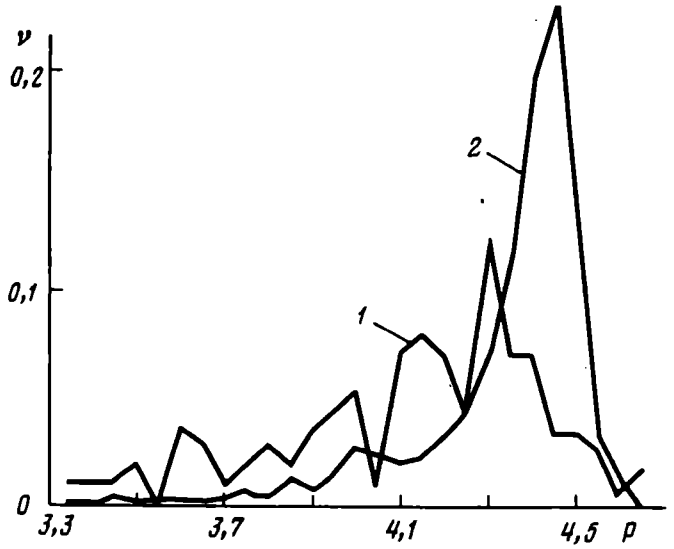


Рис. 3. Распределение веса мелких византийских гирь (линия 1) и веса золотых византийских монет (линия 2) в интервале, близком к весу номисмы — солида. ν — статистическая частота; P — вес в г

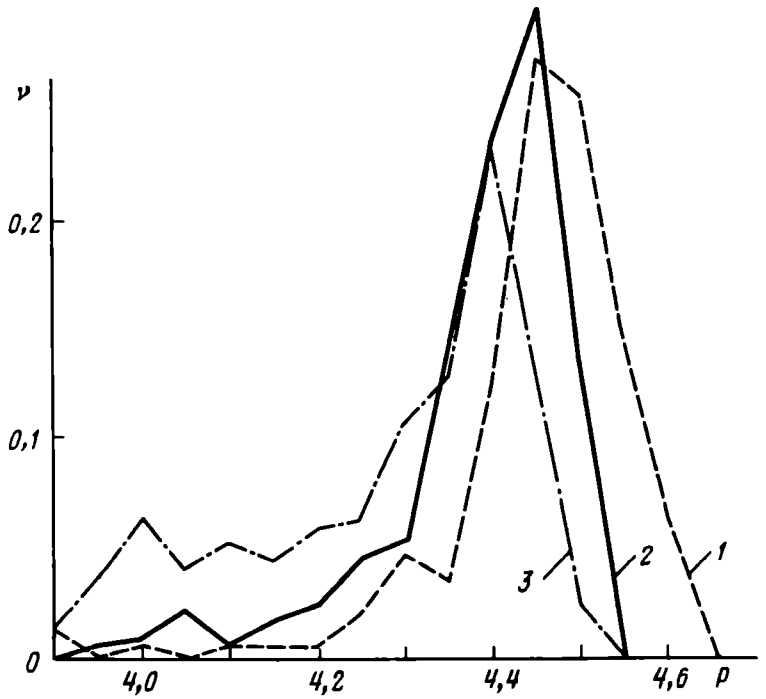


Рис. 4. Распределение веса византийских солидов, выпущенных в периоды 395—527 гг. (линия 1), 527—695 гг. (линия 2) и 698—1118 гг. (линия 3). ν — статистическая частота; P — вес в г

из меди, иногда изготавливались из фарфора. На более раннее происхождение эксагиев — 47 г. н.э. — указывает Л.И. Чуистова (1962, с. 86).

В связи с тем, что исследование весовых систем Византии инициировано исследованием обнаруженных обрезанных боспорских монет, вес которых не превышает семунции (13,64 г.), в дальнейшем мы будем заниматься только гирьками мелких номиналов.

Учитывая назначение эксагиев, можно предположить, что они изготавливались в таких номиналах, которые удобны для взвешивания золотых монет, находящихся в обращении. Как это хорошо известно, золотые византийские монеты по весу редко превышали номинал, но зато часто обрезались, в связи с чем их вес мог существенно

отличаться от номинального. Существует ли связь между номиналами гирь и распределением по весу золотых монет? На этот вопрос должна ответить статистика.

На рис. 3 приведены многоугольники распределения веса 110 византийских гирь (61 — по каталогу Н. Дюрра, 30 — по публикации Л.И. Чуистовой и 16 — из нашего собрания, включая обрезанные боспорские монеты, см. Приложение) и 848 золотых монет от Аркадия до Алексея I (395—1118 гг.) по каталогам И.И. Толстого (1913) и Британского музея (Wroth W., 1908). Как об этом можно судить по рисунку, распределение византийских гирь по своему характеру напоминает распределение золотых монет. Общим у обоих распределений является наличие ярко выраженной моды и практически одинаковые пределы изменения веса. Последнее свидетельствует о возможном использовании византийских гирь мелких номиналов в качестве эксагиев. Однако мода веса гирь и статистическое среднее сдвинуты влево от соответствующих характеристик монет, а дисперсия (веса гирь) выше, что свидетельствует о некотором несоответствии распределений. Аналогичная картина наблюдается в области весов, соответствующих тремиссису.

Анализируя распределения веса гирь и монет, представленные на рис. 3, следует учитывать эклектический состав тех и других. Поскольку стратификация монет по периодам их выпуска не представляет затруднений, проанализируем многоугольники распределения веса золотых византийских монет, отнесенных к трем периодам: от Аркадия до Юстиниана I (395—527 гг.), от Юстиниана I до Юстиниана II (527—695 гг.) и от Тиберия III до Алексия I (698—1118 гг.), — представленные на рис. 4. Все три распределения имеют один и тот же характер, но при переходе от раннего к более позднему периоду уменьшается мода и статистическое среднее веса монет и увеличивается его дисперсия. Распределение веса гирь на рис. 3 и распределение веса монет третьего периода сблизились, но сделать на этом основании какие-либо заключения затруднительно. Первичный статистический анализ исчерпал себя, необходимо выдвижение новых гипотез.

В литературных источниках идентификация византийских гирь с теми или иными номиналами осуществляется по двум критериям. Главный — это обозначение номинала, нанесенное на поверхность гири. Так, в работе Л.И. Чуистовой (1962) гирькам с обозначением IB приводится в соответствие особый номинал «12 силикв», а не $\frac{1}{2}$ номисмы, как у других гирек с аналогичным весом, но без обозначения номинала. Второй критерий — близость веса к номиналу. Результаты, к которым приводит применение этих критериев идентификации, можно наглядно проиллюстрировать на примере гирь с обозначениями номисмы (как на гирьках под № 33 и 37 на рис. 2). Л.И. Чуистовой (1962) в числе гирек с обозначением номисмы приведены экземпляры под № 38 (с. 97) весом в 3,01 и под № 54 (с. 99) весом в 4,7 г. В работе Н. Дюрра (см. спис.) на с. 13 приведены гирька под № 164 весом в 3,06 г и гирька под № 169 весом 4,80 г. Диапазон веса гирь с обозначением номисмы оказался равным 10 силиквам при том, что сама номисма состоит всего из 24 силикв. По-видимому, разброс веса гирь с обозначением номисмы следует объяснить не только износом, коррозией, загрязнением поверхности и низкой точностью изготовления, но также и принадлежностью этих гирь различным номиналам.

Чтобы выяснить, какой ряд номиналов византийских гирь существовал в действительности, необходимо определить дискретность весовых шкал римской и византийской весовых систем, найти тот минимальный вес, который разделяет соседствующие номиналы. Разгадку следует искать, анализируя разновески *отличной сохранности*.

Описание таких гирек представлено в табл. 1. Эта таблица, несмотря на тенденциозность подборки гирь, позволяет обнаружить наличие корреляции между обозначениями, нанесенными на поверхности гирьки, и ее весом в силиквах. По характеру обозначений гирьки можно разделить на три группы. К первой группе

Таблица 1

Описание мелких византийских гирь с обозначениями, соответствующими номиналам веса (№ 1—18) и противоречащими им (№ 19—24)

№ п.п.	Вес, г	Норматив веса, г	Обозначение	Число силиков	Весовая система*	Источ-ник**	Номер по источнику
1	0,76	0,76	IIII	4	Р	Д	235
2	0,87	0,92	V	5	В	Д	225
3	1,08	1,10	G	6	В	Д	234
4	1,12	1,14	S	6	Р	Д	236
5	1,26	1,29	GI, T	7	В	Д	303
6	1,42	1,47	T	8	В	Д	199
7	1,46	1,47	H	8	В	Д	245
8	1,57	1,66	IT	9	В	Д	222
9	1,91	1,90	X	10	Р	Д	298
10	2,17	2,21	IB	12	В	Д	252
11	3,30	3,31	IH	18	В	Д	223
12	3,22	3,31	$\overline{\text{SCP}}$ III	18	В	Д	224
13	3,62	3,68	K	20	В	Д	232
14	3,90	3,98	III	21	Р	Д	250
15	3,98	3,98	NT	21	Р	Ч	23
16	4,17	4,24	XXIII	23	В	Д	246
17	5,23	5,31	Δ	28	Р	Д	253
18	6,53	6,63	S	36	В	Д	177
19	1,79	1,84	IB	10	В	Д	219
20	3,11	3,13	XXII	17	В	Д	251
21	3,60	3,60	SOL I	19	Р	Д	185
22	3,84	3,87	N	21	В	Д	174
23	3,98	3,98	EXAGIUM SOLIDI	21	Р	Д	·278
24	4,80	4,79	N	26	В	Д	169

* Для весовых систем Византии применены обозначения: Р — римская, В — византийская.

** В таблице приняты следующие обозначения литературных источников: Д — Н. Дюрр (см. спис.), Ч — Л.И. Чуистова (1962).

относятся гирьки с обозначением названия номинала (№ 4 — скрупула, № 6 — темиссис, № 12 — три скрупулы, № 18 — сицилик). Ко второй — с обозначением веса в силиквах (№ 1 — 4 силиквы, № 2 — 5 силиков, № 3 — 6 силиков и т.д.). К третьей группе относятся гирьки с обозначением отклонений веса в силиквах от номинала с названием (№ 8 — 1 силиква и темиссис, т.е. 9 силиков; № 14 — недостаток в 3 силиквы, номисмы без 3 силиков, т.е. 21 силиква; № 15 — аналогично; № 17 — превышение в 4 силиквы, номисма и 4 силиквы, т.е. 28 силиков). Особо следует рассматривать гирьку № 5, одна сторона которой содержит обозначение темиссиса, а другая — «6 и 1 силиква», т.е. 7 силиков. Эти данные позволяют утверждать, что в Византии применялись гирьки весом в 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и т.д. силиков, т.е. дискретность нижней части весовой шкалы составляла 1 силикву.

Теперь рассмотрим примеры, свидетельствующие о несоответствии обозначений номиналов гирь их весу. Гирьки № 21 и 3 идеально отвечают соответственно 19 и 21 силикве римской весовой системы, хотя несут на себе четкое обозначение эксагия в 1 солид, т.е. 24 силиквы. Вес гирек № 19, 20 и 22 занижен по сравнению с обозначенным на них весом на 2—5 силиков, а № 24 — завышен на 2 силиквы. Существуют еще десятки примеров аналогичных несоответствий.

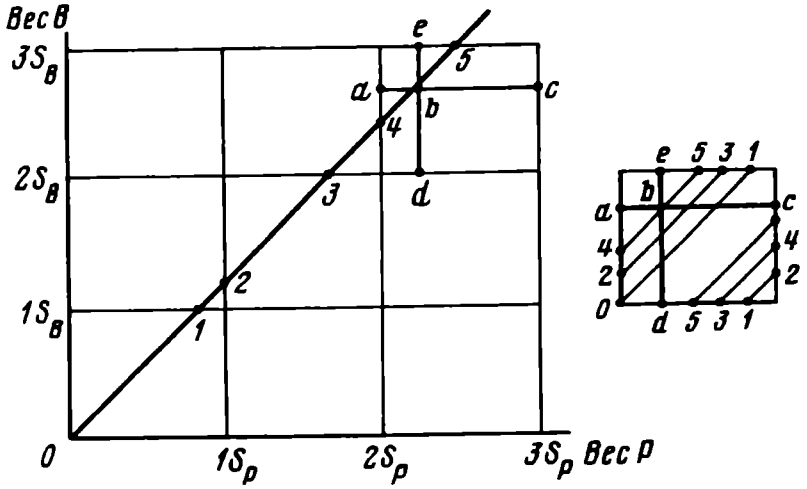


Рис. 5. Представление веса гири в номиналах римской и византийской весовых систем (левая часть рисунка) и стратификатор (правая часть). Вес *P* — вес гири в силиквах римской весовой системы; вес *B* — в силиквах византийской весовой системы

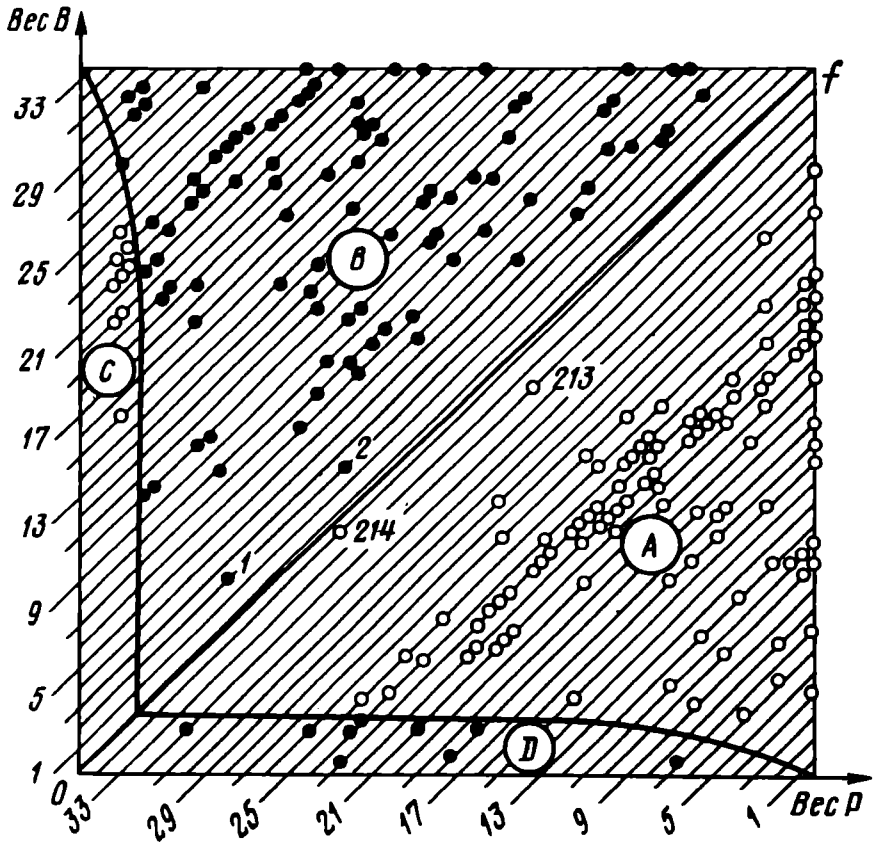


Рис. 6. Стратификация мелких византийских гирь. Светлыми кружочками обозначен вес гирь, тяготеющих к римской весовой системе, темными — к византийской. Вес *P* — вес в силиквах римской весовой системы; вес *B* — в силиквах византийской весовой системы

Такие несоответствия можно объяснить следующим образом. Заготовки под гирьки производились отливкой в формы (Чуистова Л.И., 1962, с. 116) и, естественно, имели большой разброс в весе. На заготовки одной партии наносилось обозначение номинала, производилась их обработка и доводка веса. Для гирьки номинала, скажем, 19 силиквы использовалась такая же заготовка, что и для гирек в 24 силиквы. Для различения гирь разного веса на первоначальные наносились дополнительные условные

обозначения в виде точек, штрихов, букв и т.д. (см. гирьку № 33 на рис. 2). При изменении норматива веса в середине VI в. н.э. старые гирьки, скорее всего, не выбрасывались, а перетачивались в гирьки новой, византийской системы. К старым обозначениям могли добавляться новые. Разобраться в них очень сложно, похоже, в них не было единой системы, каждый владелец гири наносил на ее поверхность свои, удобные ему обозначения.

Византийские гирьки самых мелких номиналов чрезвычайно редки. Они представляют особый интерес, их вес — еще одна загадка. Гирька № 1 (см. Приложение) весом 0,45 г может рассматриваться как разновес в 3 силиквы византийской весовой системы, потерявший 0,10 г, т.е. 18% своего веса, что мало правдоподобно. Скорее, эти гирьки в 2,5 силиквы византийской весовой системы с потерей 1,8% веса. То же самое можно сказать о гирьке весом 0,42 г (Dürr N., № 218). Следовательно, не исключено, что существовали византийские гирьки мельчайших номиналов, кратных $\frac{1}{2}$ силиквы. Такие гирьки в сочетании с другими, вес которых кратен силикве, могли обеспечить довольно точное взвешивание золотых монет и изделий.

Для решения вопроса о точности византийских гирь воспользуемся еще раз их статистикой. Очевидно, этот вопрос нельзя решить, не найдя достаточно надежного инструмента стратификации гирь по весовым системам — римской и византийской. Для разработки соответствующей методики построим весовое пространство, в котором вес гирьки представляется в силиквах римской весовой системы («вес Р» по оси абсцисс, рис. 5) и в силиквах византийской весовой системы («вес В» по оси ординат). Для удобства выберем одинаковый масштаб веса в граммах по обеим координатным осям, вследствие чего точка изображающая вес некоторой гири (точка *b* на рис. 5), расположится на биссектрисе координатного угла. Нанесем на рисунок сетку нормативов веса римской весовой системы через 1 силикву (1 Sp, 2 Sp и т.д.) и аналогично — византийской (1 Sb, 2 Sb и т.д.). Тогда точка *b*, изображающая вес гири, расположится в прямоугольнике, ограниченном нормативами соседствующих номиналов в обеих весовых системах. Для конкретной точки *b* на рис. 5 расстояние *bc* характеризует потерю веса гири (если это действительно имеет место) по отношению к номиналу в 3 римских силиквы, а *ab* — его превышение (если это имеет место) по отношению к номиналу в 2 римских силиквы. Определить достоверно, что же имеет место на самом деле — превышение или потеря веса — нельзя, но можно наглядно сопоставить вероятность того или иного явления по соотношению длин отрезков *ab* и *bc*. Одновременно можно соотнести размеры *bd* и *be*, характеризующие превышение норматива в 2 византийских и потерю веса к нормативу в 3 византийских силиквы. Таким образом, положение точки *b* характеризует вероятности четырех явлений — принадлежности гири к номиналу в 2 или 3 силиквы в римской или византийской весовых системах.

Для получения компактной целостной картины расположения гирь мелких номиналов в весовом пространстве поместим все отрезки биссектрисы, на которых расположены точки, изображающие вес гирь, в пространство, ограниченное соседствующими номиналами, т.е. в прямоугольник, размер которого по горизонтали составляет 1 римскую силикву, а по вертикали — византийскую. Эти отрезки, пронумерованные на рис. 5 как 01, 12, 23 и т.д., расположатся в едином прямоугольнике так, как это показано на рис. 5 справа, образуя своеобразную сетку. Если ограничиться анализом гирь весом до 6,45 г, то отрезки биссектрисы заполнят все пространство прямоугольника без последующего положения. С учетом назначения такого прямоугольника назовем его стратификатором.

Для анализа возможностей стратификации византийских гирь мелких номиналов были использованы данные о 214 гирях (112 — по каталогу Н. Дюрр из собрания Женевского музея истории искусств, 58 — по публикации Л.И. Чуистовой из собраний государственных музеев СССР и 44 — по Приложению к настоящей публикации из

нашего собрания), представленные на рис. 6. Несмотря на вероятностный характер возможных заключений, картина распределения гирь на стратификаторе все же обладает некоторой определенностью. Заметно тяготение веса гирь, обозначенных темными кружками, к «северной» границе стратификатора — к византийским нормативам — и светлых — к «восточной» границе — к римским нормативам. Условной границей стратификации можно считать диагональ *of*, которая по существу является линией безразличия к стратификации. Точки, расположенные выше и слева от этой границы, обладают общим свойством — у них расстояние до «северной» границы меньше, чем до «восточной», и, следовательно, соответствующие гирьки тяготеют больше к византийской весовой системе, чем к римской. Часть гирек, для которых изображающие их точки тяготеют к «западной» границе стратификатора, могут быть идентифицированы как гири римской весовой системы, но с превышением веса над нормативом (соответствующие точки обозначены светлыми кружками). Граница области *C* определения этих гирь проведена ориентировочно, на основании субъективных представлений, точно так же, как и граница области *D* точек, тяготеющих к «южной» границе стратификатора.

Стратификатор позволяет наглядно оценить качество стратификации гирь. Так, гири, обозначенные на рис. 6 № 213 и 214, расположены возле диагонали *af*, и, естественно, их метрологический анализ не может служить надежным основанием для отнесения их к римской весовой системе. Это связано с тем, что вес в 6,44 г соответствует 34 римским и одновременно 35 византийским силиквам, а вес гирь № 213 и 214 — 5,99 и 6,32 — близок к этому критическому весу. Гири, обозначенные № 1 и 2, это гири минимального веса в 0,42 и 0,45 г. В отношении их уже высказывалось предположение о малой вероятности принадлежности их к номиналу в 3 силиквы (ибо тогда потеря их веса была бы сопоставима с потерей веса гирь № 213 и 214, которые тяжелее в 15 раз) и о большой вероятности принадлежности их к номиналу в 2,5 силиквы с нормативом, расположенным примерно в центре стратификатора.

Стратификация византийских гирь позволяет сделать важное заключение о точности их изготовления. Поскольку на решение этого вопроса существенно влияют факторы потери веса от коррозии и его увеличение от загрязнений, попытаемся ослабить их влияние там, где это доступно. Так, гирьки и обрезанные монеты нашего собрания были довольно тщательно очищены, в результате чего ни одна из них не попала в область *C* или *D* стратификатора. Для такого же количества музейных гирь на основе пуассоновского распределения вероятность попадания в область *C* или *D* хотя бы одной гири составляет 99%. Следовательно, появление точек в области *C* и *D* стратификатора объясняется недостаточно тщательной очисткой гирь.

Практически полностью ослабив влияние на вес наших гирь второго фактора, попытаемся оценить влияние первого. Для этого вычислено статистическое математическое ожидание потери веса 53 гирь и обрезанных монет нашего собрания весом до 10, 30 г, которое оказалось равным 0,023 г, и статистическое среднеквадратическое отклонение — 0,025 г. Эти данные говорят о том, что точность изготовления мелких византийских гирь должна оцениваться сотыми долями грамма. А если учесть, что точность взвешивания наших гирь и обрезанных монет составляла 0,01 г, что вес 12 из них идеально совпал с нормативами и ни 1 из этих объектов не превысил норматив, то можно принять оценку точности малых византийских гирь в 0,01 г, что согласуется с назначением гирь в качестве эксагиев. Эти данные позволяют сделать заключение о том, что точность мелких византийских гирь на самом деле на один-два порядка выше, чем это предполагалось до настоящего времени.

Необходимость широкого применения эксагиев связана с тем, что золотые византийские монеты по весу не подгонялись под номиналы по шкале силикв, что, в общем-то, было бы удобно при взаимных расчетах. Для проверки этого обстоятельства было построено распределение отклонения веса золотых византийских монет, обращавших-

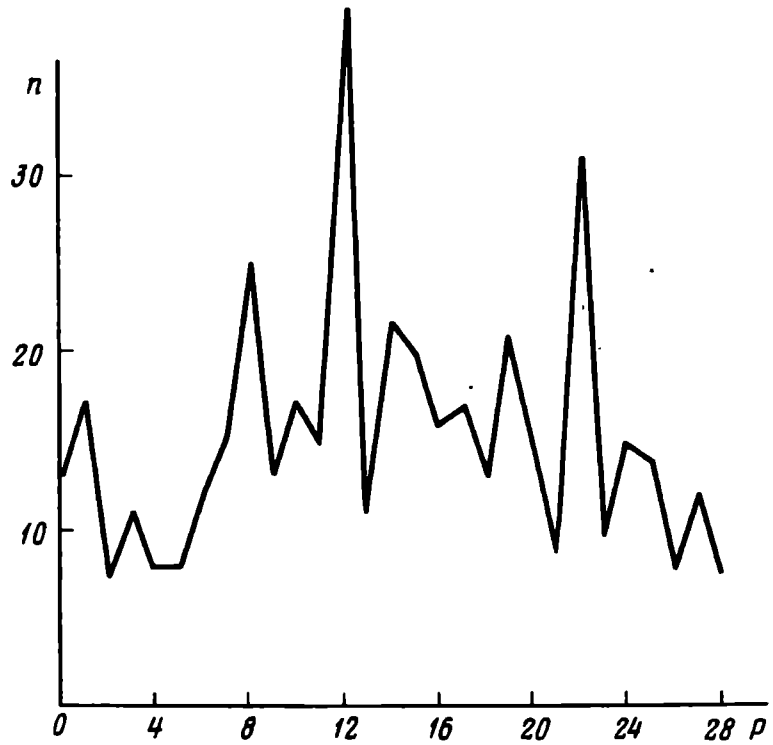


Рис. 7. Распределение золотых византийских монет от Анатасия до Константина IV Погоната по отклонению их веса от нормативов в силиквах римской весовой системы (443 экз.). *n* — число монет, *P* — отклонение веса монеты от норматива в десятых долях грана

ся в тот период, когда в Византии господствовала римская весовая система, от нормативов в силиквах (рис. 7). Острые пики ряда распределения и провалы в близлежащих точках связаны с такими весами монет, как 69,0, 68,0 и т.д. гран, что свидетельствует об округлении чисел при взвешивании монет. С учетом этого замечания распределение веса золотых византийских монет в пределах римской силиквы приближается к равномерному, и, следовательно, определить массу монеты можно только взвешиванием.

Таким образом, обрезанные боспорские монеты можно идентифицировать с эксагиями, предназначенными для взвешивания золотых византийских монет в VI в. н.э. Эти эксагии изготавливались из медных боспорских монет IV в. до н.э. — III в. н.э. и, по всей видимости, составляли наборы разновесов с интервалом веса в 1 силикву, а для мельчайших номиналов — в $\frac{1}{2}$ силиквы. Боспор четко отреагировал на смену римской весовой системы византийской. Из 42 обрезанных монет 23 (см. Приложение) отнесены к римской, а остальные 19 — к византийской весовой системе.

Обращение на территории средневекового Боспора золотой византийской монеты надежно зафиксировано отдельными находками и кладами (Кропоткин В.В., 1962; Фролова Н.А., Николаева Э.Я., 1975; Соколова И.В., 1968). С учетом этих сведений Н.А. Фроловой и Э.Я. Николаевой удалось воспроизвести политическую картину средневекового Боспора, которая свидетельствует о его вхождении в состав Византийской империи при Юстиниане (Чуистова Л.И., 1962), разгроме варварскими племенами и потере самостоятельности в конце VI в. Сведения о боспорских эксагиях вносят еще один штрих в эту кратину. Они свидетельствуют о регулярных и интенсивных товаро-денежных отношениях Боспора с Византией в VI в. н.э.

Каталог обрезанных боспорских монет и византийских гирь из собрания А.В. Горелого*

1. 0,45 (0,46) г., В; 2,5. Медная гирька. Тамань
2. 0,73 (0,74) г., В; 4. М—Д; неопределенная
3. 0,90 (0,92) г., В; 5. М—Д; Пантикапей, III в. до н.э. НиС, Т. I. Табл. I, 518
4. 1,29 (1,29) г., В; 7. М—Д: неопределенная
5. 1,46 (1,47) г., В; 8. М—Д: неопределенная
6. 1,77 (1,84) г., В; 10. Круглая медная гирька с отверстием в центре и отрубленным сектором
7. 1,81 (1,84) г., В; 10. М—Д: неопределенная
8. 1,87 (1,90) г., Р; 10. Медная гирька. Тамань
9. 1,90 (1,90) г., Р; 10. М—Д: Кессария. Фролова Н.А., I. Табл. I, *7*
10. 1,90 (1,90) г., Р; 10. М—Д: неопределенная
11. 1,93 (2,02) г., В; 11. Медная гирька. Херсонес
12. 1,93 (2,02) г., В; 11. Медная гирька. Тамань
13. 2,14 (2,21) г., В; 12. Круглая свинцовая гирька с отверстием в центре
14. 2,17 (2,21) г., В; 12. М—Д: неопределенная
15. 2,20 (2,21) г., В; 12. М—Д: Левкон II. Анохин В.А. Табл. 4, *134*
16. 2,26 (2,27) г., Р; 12. М—Д: неопределенная
17. 2,52 (2,58) г., В; 14. М—Д: неопределенная
18. 2,83 (2,84) г., Р; 15. М—Д: неопределенная, с надчеканкой
19. 2,84 (2,84) г., Р; 15. М—Д: Савромат III. Фролова Н.А., III. Табл. LVIII, *38*
20. 2,95 (2,95) г., В; 16. М—Д: Котис I. Фролова Н.А., II. Фототабл. 21, *13*
21. 3,20 (3,22) г., Р; 17. М—Д: Пантикапей, IV в. до н.э. НиС, Т. I. Табл. I, *56*
22. 3,59 (3,60) г., Р; 19. М—Д: Фофорс. Анохин В.А. Табл. 36, *745*
23. 3,67 (3,68) г.; В; 20. М—Д: Тейран. Анохин В.А. Табл. 36, *729*
24. 3,73 (3,79) г.; Р; 20. М—Д: Аспург. НиС, Т. I. Табл. II, *328*
25. 3,97 (3,98) г.; Р; 21. Медная гирька в форме чашечки
26. 3,97 (3,98) г.; Р; 21. М—Д: Котис I. Фролова Н.А., III. Табл. XVIII, *25*
27. 4,12 (4,17) г.; Р; 22. М—Д: Пантикапей, II в. до н.э. Анохин В.А. Табл. 7, *191*. Надчеканка в виде головы Афины
28. 4,13 (4,17) г.; Р; 22. М—Д: неопределенная
29. 4,14 (4,17) г.; Р; 22. М—Д: неопределенная
30. 4,30 (4,36) г.; Р; 23. Бронзовая гирька. Херсонес
31. 4,30 (4,36) г.; Р; 23. М—Д: Савромат I. Фролова Н.А., III. Табл. XIV, *13*
32. 4,31 (4,36) г.; Р; 23. М—Д: Фофорс. Голенко К.В. Табл. I, *13*
33. 4,32 (4,36) г.; Р; 23. М—Д: Риметалк. Фролова Н.А., III. Табл. XXII, *31*
34. 4,35 (4,36) г.; Р; 23. Бронзовая гирька. Пантикапей
35. 4,36 (4,36) г.; Р; 23. М—Д: неопределенная
36. 4,40 (4,42) г.; В; 24. М—Д: Рискупорид II. Фролова Н.А., III. Табл. LII, *13*
37. 4,55 (4,55) г.; Р; 24. М—Д: Савромат I. Фролова Н.А., III. Табл. VII, *21*
38. 4,87 (4,93) г.; Р; 26. М—Д: Рискупорид II. Фролова Н.А., III. Табл. LI, *2*
39. 5,30 (5,31) г.; Р; 28. М—Д: Рискупорид II. Фролова Н.А., III. Табл. LI, *13*
40. 5,15(5,16) г.; В; 28. М—Д: Риметалк. Фролова Н.А., III. Av. Табл. XXIII, *22*. Rev: Табл. XXIII, *11*
41. 5,34 (5,34) г.; В; 29. М—Д: Рискупорид II. Фролова Н.А., III. Табл. LIII, *29*

---

* В каталоге приняты следующие обозначения: порядковый номер монеты или гири совпадает с номером их изображения на рис. 1, 2; фактический вес их приводится совместно с нормативным весом в граммах, заключенным в скобки; римская весовая система обозначается «Р», византийская — «В»; следующее число в описании — норматив веса в силиквах; буквосочетание «М—Д» означает «монета — донор», т.е. монета, из которой изготавливался эксагий. При ссылках на литературу применены следующие сокращения: Анохин В.А. — *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора, Киев: Наук. думка, 1986; НиС — *Голенко К.В., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Пантикапея. Нумизматика и сфрагистика, I. Киев: АН УССР, 1963; Голенко К.В. — *Голенко К.В.* Второй Патрэйский клад монет (1951). Нумизматика и эпиграфика, I. М.: Наука, 1960; Фролова Н.А., I — *Фролова Н.А.* Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. — начала I в. н.э. Нумизматика и эпиграфика, XV. М.: Наука, 1989; Фролова Н.А., II — *Фролова Н.А.* Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45—68 гг. н.э.). Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 2. М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1977; Фролова Н.А., III — *Frolova N.A.* The coinage of the Kingdom of Bosporus AD 69—238. BAR International Series 56, 1979.

42. 5,51 (5,52) г.; В; 30. М—Д: Котис I. Фролова Н.А., II. Фототабл. 18, *20*
43. 5,70 (5,71) г.; В; 31. М—Д: Рискупорид II. Фролова Н.А., III. Табл. LIII, *5*
44. 5,99 (6,06) г.; Р; 32. М—Д: Фофорс. Голенко К.В. Табл. II, *36*
45. 6,80 (6,81) г.; В; 37. Круглая свинцовая гирька с отверстием в центре
46. 6,82 (6,82) г.; Р; 36. М—Д: Котис II. Фролова Н.А., III. Табл. XVI, *9*
47. 7,57 (7,58) г.; Р; 40. М—Д: Митридат III. НиС, Т. I. Табл. II, *514*
48. 7,92 (7,92) г.; В; 43. М—Д: Савромат I. Фролова Н.А., III. Табл. IX, *27*
49. 7,95 (7,96) г.; Р; 42. М—Д: Аспург. НиС, Т. I. Табл. II, *328*
50. 8,07 (8,10) г.; В; 44. Бронзовая гирька в виде чашечки
51. 8,39 (8,47) г.; В; 46. М—Д: Риметалк. Фролова Н.А., III. Табл. XXIII, *26*
52. 9,90 (9,94) г.; В; 54. М—Д: Левкон II. Анохин В.А. Табл. 4, *134*
53. 10,30 (10,31) г.; В; 56. М—Д: неопределенная

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Золотарев М.И., 1974. Средневековый набор разновесов из Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. Киев.

Кропоткин В.В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. Серия. Е 4—4.

Соколова И.В., 1968. Находки византийских монет VI—XII вв. в Крыму // ВВ. Т. 29.

Толстой И.И., 1913. Византийские монеты. Вып. III. СПб.

Фролова Н.А., Николаева Э.Я., 1975. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. Т. 39.

Холодковский И.М., 1912. Русские экзагии. СПб.

Чуистова Л.И., 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь.

Dürr N. Catalogue des poids byzantius. Musee d'art et d'histoire de Genéve.

Wroth W., 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. London.

Харьковский политехнический
институт

A.V. GORELY

THE USE OF THE BOSPORUS COINS AS THE BYZANTINE WEIGHTS

Summary

The article deals with the cut copper coins found on Taman peninsula on the territory of the ancient towns of Patras, Kepa, Phanagoria, Hermanassa as well as with the ones given by the modern population of Primorskoje. The author analysed 42 coins cut in the shapes of sectors, segments, triangulars and the other figures. They were made of the Bosporus copper coins of the 4 th cent. B.C. — 4 th cent. A.D. The author thinks that it was done to make small weights. He analysed the artifacts and draw a conclusion that: 1. the cut Bosporus coins were used as weights according to the Byzantine system; 2. the system of weight between 2.5 seliquae and 2.5 nomismas was based on seliqua and its parts, the error of the original weight of the weights was less than 0.01 gr.; 3. it seems to be difficult to determine the exact time when the weights were made of the cut coins but they were certainly used in the middle of the 6th cent.

В.С. ФЛЁРОВ

ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ (ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИГРАФИИ И СТРАТИГРАФИИ)

В 1991 г. С.А. Плетнёва и автор настоящего изложения независимо друг от друга подготовили две большие работы, посвященные Правобережному Цимлянскому городищу и предназначенные для одного издания[1]. В статье С.А. Плетнёвой отражены результаты раскопок в 1958—1959 гг. и ее представление об исторических судьбах этой крепости эпохи Хазарского каганата. Моя работа написана на основе раскопок в 1987—1988, 1990 гг. и также содержит определенные выводы о памятнике в целом. В ряде, причем наиважнейших, аспектов изучения городища наши выводы оказались несовместимыми, а то и прямо противоположными. Аналогичные ситуации встречаются в археологии сплошь и рядом. Достаточно хотя бы упомянуть относящуюся к салтово-маяцкой культуре дискуссию о буртасах между А.Х. Халиковым и Г.Е. Афанасьевым (Афанасьев Г.Е., 1985). В последнее время намечаются определенные разногласия по тому же и ряду других вопросов между Г.Е. Афанасьевым и С.А. Плетнёвой (Афанасьев Г.Е., 1987). Несходство позиций в отношении салтово-маяцкой культуры есть между мною и В.К. Михеевым (Краснов Ю.А., Флёров В.С., 1989). Список примеров можно значительно увеличить. Такова логика развития науки. Что касается собственно салтово-маяцкой культуры, то многообразие позиций (что само по себе является положительным явлением) по частным и общим проблемам объясняется двумя главными причинами: 1) недостаточная изученность культуры в целом и отдельных памятников и категорий вещей; 2) различные методические подходы в кабинетных и полевых исследованиях.

Не ограничившись подробным изложением итогов своего изучения городища в упомянутой статье, С.А. Плетнёва опубликовала на страницах «Российской археологии» другую (Плетнёва С.А., 1993), в которой в концентрированном, сжатом виде изложена первая. В такой публикации, вероятно, была определенная необходимость — журнал имеет широкое распространение и более доступен, нежели специальные сборники. Однако сам характер подачи материала, категоричность ряда положений создают впечатление, что памятник достаточно ясен для современного исследователя и его понимание, может быть за исключением отдельных моментов, уже не может служить предметом дискуссий. Это далеко не так, почему я и стремлюсь ознакомить столь же широкую аудиторию с собственными выводами. Правобережное Цимлянское городище — объект большой исторической и научной значимости, и любые выводы в отношении него должны быть опубликованы и подвергнуты обсуждению, в том числе и предлагаемые ниже. Это тем более важно, поскольку этот выдающийся памятник археологии, вопреки утверждению С.А. Плетнёвой о его «всероссийской и затем всемирной известности» (Плетнёва С.А., 1993, с. 48), еще мало знаком не только широкой археологической общественности, но даже хазароведам. В этом я имел возможность неоднократно убедиться.

Я не вижу необходимости излагать здесь содержание своей статьи о результатах раскопок 1987—1988, 1990 гг. Моя задача в данном случае — акцентировать

---

[1] Статьи приняты к печати в очередном выпуске серии «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии», Симферополь.

© В.С. Флёров, 1996 г.

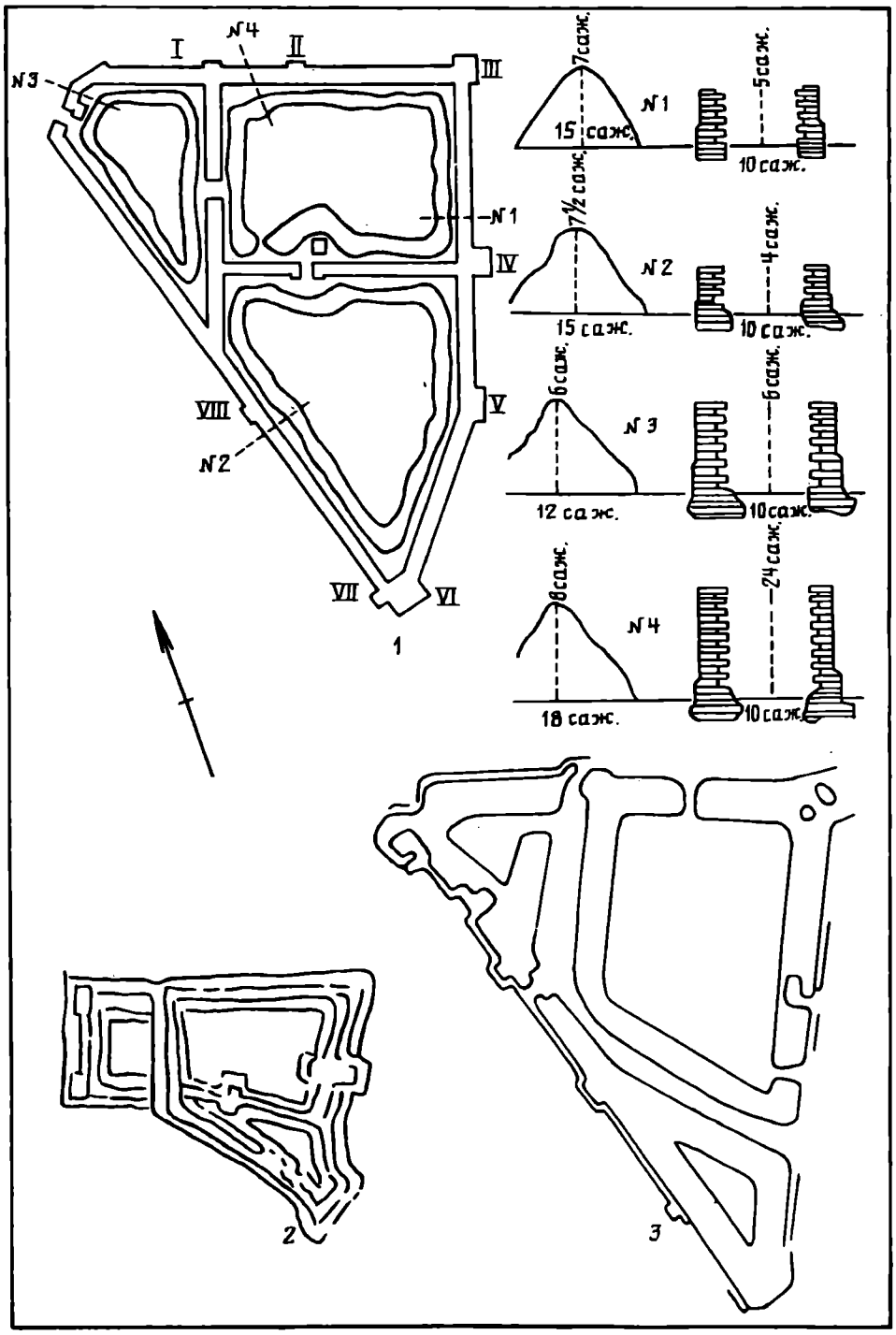


Рис. 1. Правобережное Цимлянское городище. *1* — план и разрезы И. Сацыперова, 1743 г.; *2* — план Сулина – Х.И. Попова, 1844 г.; *3* — план М.И. Артамонова.

внимание на выявившихся различиях в трактовке памятника, что, надеюсь, позволит будущим исследователям лучше ориентироваться в проблематике его изучения, а интересующимся им в настоящее время быть в курсе дискуссии, которая пока не выходила за пределы Группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН.

Проблемы и трудности в изучении городища я уже имел возможность перечислить в предельно краткой форме (Флёров В.С., 1992). Здесь они излагаются в несколько расширенном виде, а необходимую развернутую аргументацию можно будет найти в указанном сборнике, равно как и аргументацию С.А. Плетнёвой.

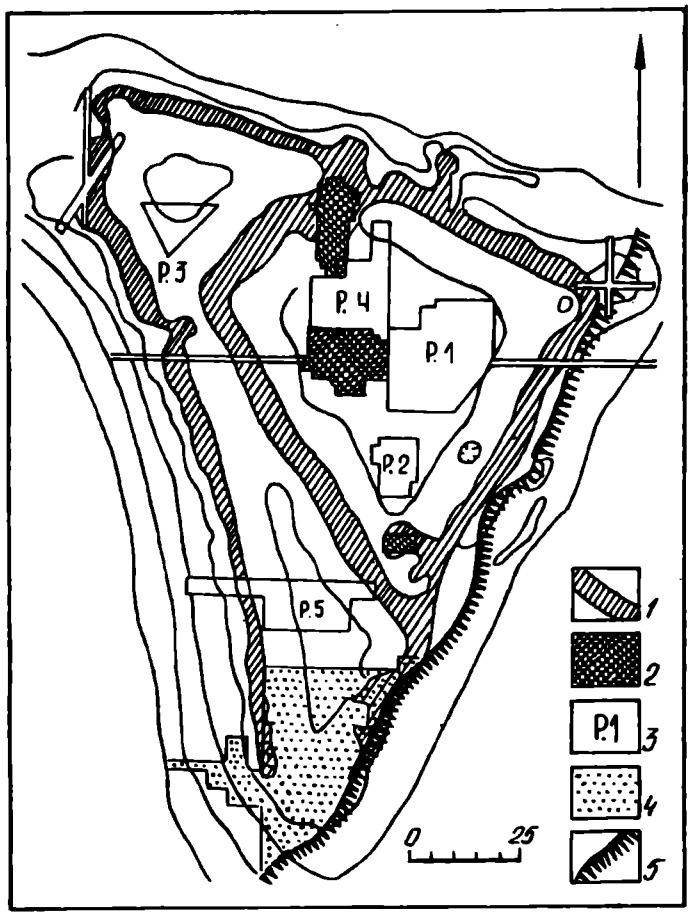


Рис. 2. Правобережное Цимлянское городище. Съёмка С.А. Плетнёвой 1958 г. с дополнениями В.С. Флёрова 1988, 1990 гг. *1* — план крепости; *2* — раскопы И.И. Ляпушкина, 1939 г.; *3* — раскопы С.А. Плетнёвой, 1958—1959 гг.; *4* — раскоп В.С. Флёрова и В.Е. Нахапетян, 1987—1988, 1990 гг.; *5* — верхняя кромка берегового обрыва Цимлянского водохранилища на 1988 г.

1. *Историография.* Перечисляя исследования городища в XIX в., С.А. Плетнёва упомянула В.Д. Сухорукова, который действительно первым вводит Правобережное городище в литературу, но лишь в качестве одной из достопримечательностей Области войска Донского (Сухоруков В.Д., 1863, с. 197). Археологом он не был и исследования памятника не проводил. В то же время не упомянут известный донской краевед Х.И. Попов (Краснянский М.В., 1927), непосредственно занимавшийся интерпретацией Саркела и Правобережного городища. Именно он впоследствии опубликовал замеры городища, произведенные землемером Сулиным в 1844 г. и план городища (Попов Х.И., 1885, с. 270, 271). Что касается плана, то он выполнен, вероятнее всего, не Сулиным, а деятелем Донского (ныне Новочеркасского) музея Е.Т. Решетовским по данным Сулина. Нужны архивные разыскания. Что касается самих замеров, то они служат важным источником наряду с чертежом И. Сацыперова (о нем см. далее), для реконструкции плана городища, точнее крепости, остатками которой оно является.

Кстати, это уже относится к истории донского казачества, блоки из стен крепости, вывозились в 1744 г. для строительства укреплений казачьей столицы Черкасска (ныне станица Старочеркасская) (Плетнёва С.А., 1993, с. 48), там они до сих пор не обнаружены[2]. Судьбу их стоило бы выяснить по архивным данным, ведь на блоках

[2] Информация из письма автору сотрудника Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника И.Н. Сафронова от 22.XI.1991 г.

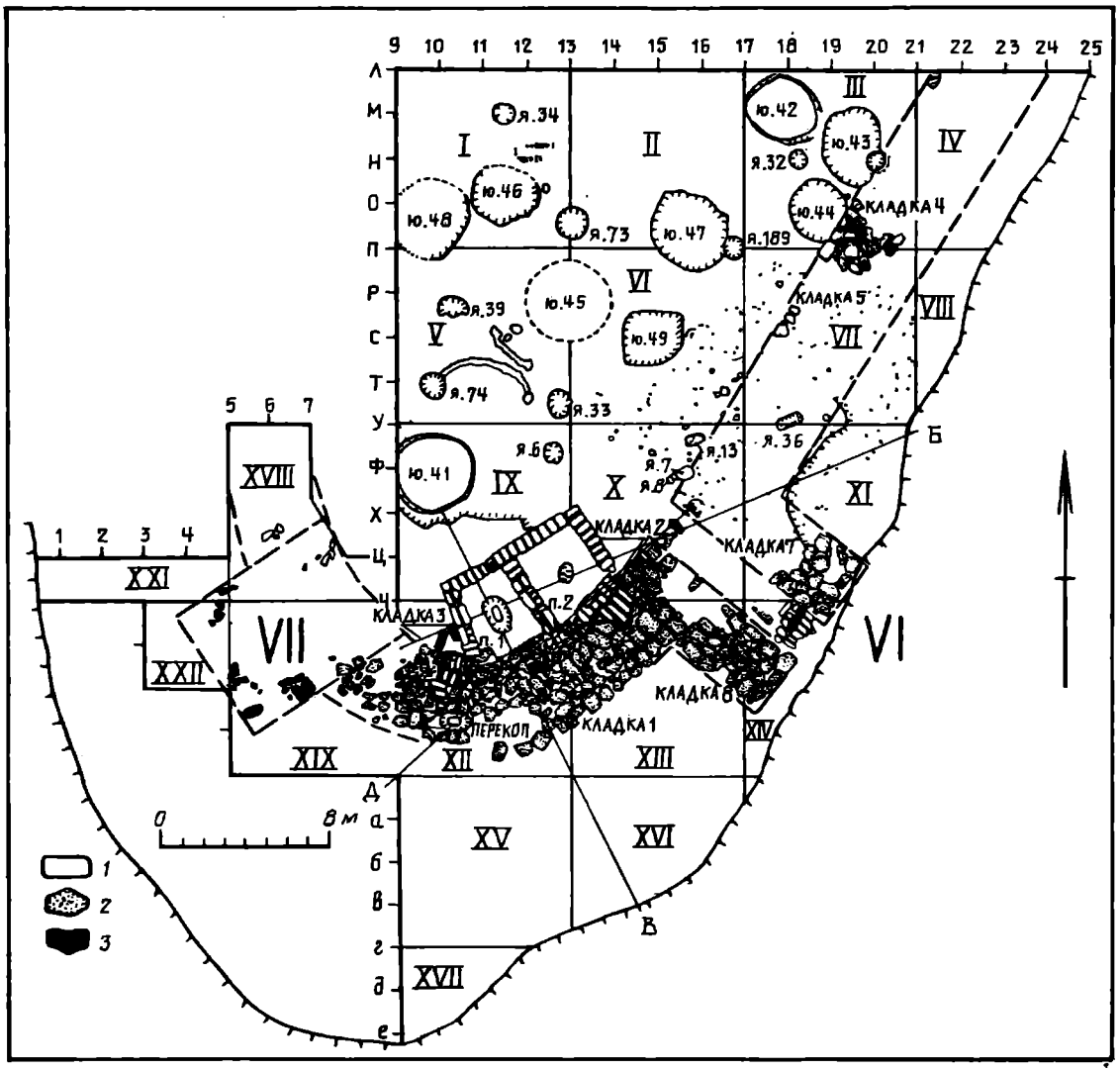


Рис. 3. Южный угол городища с остатками крепостных стен и башен VI и VII и приватного помещения. Раскопки В.С. Флёрова и В.Е. Нахапетян 1987—1988, 1990 гг. *1* — белые известняковые блоки; *2* — плиты ракушечника и песчаника; *3* — плиты темно-серого сланца.

могли быть граффити и надписи. Вспомним собранную Н.И. Веселовским коллекцию знаков на кирпичах, извлеченных местным населением из стен Саркела.

2. *Планировка городища*. Известно пять планов. 1) План инженера И. Сацыперова 1743 г. (рис. 1,*1*). 2) План, опубликованный Х.П. Поповым. На нём, хотя и в искаженном виде, представлена система крепостных сооружений (рис. 1,*2*). 3) Реалистический план В.И. Сизова, на котором, однако, крепостные сооружения специально не выделены (Сизов В.И., 1889). 4) План М.И. Артамонова (рис. 1,*3*), представляющий совмещение глазомерной съемки с элементами неподтвердившейся впоследствии реконструкции (Артамонов М.И., 1935, с. 29). 5) Глазомерная съемка рельефа, выполненная С.А. Плетневой в 1958 г. На последнем опубликованном её варианте (Плетнёва С.А., 1993, с. 50, рис. 1) рельеф склонов мыса и контуры площадки городища по состоянию на 1988 г. выполнены уже в нашей экспедиции. К сожалению, С.А. Плетнёва воспроизвела неисправленный вариант нашего плана, где очертания «раскопов В.С. Флёрова» изображены неправильно.

Из перечисленных планов несравненную ценность представляет план И. Сацыперова — единственный снятый до разрушения стен Правобережной крепости казаками, когда были видны все куртины и башни. По неясным причинам С.А. Плетнёва его явно недооценила: «план Сацыперова мало соответствует истинному расположению укреплений» (Плетнёва С.А., 1993, с. 53). Эта оценка по меньшей мере несправедлива. Не понял в свое время значение этого плана и М.И. Артамонов — по его мнению, план «очень приблизительно передает очертания городища» (Артамонов М.И., 1935, с. 28).

Вопреки мнению обоих авторов план внешней линии крепостных стен с расположенными на них башнями у И. Сацыперова удивительно точен. Во-первых, план и размеры крепости на чертежах И. Сацыперова, М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой поразительно совпадают (рис. 1—2). Исключение — восточная стена, которая у И. Сацыперова изображена более точно — с изломом у башни V (башни на чертеже И. Сацыперова пронумерованы мною — *В.Ф.*). Мало того, М.И. Артамонов «дополнил» на западной стене еще две башни помимо обозначенной у И. Сацыперова башни VIII. Во-вторых, на чертеже И. Сацыперова изображены детально главные ворота крепости, которые в 1958 г. были обнаружены С.А. Плетнёвой. В-третьих, само расположение башен. Башня I на планах И. Сацыперова и С.А. Плетнёвой находится на совершенно одинаковом удалении от северо-восточного угла крепости — около 65 м. Она есть и на плане М.И. Артамонова. Раскопки С.А. Плетнёвой подтвердили, что она действительно прямоугольная и выступала за линию крепостных стен, как это изображено у И. Сацыперова. На всех трех планах изображена башня II. У М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой её местоположение нарисовано в виде выемки, возникшей на месте разобранной в XVIII в. башни.

Существование угловой башни III также подтверждено раскопками С.А. Плетнёвой, хотя она явно была прямоугольной, а не пятиугольной, как не очень настойчиво предполагала исследовательница. Место башни IV чертежа И. Сацыперова также хорошо заметно на плане С.А. Плетнёвой. Оно выделено и на плане М.И. Артамонова в виде Г-образной выемки. К сожалению, места расположения башен IV и V уже обвалились, подмытые Цимлянским водохранилищем (см. линию обрыва на 1988 г. на рис. 2). То, что у И. Сацыперова изображено как башня VI, действительно оказалось башней с примыкавшим к ней большим привратным помещением (рис. 3). Основание башни хорошо сохранилось до 1988 г. Наконец, совершенно точно на отмеченном И. Сацыперовым месте мы обнаружили в 1990 г. остатки основания башни VII. Как и изображено у И. Сацыперова, она прямоугольная и выступает за линию крепостной стены (Флёров В.С., 1991, с. 161, рис. 1)[3].

План И. Сацыперова в сочетании с данными раскопок позволяет уточнить размеры крепости: северная стена — 110 м, восточная — 130 м, западная — 135 м, короткая северо-западная с главными воротами — 25 м. Восстанавливается и расстояние между башнями. Оно нигде, кроме западной стены с ее одной башней, не превышает 45 м, что вполне достаточно для прицельной стрельбы из луков вдоль стен на половину этого расстояния, т.е. максимум на 22—23 м. Западная же стена была прекрасно защищена крутым склоном балки.

Перекрестная проверка планов И. Сацыперова, М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой в сочетании с данными раскопок абсолютно подтвердили достоверность чертежа И. Сацыперова в части внешней оборонительной линии. Реконструкция М.И. Артамонова представляет ныне чисто историографический интерес, а ценность чертежа С.А. Плетнёвой состоит прежде всего в отражении рельефа городища после перекопки его в XVIII в. и последующих изменений.

Необходимо сказать и о плане Х.И. Попова (Сулина — Решетовского). Хотя он и сделан на 110 лет позже сацыперовского, но оказался весьма неточен. Все же в нем

---

[3] С.А. Плетнева почему-то не воспользовалась опубликованным в указанной работе планом раскопанного нами южного участка крепости с башнями VI и VII для сравнения с планом И. Сацыперова.

отражено трехчастное деление крепости. Заслуживают внимания две башни на привратной стене и изображение тех же ворот между двумя отсеками крепости, а также башни на восточной стене, которые есть и на плане И. Сацыперова, что еще раз подтверждает точность последнего.

Дав негативную оценку съемке И. Сацыперова, С.А. Плетнёва соответственно не стала анализировать его чертеж внутренних стен крепости. Последнее же особо необходимо, поскольку именно в этом между чертежами Артамонова—Плетнёвой и Сацыперова есть существенные расхождения. Общее между ними — деление крепости на три отсека. Назовем их условно привратным, основным (северный) и южным. Основной соединяется с привратным и южным проемами-воротами во внутренних стенах. В правильности изображения ворот И. Сацыперовым у меня нет сомнений — он уловил различающие их элементы: проход между привратным и основным отсеками более широкий и не имеет пилонов; проход между основным и южным отсеками более узкий и с пилонами, а рядом расположено квадратное строение.

На чертеже И. Сацыперова основной отсек — прямоугольник, а предвратная стена параллельна восточной стене крепости; предвратная стена стыкуется с северной под прямым углом, как и поперечная с восточной. На плане М.И. Артамонова предвратная стена стыкуется с северной также почти под прямым углом, зато на плане С.А. Плетнёвой этот угол острый, как и угол между поперечной стеной и восточной, в итоге чего основной отсек приобрел очертания неправильного четырехугольника.

Поперечная стена, разделяющая основной и южный отсеки, по С.А. Плетнёвой в полтора раза длиннее, нежели у Сацыперова. Наоборот, у Сацыперова «удлинена» предвратная стена. Особо разительно то, что поперечная стена по Сацыперову упирается в башню IV, а по Артамонову—Плетнёвой — в башню V.

Обратимся в поисках истины к замерам Сулина в публикации Х.И. Попова. По Сулину длина предвратной стены 26 саженей, что соответствует ее длине у С.А. Плетнёвой — 55—56 м. Длина отрезка западной крепостной стены от южного угла до стыка с предвратной 51 сажень, что примерно равно 110 м по Плетнёвой. Между башнями I и III по Сулину 30 саженей, что также совпадает с данными С.А. Плетнёвой — 60—65 м. Совпадает и ширина основного сектора по линии предвратной стены — 15 саженей, или 32—33 м. Однако ширина основного сектора вдоль восточной стены по Сулину и Плетнёвой различна. У С.А. Плетнёвой это не менее 80 м (расстояние между башнями III и V). По Сулину она равна 20 саженей, или 42—43 м (расстояние между башнями III и IV). Примерно такая же она и у И. Сацыперова! В целом же конфигурация основного отсека у Сулина значительно ближе к чертежу И. Сацыперова, нежели С.А. Плетнёвой. Примечательно, что на чертеже Сулина—Попова есть изображение ворот между основным и южным отсеками в том же месте, где и у И. Сацыперова. Загадкой на чертеже остается изображение громадной башни на восточной стене. Какой башне она соответствует по Сацыперову, сказать трудно, хотя при поверхностном подходе ее можно идентифицировать с башней IV, что будет, однако, противоречить замерам Сулина.

Что касается чертежа внутренних стен по М.И. Артамонову, то направление предвратной стены у него ближе к сацыперовскому, а направление поперечной ближе к изображенному С.А. Плетнёвой.

При всей результативности проведенного сравнения планов крепости все же следует постоянно помнить, что И. Сацыперов имел неоспоримые преимущества перед позднейшими исследователями — он работал в условиях, когда стены и башни были ещё хорошо сохранившимися. Кстати, какая-то часть стен была хорошо видна и во времена Сулина, в 1844 г., что позволило ему совершенно точно установить их толщину — «не более 2 сажен» при сохранности в высоту до 2 локтей (Попов Х.И., 1885, с. 270). Две сажени равны 4,26 м, что абсолютно совпадает с шириной крепостной стены, установленной в ходе наших раскопок — 4,25 м!

Итак, внутренняя планировка крепости в варианте И. Сацыперова пока не может быть ни полностью подтверждена, ни отвергнута. У нас нет оснований не доверять ему — свое мастерство топографа он подтвердил на примере точнейшей съемки внешних крепостных стен и башен. Нет оснований не доверять замерам Сулина, а тем более С.А. Плетнёвой. Правда, следует иметь в виду, что съемка 1958 г. велась по поверхности перекопанного, обезображенного памятника. К сожалению, пока ни один из раскопщиков не исследовал внутренние стены Правобережной крепости. В силу случайности линия поперечной стены в варианте И. Сацыперова проходит между площадями, вскрытыми И.И. Ляпушкиным и С.А. Плетнёвой, едва касаясь углов раскопа 1939 г. и раскопа № 2 1958 г. Правда, ложе поперечной стены было прорезано С.А. Плетнёвой траншеей шириной в 1 м, но результатов это не дало. Загадка плана И. Сацыперова может быть решена только при целенаправленных раскопках по обозначенной им схеме расположения внутренних стен и ворот в них[4].

Кроме плана крепости на чертеже И. Сацыперова даны разрезы стен и примыкавших к ним изнутри «валов» (рис. 1,*I*). Выполнено по одному разрезу каждой стены; все они дали идентичную картину. В отличие от очень реального плана крепости в разрезах есть некоторый элемент условности, в частности, горизонт XVIII в. изображен прямой линией. Следует помнить, что разрезы выполнялись отнюдь не в научных целях. Они были иными — выяснить сохранность стен и объём пригодного для использования строительного материала — известняковых блоков. Тем не менее в разрезах заключена добросовестная научная информация, из которой С.А. Плетнёва отметила только двухпанцирность стен (Плетнёва С.А., 1993, с. 55).

Во-первых, отмечу ошибку, закравшуюся в разрезы И. Сацыперова. На них все замеры даны в саженях, что совершенно не реально. Так, ширина стен составляет 10 саженей, что равно 21,3 м! На самом деле речь должна идти не о саженях или даже аршинах, а о локтях (1 локоть = 38—46 см). В таком случае ширина стен составит в среднем 4,2 м, что полностью соответствует действительности и совпадает с замерами Сулина и нашими. Таким образом, и в этом И. Сацыперов оказался чрезвычайно точен.[5] Когда закралась ошибка с подменой локтей саженями, сказать пока трудно. Возможно, это вина сотрудников И. Сацыперова или автора таганрогской копии (опять же нужен поиск оригинала).

Во-вторых, на внешних лицевых сторонах стен изображены блоки с откосами. Именно такие были обнаружены нами на остатках стен в раскопе № 6.

В-третьих, сама кладка изображена в системе «тычок—ложок» (биндер—лойфер), что также подтверждено в ходе наших раскопок (Флёров В.С., 1991, с. 165).

В-четвертых, дневной горизонт XVIII в. изображен у И. Сацыперова на 3—4 локтя (1,14—1,48 м) выше основания стен. Это как раз и составляет общую толщу слоя городища около стен, включая развал раскрошившихся блоков.

В-пятых, в пересчете на локти выясняется, что стены к моменту их разборки в XVIII в. сохранились на высоту от 1,42 до 2,28—2,76 м, что вполне реально. Для сравнения напомню, что стены Маяцкой крепости, пережившие к моменту последних раскопок правобережно-цимлянские на 200 с лишним лет, сохранились на высоту 1,40 м (Афанасьев Г.Е., 1984, с 36). Явно неправильно указана высота стены только на разрезе № 4 — 24 локтя, т.е. более 9 м. Кстати оба примера убедительно

---

[4] Публикуемый в данной статье и опубликованный С.А. Плетнёвой чертеж И. Сацыперова взят не с оригинала. Это копия, обнаруженная мною в фондах Таганрогского музея (благодарю за помощь сотрудника музея П.А. Ларенка). Ксерокопия была передана мной и С.А. Плетнёвой. Кто выполнил таганрогскую копию, установить мне не удалось. Сделана она достаточно тщательно. Не думаю, что она искажает оригинал, но это не снимает необходимости публикации самого оригинала и других архивных данных, касающихся деятельности И. Сацыперова.

[5] Публикуя разрезы одной стены и вала, С.А. Плетнёва не воспроизвела имеющиеся на чертеже замеры И. Сацыперова (Плетнёва С.А., 1993, с. 52, рис. 3,*Д*), что не позволяет читателю увидеть как заключенную в них информацию, так и ошибку в единице измерения. На рис. 1,*I* данной статьи этот пробел восполнен: воспроизведены все разрезы и замеры, что позволит читателю самостоятельно перепроверить предлагаемую мною замену саженей локтями.

показывают, что ошибки на разрезах И. Сацыперова легко вычленяются на фоне достоверных данных.

И наконец, укажем, что при всей «красивости» и условности разрезы выглядят достаточно индивидуально: в стенах разное количество слоев кладки, различные виды оформления оснований стен. В итоге, разрезы стен следует признать не менее достоверными, чем общий план крепости.

3. *Стратиграфия*. Наиболее сложной для городища оказалась проблема стратиграфии, что в конечном итоге выливается в проблему самой истории крепости от основания до гибели. Откровенно признаем, что в прочтении стратиграфии любого памятника (кроме совершенно ясных случаев), в том числе поселений салтово-маяцкой культуры, большое место занимает субъективный фактор (автор не исключает и себя). Трактовка стратиграфии может зависеть от методики и тщательности раскопок, опыта исследователя и способности не поддаваться магии заранее построенных схем и гипотез. Стратиграфия в большинстве случаев фиксируется по бровкам-разрезам, а основная площадь прокапывается не по слоям, а механически по «штыкам». Ясно, что бровки не всегда отражают стратиграфию на пространстве между ними. Учитывая это, мы пытались проводить раскопки послойно, что дало определенный эффект. Выяснилось, в частности, что поверхность времени основания крепости была очень неровной, изобиловала впадинами и буграми. Очень неравномерной была толщина и самого культурного слоя времени жизни крепости до разрушения стен. Подчас он вовсе исчезал.

Следует также признать, что весьма субъективно реконструируются и процессы формирования культурного слоя. Всё это в полной мере относится и к Правобережному Цимлянскому городищу. Не удивительно, что в рассматриваемой статье С.А. Плетнёва нашла для себя необходимым пересмотреть свою трактовку его стратиграфии. В ранних публикациях она придерживалась построений М.И. Артамонова. Суть их сводится к следующему: крепость возникает на незаселенном в средневековье месте, а большинство жилищ, если не все, построены её обитателями: после разрушения крепости на развалинах какое-то время просуществовало открытое поселение (Плетнёва С.А., 1993, с. 49). Ныне на основе иной трактовки тех же напластований С.А. Плетнёва предложила прямо противоположную схему: первоначально на берегу Дона возникает открытое поселение с многочисленными жилищами, а уже после его разгрома и засыпки большинства котлованов на месте поселения возводится белокаменная крепость, строительство которой, как она считает, даже не завершилось.

Как это ни парадоксально, мне приходится защищать ту позицию от которой С.А. Плетнёва в последнее время отказалась, ссылаясь на собственный некритический подход к построениям М.И. Артамонова.

М.И. Артамонов набросал историю Правобережной Цимлянской крепости крупными мазками, без детальной проработки, а главное, без изложения своих археологических аргументов (Артамонов М.И., 1962, с. 318—322). Наши раскопки на южном углу крепости такие аргументы, как мне представляется, дают[6]. Прежде чем переходить к изложению своих наблюдений по стратиграфии, напомню, что и И.И. Ляпушкин при ряде ошибок[7], вполне простительных первоисследователю городища, выделил фактически один средневековый культурный слой, а все жилища относил ко времени существования крепости, а не более раннему (Ляпушкин И.И., 1940).

Итак, стратиграфия по результатам раскопок 1987—1988, 1990 гг. на южном углу городища (рис. 4).

---

[6] Рассматривать стратиграфию из раскопок С.А. Плетнёвой я не вправе до выхода её публикации в указанном сборнике «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии».

[7] Одна из ошибок И.И. Ляпушкина: он принял подстилающий городище слой эпохи бронзы за самый ранний средневековый. Впоследствии к стратиграфии городища И.И. Ляпушкин в своих работах не возвращался.

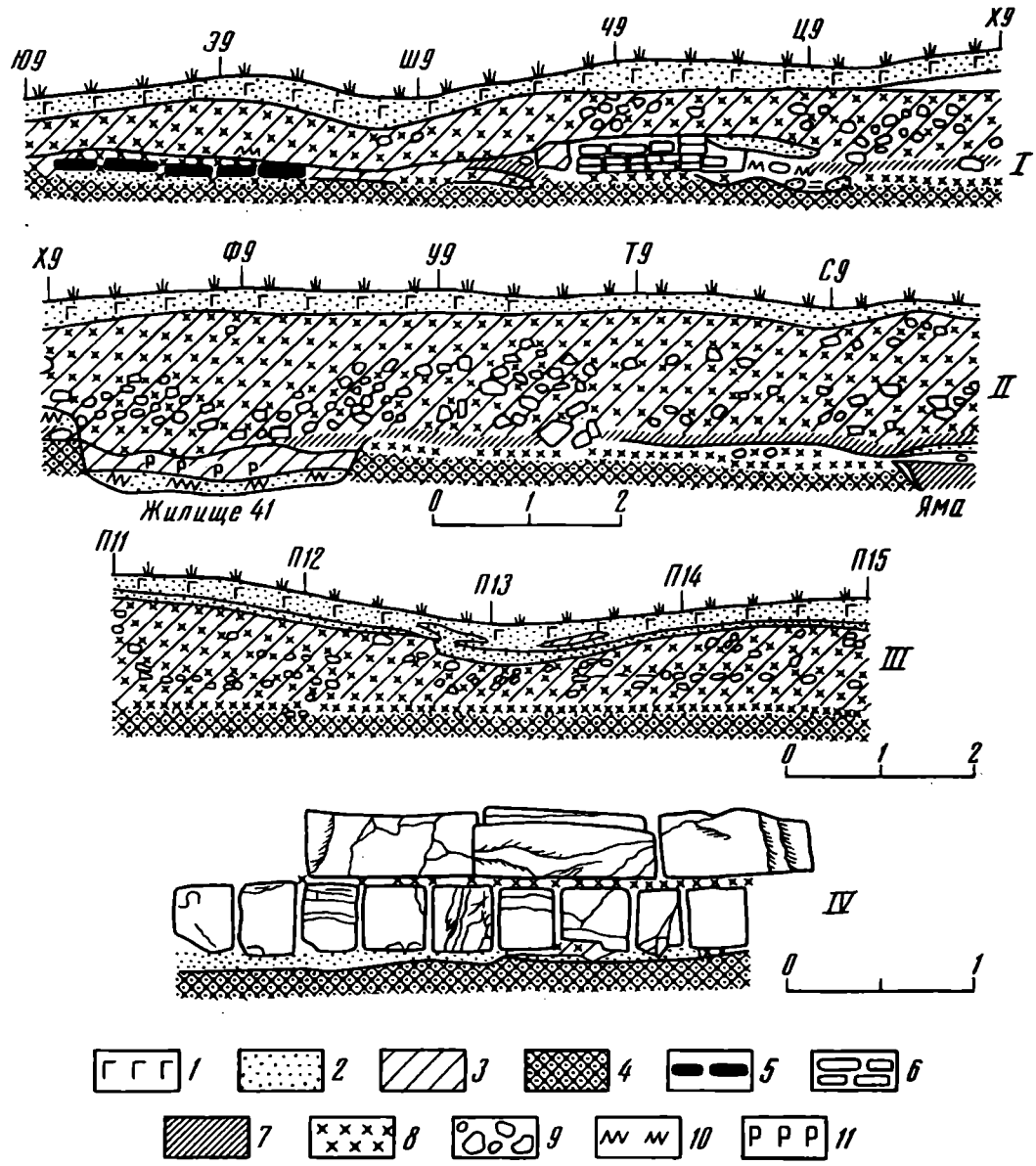


Рис. 4. Стратиграфия на раскопе 1987—1988, 1990 гг. (см. рис. 3). I—III — разрезы напластований городища (обратить внимание на строительную прослойку (*8*) над слоем эпохи бронзы — *4*; IV — западная стена привратной постройки, стоящая на стерильном песке над слоем эпохи бронзы. *1* — гумус; *2* — песок; *3* — пылевидный серый массив; *4* — слой эпохи бронзы; *5* — плиты основания крепостной стены, песчаник, ракушечник; *6* — сырцовые кирпичи; *7* — культурный слой крепости; *8* — известняковая крошка от блоков; *9* — обломки блоков, известняк; *10* — зола; *11* — чешуя и кости рыб.

Первое. Установлено, что вся площадь южного мыса, вплоть до его склонов, т.е. и за пределами крепости, занята культурным слоем эпохи бронзы мощностью до 50—60 см. Он черно-бурый, песчанистый, насыщенный золой и углями. Слой бронзы лежит уже непосредственно на материке — массиве песчанистого суглинка красновато-желтого цвета. С.А. Плетнёва также отметила присутствие на памятнике слоя эпохи бронзы, но называет его «серовато-желтым» (Плетнёва С.А., 1993, с. 49).

Черно-бурый хорошо выделяющийся в береговом обрыве слой эпохи бронзы перекрыт во многих местах тонкой стерильной прослойкой желтого песка эолового происхождения, на котором и лежал собственно культурный слой средневековой крепости. Мы провели на небольшой площади специальное контрольное исследование слоя бронзы и обнаружили в нем жилище с очажком и характерным сосудом. Следует отметить, что этот участок находился всего в 5 м восточнее раскопа № 5 С.А. Плет-

нёвой, которая писала в отчете, что в отличие от центра городища слой эпохи бронзы на всей площади этого раскопа отсутствует. Но далее она указывает на «темный предматериковый слой» толщиной в 0,2—0,3 м, который «является просто древним дерновым слоем» (Плетнёва С.А., 1959, с. 19). Естественно возникает вопрос, а не принят ли здесь слой эпохи бронзы за дерновый? Ответ может быть получен только при исследовании пространства между раскопом № 5 и нашим участком. Одно жилище эпохи бронзы, как предполагает С.А. Плетнёва, выявлено ею под угловой северо-западной башней (Плетнёва С.А., 1958, с. 10).

Второе. Чрезвычайно важной для понимания стратиграфии культурного слоя крепости оказалась его планиграфия: слой четко ограничен внутренней линией крепостных стен. С.А. Плетнёва не могла установить это, поскольку прорезала ложа крепостных стен лишь узкими траншеями, в то время как мы открыли ложе крепостной стены на протяжении 60 м. Под стенами встречались лишь редкие фрагменты керамики, не было характерных для городища пластов костей и чешуи рыбы. Самое главное заключается в том, что за пределами крепостных стен не было не только средневекового культурного слоя, но и ни одного жилища или хозяйственной ямы! Это было бы маловероятно, если бы крепости предшествовало неукрепленное поселение, на чём настаивает теперь С.А. Плетнёва.

Третье. Все открытые на раскопе № 6 жилища и хозяйственные ямы строго вписаны в контур южного угла крепости. Четыре жилища отстоят от стен на 3—4 м и только два примыкают к крепостной стене (рис. 3). Зависимость расположения жилищ и прочих сооружений от плана крепости еще более разительно подтверждается по данным раскопа № 3 С.А. Плетнёвой в привратном отсеке (рис. 2). Здесь не оказалось ни одного жилища (Плетнёва С.А., 1958, с. 47), ибо они препятствовали бы проезду через главные ворота, да и концентрации воинов перед вылазками. В конечном итоге становится ясно, что расположение построек на городище строго подчинялось планировке крепости. Такого не могло бы быть, если бы они относились к предшествующему неукрепленному поселению. Под стенами могли оказаться только жилища первопоселенцев — строителей крепости.

Четвертое. Удалось выявить так называемую строительную прослойку из мелкой щебенки, образовавшуюся при подтеске блоков в ходе сооружения стены (на рис. 4, *1—3* она обозначена линиями косых крестиков над слоем эпохи бронзы). Прослойка залегает отдельными пятнами толщиной не более нескольких сантиметров и отмечает д р е в н е й ш и й горизонт крепости, причем лежит она на одном уровне с основанием крепостных стен (рис. 4,*1*). Более никаких строительных отходов на этом уровне нет. Отметим, однако, что С.А. Плетнёва обнаружила в траншее разливы глины около восточной стены и связывает их появление со строительством крепости. На южном участке крепости глины не было. Вероятно, она применялась в отдельных случаях по мере необходимости. Надо к тому же отметить, что эти разливы глины в траншее С.А. Плетнёвой залегали не параллельно стене: на одном профиле траншеи расстояние между ними вдоль фасов стен 4 м, на другом 5 м (Плетнёва С.А., 1958, с. 5). Глина и сырцовый кирпич достаточно часто применялись в крепости. Так, фрагмент сырцовой кладки обнаружен нами внутри крепости непосредственно перед башней VII. Эта кладка, конечно, появилась позднее (рис. 4,*1*). Промазка швов каменной стены глиной, но лишь местами, зафиксирована на Маяцкой крепости (Афанасьев Г.Е., 1984, с. 36).

Пятое. Над строительной прослойкой шел уже собственно культурный слой крепости, с которым связано большинство из котлованов жилищ (кроме жилищ строителей крепости). На раскопе № 6 его мощность составляла всего 20—30 см, но в целом она очень неравномерна, а на многих участках слой едва достигал нескольких сантиметров, а то и вовсе не прослеживался. В культурный слой просочились мелкие обломки и известняковая крошка из перекрывавшего его развала стен. В нём большинство находок керамики, пищевых отходов, железных и других изделий. Стратиграфически слой неделим. Верхняя его граница была «размыта» из-за внедрения

обломков блоков разрушенных стен. Аналогичные наблюдения были и у И.И. Ляпушкина: «Нет возможности расчленить его (культурный слой — *В.Ф.*) и стратиграфически ввиду н е з н а ч и т е л ь н о й (разрядка моя — *В.Ф.*) мощности культурных напластований и последующих их нарушений» (Ляпушкин И.И., 1940, с. 59).

Что касается юртообразных жилищ крепости, то не все они одновременны. Ранние ветшали, их котлованы засыпались мусором и отходами. Взамен возникали новые. Этот процесс перестроек отмечен и С.А. Плетнёвой: «Разделить комплексы почти невозможно, поскольку как керамика, так и многочисленные индивидуальные находки чрезвычайно однородны и не изменяются на протяжении всего периода существования салтово-маяцкой культуры» (Плетнёва С.А., 1959, с. 46). Теперь можно уточнить: главным образом ввиду кратковременности существования крепости.

К самым поздним надо отнести жилища с останками убитых, а также заполненные обломками блоков крепостных стен. Очевидность этого не должна вызывать сомнений, тем не менее от объяснения последнего С.А. Плетнёва уходит, ссылаясь на «более тщательный анализ стратиграфических наблюдений» (Плетнёва С.А., 1959, с. 50). Наконец, какое-то население, очень малочисленное, могло вернуться в разрушенную крепость, но заметных культурных напластований оно не оставило.

Что касается прослеженной С.А. Плетнёвой (Плетнёва С.А., 1959, с. 51) двуслойности в заполнении жилищ, то это связано не с двумя этапами жизни крепости, а с механизмом формирования заполнения заброшенных построек.

Шестое. Городище, в том числе южный сектор, перекрыто мощными развалами распавшихся блоков. На раскопе № 6 их мощность достигала 1—1,5 м. Вдоль стен из битых блоков образовались валы. Их наличие С.А. Плетнёва активно использует в качестве аргумента в новом прочтении стратиграфии памятника (Плетнева С.А., 1959, с. 52). Она считает эти блоки отходами периода строительства крепости, а залегание их поверх культурных напластований объясняет тем, что крепость возводилась над отложениями предшествующего ей поселения. А поскольку «мусор» не убран, то следует вывод, что постройка крепости не была завершена.

Вновь обратимся к И. Сацыперову, на чертеже которого эти валы изображены вдоль внутренних фасов стен и на разрезах (рис. 1,*1*). Крутизна валов на разрезах и некоторая удаленность их от стен должны объясняться тем, что И. Сацыперов изобразил только их основное ядро, не принимая во внимание оплывы (его-то интересовала не стратиграфия валов, а объем в них пригодного для использования строительного материала!). При пересчете на локти устанавливаются размеры валов: ширина в основании от 4,5 до 8 м, высота от 2,3 до 3,7 м. Цифры вполне реальны для развала стен, но чересчур велики для «строительных отходов». Столь значительные отходы просто препятствовали бы самому строительству. Мало того, валы перекрыли главные ворота и проходы между секторами крепости, что делает невозможным движение в крепости и подвоз строительных материалов. Даже единственный разрыв в валу внутри основного сектора оказался не против прохода в южный сектор.

Почему же развал стен сохранился только внутри крепости, но его нет снаружи? Объяснение, на мой взгляд, довольно простое. Развалы за пределами крепости сползли по склонам городищенского мыса из-за их крутизны и заметного эскарпа под воздействием в течение тысячи лет дождей и ветра. В ходе раскопок мы установили, что сохранившийся западный склон мыса был перекрыт мощными пластом разрушенных блоков. Внутри же крепости развалы верхних частей стен оказались под защитой остатков стен. Они лишь частично расплылись по ее площади. И второе, даже при всей схематичности разрезов И. Сацыперова хорошо видно, что «валы» лежат значительно выше (!) оснований стен, что не случилось бы, если бы это были строительные отходы времени постройки крепости. Как показали наши раскопки, развалы стен действительно залегали значительно выше оснований стен и составляли на городище самый верхний пласт отложений, не считая наносного песка. В настоящее время этих «валов» нет. Они были срыты в XVIII в. Вероятно, из них добывались целые блоки. Во всяком случае в развалах щебня мы не нашли ни одного (!) целого блока.

Итак, стратиграфия городища представляется в следующем виде: 1) материк — суглинок; 2) слой эпохи бронзы черно-бурый; 3) стерильная прослойка песка; 4) строительная прослойка — известняковая крошка и щебёнка; 5) слой жизни в крепости — серый; 6) развалы разрушенных стен, перекопанные в XVIII в.

Следов предшествующего крепости поселения на раскопе № 6 нет. Несмотря на целенаправленные поиски, мы не обнаружили поселения и в ближайшей округе, как это имело место на Маяцком археологическом комплексе (Винников А.З., 1984). Всё население обитало под защитой крепостных стен. Отсюда и чрезвычайная плотность застройки, сравнимая только с саркельской, но не характерная для прочих городищ салтово-маяцкой культуры.

5. *Хронология.* Проблема хронологии Правобережной Цимлянской крепости напрямую связана с вопросом о причинах её гибели.

Относительно точному определению на основе монетных находок поддается лишь время захвата крепости, следы которого в виде останков погибших найдены во многих жилищах. Прежде всего это «клад» из жилища № 2, найденный С.А. Плетнёвой в 1958 г. Как отметил В.В. Кропоткин, в нём многие обломки дирхемов относятся ко времени Харуна ар-Рашида (786—809) (Кропоткин В.В., 1968, с. 75). М.И. Артамонов в качестве младшего называет дирхем халифа Амина (809—813) (Артамонов М.И., 1962, с. 322). В другом исследовании младшей выступает монета ар-Рашида из Аррана — 806—807 гг. (Добровольский И.Г. и др., 1991, с. 10). Разница в шесть лет в данном случае не имеет особого значения.

Из раскопок И.И. Ляпушкина происходит половинка омаядского дирхема чекана ал-Андалуза — 722/723 гг. Из моих раскопок половинка дирхема из г. Зерендж на юге Ирана. По мнению А.В. Фомина, поступление этой монеты на Дон относится к 20—80-м годам IX в. В итоге, по монетным находкам разрушение крепости может быть отнесено ко второй четверти IX в. С учетом того, что явных находок VIII в. на городище нет, основание крепости можно отнести к первой четверти IX в. Впрочем, новые раскопки могут дать и коррективы в сторону удревнения.

Крепость, судя по незначительности культурного слоя, просуществовала недолго. Накопление культурного слоя в Саркеле происходило со средней скоростью 5,7 мм в год. Можно подсчитать, что 20—30 см слоя крепости могли образоваться за 35—52 года, или в среднем за 40 лет. Если даже за условную дату основания Правобережной Цимлянской крепости принять по монетам 813 г. (а монета попала туда, конечно, несколько позднее), то время гибели крепости выпадает на период не позднее середины IX в. При всей условности такого расчета нетрудно заметить, что крепость какое-то время сосуществовала с ранним Саркелом. Именно этим можно объяснить довольно многочисленные находки в крепости, в том числе в жилищах, кирпичей саркельского формата. Таким образом, предложенный опыт датирования крепости по монетным находкам отнюдь не противоречит присутствию на городище саркельских кирпичей, которые не могли здесь появиться ранее 834 г. Саркел и Превобережная Цимлянская крепость сосуществовали минимум 10—15 лет. Не снимается, однако, вопрос о местном производстве кирпича (или такой попытке), а также о подвозе его из иных центров, возможно с Семикаракорского городища (Артамонов М.И., 1964, с. 59). Не исключено, что именно оттуда привозилась черепица, не известная в Саркеле. Датирующие материалы, которые могли бы относиться к концу IX в., а тем более к X в., на городище не обнаружены, что подтверждает предложенную мною схему хронологии. Частично она совпадает с хронологией С.А. Плетнёвой (Плетнёва С.А., 1993, с. 62, 63), но не следует забывать, что у С.А. Плетнёвой речь идет о датировании «хазарского поселения», а не крепости.

Что касается причин и обстоятельств гибели крепости, то я склонен, исходя из предложенной хронологии, вслед за М.И. Артамоновым (но не принимая всех его хронологических тезисов) связывать ее с гражданской войной в Хазарии: «наиболее вероятным является предположение, что Правобережная крепость была уничтожена самими хазарами в результате внутренней борьбы составляющих ее социальных сил»

(Артамонов, 1962, с. 322). На мой взгляд, М.И. Артамонов достаточно аргументированно отверг версию о разгроме Правобережной крепости печенегами или иными кочевниками. К этому добавлю, что вряд ли разгром Правобережной крепости мог произойти буквально на глазах у гарнизона Саркела, если бы последний был на стороне правобережцев.

Немного о могильнике. Несмотря на целенаправленные поиски, наша экспедиция, как и предшествующие, его не обнаружила. Однако на удалении примерно в 2 км к западу от крепости был выявлен распаханный и занятый виноградником курган, в насыпи которого встречались обломки кирпичей саркельского типа. Возникает вопрос, а не был ли могильник крепости курганным? Напомню, что кирпичи найдены и в курганах около Карнауховского поселения (Ляпушкин И.И., 1958, с. 317). Известны находки кирпичей и в других курганах Нижнего Дона.

Некоторые итоги. В изучении Правобережного Цимлянского городища ещё много нерешенных проблем, из которых две представляются в настоящее время основными. Первая связана с его планиграфией, особенно системы внутренних стен. Для ее решения нужны новые широкомасштабные раскопки с использованием плана И. Сацыперова. Как я попытался доказать, этот план в своей основе достоверен и неоценим при раскопках памятника. В части параметров крепости и расположения отдельных башен он подтвержден раскопками С.А. Плетнёвой и нашими.

По сложности общей планировки, развитой системе башен, устройству ворот и другим признакам Правобережная Цимлянская крепость не знает равных среди каменных крепостей салтово-маяцкой культуры. Таким образом, любые уточнения в ее устройстве будут способствовать решению давней проблемы истоков «салтовской» крепостной архитектуры и строительного дела в целом. Успехи в этом пока невелики.

Вторая крупная проблема в изучении городища более принципиальна, хотя и не требует для своего решения больших земляных работ. Речь идет о стратиграфии памятника, а вместе с этим и его историческом облике: имеем ли мы дело только с крепостью с многочисленными жилищами или же жилища принадлежат большому поселению, на пепелище которого эта крепость начала возводиться, но так и осталась незавершенной. Первая точка зрения была выдвинута более 60 лет назад М.И. Артамоновым: «Принимая во внимание местоположение его (Правобережного городища. — *В.Ф.*), трудно допустить, чтобы здесь когда-нибудь существовало простое неукрепленное поселение. Все такие поселения, известные к настоящему времени на Нижнем Дону возле реки, расположены на первой береговой террасе, а не малодоступных кручах изрезанного оврагами высокого берега. Надо полагать, что правобережное городище с самого начала (разрядка моя. — *В.Ф.*) возникло как сильная крепость... выстроена ранее кирпичной крепости — Саркела» (Артамонов М.И., 1935, с. 85). Примечательно, что к этому выводу М.И. Артамонов пришел без раскопок, лишь на основе сравнения разных типов поселений хазарского времени на Нижнем Дону. Несколько позднее, уже по результатам раскопок к тем же выводам фактически пришел И.И. Ляпушкин. Спустя более четверти века после более широких раскопок выводы М.И. Артамонова поддержала С.А. Плетнёва. И наконец, по прошествии еще 30 лет, после исследования еще одного участка городища к тому же итогу пришел и я.

Второй вариант в решении стратиграфической проблемы теперь предложен в указанной статье С.А. Плетнёвой (Плетнёва С.А., 1993). Как участник изучения городища я не мог оставить эту публикацию без внимания, хотя не разделяю её основные положения.

Сложившаяся ситуация не требует комментариев. Дальнейшие поиски истины в кабинетных условиях имеют довольно ограниченные возможности. Я, в частности, помимо собственных стратиграфических наблюдений попытался использовать план и разрезы инженера И. Сацыперова[8]. С.А. Плетнёва дала новую трактовку своим стра-

[8] В статье С.А. Плетнёвой неправильно указана фамилия этого вошедшего в историю археологии топографа — Санцыперов. Правильное написание — Сацыперов, то есть без буквы «н».

тиграфическим чертежам, на основе которых были сделаны и её прежние выводы. Решение проблемы видится в одном — дальнейшие раскопки, в том числе соединение участков, вскрытых в 1958—1959 гг. и в 1987—1988, 1990 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И., 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131. Л.

Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

М.А. (Артамонов М.И.), 1964. По поводу кирпичей из Правобережного городища // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXV.

Афанасьев Г.Е., 1984. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977—1979 гг. // Маяцкое городище. М.

Афанасьев Г.Е., 1985. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А.Х. Халикову) // СЭ. № 5.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.

Винников А.З., 1984. Хозяйственные и жилые постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К., 1991. Граффити на восточных монетах. Л.

Краснов Ю.А., Флёров В.С., 1989. Рец.: В.К. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата // СА. № 1.

Краснянский М.В., 1927. Памяти Харитона Ивановича Попова // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1 (т. III). Вып. 2. Ростов-на-Дону.

Кропоткин В.В., 1968. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М.

Ляпушкин И.И., 1940. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. IV.

Ляпушкин И.И., 1958. Курганный могильник близ Карнауховского поселения // МИА. № 62.

Плетнёва С.А., 1958. Отчет о работе Донской экспедиции Гос. Эрмитажа на Правобережном Цимлянском городище в 1958 году // Архив ИА РАН. Р–1, № 1742.

Плетнёва С.А., 1959. Отчет о работе на Правобережном Цимлянском городище летом 1959 года // Архив ИА РАН. Р–1. № 1907.

Плетнёва С.А., 1993. История одного хазарского поселения // РА. № 2.

Попов Х.И., 1885. Где находилась хазарская крепость Саркел? // Тр. IX АС. Т.I. М.

Сизов В.И., 1889. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Тр. VI АС. Т. IV. Одесса.

Сухоруков В.Д., 1863. Записки о достопримечательностях в Донской области // Донские Войсковые ведомости. № 34.

Флёров В.С., 1991. Правобережное Цимлянское (Деснобрежно Цимлянско) городище по раскопам 1987—1988, 1990 гг. // Проблеми на прабългарската история и култура. Вып. 2. София.

Флёров В.С., 1992. Правобережное Цимлянское городище. Некоторые проблемы изучения // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов). Волгоград.

Институт археологии РАН,
Москва

V.S. FLEROV

THE RIGHT BANK TSIMLJANSKAJA FORTRESS
(problems of planigraphy and stratigraphy)

S u m m a r y

The aricle is devoted to Tsimljanskaja fortress, an outstanding building of Khazar kaganat. The fortress walls were made in 'opus implectum' technique of the limestone blocks in the lst quarter of the 9th cent. Inside the fortress there was a great number of hipped-roof dwellings except the space in front of the gates. The fortress was destroyed in the middle of the 9th cent. as a result of the inner struggle in kaganat. In 1743 engineer I. Satsyperov made a plan of the fortress and the cross-sections of its walls. After that the remaines of the walls were completely destroyed by the local population. Satsyperov's plan is very exact (fig. 1,1) and can be used as a base for the reconstruction. The main gates and the towers 1 and 3 marked on the plan were discovered by S.A. Pletneva in 1958. In 1987–90 V.S. Flerov and V.E. Nakhapetjan found the towers 4 and 7 (fig. 3). The fortress was built on the place of a Bronze Age settlement (fig. 4). The author criticizes Pletneva's conclusion that the fortress was situated on the place of an unfortified Middle Age settlement destroyed by the Petchenegs. His point of view is supported by the data of stratigraphy and planigraphy.

Я.Г. РИЕР

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Социальные отношения в археологических источниках отражаются опосредованно, прежде всего через отличия разных слоев общества в материальной культуре. Поэтому археологам проще анализировать структуру классового общества. Но накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет обратиться и к рассмотрению процесса перехода общества к социальному неравенству. Прежде всего это относится к сравнительному анализу развития общинных порядков в восточно-, западнославянских и германских землях. Ибо сопоставление особенностей распада первобытного и формирования классового общества в регионах с близкими природными условиями и древней историей позволяет рассматривать основы социальных процессов, развивающихся и в наше время.

Развитие восточнославянской общины было недавно подробно изучено Б.А. Тимощуком (Тимощук Б.А., 1990), что позволяет лишь кратко остановиться на основных, ключевых моментах. Изначальной общественной организацией, с которой славяне вошли в раннее средневековье, была родовая община. Но известные на поселениях жилища могли вместить не более 10 человек, т.е. малую семью. Многие видят в этом свидетельство распада единого родового коллектива и начала обособления малых семей, ведущих отдельное хозяйство (Баран В.Д., 1988а, с. 54—60, 81; Терпиловский Р.В., 1984, с. 72; Шадыро В.И., 1985, с. 104, 105). Последнее принято считать основным типообразующим элементом соседской или территориальной общины. Но если обособление малых семей по археологическим данным несомненно, то где свидетельства хозяйственной самостоятельности этих семей? Ведь по крайней мере до VIII—IX вв. отсутствуют четкие свидетельства наличия на поселениях индивидуальных дворов[1]. И в X в. такие дворы прослеживаются далеко не всегда. Больше указаний на дворы среди материалов XI—XIII вв., хотя обособленные, огороженные комплексы все еще редки (Приходнюк О.М., 1975, с. 28; Русанова И.П., 1976, с. 49, 50; Тимощук Б.А., 1976, с. 129, 130; Этнокультурная карта..., с. 152—154; Дубов И.В., 1982, с. 172, 186; Буров В.А., 1988, с. 44; Толочко П.П., 1988; Станкевич И.Л., 1985). Поэтому, не отрицая, что выделение отдельно живших малых семей видоизменяет родовую организацию, автор присоединяется к тем, кто не считает этот процесс свидетельством распада родовой общины. Тем более, что в письменных памятниках до XI в. нет свидетельств земельных разделов. По-видимому, до конца I тыс. преобладали родовые связи, лишь с VIII—IX вв. начавшие преобразовываться в территориальные (Тимощук Б.А., 1976, с. 17, 133; 1990; История крестьянства..., 1987, с. 370, 371; Седов В.В., 1982, с. 244; Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984а,

[1] В.Д. Баран пишет о наличии индивидуальных дворов на поселении второй половины V—VII в. Рашков III, считая таковыми отдельно расположенные жилища (Баран В.Д., 1988а, с. 52, 53). Такая интерпретация далеко не бесспорна, ибо не выявлено ни каких-либо территориально обособленных комплексов, ни индивидуальных хозяйственных помещений, необходимых в крестьянском хозяйстве, т.е. свидетельств именно хозяйственной самостоятельности жителей таких домов. К тому же, как отмечает автор, жилищ на поселении было выявлено в два раза больше, чем хозяйственных ям (Баран В.Д., 1988а, с. 53). То есть каждая яма могла быть общей по крайней мере для двух малых семей.

© Я.Г. Риер, 1996 г.

с. 44; Баран Я.В., 1988б; Славяне Юго-Восточной..., 1990, с. 427; Довженок В.Й., 1975; Маретин Ю.В., 1978; Горемыкина В.И., 1982, с. 47—51).

Рассматривая процесс сегментации общины, вероятно, надо отделить бытовое обособление от хозяйственного. Отгораживание внутрисемейных отношений в отдельном жилище сочеталось с совместной хозяйственной деятельностью в рамках большой семьи, патронимии, общины. Лишь постепенно происходит и хозяйственное разграничение. Длительное отсутствие четких археологических свидетельств последнего отражает размытость процесса, растянувшегося в рамках родовой организации не на одну сотню лет. О длительном преобладании совместной хозяйственной деятельности выделившихся малых семей свидетельствует социальная однородность жителей селищ, сохранявшаяся повсеместно, по крайней мере, до IX в. (Баран В.Д., 1988а, с. 54; Приходнюк О.М., 1972; 1975, с. 67, 68; 1988; Этнокультурная карта..., 1985, с. 152; Седов В.В., 1982, с. 244; Горемыкина В.И., 1982, с. 48).

В таких условиях с VIII в. увеличивается количество крупных поселений, состоявших из обособленных групп малых жилищ. Обычно такие группы интерпретируются как патронимии. Нередко вокруг центральных поселков формировались мелкие, адекватные одной патриархальной семье. Гнезда таких поселков VIII—IX вв. выявили Б.А. Тимощук и В.А. Буров. Начало обособления тогда же индивидуальных крестьянских дворов свидетельствует в пользу закрепления за каждой семьей определенных угодий. Но данный процесс — и об этом свидетельствуют древнерусские правовые источники — не сопровождался появлением частнособственнических прав на крестьянские участки типа аллода. В такой ситуации, как подчеркивал еще Л. Крживицкий, малые семьи, разрастаясь, не обязательно делились и могли вновь воспроизводить большие, патриархальные, нередко сосуществовавшие с малыми вплоть до XIX в. (задруга, печище, дворище) (Тимощук Б.А., 1976, с. 129—131; 1990; Баран В.Д., 1972а, с. 77; 1988, с. 52—54, 81; Приходнюк О.М., 1975, с. 66, 67; 1988; Русанова И.П., 1976, с. 51; Седов В.В., 1982, с. 244; Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984а, с. 44; 1984б; Баран Я.В., 1988б; Славяне Юго-Восточной..., 1990, с. 431; Маретин Ю.В., 1978; Горемыкина В.И., 1982, с. 59, 60, 133; Свердлов М.Б., 1981; Довженок В.И., 1961, с. 190—193; Сміленко А.Т., 1975, с. 96; Рафалович И.А., 1972, с. 229—232; Горюнов Е.А., 1981, с. 12—14; Юренко С.П., 1984; Косвен М.О., 1963, с. 99, 100; Крживицкий Л., 1925, с. 145—153).

Таким образом, представляется, что общину V—VII вв. уместнее отнести к земледельческой или пракрестьянской, как это делают А.П. Моця и Н.М. Кравченко (Моця А.П., 1984; Кравченко Н.М., 1985). А переход к соседской общине начался с VIII—IX вв. В XI—XII вв. территориальные связи между крестьянскими семьями стали господствующими, при сохранении верховенства общинных прав на землю вплоть до реформ П.А. Столыпина и, в более массовом объеме, до коллективизации, как писал С.Д. Сказкин (Сказкин С.Д., 1968, с. 81, 82).

Аналогичная в целом динамика общинных преобразований прослежена и в западнославянских землях. Начало формирования территориальных связей приходится на VII в. и более определенно — на VIII в. Обособление индивидуальных крестьянских дворов относится к XI—XII вв. Причем бытовое выделение малых семей также предшествует хозяйственному; наиболее четко это прослежено в междуречье Одера и Эльбы (Сміленко А.Т., 1975, с. 362, 363; Losinski W., 1972, S. 308; Pitterová A., 1968, S. 173—176; Meřinsky Z., 1985; Die Slaven in Deutschland..., 1985, S. 167—171; Herrmann J., 1965, S. 20; Donat P., 1970, S. 146)[2].

Генезис общины у германцев носит иной характер. Ибо, в отличие от славянского крестьянства, германское вступило в средние века разделенным на усадьбы-домохозяйства. Эти усадьбы, причем порой с явно очерченными полями, известны на

[2] Впрочем, необходимо заметить, что Й. Херрманн недавно констатировал нерешенность вопроса о статусе малых семей при данном состоянии источников. Он не отвергает мысли о том, что какие-либо элементы хозяйственной самостоятельности у малых семей могли быть (Херрманн Й., 1987, с. 83; Савчук В.С., 1987).

германском побережье и в первой половине I тыс. до н.э. А в VII—IX вв. такие усадьбы размерами до 1 га выделены достаточно четко (История крестьянства..., 1985, с. 99, 100; Haarnagel W., 1979; Ponat P., 1980, S. 93—95, 119—124; Fehring G. P., 1973, S. 21—23; Winkelmann W., 1958; Plank D., 1977).

Анализ археологических материалов из Нидерландов и Нижнего Рейна, предпринятый П. Донатом, свидетельствует, что уже с начала новой эры появляются элементы социальной дифференциации, а со II—III вв. дворы на поселениях начинают вырисовываться более определенно (Donat P., 1983a; 1985). Таким образом, германская община уже в первые века новой эры переходит в иное качество, превращается в сообщество домохозяев, связанных прежде всего общностью территории проживания и хозяйственной деятельности. На этой основе и складывается в первой половине I тыс. средневековая система аллодов с общинными угодьями (Donat P., 1980, S. 136; Gringmuht-Dallmer E., 1983, S. 110)[3]. Таким образом, выделение и хозяйственное обособление отдельных семей началось у германцев еще в начале новой эры. Причем сосуществовали и большие, и малые семьи. А в целом процесс формирования малых семей затянулся, по археологическим данным, как подчеркивает Х. Штойер, на много веков, и вплоть до эпохи Каролингов большие патриархальные семьи сосуществовали с малыми (История крестьянства..., 1985, с. 110, 111, 119, 120; Donat P., 1980, S. 149; Steuer H., 1979)[4]. Впрочем, так же долго, но в иной обстановке оформлялась малая семья у славян.

К сожалению, практически неизвестна ситуация в других землях германского мира, а обобщать данные, полученные из нескольких северогерманских поселений, рискованно. Но не только распад родовой организации, а и обособление семейных домохозяйств с появлением среди них имущественного неравенства у части германских племен в первой половине I тыс. бесспорны. В эпоху Меровингов и Каролингов, когда у северных германцев окончательно оформился зафиксированный в письменных источниках аллод, имущественные и социальные различия еще более усиливаются (Donat P., 1980, S. 124; 1983a, Fehring G.P., 1973, S. 30; Gringmuht-Dallmer E., 1983, S. 53, 110; Steuer H., 1979, S. 611).

В чем же причина того, что славянская община сохранила свои силу и сплоченность в отличие от германской марки, превратившейся в течение I тыс. в административно-территориальное объединение мелких земельных собственников? Вопрос важен, ибо разные пути развития общины в Западной и Восточной Европе, исходившие из форм собственности, складывавшихся по-разному, предопределили разные формы и темпы жизни феодального общества, повлиявшие на различия обеих частей Европы вплоть до наших дней.

Встречающееся иногда в литературе мнение об отставании уровня хозяйственного развития славянской деревни I тыс. от германской археологическими данными не подтверждается. Имевшиеся различия носили второстепенный характер (Donat P., 1983b, S. 707, 708; Herrmann J., 1968; Bentzien U., 1980). С другой стороны, в динамике расселения и топографии поселений различия весьма существенны (Риер Я.Г., 1990; 1991). Более суровый климат на Востоке осложнял повседевную жизнь и способствовал, очевидно, меньшей плотности населения (в более благоприятных условиях степи и лесостепи сказывалась опасность нападений кочевников). В такой обстановке было естественным сохранение коллективного труда и коллективных же форм владения основным средством производства — землей, в том числе и обрабатываемой. К

---

[3] Следует заметить, что археологические данные о германской общине оцениваются неоднозначно. Ряд немецких учёных считают их свидетельствами наличия частной собственности на землю уже в начале новой эры. Другие исследователи продолжают настаивать на сохранении общинных порядков. Думается, прав А.Я. Гуревич. признавший археологические реалии, но усомнившийся в возможности их интерпретации как свидетельств частной собственности (История крестьянства..., 1985, с. 102—111; Мильская Л.Т., 1975; 1977; Жумагулов К.Т., 1980; 1982; Ганенко А.Н., 1988).

[4] Переход от большой семьи к малой в VIII—IX вв. отмечен в Скандинавии (Гуревич А.Я., 1960; Закс В.А., 1986).

таким же выводам пришел недавно и Л.В. Милов (Милов Л.В., 1989). Совпадение результатов исследований, основанных, с одной стороны, на археологических данных и, с другой — преимущественно на письменных, представляется весьма существенным. Точки соприкосновения с концепцией Л.В. Милова увеличатся, если обратиться к анализу развития сельских укрепленных поселений.

Общинные городища — центры и убежища — наиболее известны в VIII—IX вв. (Тимощук Б.А., 1983; 1989а,б; 1990; Седов В.В., 1982, с. 56, 57; Моця А.П., 1984, с. 237; Риер Я.Г., 1990; Археология Украинской ССР, 1986, с. 179). Городища, содержавшие следы постоянного пребывания населения, не связанного с повседневной сельскохозяйственной деятельностью — военно-административных слоев и ремесленников — достаточно определенно фиксируются с IX в. (отдельные примеры VII—VIII вв. сигнализируют о начале тенденции, но «погоды» еще не делали), что свидетельствует о массовом выделении из общин и обособлении социальных верхов общества. До X—XI вв. городища-резиденции знати еще сосуществовали с общинными, затем последние исчезают (Тимощук Б.А., 1990, с. 131—138; Древняя Русь..., 1985, с. 50, 51; Куза А.В., 1989, с. 55—70; Тимощук Б.А., 1988; Загорульский Э.М., 1982, с. 30—63). Это также свидетельствует об изживании прежних общинных традиций, как и массовое формирование тогда же крестьянских дворов.

С конца X—XI в. в западнорусских землях появились, а в XI—XIII вв. широко распространились по всей Руси небольшие, но мощные городища — феодальные замки, число которых особенно возросло в условиях феодальной раздробленности. Такие городища — бесспорный индикатор складывания и распространения вширь феодального землевладения (Археология Украинской ССР, 1986, с. 376—395; Древняя Русь..., 1985, с. 42—50; Тимощук Б.А., 1988; Загорульский Э.М., 1982, с. 289—292; Белорусская археология, 1987, с. 83, 101, 102, 105; Раппопорт П.А., 1967, с. 213—218; Ткачоў М.А., 1978, с. 13—26). Как видно, стадии развития городищ как носителей определенных социальных функций хорошо коррелируются с этапами развития общины.

В западнославянских землях история раннесредневековых городищ была аналогичной. Обособление социальных верхов в особых укрепленных резиденциях начинается в VIII—IX вв. и окончательно формируется к рубежу X/XI вв. Затем, особенно в XII—XIV вв., интенсивно сооружаются небольшие шляхетские замки (Риер Я.Г., 1988).

В германских землях Центральной Европы процесс выделения знати на особых городищах начался с VII в. (под влиянием франков). Тогда же исчезают общинные укрепления. Каролингская экспансия второй половины VIII в. ускорила процесс феодализации германских земель восточнее Рейна, и в IX в. вся территория была покрыта укрепленными резиденциями знати. С XI в. фиксируется интенсивное распространение небольших рыцарских замков, свидетельствовавшее о полном утверждении феодального землевладения (Brachmann H., 1985a; Grimm P., 1958, S. 45—47; Mrusek H.J., 1965, S. 9—20; Struve K.W., 1968, S. 47; Gensen R., 1975; Janssen W., 1965, S. 155—183; 1975, S. 234, 235; 1983, S. 315, 316; Herrmann J., 1960; 1966; Müller-Wille M., 1966; Zoller D., 1969; Timpel W., 1982).

Таким образом, процессы феодализации, отраженные в городищах, происходили в германских землях интенсивнее, чем у славян. Объяснение причин этих различий в принципе выходит за рамки познавательных возможностей археологии. Но, констатировав различия в развитии крестьянской общины, можно предположить, что более раннее обособление индивидуальных крестьянских домохозяйств способствовало интенсификации у германцев всех социальных процессов в деревне. В итоге формировавшаяся знать получала более широкую социальную базу и для своего развития, и для господства над относительно разобщенными крестьянами-аллодистами. В славянских же землях формировавшаяся знать имела перед собой более сплоченную крестьянскую организацию, подчинить которую было, безусловно, сложнее, чем аллодистов. Поэтому в славянских землях медленнее формировалась и феодальная собственность

на землю[5]. И если в западнославянских государствах, не без влияния западноевропейских порядков, в деревню проникало так называемое «немецкое право» и складывалась западная сеньериальная структура, то на Руси в силу целого ряда факторов эта модель феодализма не привилась и сохранилось государственное землевладение, т.е. государственный феодализм. Безусловно, такая интерпретация рассмотренных выше археологических материалов требует серьезной проработки, особенно историками. Но, представляется, проанализированные данные позволили нащупать те различия, которые легли в основу двух основных моделей феодализма — государственной и частновладельческой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской ССР, 1986. Т. 3. Киев.

Баран В.Д., 1972. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ.

Баран В.Д., 1988а. Пражская культура Поднестровья (По материалам поселений у с. Рашков). Киев.

Баран Я.В., 1988б. Планировочная структура жилых комплексов славянского поселения Рашков I на Среднем Днестре и ее социальное значение // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 2. М.

Белорусская археология, 1987. Минск.

Буров В.А., 1988. О происхождении кончанской структуры древнего Новгорода // Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М.

Ганенко А.Н., 1988. Община у аламанов в IV—VII вв. по данным археологии // Из истории древнего мира и средневековья. М.

Горемыкина В.И., 1982. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе. Минск.

Горюнов Е.А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.

Гуревич А.Я., 1960. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н.э. в свете данных археологии // СА. № 4.

Довженок В.Й., 1961. Землеробство древньої Русі. Київ.

Довженок В.Й., 1975. Про типи городищ Київської Русі // Археологія. Т. 16.

Древняя Русь. Город, замок, село, 1985 // Археология СССР. М.

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л.

Жумагулов К.Т., 1980. Новейшие исследования буржуазных ученых ФРГ по аграрной истории древних германцев // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. № 5. Алма-Ата.

Жумагулов К.Т., 1982. Проблемы аграрных отношений древних германцев в археологических исследованиях ученых ФРГ. — Депонир. в ИНИОН АН СССР, № 11 049. Алма-Ата.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Закс В.А., 1986. Проблемы феодализма в скандинавских странах: формы социальной организации и правовые представления норвежского крестьянства в XI—XIII вв. Калинин.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, 1985. Т. 1. М.

История крестьянства в СССР, 1987. Т. 1. М.

Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М.

Кравченко Н.М., 1985. К изучению общины у славян Восточной Европы (по материалам раскопок многослойного поселения Обухов II) // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии. М.

Крживицкий Л., 1925. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М.; Л.

Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М.

[5] Здесь уместно вспомнить соображения Х. Штойера о различиях господствующих слоев германцев и западных славян в конце I тыс. Сопоставляя меровингские и каролингские материалы с великоморавскими, исследователь пришел к выводу, что в Великой Моравии IX в. еще только началось формирование социальных верхов. Так четко, как на западе, они еще не обособились. Окончательное их выделение он относит к пржемысловскому времени (Steuer H., 1982, S. 417—426). Конечно, отказывать Великой Моравии в начале генезиса феодализма едва ли можно. Но стертость и замедленность процесса феодализации несомненна. Это же отразилось и в другом. В ряде мест у западных славян малые укрепленные резиденции появились не позднее, чем у германцев. Однако характер западнославянских малых резиденций свидетельствует не о массовом оседании на землю рыцарей, а скорее всего, во-первых, о складывании местного нобилитета, не имевшего необходимой мощи и средств для создания более могучих резиденций и, во-вторых, о наделении некоторой части служилых людей князя административными и охранными функциями на местах.

Маретин Ю.В., 1978. Опыт стадиально-генетической типологии общины // Проблемы аграрной истории. Минск.

Милов Л.В., 1980. Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. № 2.

Мильская Л.Т., 1975. К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ // СВ. Вып. 38.

Мильская Л.Т., 1977. Средневековая деревня в трехтомном труде К.З. Бадера // СВ. Вып. 41.

Моця А.П., 1984. Проблема перехода восточных славян к классовому обществу в исторической литературе // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.

Приходнюк О.М., 1972. Слов'янске населення Середнього Подністров'я на передодні утворення Київської Русі // Укр. істор. журн. № 2.

Приходнюк О.М., 1975. Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н.э.). Київ.

Приходнюк О.М., 1988. Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (По материалам пеньковской культуры) // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев.

Раппопорт П.А., 1967. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. № 140.

Рафалович И.А., 1972. Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев.

Риер Я.Г., 1988. Становление феодальных отношений у западных славян в свете археологических данных // ВИ. № 10.

Риер Я.Г., 1990. Средневековое сельское расселение западных и восточных славян: сравнительная характеристика // VI Междунар. конгр. славянской археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.

Риер Я.Г., 1991. Генезис феодализма в Центральной и Восточной Европе: к вопросу о причинах различий // Международные связи в средневековой Европе. Запорожье.

Русанова И.П., 1976. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984а. Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1984б. Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой обл. // КСИА. Вып. 179.

Савчук В.С., 1987. К вопросу о социальном строе полабских славян // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л.

Свердлов М.Б., 1981. Семья и община в Древней Руси // История СССР. № 3.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М.

Сказкин С.Д., 1968. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, 1990. Киев.

Сміленко А.Т.,1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ.

Станкевич И.Л., 1985. Древнерусское поселение Введенское. — Депонир. в ИНИОН АН СССР. № 24 225. Ярославль.

Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев.

Тимощук Б.А., 1976. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ.

Тимощук Б.А., 1983. Общинный строй восточных славян VI—X вв. (по археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис.... д.и.н. М.

Тимощук Б.А., 1988. Об археологических признаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отношениях эпохи феодализма. М.

Тимощук Б.А., 1989а. Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.

Тимощук Б.А., 1989б. Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ // КСИА. Вып. 195.

Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI—X вв. н.э. М.

Ткачоў М.А., 1978. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Белорусі XIII—XVIII стст. Минск.

Толочко П.П. 1988. Южная Русь: Некоторые проблемы и перспективы историко-археологического изучения // Историко-арехологическое изучение Древней Руси. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л.

Херрманн Й., 1987. Общество у германских и славянских племен и народностей между Рейном и Одером в VI—XI веках // ВИ. № 9.

Шадыро В.И., 1985. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э., 1985. Киев.

Юренко С.П., 1984. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII—X ст. // Археологія. Вип. 45.

Bentzien U., 1980. Bauerarbeit im Feudalismus. Berlin.

Brachmann H., 1985a. Der mittelalterliche Befestigungsbau. Untersuchungen zu Stellung und Funktion der Wehrbauten um Geneseprozess der mitteleuropäischen Feudalgeselschaft // EAZ. Jg. 26. H. 3.

Brachmann H., 1986b. Die sächsisch-fränkischen Auseinandersetzungen des 8. Jahrhunderts im Spiegel des Befestigungsbaues // ZfA. Jg. 19. H. 2.

Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis. 12. Jahrhundert. 1985. Berlin.

Donat P., 1970. Haus und Hof // Die Slawen in Deutschland. Berlin.

Donat P., 1980. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert: Archäologische Beitrage zur Entwicklung und Struktur der bäuerlichen Siedlung. Berlin.

Donat P., 1983a. Hausbau und Siedlung // Die Germanen. Ein Handbuch. Berlin.

Donat P., 1983b. Die Landwirtschaft in der Zeit der Herausbildung und Festigung des Feudalismus in Mitteleuropa // ZfA. Jg. 31. H. 8.

Donat P., 1985. Siedlungsforschung und Herausbildung des Bodeneigentums bei den germanischen Stämmen // ZfA. Jg. 19. H. 2.

Fehring G.P., 1973. Zur archäologischen Erforschung mittelalterlicher Dorfsiedlungen in Süd-West-Deutschland // Z. Agrargeschichte und Agrarsoziologie. Jg. 21. H. 1.

Gensen R., 1975. Frühmittelalterliche Burgen und Siedlungen in Nordhessen // Augrabungen in Deutschland. T. 2. Mainz.

Grimm P., 1958. Die vor- und frügeschichtlichen Burgwall der Bezirke Halle und Magdeburg // Handbuch vor- und frühgeschichtlicher Wall- und Wehranlagen. T. I. Berlin.

Gringmuht-Dallmer E., 1983. Die Entwicklung der frühgescichtlichen Kulturlandschaft auf dem Territorium der DDR unter besonderer Berücksichtigung der Siedlungsgebiete. Berlin.

Haarnagel W., 1979. Die grabung Feddersen Wierde. Methode, Hausbau, Siedlungs- und Wirtschaftsstruktur. Wiesbaden.

Herrmann J., 1960. Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwalle Gross-Berlins und der Bezirkes Potsdam. Berlin.

Herrmann J., 1965. Kultur und Kunst der Slawen in Deutschland von 7. bis 13. Jahrhundert. Berlin.

Herrmann J., 1966. Burgen und Befestigungen des 12. und 13. Jh. in landesherrlicher Territorialpolitik und bäuerlicher Siedlung in der weiteren Umgebung von Berlin // ZfA. Jg. 20. № 1.

Herrmann J., 1968. Siedlung, Wirtschaft und geselschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin.

Janssen W., 1975. Studien zur Wüstungsfrage im fränkischen Altsiedelland zwischen Rhein, Mosel und Eifelnordland. Köln. T. 1—2.

Janssen W., 1983. Die Bedeutung der mittelalterlichen Burg für die Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters // Das Handwerk in vor- und frügeschichte Beitrage. Göttingen.

Łosiński W., 1972. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI). Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Meřinský Z., 1985. Čechy v dobe Slovanskej // AH. № 10.

Mrusek H.J., 1965. Thüringische und sächsische Burgen. Leipzig.

Müller-Wille M., 1966. Mittelalterliche Burghügel «Motten» in nördlichen Rheinland. Köln.

Pitterová A., 1968. Typy nejstaršich slovanskych sidlišt vesnického charakteru a jejich vyvoj ve světle archeologických pramenů // Česky lid. R. 55. № 2—3.

Plank D., 1977. Eine frühalämanische Siedlung in Sontheim im Stubental, Kr. Heidenheim // Fundberichte aus Baden-Würtemberg.

Steuer H., 1979. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa // Geschichtswissenschaft und Archäologie. Sigmaringen.

Steuer H., 1982. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analise der Auswertungsmetoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandl. Akad. Wiss. Göttingen. Philol.-histor. Kl. Göttingen. № 3.

Struve K.W., 1968. Sächsische und slawische Burgen in Holstein // Frühen zu vor- und frühgeschichtlichen Denkmälern.

Timpel W., 1982. Gommerstedt: Ein Hochmittelalters Herrensitz in Thüringen. Weimar.

Winkelmann W., 1958. Ausgrabungen in der frühmittelalterlichen Siedlung bei Warenderf (Westfalen) // Neue Ausgrabungen in Deutschland. Berlin.

Zoller D., 1969. Burg Elmenhof. Eine Dreihügel-Motte im Landkreis Ammerland // Neue Ausgrabungen und Forschung in Niedersachsen.

Могилевский государственный
педагогический институт

J.G. RIER

CONCERNING THE SOCIAL DEVELOPMENT OF THE EASTERN AND CENTRAL EUROPE: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARCHAEOLOGICAL DATA

Summary

The article deals with the forest Europe from the Volga river to the Rhine occuped by the eastern-western Slavonic and German tribes. The data about the number of the rural settlements and their buildings testify to the fact that the process of transition from the klan community to the neighbour one began among the Slavonic tribes in the 8th—9th cent. and finished in the 11th—12th cent. In the German lands the similar processes began in the first centuries A.D. and finished by the middle of the millenium. The differences were caused by the collective economy that preserved in the Slavonic communities for a long time. The separate farmsteads appeared in the German lands in the 1st—2nd cent. A.D. The geographic and demographic factors also played their role. The author thinks that the community fortified settlements disapeared in the Slavonic lands by the 10th—11th cent. They were changed by the residences of the nobles. The castles spread in the western Slavonic lands in the 12th—14th cept. In the German lands the community fortified settlements disappeared in the 7 th cent., the residences of the nobles spread by the 9th cent and the notwork of the castles has formed since the 11th cent.

В.А. БУРОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Ныне связь культуры длинных курганов с летописными кривичами практически никем не оспаривается. Но относительно этноса населения, оставившего круглые, длинные, прямоугольные и прочих форм насыпи, объединенные в литературе под названием «культура длинных курганов», споры продолжаются. История изучения данного вопроса ранее излагалась (Седов В.В., 1978, с. 36—41; 1982, с. 53—56). Появившиеся за последние годы новые имена исследователей и новые суждения требуют расширения историографии темы, осмысления и разработки иных подходов к проблеме.

Среди археологов отчетливо вырисовывается тенденция выхватывать разрозненные «этноопределяющие факты» и строить на них свою концепцию. Системный подход отсутствует, хотя методика исследования сложнейших проблем этногенеза предложена, апробирована (Седов В.В., 1979а) и никем не оспорена.

Находя элементы финской культуры в памятниках кривичей, ряд археологов полагают, что эту культуру следует считать финской (Лаул С., 1971; Лебедев Г.С., 1977; Булкин В.А. и др., 1978; Конецкий В.Я., 1987; 1992; Пронин Г.Н., 1988; Паранин В.И., 1990). В последние годы эту точку зрения усиленно отстаивает В.Я. Конецкий. Говоря о консерватизме культуры длинных курганов и противопоставляя ее культуре сопок (новгородских словен), он отводит финнам-кривичам роль рабов для сферы международной торговли. Единственным аргументом в пользу такого суждения служит высказывание М.И. Артамонова о том, что славяне покорили финнов (Конецкий В.Я., 1992, с. 131). По данным исследователя, культура длинных курганов «не вписывается в единый контекст славянских древностей» (Конецкий В.Я., 1992, с. 125).

В противовес профинской ориентации существует воззрение о балтском характере данной культуры (Авдусин Д.А., 1985, с. 5; 1987, с. 9). А.М. Микляев, указывая на балтскую топо- и гидронимию в ареале культуры длинных курганов, делает на этом основании вывод, что кривичи — восточные балты, ассимилированные славянами уже в составе древне-русского полиэтнического государства. «Возможно, имя этим балтам было "кривичи", и они сохранили его, став одним из древнерусских племен», — замечает исследователь. К балтам причисляется культура длинных курганов в Двинско-Ловатьском междуречье, Повеличье, Поднепровье (Микляев А.М., 1987, с. 52; Короткевич Б.С. и др., 1992, с. 34).

В.В. Седов признает культуру длинных курганов в основе славянской. К решению проблемы этногенеза кривичей он подошел комплексно, отведя данной культуре определенное место среди славянских древностей V—VII вв. — культур пражско-корчакской, пражско-пеньковской, суковско-дзедзицкой, что отражает диалектно-племенное деление раннесредневекового славянства (Седов В.В., 1982, с. 46—58; 1989б, с. 3).

Неоднократно В.В. Седовым перечислялись основные доказательства славянской принадлежности культуры длинных курганов. При этом исследователь анализировал керамику, погребальный обряд, домостроительство. Встречаемость в длинных курганах прибалтийско-финских и балтских элементов он объяснил ассимиляцией местного населения. О славянской принадлежности кривичей, подчеркивает исследователь, говорит тот факт, что латыши всех русских называют Krievs — термином,

© В.А. Буров, 1996 г.

производным от этнонима «кривичи». И наконец, один из главнейших аргументов В.В. Седов ввел недавно в связи с серией публикаций, посвященных изучению на основании новгородских берестяных грамот древненовгородского диалекта.

А.А. Зализняк отметил отсутствие в северном диалекте так называемой второй палатализации заднеязычных, что отличает его не только от южного древнерусского диалекта, но и вообще от всех остальных славянских диалектов. Он непосредственно восходит к праславянскому состоянию (Зализняк А.А., 1982, с. 61—80; Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986, с. 111—119). На основании того, что вторая палатализация связана с проникновением в праславянский язык множества лексических заимствований из восточногерманских языков, происходивших в первой половине I тыс. н.э., В.В. Седов пришел к выводу, что славяне, расселившиеся в бассейне озер Ильмень и Псковского, жили изолированно какое-то время от остального славянского мира и отселились от него не позднее середины I тыс. н.э. Территориально и хронологически это совпадает с культурой длинных курганов. Ареал ранних длинных курганов охватывает на западе бассейн Псковского озера с р. Великой и простирается в восточном направлении через бассейн Ловати и Мсты до Мологи и Чагодощи. Он соответствует древненовгородскому диалекту.

V—VII вв. — это время первой волны славянской колонизации на северо-западные земли откуда-то с юго-запада, возможно, Повисленья или районов Висло-Одерского междуречья. Расселяясь, славяне смешивались с местными восточнобалтскими и прибалтийско-финскими племенами. Культура и говоры славянского населения при этом в разной степени подверглись некоторым видоизменениям под воздействием субстрата. В конце VII или в начале VIII в. расселилась еще одна культурно-племенная группировка славян, оставившая сопки (вторая волна освоения славянами Северо-Запада). Славянофинский симбиоз оказал заметное влияние на дальнейшую этническую историю края (Седов В.В., 1978, с. 36—41; 1979б, с. 75; 1981, с. 5—11; 1982, с. 46—58; 1986б, с. 55; 1987б, с. 46—48; 1989а, с. 12—17; 1989б, с. 3—9; 1989в, с. 11, 12; 1990а, с. 26—33; 1990б, с. 85, 86).

Концепция В.В. Седова получила в целом поддержку ряда археологов, которые признали ее наиболее аргументированной (Носов Е.Н., 1992, с. 11; Рябинин Е.А., 1990, с. 184—189). Мы присоединяемся к такой оценке.

В то же время много новых вопросов поставили раскопки А.Н. Башенькина на востоке ареала длинных курганов, на реках Мологе и Чагодоще (Вологодская обл.). Исследователь выявил погребения с сожжением на стороне IV—V вв., совершенные в грунтовых ямках на ровной местности и содержавшие гладкостенную и сетчатую керамику с набором предметов, характерных для конца раннего железного века. К V в. относятся грунтовые погребения с аналогичным инвентарем в ямках на площадке, расположенной на естественной узкой гряде. Прослежено начало формирования насыпи из песка над отдельными ямками, которым начали придавать форму круглого кургана. Отсюда исследователь сделал вывод, что курганный обряд не является инновацией времени длинных курганов, как считалось ранее, а местное население принимало активное участие в формировании самой культуры длинных курганов (Башенькин А.Н., 1987, с. 12—14; 1988, с. 83, 84; 1990, с. 48—50; 1992, с. 25—29; Башенькин А.Н., Иванищева М.В., 1988, с. 32—35).

Открытия А.Н. Башенькина заметно усложнили картину восприятия культуры длинных куганов. Однако вряд ли правомерно подменять проблему этногенеза кривичей проблемой происхождения курганного обряда у местного финского населения. Теперь стало известно, что на востоке будущей Новгородской земли аборигены стали насыпать курганы в конце раннего железного века до славянизации края. Круглые насыпи местных финнов предшествовали по времени насыпям культуры длинных курганов. Лишь данному исследователю удалось филигранно уловить момент перехода от грунтовых погребений с сожжениями к курганному обряду, что позволяет ставить вопрос шире и искать аналогичные памятники и в западных областях. Однако это открытие говорит лишь о том, что в эпоху Великого переселения народов

курганный обряд распространился на обширных территориях, включая лесную зону, населенную финнами. Ранние славяне также сначала совершали захоронения-сожжения в ямках, а затем, в VI—VII вв., стали устраивать курганные насыпи в разных регионах своего расселения (Русанова И.П., 1973, с. 26—30; Седов В.В., 1981, с. 6, прим. 10). Все это общие восточноевропейские процессы развития погребального обряда для разных этносов. И совсем иной вопрос о соотношении курганов аборигенов с курганами культуры длинных курганов.

И.В. Исланової отмечено затухание позднедьяковских поселений с появлением длинных курганов и случаи, когда позднедьяковские поселения доживают до VII в. (Исланова И.В., 1985, с. 263—268; 1990, с. 14). Одновременно Е.А. Рябинин отмечает, что в Приильменье еще в XII—XIII вв. сохранялись островки обрусевшего финно-угорского населения (Рябинин Е.А., 1990, с. 189). «Островки» чрезвычайно важны как показатель того, что культура длинных курганов — совершенно новое явление, соприкоснуться с которым и избежать которое части аборигенов удалось. Кривичи — явно не местное население. Культура длинных курганов — совершенно иной по качеству уровень социально-экономического развития общества.

При решении проблемы этногенеза кривичей археологи уделяют внимание триединству этнографических черт их культуры: керамики, погребального обряда и домостроительства. Такой подход строится на тезисе о соответствии археологической культуры этносу (Артамонов М.И., 1971, с. 18, 31). Но сейчас пришло понимание относительной самостоятельности языкового и культурного процессов, отсутствия прямого соответствия материальной культуры этносу (Лебедев Г.С., 1981, с. 24, 25; Лесман Ю.М., 1993, с. 98).

В самом деле, какую этническую характеристику населению может дать керамика культуры длинных курганов, если в ней фиксируются одновременно и сосуды, «напоминающие (разрядка моя. — *В.Б.*) пражско-корчакскую керамику, и горшки тушемлинского облика, и баночные сосуды, сопоставимые с прибалтийско-финскими» (Седов В.В., 1987а, с. 164)? По словам В.В. Седова, эта керамика «очень разнохарактерна и не является однокультурной». Выходит, археологическая культура содержит «разнокультурную» керамику. В данном случае этот вывод справедлив. Эти же черты керамических комплексов на памятниках культуры длинных курганов отмечают и другие археологи (Лопатин Н.В., 1987, с. 52, 53; Исланова И.В., 1992, с. 27, 28).

Что может дать подсчет соотношения разных типов керамики? Думается, только гипотезы типа «контакты», «генетическая связь», «культурные импульсы» и т.д. Четкий научный вывод об этносе населения, лепившего горшки на том или ином селище, невозможен. Археология лишь констатирует этнографическую традицию в изготовлении глиняной посуды — характерность той или иной посуды для определенного региона и возможные источники этой традиции.

Как быть с украшениями, которые некоторые археологи считают «этноопределяющими»? Означает ли, например, что бляшки от головного венчика-вайнага, найденные на кривичском селище, носили балтки по происхождению? Конечно, здесь нет однозначного ответа. Однако если по украшениям попытаться определить этнический состав населения Новгорода X—XI вв., то следует признать, что это был неславянский город, поскольку более 50% всех «этноопределяющих украшений» здесь составляют прибалтийско-финские вещи. Из 68 украшений лишь 25 славянские (Покровская Л.В., 1988, с. 69—72; 1989, с. 93—97; 1992, с. 57—60). В таком случае нам ничего не остается, как только признать неславянским и язык новгородских берестяных грамот, что, конечно, нонсенс.

В.Л. Янин и М.Х. Алешковский в свое время отказались от этнической характеристики жителей Новгорода на основе украшений, указав на «нивелировку», вызванную модой (Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971, с. 42). Однако дело не в «нивелировке», а в заимствовании многих украшений славянами у финно-угров и балтов (Седов В.В., 1982, с. 52; Конецкий В.Я. и др., 1984, с. 165). Е.Н. Носов пришел

к выводу об «интернационализме» как городской материальной культуры, так и древнерусской культуры Новгородской земли (Носов Е.Н., 1984, с. 13). Этот вывод следовало бы распространить и на более ранний период. По мнению В.В. Седова, во второй половине I тыс. н.э. славяне еще не имели собственных украшений и в разных местах своего расселения пользовались разнохарактерными бронзовыми украшениями (Седов В.В., 1985, с. 128).

Украшения культуры длинных курганов, как и керамика, — элемент этнографии кривичей второй половины I тыс. н.э. При этом можно говорить об определенном наборе украшений, свойственных кривичам, определенных формах керамики, указывать, откуда шло заимствование, или даже указывать на конкретный источник, но делать при этом выводы этнического порядка для населения в целом вряд ли правомерно. Вайнаг на голове славянки не делал ее балткой.

Погребальный обряд также не может служить индикатором этноса. Как уже говорилось выше, исследования Башенькина показали, что курганный обряд в лесной зоне на территории псковско-новгородских кривичей возник впервые у финнов, начавших формировать круглые насыпи над грунтовыми ямками с остатками кремации на стороне. Он только указывает на характерные черты археологической культуры — в данном случае речь идет о характерном для культуры длинных курганов сочетании разных форм насыпей: длинных, круглых, квадратных, прямоугольных, сопковидных. Определить же, какой этнос стоит за этим явлением, невозможно, если исходить из самой погребальной обрядности.

Домостроительство культуры длинных курганов включает разнокультурные элементы. Показательно, что в качестве отопительных систем кривичи использовали и очаги, обложенные камнями, и печки-каменки, и глинобитные печи (Седов В.В., 1986а, с. 10—15), что подчеркивает особенности данной археологической культуры.

Не могут и антропологи делать четкие этнические характеристики населения. Исследования последних лет показали, что антропологический состав средневекового населения Новгородской земли отличается сильной пестротой. На территории Полужья, например, взаимодействовали комплексы, имеющие аналоги в средневековых и близких к современности балтийских и финских (в том числе саамских) группах (Санкина С.Л., 1992, с. 146—150). Изучение зубных комплексов XI—XVI вв. на землях западных кривичей выявило сходство их с синхронными им латгалами. Новгородским словенам соответствует балтийский одонтологический тип, отмечается сходство зубного комплекса словен и земгалов VI—XIII вв. с территории Латвии (Гравере Р.У., 1986, с. 174—181). Антропологи справедливо пишут об антропологическом субстрате (Алексеева Т.И., 1973).

Форма и строение черепа не дают основания для выводов этнического порядка. Население современного Псковского Поозерья отождествляет себя с русскими. По антропометрическим и соматическим признакам оно сближается с современными балтами (Беневольская Ю.Д., Давыдова Г.М., 1986).

Таким образом, археологи располагают огромными возможностями, для того, чтобы дать исчерпывающую *этнографическую* характеристику археологической культуры. Однако одна эта наука не в состоянии определить этнос, скрывающийся за археологической культурой. Решающее значение здесь должны иметь лингвистические исследования, конечно, в сочетании с археологическими выводами. Все же главным этноопределяющим признаком был и остается язык.

В заключении ведущих антропологов и этнографов говорится: «Язык, безусловно, как это и принято в современной науке, следует считать основным этническим показателем. Однако языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные» (Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968, с. 45). Эта мысль четко применима к культуре длинных курганов, впитавшей разнокультурные элементы, включившей местное неславянское население. Это сплав, в основе которого лежит славянский этнос. Но «лигатура» сплава сообщила ему неповторимые черты, на-

блюдая которые, некоторые археологи придают им ведующее этноопределяющее значение, что неоправданно. Совмещение археологической карты с картой древненовгородского диалекта, проделанное В.В. Седовым, отчетливо показало, что носители культуры длинных курганов должны были говорить именно на указанном диалекте, а следовательно, они были славянами. В этом сила концепции исследователя. Это краеугольный камень всей системы его доказательств.

В то же время слабым звеном в этой системе является наличие хронологического разрыва — несоответствие между датой появления первых длинных курганов и временем начала активных славяно-германских языковых взаимодействий. Данного противоречия не может не замечать сам исследователь, констатирующий одновременно, что «по периодизации Ф.П. Филина, процесс такого взаимодействия соответствует среднему этапу эволюции праславянского языка и археологически соответствует пшеворской и черняховской археологической культурам, *функционировавшим до V в. н.э.* » (выделено мною. — *В.Б.*) (Седов В.В., 1989а, с. 13). Следовательно, славяне, расселившиеся в бассейне озер Ильменя и Псковского, должны были появиться здесь до V в. или они пришли сюда из региона, где не было контактов с германцами, где они «пересидели» в IV—V вв.

Вся датировка ранних длинных курганов строится на находках В-образных рифленых пряжек. В лесной зоне Восточной Европы такие пряжки представлены тремя группами (III, V, VIII). Их дата — конец IV—начало VI в. (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1987, с. 58, 59; 1989, с. 28—35). Вполне возможно, что первые потоки славянской колонизации именно конца IV в. н.э. могли принести на Северо-Запад и будущие псковско-новгородские земли данные изделия. Хотя обращает на себя внимание концентрация В-образных пряжек на восточнолитовских землях в это время (Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989, рис. 2, врезка). Они образуют узкий «коридор», вытянутый с юго-запада на северо-восток. Не указывает ли он направление славянской колонизации псковско-новгородских земель? Этот вопрос надо особо заострить и в дальнейшем обратить на него пристальное внимание для решения указанного противоречия между нижней датой культуры длинных курганов и хронологией древненовгородского диалекта.

В решении проблемы этногенеза псковско-новгородских кривичей мало внимания уделяется проблеме соотношения культуры длинных курганов и предшествующей культуры позднедьяковского времени. Считается, что данных нет. Между тем плачевное состояние данной проблематики объясняется как слабой изученностью поселений кривичей, так и разрозненностью специализации археологов. Те, кто копал памятники культуры длинных курганов, как правило, не изучал памятники конца раннего железного века. И наоборот. Если ликвидировать такое несогласование, то откроются новые горизонты в данной теме.

Комплексное исследование двух «гнезд» памятников культуры длинных курганов на Верхней Шлине на Валдае, проведенное нами в 1985—1993 гг., показало, что в центре этих скоплений находятся позднедьяковские городища второй четверти—середины I тыс. н.э. (Буров В.А., 1990а, с. 78—81; 1990в, с. 8—11). В то же время на центральном поселении одного из «гнезд» — селище Городок I — в комплексе с керамикой культуры длинных курганов (при полном отсутствии на селище слоев конца раннего железа) встречены вещи позднедьяковских типов: коническая беспетельчатая подвеска с треугольными прорезями, бронзовая четырехгранная привеска-пирамидка с зернью по углам основания, обломок неорнаментированного глиняного грузика дьякова типа, глиняные бусины. Это прямое свидетельство определенной преемственности между жителями расположенного поблизости позднедьяковского городища Варварина Гора и населением культуры длинных курганов. Верхний рубеж взаимодействия датируется по украшениям VI—VII вв.

Аналогичные результаты получены В.Я. Конецким у д. Заозерье в бассейне р. Мста. Исследователями отмечена совстречаемость древностей культуры длинных курганов с материалами, характеризуемыми поздними вариантами сетчатой керамики,

грузиками дьякова типа, что может свидетельствовать о высоком удельном весе местного компонента, очевидно, финно-угорского по своей этнической принадлежности, в формировании культуры длинных курганов на этой территории (Клубова О.В., 1988, с. 14).

В нашей литературе мало внимания уделяется механизмам процесса этногенеза кривичей. Археологи ограничиваются выводами о славянизации финноязычного или балтского населения, о «взаимодействии» славян с местными неславянскими племенами, «ассимиляции» местных племен славянами и т.д. Сам же процесс этногенеза кривичей уподобляется, если привести образное сравнение, химической реакции, когда берутся два вещества, соединяются друг с другом, в результате образуется некое новое вещество с иными признаками. Однако при этом забывается, что *взаимодействие разных этносов происходило в древности на социальном уровне*. В контакт вступали не только отдельные люди, а прежде всего социальные структуры, включающие людей. Должен существовать и существовал определенный закон, регулировавший такое взаимодействие мирно встретившихся этносов.

Материалы, полученные нами на Валдае, позволяют ставить пока в предварительной гипотетической форме проблему *этносоциогенеза кривичей* в рамках дуально-фратриальной структуры. Это не примитивная родо-фратриальная структура первобытного строя, описанная Л. Морганом у индейских ирокезов и популяризованная Ф. Энгельсом, а структура эпохи заката родового строя, когда главным действующим лицом в обществе была большая патриархальная семья.

На Верхней Шлине каждое «гнездо» памятников культуры длинных курганов имеет отчетливую двухчастную структуру. Каждая половина «гнезда» состоит из набора селищ, расположенных рядом с ними курганных могильников, курганов вдоль дорог, соединяющих селища, культовых камней. Территории обеих половин отделяются пустопорожним пространством в 1—2 км. Расстояние между «гнездами» 4—5 км. В то же время внутри «гнезда» имеется одно крупное селище площадью свыше 1 га, рядом с которым находятся два могильника, примыкающих с двух сторон. В каждом «гнезде» выделяется также самый крупный могильник (количество насыпей 30 и 55), где встречены все формы насыпей без исключения и расположены курганы и два параллельных ряда. Двухрядные могильники отражают двухчастотность «гнезд». Очевидно, что это были общие кладбища для обеих половин «гнезд».

Дуальность в социальных структурах может получить объяснение через призму фратриального устройства общества. Такая фратриальность возникает, как показывают исследования, зачастую при слиянии разных родов и восходит к двум различным группам предков (Семенов Ю.В., 1986, с. 108), одна из которых пришла издалека. Для угро-финнов можно привести конкретный пример, довольно подробно описанный в литературе. Так, дуальная общественная структура у хантов и северных манси XVIII—XIX вв., включшая фратрии Пор и Мось, возникла в глубокой древности в ходе этногенеза, смешения пришлых угров и уральцев. При этом общество делилось на две экзогамные группы (Черенцов В.Н., 1939; Соколова З.П., 1983; 1987; Вереш П., 1990).

Возникновение дуальной организации у кривичей должно находить объяснение в необходимости регулирования брачных отношений с местными родами в условиях мирного расселения славян на Северо-Западе. Этногенез, осуществлявшийся в условиях мирных контактов, становился этносоциогенезом: он приводил к созданию новой социальной модели общества.

На характер этногенеза немаловажное влияние может оказать уровень развития двух объединяющихся компонентов. Как отметил А.П. Новосельцев, для Закавказья и Малой Азии возникновение нового этноса приводило зачастую к архаизации форм социально-экономических связей, когда осуществлялся синтез двух форм, находящихся на разном уровне развития. В указанных регионах в подавляющем большинстве случаев привнесенные формы были на более низком уровне развития, нежели коренные (Новосельцев А.П. и др., 1972, с. 28). В случае с кривичами было наоборот.

И тем не менее это, видимо, также определило архаичность самой дуальной структуры кривичского общества на Шлине.

Дуально-фратриальная структура, при которой женщины уходили в другие «роды», способствовала синтезированию разноэтнических элементов в материальной культуре народившегося этноса, сплаву элементов разных культур. Этнографические особенности культуры длинных курганов (украшения, керамика, домостроительство) с ярко выраженными местными элементами могут получить объяснение именно через эту призму.

Таким образом, дуально-фратриальная организация — движитель этногенеза кривичей и других племенных образований Восточной Европы во второй половине I тыс. н.э. С этих позиций следует совершенно иначе взглянуть и на проблему происхождения новгородских словен, под которыми археологи понимают территориальную, культурную и этническую общность, связанную с населением, оставившим культуру сопок (Седов В.В., 1982, с. 58—66; Носов Е.Н., 1992, с. 11).

Известно, что территория новгородских сопок и культуры длинных курганов совпадали в бассейне оз. Ильмень. По времени они сосуществовали. Поэтому неясно, почему под словенами подразумеваются только носители сопочной культуры. Объективно мы должны были бы констатировать, что словене — это и население, оставившее длинные курганы, и сопки. Такой вывод напрашивается из анализа структуры выдающегося Бельского комплекса на р. Белая в бассейне р. Мста, расцениваемого как центр Восточного Приильменья (Носов Е.Н., 1992, с. 24). Здесь зафиксировано 133 сопки и сопковидных насыпи, 87 полусферических, четырехугольных, «блинообразных» и длинных курганов. Среди последних — самый длинный из известных в лесной зоне длинных курганов протяженностью 155 м (Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1989, с. 78). Именно эти материалы и говорят, на наш взгляд, о паритете двух культур в важнейшем центре Новгородской земли. Если учесть, что аналогов ему нет, то Бельский центр следует трактовать как племенной центр приильменских словен, их «столицу», предшественник Новгорода. Здесь же отмечено два городища. Дуальная структура земли словен видна отчетливо.

О том, что резко противопоставлять культуру сопок культуре длинных курганов на данной территории ошибочно, свидетельствуют и результаты раскопок поселения Золотое Колено, проведенных Е.Н. Носовым. Это селище, расположенное рядом с крупной группой сопок на р. Мста, содержало в слоях керамику, характерную не только для культуры сопок, но и для культуры длинных курганов. Е.Н. Носов и А.В. Плохов констатировал взаимодействие на этом поселении двух культурных традиций и сделали вывод о существовании памятников со смешанными культурами (Носов Е.Н., Плохов А.В., 1991, с. 131).

Надо полагать, что общество новгородских словен VIII—IX вв. было дуально. Подразделение на фратрии и объясняет причину чересполосицы, слитности, смешанности культур сопок и длинных курганов на одной территории. Носители культуры сопок, как объясняют В.В. Седов и Е.Н. Носов, принадлежали второй волне славянской колонизации Северо-Запада. Эта вторая волна, встретившись с первой, наложились друг на друга, создав в бассейне Ильменя новую дуальную структуру.

В жизни доклассовых обществ дуальная организация закономерно играла огромную роль, о чем историки, этнографы и археологи писали неоднократно (Толстов С.П., 1935; 1948; Золотарев А.М., 1964; Семенов Ю.И., 1986, с. 107—109, 119). Не были исключением и восточные славяне.

Как известно, слово «фратрия» — сугубо научный термин, обозначающий понятие «братство». Л. Морган при описании братств у индейцев применил греческий эквивалент. Им и обозначается институт братства, прослеженный у многих народов, находившихся на стадии догосударственного развития. Если научный термин «фратрия» заменить на славянское обозначение данного института, то дуально-фратриальную организацию следует назвать *дуально-братской организацией*. Это в свою очередь позволяет проследить «братские организации» и в Восточной Европе.

В видоизмененном качестве они действовали в эпоху Древней Руси. «Братьями» именовали себя члены соседских территориальных общин (Буров В.А., 1990б; 1992). Известны и общественные пиры — «братчины», восходящие к древнейшей поре. А статья 1 Краткой редакции Русской Правды, регламентирующая право кровной мести, на первое место выдвигает право отмщения именно «брату»: «Убьетъ муж мужа, то мьстить брату брата...» (Российское законодательство..., 1984, с. 47), что в позднее время воспринималось только в современном понятии родства.

Та же статья Краткой Правды среди мстителей по крови называет сына сестры. М.Б. Свердлов, обративший внимание на этот факт, подчеркнул «пережиточный характер данной правовой нормы, восходящей, вероятно, к родовому обществу, признающего право на месть члена чужого семейно-родственного коллектива, что указывает на некогда существовавшее право мести всех кровных родственников» (Свердлов М.Б., 1981, с. 107). Но такое было возможно лишь в социальной структуре, основу которой составляет дуально-братская организация. Она и позволяла племянникам — детям сестры, ушедшей по законам экзогамии в другое братство (фратрию), принимать участие в кровной мести. Иными словами, дуально-братская структура признавалась кровнородственной и существовала в рамках племени. «Племянник» — это не только родственник, но и соплеменник (Сл. РЯ, 15, с. 84).

Как видим, проблемы этногенеза носителей культуры длинных курганов псковско-новгородской группы выходят далеко за рамки собственно местной тематики и ставят ряд важнейших теоретических вопросов, без дальнейшей разработки и решения которых невозможно продвижения вперед.

Для нас не вызывает сомнения славянская принадлежность указанной культуры. Однако сейчас важно больше внимания уделить взаимоотношению позднедьяковского населения и населения, оставившего памятники культуры длинных курганов. Для этого на археологические карты раннего средневековья микрорегионов должны лечь памятники конца раннего железного века. Их раскопки необходимо проводить параллельно с исследованием кривичских поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1985. Происхождение и эволюция раннесредневекового города. Образование северных древнерусских городов // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгр. славянской археологии (Киев, сент. 1985 г.). М.

Авдусин Д.А., 1987. Образование древнерусских городов лесной зоны // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. Т. 1. М.

Алексеев В.П., Бромлей Ю.В., 1968. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.

Алексеева Т.И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.

Артамонов М.И., 1971. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России. Л.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1987. Об одной категории раннесредневековых древностей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю., 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.

Башенькин А.Н., 1987. Сопки и длинные курганы на востоке Новгородской земли // История и археология Новгородской земли (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Башенькин А.Н., 1988. Северо-восточный ареал культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков.

Башенькин А.Н., 1990. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.) Вып. 3. Новгород.

Башенькин А.Н., 1992. Исследования памятников I тыс. н.э. в бассейне Мологи // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Новгород.

Башенькин А.Н., Иваницева М.В., 1988. Раскопки сопок и курганов Усть-Бельского могильника на р. Кобоже // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Беневольская Ю.Д., Давыдова Г.М., 1986. Псковские поозеры // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л.

Буров В.А., 1990а. Исследования Жаровского конца Жабенской волости в 1985—1989 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Вып. 3. Новгород.

Буров В.А., 1990б. Новгородская уличанская община и ее место в феодальной Руси // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М.

Буров В.А., 1990в. Этапы расселения в междуречье Шлины и Граничной на Валдае в III—XVI вв. и эволюция общины (По материалам Жаровского конца новгородской волости Жабна) // VI Междунар. конгр. славянской археологии. М.

Буров В.А., 1992. Единство структур общин Новгорода и Новгородской земли в XIV—XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тез. науч. конф.). Новгород.

Вереш П., 1990. Этиологический миф обских угров о происхождении фратриальной организации и их модель мира // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.

Гравере Р.У., 1986. Формирование одонтологических комплексов северо-западных русских // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.

Зализняк А.А., 1982. К исторической фонетике древненовгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М.

Золотарев А.М., 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.

Исланова И.В., 1985. Поселения эпохи железа в междуречье Верхней Мсты и Мологи // СА. № 1.

Исланова И.В., 1990. Население бассейна Верхней и Средней Мологи в верховьев Мсты в VI—XIII вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.

Исланова И.В., 1992. Удомельское Поозерье в конце I тыс. н.э. (по материалам керамики) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Вып. 6. Новгород.

Клубова О.В., 1988. Изделия из металла из раскопок селища у д. Заозерье в бассейне р. Мсты // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Конецкий В.Я., 1987. Население Приильменья в этнических процессах на Северо-Западе в VIII—XIII вв. (К постановке проблемы) // История и археология Новгородской земли (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Конецкий В.Я., 1992. К изучению социальных структур славянского Приильменья в конце I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Новгород.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1989. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Вып. 2. Новгород.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., 1984. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Короткевич Б.С., Мазуревич А.Н., Микляев А.М., 1992. Двинско-Ловатьское междуречье в каменном—железном веках (опыт археологической периодизации) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тез. науч. конф.). Вып. 6..Новгород.

Лаул С., 1971. Об этнической принадлежности длинных и круглых курганов в Юго-Восточной Эстонии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси.

Лебедев Г.С., 1977. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.

Лебедев Г.С., 1981. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры. // КСИА. Вып. 166.

Лесман Ю.М., 1993. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // Петербургский археологический вестник. № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб.

Лопатин Н.В., 1987. Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа тушемли-банцеровщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков.

Микляев А.М., 1987. Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской обл. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков.

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., 1972. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.

Носов Е.Н., 1984. Новгород и Новгородская округа в IX—X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Вып. 2(12). Л.

Носов Е.Н., 1992. Новгород и Новгородская земля в IX—XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дисс... докт. ист. наук. СПб.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Паранин В.И., 1990. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск.

Покровская Л.В., 1988. Этноопределяющие ювелирные изделия усадебного комплекса Троицкого раскопа (раскопки 1974—1987 гг.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Покровская Л.В., 1989. Периодизация этноопределяющих ювелирных изделий древнего Новгорода (X—XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч.-практ. конф.). Новгород.

Покровская Л.В., 1992. Прибалтийско-финские украшения древнего Новгорода (X—XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Новгород.

Пронин Г.Н., 1988. Исследование памятников второй половины I тыс. н.э. в восточных районах Новгородчины // СА. № 4.

Российское законодательство X—XX веков, 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.

Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. Вып. Е1—25. М.

Рябинин Е.А., 1990. Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху средневековья (проблемы археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига.

Санкина С.Л., 1992. К вопросу об антропологическом составе населения Верхнего Полужья в эпоху средневековья (на материалах могильников Раглицы XIV—XVI вв. и Удрай XI—XIV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Новгород.

Свердлов М.Б., 1981. Семья и община в Древней Руси // История СССР. № 3.

Седов В.В., 1978. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1—8. М.

Седов В.В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.

Седов В.В., 1979б. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л.

Седов В.В., 1981. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. М.

Седов В.В., 1985. Изборск в VIII—X веках // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.

Седов В.В., 1986. Жилища словенско-кривического региона VIII—X вв. // КСИА. Вып. 183.

Седов В.В., 1986б. Этногенез древних славян (современное состояние проблемы) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. предстоящей науч.-практ. конф. Псков.

Седов В.В., 1987а. Дискуссия по докладам // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 1. М.

Седов В.В., 1987б. Первая волна славянского освоения Северо-Запада // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков.

Седов В.В., 1989а. Начало славянского освоения территории Новгородской земли // История и культура древнерусского города. М.

Седов В.В., 1989б. Проблемы этногенеза славян в археологической литературе 1979—1985 гг. // КСИА. Вып. 195.

Седов В.В., 1989в. Формирование восточнославянской народности // КСИА. Вып. 198.

Седов В.В., 1990а. Древности северо-западной части Восточной Европы во второй половине I тыс. н.э. // Финны в Европе VI—XV веках. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 1. М.*Седов В.В., 1990б.* Этногенез славян по археологическим данным. Факты и гипотезы // VI Междунар. конгр. славянской археологии. Тез. докл. сов. делегации. М.

Семенов Ю.И., 1986. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.

Сл. РЯ, 15. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 15. М., 1989.

Соколова З.П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.

Соколова З.П., 1987. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX—начало XX в. Новосибирск.

Толстов С.П., 1935. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. // ПИДО. № 9.

Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.

Черенцов В.Н., 1939. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. Вып. 2.

Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. № 2.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте. (из раскопок 1977—1983 гг.). М.

Институт археологии РАН,
Москва

V.A. BUROV

CONCERNING THE ETHNIC ORIGIN OF THE LONG BARROWS CULTURE POPULATION

Summary

The article deals with the problem of the ethnic origin of the population left the long barrows of Pskov-Novgorod group. Archaeology can give only an ethnographic description of the culture. The ethnic origin of the culture can be determined with the help of the linguistics. That is why V.V. Sedov's idea that the culture left by the Krivitchy was a Slavonic one in its basis should be regarded as the best grounded. The author thinks it is important to study the long barrows culture together with the sites of the end of the Early Iron Age. The dual structure of the settlements and burial grounds should be explained by the assimilation of the local population by the Slavonic tribes. The ethnic development of the Kirvitchy should be regarded as an ethnic-social development: the new ethnos appeared on the basis of the different ethnic social structures — the allien Slavonic tribes and the Baltic-Finish population. The dual structure of the long barrows culture was based on the dual (fratria) organisation.

Б.А. ТИМОЩУК

ОТДЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ СВЯТИЛИЩА ЗВЕНИГОРОД

Среди языческих культовых мест, известных на территории расселения восточных славян, особого внимания заслуживает древнерусское городище-святилище Звенигород, расположенное на правом берегу р. Збруч, у с. Крутилов Гусятинского р-на Тернопольской обл. (Украина) (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993, с. 37–50). Интерес к нему вызван несколькими обстоятельствами.

Во-первых, на территории святилища, расположенного на крутом, покрытом лесом склоне, сравнительно хорошо сохранились следы многочисленных культовых сооружений в виде западин от углубленных построек и искусственных горизонтальных площадок от наземных домов. Святилище не подвергалось разгрому. Перед тем как его оставили, все культовые объекты были законсервированы (засыпаны землей и завалены камнями). Поэтому остатки многочисленных жертвоприношений, в том числе и человеческих, сравнительно хорошо сохранились. Это благоприятствует изучению главных языческих обрядов, а также топографической структуры святилища.

Во-вторых, святилище Звенигород активно начало функционировать в период массовой ликвидации языческих святилищ в связи с введением христианства в качестве государственной религии. Оно прекратило свое существование лишь в XIII в. Поэтому есть основание предположить, что святилище Звенигород, которое входило в состав крупного языческого центра на Збруче, выделяясь в нем своими размерами и сложной структурой, могло принять на себя функции ликвидированных святилищ в Киеве и других городах. Только этим можно объяснить тот факт, что на святилище Звенигород находился целый пантеон языческих богов со своими капищами (остатки последних на городище обнаружены в четырех пунктах). Один каменный идол на святилище был упрятан в отдельном помещении (Русанова И.П., 1992, рис. 6). Если к этому добавить остатки богатых, часто явно городского происхождения жертвоприношений, то есть все основания утверждать: святилище Звенигород в XI–XIII вв. являлось главным культовым центром язычников большой округи.

В-третьих, городище-святилище Звенигород занимает сравнительно большую территорию (450 × 500 м) и состоит из двух основных частей: а) самого святого места, где находилась капища с наиболее важными объектами поклонения (идолами) и совершались самые ответственные обряды, сопровождавшиеся под руководством жрецов жертвоприношениями; б) общественной зоны, где во время праздников и богослужений находилась основная масса рядовых участников религиозного действия и совершались жертвоприношения в специально устроенных для этого отдельных культовых местах. Именно изучению одного из таких мест с целью выяснения его особенностей посвящена данная статья.

Общественная зона святилища Звенигород занимает крутой склон высокого мыса и имеет размеры 200 × 120 м. С трех сторон она ограждена культовыми валами, сооруженными в скифское время, а с четвертой ее ограничивает долина р. Збруч. Большая часть общественной зоны покрыта лесом. Эта часть в древности не была застроена. Лишь в северной части зоны, где более ровная площадка, располагались жилища жрецов и длинные наземные дома (Тимощук Б.А., 1993, с. 113).

© Б.А. Тимощук, 1996 г.

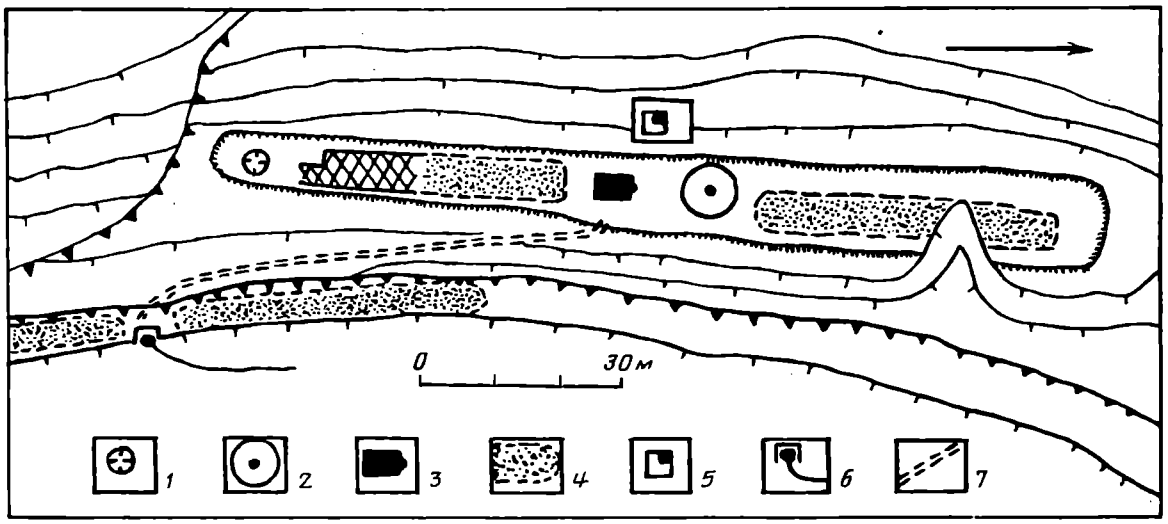


Рис. 1. План культовых сооружений на террасе возле «глазного» источника святилища Звенигород: *1* – жертвенная яма; *2* – культовый колодец; *3* – жертвенная камера; *4* – остатки длинного дома; *5* – помещение для приготовления еды, употребляемой во время пиршеств в длинных домах; *6* – «глазной» источник; *7* – каменная дорога

На остальной части крутого склона общественной части святилища были устроены две искусственные горизонтальные площадки с различными культовыми сооружениями, которые предназначались для молений и жертвоприношений. Из этих двух террас лучше изучена расположенная в юго-восточной части городища, выше по склону от вытекающего из-под скалы источника, уходящего через 20 м в землю. Эту воду местные жители считают целебной и до настоящего времени используют для лечения глаз. Поэтому источник называют «глазным».

На искусственной террасе длиной более 130 м возле «глазного» источника сохранились следы древних сооружений: горизонтальные площадки, оказавшиеся остатками длинных наземных домов, и три западины, на месте которых раскопаны жертвенные яма, камера и колодец. Они занимали почти всю площадь террасы (рис. 1).

Приблизительно в центре террасы располагалась жертвенная камера – углубленная в землю постройка, предназначавшаяся для многократного использования. Она имела прямоугольную форму размерами 4,4 × 3,5 м и была опущена в материк на 0,5 м (рис. 2). По периметру стен во время раскопок обнаружены столбовые ямы и куски обгоревшего бревна – остатки стен постройки. По-видимому, стены камеры были обшиты деревом, а столбы поддерживали крышу. В северной стене камеры был устроен ступенчатый вход шириной 0,7 м, выступающий за пределы котлована. Ступеньки выложены камнем и обмазаны глиной. Вдоль западной стены находился материковый каменный выступ («лавка») шириной 60 см, высотой над полом помещения 20 см; поверхность его была выложена плоскими камнями и обожжена до образования твердого покрытия. По всей вероятности, это место предназначалось для тех, кто непосредственно в камере осуществлял жертвоприношения и гадания. На выступе можно было сидеть или стоять, возвышаясь над полом помещения.

Конструкция камеры показывает, что она предназначалась для многократного проведения языческих обрядов, что подтверждается также остатками жертвенных даров и их стратиграфическим расположением. Возможно, проведение первых языческих обрядов в камере было связано с хлебной печью, вырезанной в противоположной от входа материковой стене в виде ниши без дымового отверстия в своде.

Нишеобразная печь с круглым, сильно прокаленным дном (его диаметр 1 м) и предпечной ямой, куда перед загрузкой печи выгребали горячие угли, предназначалась для выпечки хлеба. Такого типа печи исследованы во многих местах (Кучера М.П.,

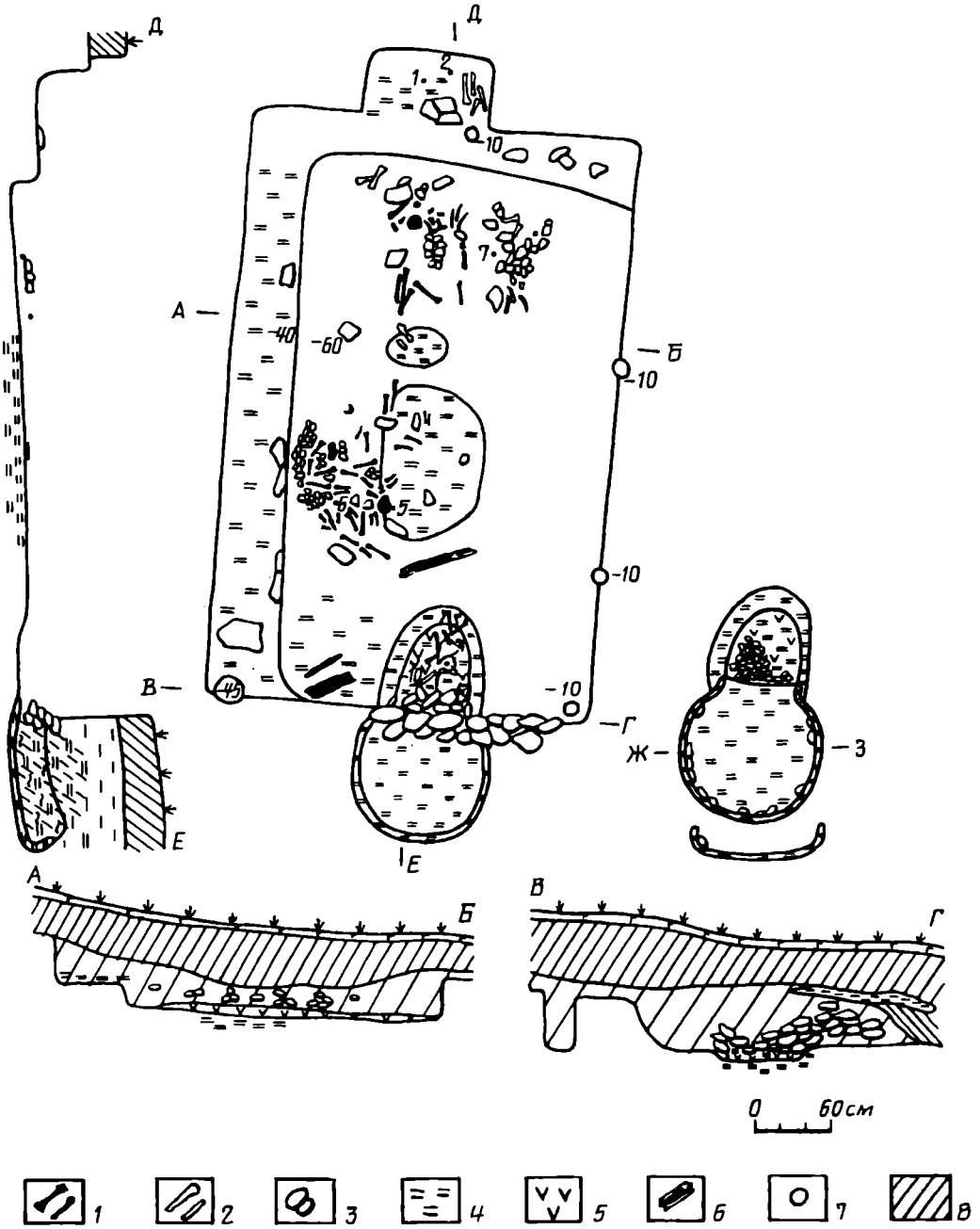


Рис. 2. Планы и профили жертвенной камеры на террасе возле «глазного» источника святилища Звенигород: *1* – человеческие кости; *2* – кости животных; *3* – камни; *4* – обожженная земля; *5* – угли; *6* – обожженные бревна; *7* – столбовые ямы; *8* – смешанный слой земли и камней

1975, с. 98–103; Тимощук Б.А., 1982, с. 52, 53; Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988, с. 56). Применение этих печей для выпечки хлеба подтверждается находкой в печи такого типа на поселении Девин в Словакии обгорелого хлеба круглой формы диаметром 23 см (Pieta K., Placha V., 1989, S. 69–88).

Камера, в которой приносились жертвы богам и исполнялись другие языческие обряды, принадлежит к священным объектам святилища. К последним принадлежит и печь в камере, в которой могли выпекать лишь обрядовый хлеб, предназначавшийся богам. Только этим можно объяснить, что, во-первых, почти рядом с камерой, выше по склону, раскопаны остатки помещения, в котором также находилась нишеобразная печь, устроенная в материковом останце (рис. 1, 5). Здесь также выпекали хлеб, но не для богов, как в жертвенной камере, а для ритуальных пиршеств в длинных домах.

Во-вторых, особая, священная роль хлебной печи в камере подтверждается и тем, что рядом с ней, в предпечной яме, в свое время горел огонь (камни на дне ямы сильно прокалены), на котором сжигались жертвы (на каменной вымостке в предпечной яме сохранился слой угля толщиной до 3 см и отдельные пережженные кости животных).

В верхней части заполнения предпечной ямы также находились остатки жертв: кости рук и ног ребенка, кости животных со следами огня, три обломка стеклянных браслетов, трехзонная стеклянная бусина-пронизка и фрагменты глиняной посуды XII – первой половины XIII в. также со следами огня. Можно предположить, что на дне предпечной ямы был устроен своеобразный алтарь, на котором неоднократно возжигался жертвенный огонь и возлагались жертвы. Последние могли предназначаться не только хлебной печи, но и огню, на котором пекли хлеб для богов. Это по всей вероятности был священный огонь и верующие должны были почитать его, приносить ему в жертву все, что приятно для богов (Фюстель-де-Куланж, 1903, с. 16–17).

Язычники с большим почтением и благоговением относились к печам, в которых выпекался ритуальный хлеб, что подтверждается материалами других хлебных печей, исследованных на святилище Звенигород. Многие из них также сопровождались остатками жертвоприношений. Например, на поселении Бабина долина, расположенном рядом с городищем-святилищем, на двух культовых местах раскопаны нишеобразные хлебные печи с остатками жертвоприношений. Одна из таких печей находилась в жертвенной камере. На поду печи лежал череп ребенка, с обеих сторон которого были положены две согнутые в коленях ножки теленка, направленные копытами к черепу.

Другая хлебная печь на поселении Бабина долина обнаружена при исследовании жертвенной площадки, на которой лежали остатки туш крупного рогатого скота. Здесь нишеобразная печь была вырезана в материковом склоне. На сильно прокаленном поду печи лежал скорченный скелет подростка, рядом с которым находились два проволочных колечка и точильный брусок. Жертвы хлебным печам приносились и на других городищах. В одной из печей на Рюриковом городище возле Новгорода были замурованы череп и ноги коровы (Носов Е.Н., 1990, с. 54).

Культовые хлебные печи можно считать частью языческого обряда, упомянутого автором «Слова некоего христолюбца» как «коровайные моления»: «кладут им требы и короваи им молять, куры режут» (Аничков Е.В., 1914, с. 372). Нишеобразные хлебные печи с их круглым подом и устьем шириной не менее 40 см вполне были пригодны для выпекания круглого обрядового хлеба-короваев. Последние являлись важным и обязательным жертвенным даром, символом плодородия и богатства.

Обрядовое хлебное печиво, по утверждению Б.А. Рыбакова, было обязательным в двух случаях: а) при праздновании урожая, когда торжественно выпекался хлеб из свежеобмолоченного зерна и б) на зимние новогодние святки, когда производилось превентивное заклинание природы для обеспечения хорошего урожая предстоящего года (Рыбаков Б.А., 1981, с. 175).

Конечно, жертвенная камера на террасе возле «глазного» источника предназначалась не только для размещения в ней хлебной печи. Местом возложения главных жертв служила центральная часть ее помещения, где материковый пол в диаметре до 1 м сильно прокален от ритуального огня и на нем лежали остатки жертв: череп, кости рук и ног не меньше, чем от трех скелетов детей в возрасте от 2 до 11 лет, обломки глиняных горшков и стеклянных браслетов XII – первой половины XIII в., кости животных, бусина-пронизка и проволочное колечко. На некоторых из этих предметов имеются следы огня.

Остатки первых обрядов в камере, связанных с жертвоприношениями, были засыпаны слоем земли толщиной до 10 см. Этот слой является стерильным, в нем не встречено никаких находок. Оказалось, что и в других жертвенных камерах святилища Звенигород остатки жертвоприношений по окончании обряда присыпались стерильным слоем земли.

Через некоторое время в камере на террасе возле «глазного» источника был совершен очередной языческий обряд, сопровождавшийся возложением жертв. Он начался с того, что стерильный слой земли в камере по всей его площади был засыпан углем – символом огня. К остаткам этого очередного обряда, совершенного в камере, обнаруженным при раскопках, относятся: части черепа взрослого мужчины, ребра, кости ног, рук и шейные позвонки людей, в том числе и детей, кости животных (коровы, свиньи и лошади), бусины, проволочное полутораоборотное серебряное кольцо, обруч от деревянного ведра, обломки стеклянных браслетов и глиняных горшков, вторично побывавших в огне. Разбросанность этих находок по всей площади помещения позволяет предположить, что они могли использоваться при гаданиях. По свидетельству древних авторов жертвоприношения обычно сопровождались гаданиями (Прокопий, 1950, с. 297; Гельмольд, 1963, с. 129). «По окончании жатвы после жертвоприношений, – свидетельствует Саксон Грамматик, – жрец предсказывал по количеству вина в чаше в руках бога урожай на будущий год» (Фамицын А.С., 1884, с. 52).

Приблизительно в середине XIII в. святилище Звенигород было оставлено верующими и законсервировано. При этом все культовые объекты святилища, в том числе и жертвенная камера возле «глазного» источника, были засыпаны землей и завалены камнями. Сохранившиеся таким образом остатки жертвоприношений свидетельствуют о том, что каждый новый обряд в камере начинался с возжигания огня или посыпания помещения зольно-угольным слоем, символизировавшим огонь, с целью очищения объекта от злых сил. Именно огонь являлся очистительной, целебной стихией, способной отпугивать злых духов (Даркевич В.П., 1960, с. 58).

Огонь не только отгонял нечистую силу, которая могла помешать языческому обряду. Он являлся посредником между людьми и богами. На огне сжигались жертвенные дары в честь богов. Только этим можно объяснить тот факт, что на многих костях и вещах, найденных в камере, сохранились следы огня.

Каким же богам адресовались дары в жертвенной камере? Для ответа на этот вопрос следует прежде всего учесть, что камера представляла собой искусственное прямоугольное углубление в земле. Это дает основание утверждать: здесь молящиеся имели возможность сблизиться с богами подземного мира и ублаготворить и умилостивить их своими дарами и молениями. Хлебная печь в камере в свою очередь свидетельствует о том, что проводившиеся здесь обряды были связаны с культом плодородия, с обожествлением Матери-Земли. Этому не противоречит и комплекс жертв, остатки которых сохранились в камере. В него входили: кости людей и животных, украшения (височные кольца, бусы), обомки стеклянных браслетов и глиняной посуды. О смысле этих жертв предположительно можно сказать следующее.

Прежде всего вызывают интерес остатки человеческих жертвоприношений, которые, согласно языческим представлениям, доставляли особое наслаждение богам (Гельмольд, 1963, с. 129) и являлись самыми ценными для дарителей. О таких жертвах у восточных славян упоминают «Повесть временных лет», арабские писатели Гардизи (XI в.) и Ибн-Руста (IX – начало X в.), митрополит Иларион (XI в.), епископ Кирилл Туровский (XII в.), епископ Серапион (XIII в.) и др. Человеческие жертвы на святилище Звенигород встречены во многих местах. Они датируются XI–XIII вв., т.е. обряд этих жертвоприношений не прекращался, пока функционировало святилище. Это дает основание предположить, что человеческие жертвоприношения для языческой религии были традиционными и обязательными, они были обусловлены мировоззрением того времени и применялись для пользы общества.

Остатки человеческих жертвоприношений на святилище Звенигород выступают в трех формах: а) целые человеческие скелеты в анатомическом порядке; б) части человеческих скелетов – остатки частей расчлененного (разрубленного) человеческого тела; в) разрозненные человеческие кости. В камере на террасе возле «глазного» источника человеческие жертвы представлены третьей формой: отдельные кости, не связанные между собой, были разбросаны на значительной площади.

Находки в камере отдельных человеческих костей (а не обрубков человеческого тела) позволяют предположить, что на святилище Звенигород было место постоянного хранения человеческих костей, предназначавшихся для таких обрядов. В связи с этим вызывают интерес находки в длинном доме возле капища № 1 (сакральная часть святилища). Здесь в неглубокой яме лежали разрозненные человеческие кости ребенка 7 лет, подростка 15–18 лет, двух взрослых мужчин в возрасте 25 и 35–40 лет (определение Г.П. Романовой). На каменном полу дома также найдено большое количество костей животных и разнообразных вещей. В коллекцию последних входят: серебряные трехбусинные височные кольца (Кучера М.П., 1975), серебряные проволочные височные кольца, железные и костяная стрелы, ножи, костяной перстень, цилиндрический замок, топор, обломок железного удила, серебряная звездчатая подвеска и др. (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993, с. 48, 49).

Дома-хранилища на языческих святилищах известны по письменным источникам. О таком доме (контине) в г. Щетине немецкий хронист пишет, что в нем сохранились «огромные рога туров, украшенные позолотой и драгоценными камнями и пригодные для питья, рога, приспособленные к музыке, кинжалы, ножи и всякая драгоценная утварь» (Фамицын А.С., 1884, с. 26). В домах-хранилищах могли храниться, как свидетельствуют материалы городища-святилища Звенигород, также кости людей и животных, предназначавшиеся для религиозных обрядов.

Какая же магическая роль принадлежала человеческим костям в жертвенной камере на террасе возле «глазного» источника? Конечно, кости прежде всего имели такое же символическое значение, как и человек в целом (Тейлор Э.Б., 1989, с. 479). Но обряды в камере не сопровождались кровавыми жертвами, здесь не лилась человеческая кровь, служившая для умилостивления главных языческих богов. Все же наличие в комплексе жертвоприношений человеческих костей, в том числе детских, свидетельствует о магической связи человека с производительной силой природы, о важности совершавшихся в камере обрядов, направленных на умилостивление богов земли, на увеличение ее плодоносящей силы. Такие обряды совершались чаще всего при экстремальных и драматических событиях в жизни общества (война, неурожаи и т.п.).

В жертвенных комплексах ритуальной камеры значительное место занимают кости крупного рогатого скота и свиней. Они, по всей вероятности, являются остатками жертвенных пиршеств – существенной части обрядов жертвоприношений, которые проводились в длинных, расположенных рядом домах. Считалось, что кости съеденных на пиршествах животных (в этих пиршествах, по поверьям верующих, принимали участие души предков и боги) обладали магической силой и их следовало сохранять, закапывать в землю (Снегирев И.М., 1837, с. 71, 72). Они служили залогом возрождения и плодовитости животных (Зеленин Д.К., 1928, с. 133).

Находившиеся в жертвенной камере женские украшения (височные кольца, бусы) также носили определенную магическую нагрузку. Они могли, например, служить оберегами (Рыбаков Б.А., 1971, с. 17). Круглое высочное кольцо могло быть знаком солнца, способствовать плодородию и хорошему урожаю (Hensel W., 1970, с. 243–250).

Символом солнца могли служить и стеклянные браслеты, обломки которых в большом количестве найдены на жертвенных площадках святилища Звенигород. Ни один обряд XII–XIII вв. не обошелся без разбитых браслетов. Оказалось, обломки одного и того же браслета были разбросаны в разных местах и даже разных культовых сооружениях (определение Ю.Л. Щаповой). Их разбивали непосредственно на святилище, бросали в ритуальный огонь (на многих из них имеются следы деформации от пребывания в огне) и включали их в комплексы жертвенных даров. Обломки стеклянных браслетов найдены в большом количестве на капищах, во всех жертвенных камерах, а также в длинных домах, где проводились жертвенные пиршества.

К наиболее массовым находкам на языческих святилищах принадлежат обломки глиняной посуды. Они также часто имеют следы деформации от повторного пребывания в огне. Обряд битья глиняной посуды был общераспространенным, он

характерен для языческой религии многих народов и разных времен. С его остатками встречаемся в древних могилах, на площадках-алтарях языческих святилищ и в длинных домах, где проводились ритуальные пиршества. В отношении этого обряда исследователи высказывали различные предположения. Одни полагали, что обряд разбивания глиняной посуды способствовал «размножению и возрождению» (Свешникова Т.Я., Цивьян Т.В., 1983, с. 149–190), другие считали черепки остатками тризны (Мельник Е.Н., 1901, с. 493), по мнению третьих, обряд обещал новую жизнь, плодородие (Церен Э., 1986, с. 154) и т.п.

Смысловая нагрузка обряда битья глиняной посуды на разных культовых объектах могла быть неодинаковой. Поэтому находки обломков глиняной посуды на святилище Звенигород, в частности в жертвенных камерах, требуют отдельного анализа. Обращает на себя внимание прежде всего, что на святилище били не любую глиняную посуду, которой пользовалось население в быту, а определенные ее типы. Среди огромного количества обломков глиняной посуды, найденной на капищах, в жертвенных ямах и других культовых местах святилища, представлены лишь две формы: гончарные горшки и лепные или гончарные конические миски. Отсутствие нагара на внешней поверхности этих сосудов позволяет считать, что они не использовались для приготовления пищи, а лишь в языческих обрядах.

Формы посуды (горшки, которые явно преобладают, и миски) и отсутствие на них нагара позволяют предположить, что обряд битья посуды на святилище Звенигород связан главным образом с трапезами, устраивавшимися в длинных домах, остатки которых на святилище обнаружены больше чем в 10 пунктах. По-видимому, битью подлежали все сосуды, в которых принимали пищу во время жертвенных пиршеств. Посуда, служившая богам, уже не могла использоваться людьми. По окончании пиршества эта посуда разбивалась.

Обломки преднамеренно поврежденной глиняной посуды при жертвенных пиршествах становились священными предметами, хотя бы потому, что звук от разбитой посуды отгонял злых духов. Их магическая сила усиливалась на жертвенных алтарях. Находясь в составе жертв камеры на террасе возле «глазного» источника, связанных с культом земли и плодородия, обломки глиняной посуды могли, согласно языческому культу, способствовать плодородию полей и размножению скота, отвращать разного рода беды подобно тому, как разбитая посуда на свадьбе вела к счастью.

Итак, жертвенная камера на террасе возле «глазного» источника являлась своеобразным входом в лоно Матери-Земли. В ее замкнутом пространстве совершались религиозные обряды, сопровождаемые жертвоприношениями, направленными на нейтрализацию злых сил и умилостивление богов земли – подателей плодородия.

Рядом с жертвенной камерой на террасе располагались два длинных дома. Их следы сохранились в виде горизонтальных площадок длиной более 50 м. Раскопки на территории южного длинного дома показали, что его деревянные стены были сложены из горизонтально положенных бревен (частично сохранились их обгоревшие остатки), опиравшихся на столбы. Пол был выложен камнями. Вход в дом в его южной части прослежен в виде тамбура размерами 1,1 × 1,3 м (рис. 3). Он способствовал сохранению тепла в доме, что свидетельствует о функционировании дома не только летом, но и зимой.

В раскопанной части дома обнаружены остатки глиняного очага с невысоким бортиком. Недалеко от него располагалась каменная площадка размерами 0,5 × 0,4 м, высотой 0,1 м. На площадке лежали кости животных, обломки глиняной посуды и точильный брусок. Каменная площадка, по-видимому, служила жертвенником, рядом с которым во время пиршеств горели огни.

Недалеко от длинных домов, выше по склону, на отдельной искусственной террасе раскопаны остатки небольшого помещения (2,2 × 2,4 м) со стенами столбовой конструкции, о чем свидетельствуют сохранившиеся столбовые ямы (рис. 1, 5). В углу этого дома находилась вырезанная в материковом останце печь, вполне пригодная для выпечки хлеба и приготовления другой пищи для общественных пиршеств в длинных

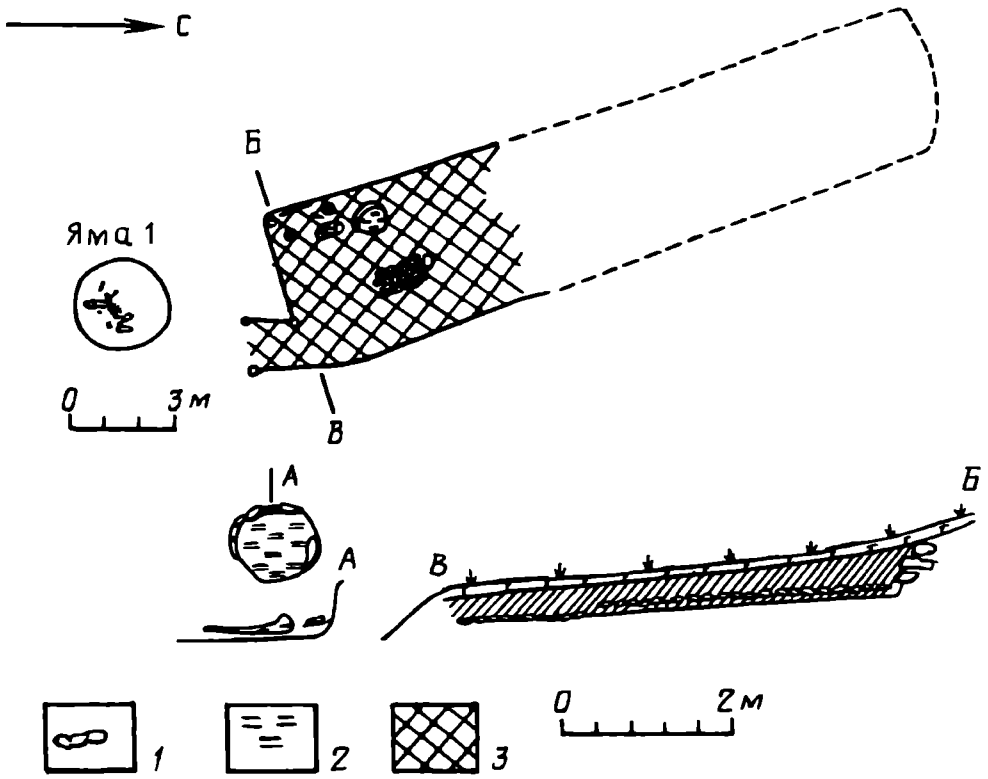


Рис. 3. План и профили длинного дома и жертвенной ямы на террасе возле «глазного» источника святилища Звенигород: А–А – план и профиль очага в длинном доме; *1* – камни; *2* – обожженная глина; *3* – раскопанная часть длинного дома

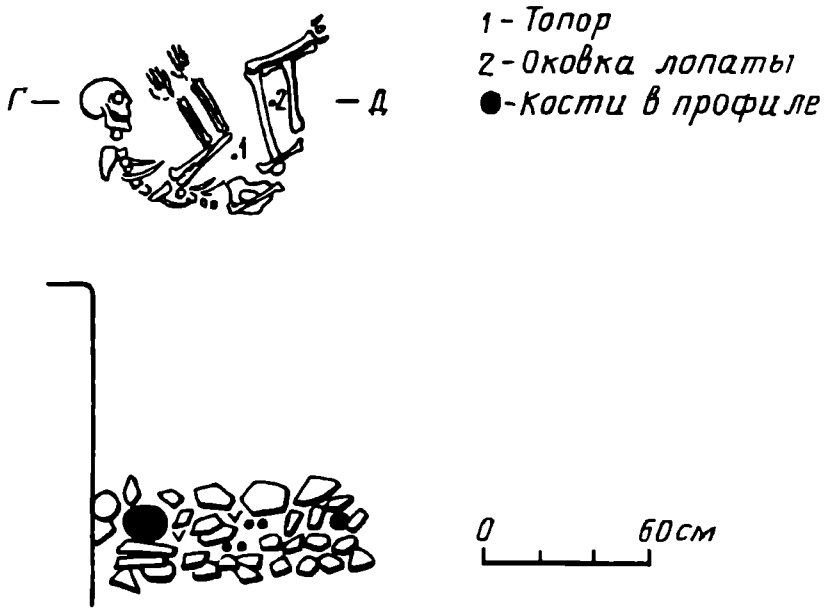


Рис. 4. Остатки жертвоприношения в культовом колодце на террасе возле «глазного» источника святилища Звенигород

домах. Это еще одно свидетельство того, что в хлебной печи, которая находилась в жертвенной камере, выпекался хлеб, предназначенный для богов, а не обычного потребления.

За время функционирования длинного наземного дома на его каменном полу отложился культурный слой толщиной до 15–20 см, в котором находились остатки пиршества: расколотые кости крупного рогатого скота и свиньи, обломки глиняной посуды XI–XIII вв., угли и несколько обломков амфор и стеклянных браслетов. Обломки глиняной посуды такого же типа найдены в подсобном помещении для приготовления пищи, что свидетельствует об одновременном их функционировании.

Пиршества, которые устраивались в длинных домах, являлись обязательной и существенной частью такого важного языческого обряда, как жертвоприношение. «Каждое моление, – писал Е.В. Аничков, – каждая жертва, каждое справление того или другого праздника или просто обряда – все это было сопряжено с пиршеством... Для этого скоплялись запасы всякого съедобного добра, варилось пиво, готовилась обильная пища» (Аничков Е.В., 1914, с. 160, 161). Пиршества сопровождались песнопениями, «плясанием и гудением», обрядом битья посуды (как бы бой со злыми духами). «На попойках и пирах своих они, – заметил немецкий хронист, – обносят чашу и над ней произносят слова (не скажу благословения, а скорее проклятия) во имя богов» (Гельмольд, 1963, с. 129). По-видимому, на пиршествах во время богослужения верующие общались с душами как добрых, так и злых богов.

На террасе возле «глазного» источника, кроме жертвенной камеры и длинных домов, находились культовые яма и колодец. От последнего в центре террасы сохранилась воронкообразная западина диаметром 13 м, глубиной 3 м, в центре которой шурфовкой обнаружена верхняя часть колодца размерами 2,4 × 2,4 м. Колодец не раскапывался, и время сооружения его не определено. Но в верхней его части, на глубине 0,7 м от современной поверхности, обнаружен скелет мужчины в возрасте 30–35 лет, лежащий в скорченном положении (рис. 4). Сверху он был завален камнями и землей.

Костяк в культовом колодце является остатками обряда жертвоприношения, совершенного в древнерусское время, о чем свидетельствует, во-первых, само положение скелета. После умерщвления человеческое тело было связано или помещено в мешок, чтобы пресечь его вредоносное действие, т.е. он был специально подготовлен для принесения в жертву. Во-вторых, костяк входил в состав жертвенного комплекса. Возле него лежали: кости животных, угли, обожженные камни, железная оковка деревянной лопаты, топор, обломки глиняной посуды XII – первой половины XIII в. и стеклянных браслетов. Этот комплекс, в состав которого входили сельскохозяйственные орудия, можно связать с аграрной магией. Наличие в комплексе человеческой жертвы указывает на то, что обряд был совершен по случаю какого-то великого бедствия в языческой общине. Тогда в жертву был принесен мужчина, который, по всей вероятности, был врагом языческой религии. Не случайно в культовом колодце его поместили в скорченном положении и сверху забросали камнями.

Следует обратить внимание на то, что культовый колодец на святилище Звенигород не является каким-то уникальным сооружением. Культовые колодцы – искусственно созданные узкие и глубокие отверстия в земле, служившие не для пользования водой (хотя вода в них могла быть), а для обрядовых действий, – довольно характерны для языческой религии. Они сравнительно хорошо изучены во многих местах Западной Европы (Pieta H., Moravčik J., 1980. S. 245–250). Их глубина иногда достигает 35 м, и они заполнены остатками жертвоприношений: костями людей и животных, предметами вооружения, украшениями, обломками глиняной посуды и др.

Культовые колодцы известны и на территории расселения восточных славян. Впервые они были обнаружены и зафиксированы при исследовании языческих святилищ (Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983, с. 166–169). Например, на древнерусском святилище Зеленая Липа, расположенном на холме правого берега Днестра (Буковина), на краю его верхней площадки, недалеко от языческого храма в скале

вырублен колодец (2,1 × 2,1 м) глубиной 14,5 м. Он пробивал скалу до слоя песка и не был водоносным. Через промоину в песке культурные слои из колодца дождевыми водами были вынесены.

Остатки двух колодцев, вырубленных в скале, обнаружены на святилище Богит, входившем в состав Збручского культового центра язычников, но они не исследовались (Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993, с. 36). Культовый колодец на святилище Говда, которое также входило в состав Збручского культового центра, раскопан до глубины 3,6 м. Он имеет круглую форму, диаметр его 3,4 м. Вертикальные стены колодца обложены камнями и укреплены бревнами. В заполнении его найдены кости животных и обломки глиняной посуды XI в.

Последнее сооружение, исследованное на террасе возле «глазного» источника, это овальная жертвенная яма диаметром 3 м, глубиной 1 м (рис. 3). На ее дне лежал в анатомическом порядке целый скелет коровы, ориентированный головой к «глазному» источнику. Здесь же найдены угли, обломки глиняной посуды XII – первой половины XIII в., вторично побывавшие в огне, а также несколько фрагментов стеклянных браслетов.

Яма, в отличие от жертвенной камеры, являлась объектом одноразового жертвоприношения. Перед тем как совершить ритуальный акт, яму, по-видимому, «святили», поскольку ее дно было посыпано углями и таким образом очищено и обезврежено от злых духов. Принесение в жертву не отдельных частей или костей животного, а целой туши коровы указывает на важность обряда, совершенного в яме.

Корова, как известно, составляла главный предмет богатства и пропитания древнерусской семьи. Она пользовалась всеобщим почитанием, являлась символом изобилия, богатства и плодородия (Фрэзер Д.Д., 1986, с. 534). Об обожествлении язычниками этого животного свидетельствует не только жертвенная яма с останками коровы. На святилище Звенигород отдельные кости коровы входят в состав многих жертвенных комплексов. Череп коровы находился на дне культового колодца, входившего в комплекс культовых сооружений на поселении Бабина долина, расположенном рядом со святилищем. Челюстями коров была вымощена площадка в жертвенной камере, устроенной на второй искусственной террасе общественной части святилища Звенигород. Если к этому добавить и то, что жертва коровы находилась в искусственном углублении в земле, то не будет ошибкой предположить: эта жертва была направлена на умилостивление божеств Земли.

Направленные на обеспечение плодородия обрядовые действия на террасе могут быть подтверждены еще и тем, что они были связаны с «глазным» источником. Об этом свидетельствует специально устроенная, тщательно вымощенная камнями дорога шириной 1,5 м, проходившая по крутому склону от источника к центру террасы. При раскопках небольшого ее участка среди камней обнаружено несколько обломков глиняной посуды XII в., указывающих на время ее функционирования. Можно предположить, что торжественное ритуальное шествие по этой дороге начиналось у священного источника, где паломники очищались водой и совершали обряды, связанные с культом воды. Подтверждением последнего могут быть наземные длинные дома, располагавшиеся под скалой, с двух сторон источника (от домов сохранились горизонтальные площадки шириной 5 м и длиной 60 м). На полу одного из домов обнаружены обломки керамики XII в. – свидетельство функционирования общественных домов в древнерусское время. В них могли проводиться пиршества, связанные с поклонением воде, оплодотворяющая сила которой была необходима для роста хлебов, для жизни и благополучия людей и животных.

Таким образом, главными сооружениями отдельного культового комплекса на искусственной террасе возле «глазного» источника общественной части святилища Звенигород были отверстия в земле (колодец, углубленная камера и жертвенная яма), предназначавшиеся для связи человека с подземным миром, для умилостивления жертвенными дарами и молениями богов Земли. Среди жертв этого комплекса нет предметов вооружения, конского снаряжения, дорогих украшений и ремесленных

инструментов. Здесь не стояли идолы (нет капищ), олицетворявшие небесных богов, что так характерно для сакральной зоны святилища Звенигород. Поэтому есть основания утверждать: отдельный культовый комплекс сооружений предназначался для исполнения языческих обрядов, которые должны были обеспечить плодородие земли и скота.

Культ земли был одним из основополагающих в язычестве (Комарович В.Д., 1960, с. 97–99), что подтверждается материалами отдельного культового комплекса святилища Звенигород. По-видимому, здесь ежегодно устраивались праздники, подобные тем, о которых писал Саксон Грамматик в отношении святилища в Арконе: «вскоре после жатвы собирались жители перед храмом, приносили жертвы и потом отправляли общественный пир» (Фамицын А.С., 1884, с. 52). Конечно, коллективные обрядовые действия проводились не только по случаю трудовых праздников, но и при непредвиденных катаклизмах (падеж скота, засуха и т.п.).

Рассмотренный выше отдельный культовый комплекс сооружений знакомит нас с некоторыми чертами одного ритуального действия язычников. На святилище Звенигород таких комплексов было несколько, т.е. был целый набор ритуалов, что является одним из свидетельств высокого уровня развития язычества у восточных славян древнерусского времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аничков Е.В., 1914. Язычество и древняя Русь. М.

Гельмольд, 1963. Славянская хроника. М.

Даркевич В.П., 1960. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. № 4.

Зеленин Д.К., 1928. Древнерусская братчина, как обрядовый праздник сбора урожая // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л.

Комарович В.Л., 1960. Культ рода и земли в княжеской среде XI – XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л. Вып. XVI.

Кучера М.П., 1975. Поселения волинян на околиці м. Луцька // Археологія. Вип. 15.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А., 1988. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.

Мельник Е.Н., 1901. Раскопки в земле лучан // Тр. XI археологического съезда. Т. 1. Киев.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Прокопий из Кесарии, 1950. Война с готами. М.

Русанова И.П., 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1986. Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. № 4.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. Языческие святилища древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1971. Русское прикладное искусство. М.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Свешникова Т.Я., Цивьян Т.В., 1983. К функциям посуды в восточнороманском фольклоре // Этническая история восточных романцев. М.

Снегирев И.М., 1837. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3–4. М.

Тейлор Э.Б., 1989. Первобытная культура. М.

Тимощук Б.О., 1982. Давньоруська Буковина. Київ.

Тимощук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI–X вв. М.

Тимощук Б.А., 1993. Языческое жречество Древней Руси // РА. № 4.

Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1983. Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. № 4.

Тимощук Б.А., Русанова И.П., 1988. Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси. М.

Фамицын А.С., 1884. Божества древних славян. СПб.

Фрэзер Д.Д., 1986. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.

Фюстель-де-Куланж, 1903. Древняя гражданская община. М.

Церен Э., 1986. Библейские холмы. М.

Hensel W., 1979. O magicznej funkcji wczesnośredniowicznych kablączków skroniowych // Slavia Antiqua. T. 16.

Pieta K., Placha V., 1989. Getreide und Brotfunde aus Völkerwanderungszeit in Devin // Slovenská archeológia. 37. 1.

Pieta H., Moravčik J., 1980. Spätlatenzeitlicher Opferplatz in Prosna // Slovenská archeológia. 28. 2.

Институт археологии РАН,
Москва

B.A. TIMOSHCHUK

A CULT COMPLEX OF ZVENIGOROD SANCTUARY

Summary

The article deals with the investigation of a cult pagan complex of the 11-13th cent. situated on the artificial terrace of Zvenigorod sanctuary on the Zbrutch river (Ukraine). Its constructions deepened into the earth contained the remains of the sacrifice: a cow skeleton (a sacrificial pit), a human skeleton and metal artifacts (a cult well), human and animal bones together with the decorations (a sacrificial chamber). The remains of the sacrificial feast: splitted animal bones and pottery debris were found on a stone floor of the long house. The complex was connected with a medicinal "eye" spring by a road specially made for this purpose. It is supposed that the rites carried in the complex were connected with the underworld gods, fertility cult and Mother-Earth cult.

Публикации

В.И. ПОГОРЕЛОВ

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Могильник находится на правом высоком берегу речки Полубянки у места ее впадения в р. Тихая Сосна (правобережье Среднего Дона) сразу же за северной окраиной с. Ближнее Стояново Острогожского р-на Воронежской обл. (рис. 1,*1*).

Курганы расположены без определенной системы, компактно, образуя скученную планировку (рис. 1,*2*). Всего насчитывается 47 насыпей, но, учитывая тот факт, что площадь могильника ежегодно подвергается интенсивной распашке, нельзя исключить, что в древности их было больше. Насыпи круглой формы, диаметры их составляют 20–30 м при высоте до 1,0 м, и лишь некоторые, занимающие в могильнике центральное место, выделяются своими размерами: диаметры их 50–60 м, высота до 2,0 м.

Первые раскопки курганов были предприняты в 1983 г. автором, изучению подверглись три насыпи (1–3) в юго-западной части могильника (Погорелов В.И., 1983). В 1984 г. было исследовано шесть курганов (4–9) в северной части могильника (Погорелов В.И., 1984). Еще два кургана (10, 11) были вскрыты в 1986 г. в северной и южной частях могильника (Погорелов В.И., 1986). И наконец, в 1989 г. в центральной части могильника была изучена еще одна (12) насыпь (Березуцкий В.Д., 1984).

Из 12 исследованных курганов 5 (1–3, 10, 12) (рис. 2–9) были сооружены в эпоху бронзы[1], а 7 (4–9, 11) – в скифское время.

Курганы эпохи бронзы расположены в южной части могильника, содержали 31 захоронение, которое по признакам обряда и сопровождавшему инвентарю составляет 2 группы: среднедонской катакомбной (17 погребений) и донской лесостепной срубной (14 погребений) культур. Основные данные, характеризующие погребения, представлены в таблице.

Захоронения среднедонской катакомбной культуры в 15 случаях совершены в катакомбах, дважды (2/3, 10/8)[2] – в прямоугольных ямах.

Катакомбные конструкции имеют в целом типичный для местной культуры облик: прямоугольная входная шахта и непосредственно с ней сочлененная овальная камера. Преобладают катакомбы с шахтами средних размеров, в пределах 1,9×1,5 м. Выделяются своими размерами шахты погребений в кург. 1 и 2 (рис. 3,*6*; 4,*2,7*; 5,*7*). Шахты, вероятнее всего, перекрывались деревом. В трех случаях (2/2, 10/4, 12/2) зафиксирована их забутовка материковым выкидом до верха насыпи (рис. 4,*4*; 7,*7*). В шахтах практически всегда устроены ступеньки, чаще одна, которая образовалась разностью уровней полов шахт и камер. В трех случаях их было две (2/4, 3/2, 10/4), а в одном (1/13) – три (рис. 4,*2*).

---

[1] Материалы некоторых погребений эпохи бронзы в разное время частично привлекались для рассмотрения отдельных проблем среднедонской катакомбной (Погорелов В.И., 1989; 1990) и донской лесостепной срубной (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985) культур.

[2] Здесь и далее в числителе обозначен номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

© В.И. Погорелов, 1996

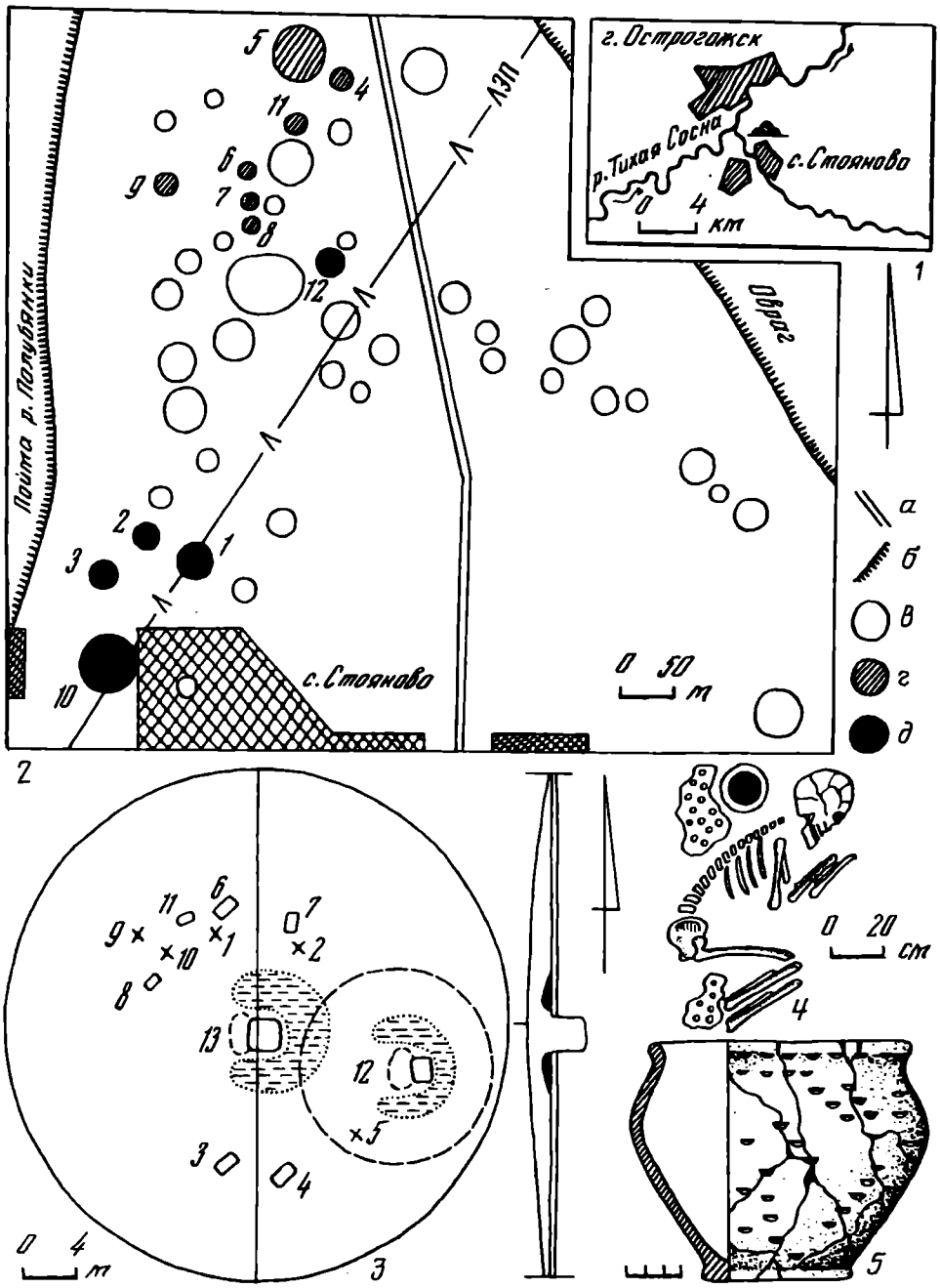


Рис. 1. Стояновский могильник. *1* – ситуационный план; *2* – топографический план (*а* – шоссе; *б* – обнажение; *в* – курганы; *г* – курганы раннего железного века; *д* – курганы эпохи бронзы); *3–5* – кург. 1 (*3* – план и профиль; *4* – план погр. 1; *5* – сосуд из погр. 1)

Камеры в 12 катакомбах примыкали к длинным сторонам шахт («Н»-образное сочленение) и только трижды – к коротким («Т»-образное сочленение) – 1/13, 2/4, 3/2 (рис. 4,*2*; 5,*7*; 6,*2*). Их размеры чаще обширные, до 3,0×2,2 м (2/4), в некоторых случаях значительна и глубина: 2,2 (10/6), 2,5 (1/12), 2,7 м (1/13). В 11 погребениях (73,3%) вход в камеру был закрыт вертикально поставленными деревянными столбиками. В одном из них (1/12) эта конструкция была дополнена тремя рядами горизонтально уложенных бревен (рис. 3,*б*). На стенках необвалившегося свода камеры погр. 10/6 сохранились вертикальные следы орудия с шириной рабочей части в 4,0 см.

В 14 погребениях (93%) фиксировались остатки органических подстилок темно-коричневого цвета. В катакомбе 10/4 выявлено трехслойное оформление пола камеры: обмазка мелом, покрытие шкурой и засыпка алой охрой.

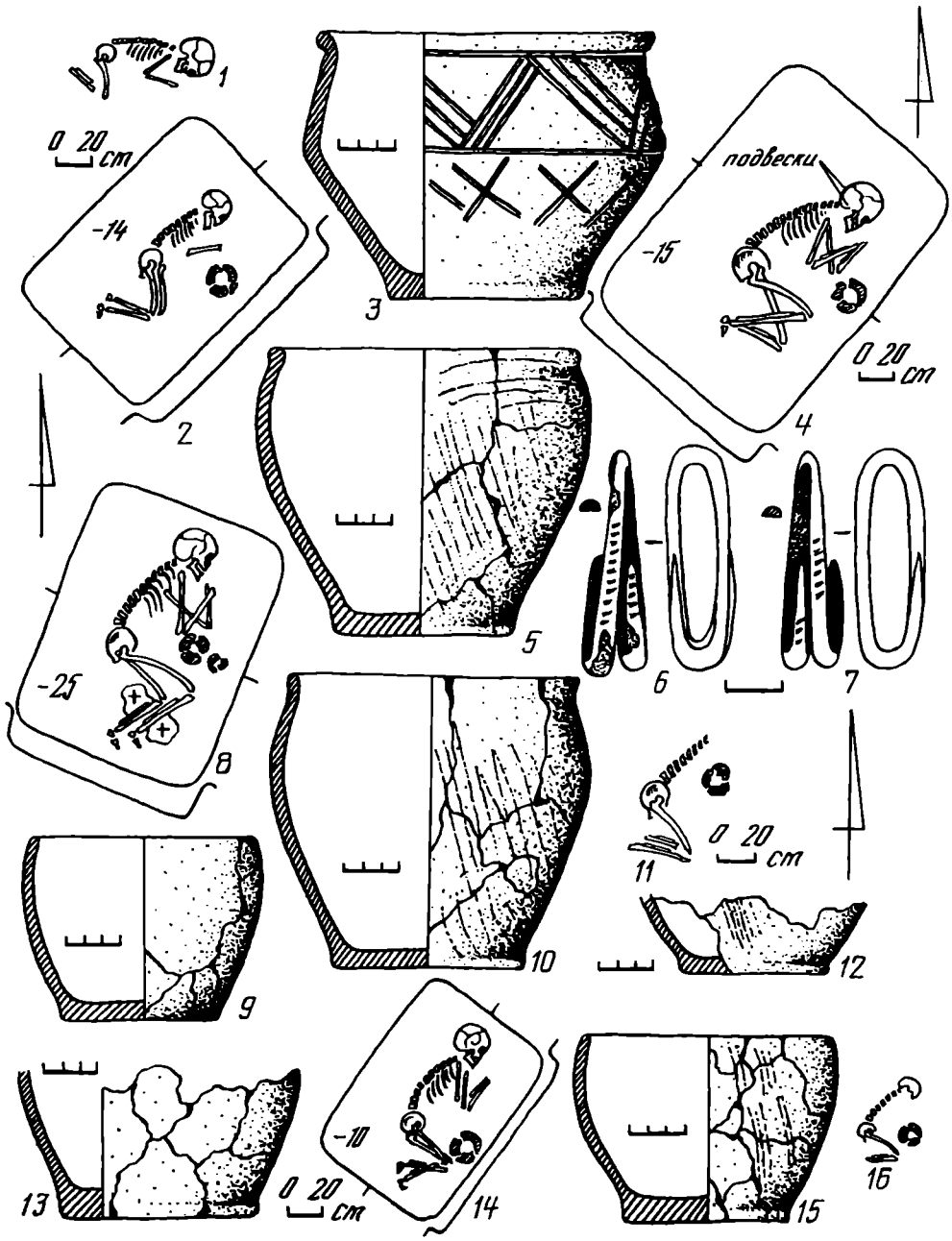


Рис. 2. Стояновский могильник. Кург. 1. *1* – погр. 2; *2, 3* – погр. 3; *4–7* – погр. 4; *8–10* – погр. 6; *11, 12* – погр. 5; *13, 14* – погр. 8; *15, 16* – погр. 9 (*6, 7* – бронза, остальные – глина)

Присутствие охры зафиксировано в 11 захоронениях (73%). Чаще она алого цвета, в виде вкраплений равномерно покрывает пол камер. В шести погребениях охра локализовалась в области черепа, таза или колен и у ног. В одной из катакомб (2/2) охра находилась в деревянной чаше, а еще в одной (10/9) алой охрой по полу камеры были нанесены две дугообразные полосы (рис. 9,*4*). Подобная черта погребального обряда для местной катакомбной культуры зафиксирована впервые. Изображения, выполненные охрой, известны в погребальных памятниках донецкой катакомбной культуры: в виде спиралей, дугообразных линий перед коленями умерших (Белояровка, 5/10), двух пар стоп (Новониколаевка, 2/1), окантовка подстилки (Николаевка) (Санжаров С.Н., 1989, с. 97–107, рис. 1; Березуцкий В.Д., 1984).

При совершении погребального обряда использованы в четырех случаях (27%) мел и жертвоприношения животных. В погр. 1/13 (рис. 4,*2*) у груди умершего рядом с

Таблица I

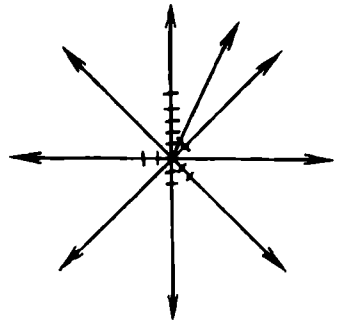
Основные признаки погребений эпохи бронзы Стояновского могильника

NN пп	Курган погребение	Погребальная конструкция: яма — Размеры (м)	Яма — Ориентировка	Яма — Гл. (м)	Яма — перекр.	Катакомба: шахта — Размеры (м)	Шахта — Гл. (м)	Шахта — Ориентировка	Катакомба: камера — Размеры (м)	Камера — Гл. (м)	Сочлен.	Зоокультура	Обряд: положение	Ориентир.	Уклон скорч.	Посыпка	Охра	Мел	Уголь	Жертв. лич.	Инв-рь: керамика	Металл	Астрагал	Прочий	Примечания	Арх. культура
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
		• Курган N 1 D-36 м, H-1,6 м																								
1	1/1	уровень та	терика										Л	СВ	О			■			1					С
2	1/2	уровень та	терика										Л	В	П											С
3	1/3	1,4×1,0	ЮЗ-СВ	0,1									Л	СВ	Т						1					С
4	1/4	1,7×1,2	ЮЗ-СВ	0,2									Л	СВ	О						1	2				С
5	1/5	уровень та	терика										Л	СВ	П						1					С
6	1/6	1,4×1,1	ЮЮЗ-ССВ	0,3									Л	СВ	П		■				2					С
7	1/7	1,4×0,9	ЮЮЗ-ССВ	0,4									Л	ССВ	П							1			окисел	С
8	1/8	1,1×0,8	ЮЗ-СВ	0,1									Л	СВ	П						1					С
9	1/9	уровень та	терика										Л	СВ	П						1					С
10	1/10	уровень та	терика										Л	СВ	О						1					С
11	1/11	1,1×0,9	ЮЗ-СВ	0,1									Л	СВ	О						1					С
12	1/12					2,1×1,3	1,7	С-Ю	2,5×2,1	2,5	Н	■	Сп	С	Т	■	■				1			1	отщеп	К
13	1/13					2,6×2,4	2,6	З-В	2,3×1,6	2,7	Т	■	Л	С	Т	■	■	■			1		1			К
		• Курган N 2 D-18 м, H-0,8 м																								
14	2/2					2,8×1,7	1,1	З-В	2,6×1,6	1,3	Н	■	П	З	Т	■	■				1			2		К
15	2/3	2,6×2,2	Ю-С	0,7	■								Сп	З	Т	■	■				2			1	отщеп	К
													П	З	Т											
16	2/4					2,3×2,1	1,0	З-В	3,0×2,2	1,3	Т		П	Ю	Т	■	■				1		1	1		К
		• Курган N 3 D-14 м, H-0,4 м																								
17	3/2					1,9×1,4	1,6	ЮЗ-СВ	2,2×1,7	1,9	Т		П	ЮВ	Т	■	■			■	4		32			К
													П	ЮВ	Т											

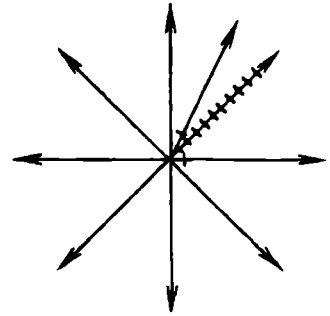
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
					• Курган N 10				D - 24 м, H - 2,3 м																	
18	10/1					1,3×0,9	0,7	ЮЮВ-ССЗ	1,3×1,1	1,0	Н	■	Л	Ю	Т	■	■	■	■	■	1			2	отдел	К
19	10/2	насыпь			■								Л	ССВ	П						1					С
20	10/3	1,5×1,2	ЮЮЗ-ССВ	0,4																■	1					С
21	10/4					1,5×1,0	0,5	ЮЗ-СВ	2,1×1,5	0,7	Н	■	Л	СВ	Т	■	■	■	■		2			1		К
22	10/5					1,4×1,0	0,6	ЮЮЗ-ССВ	1,5×1,1	1,0	Н	■	П	ССВ	Т	■	■			■						К
23	10/6					1,8×1,1	1,8	З-В	1,2×1,2	2,2	Н	■	Л	З	Т	■	■	■	■	■	2		24	2	втулка	К
													Л	С	Т											
24	10/8	2,5×2,0	ЮВ-СЗ	0,5									?	СЗ		■	■				1					К
25	10/9					1,6×1,5	1,4	ЮЮВ-ССЗ	2,8×2,2	1,8	Н	■	Л	С	Т							2				К
26	10/10					0,7×0,6	1,6	З-В	2,0×1,7	1,9	Н	■				■	■									К
27	10/11					1,4×0,9	0,5	ЮЮВ-ССЗ	2,7×1,7	1,3	Н	■				■	■									К
					• Курган N 12				D - 20 м		H - 0,3 м															
28	12/1	уровень материка			■								Л	СВ	О											С
29	12/2					1,8×1,2	0,7	Ю-С	2,1×1,2	0,8	Н	■	П	С	Т	■					1					К
30	12/3					1,7×1,1	0,6	ЮВ-СЗ	?	?	Н					■			■		1					К
31	12/4					1,7×1,1	0,9	ЮВ-СЗ	?	?	Н					■										К

Диаграммы ориентировок захоронений

катакомбная культура



срубная культура



Примечания:

1. Затеры глубин и расстояний даны с точностью до 0.1 м.
2. Все глубины даны от уровня материка.
3. Условные знаки:
   - в графе N 12: Н - параллельное сочленение; Т - перпендикулярное сочленение;
   - в графе N 14: Л - левый бок, П - правый, Сп - спина
   - в графе N 16: О - острый, П - прямой, Т - тупой
   - в графе N 27: К - среднедонская катакомбная культура, С - донская песчастепная срубная культура.
4. Основные погребения: 1/12, 2/4, 3/2, 10/5, 12/3.

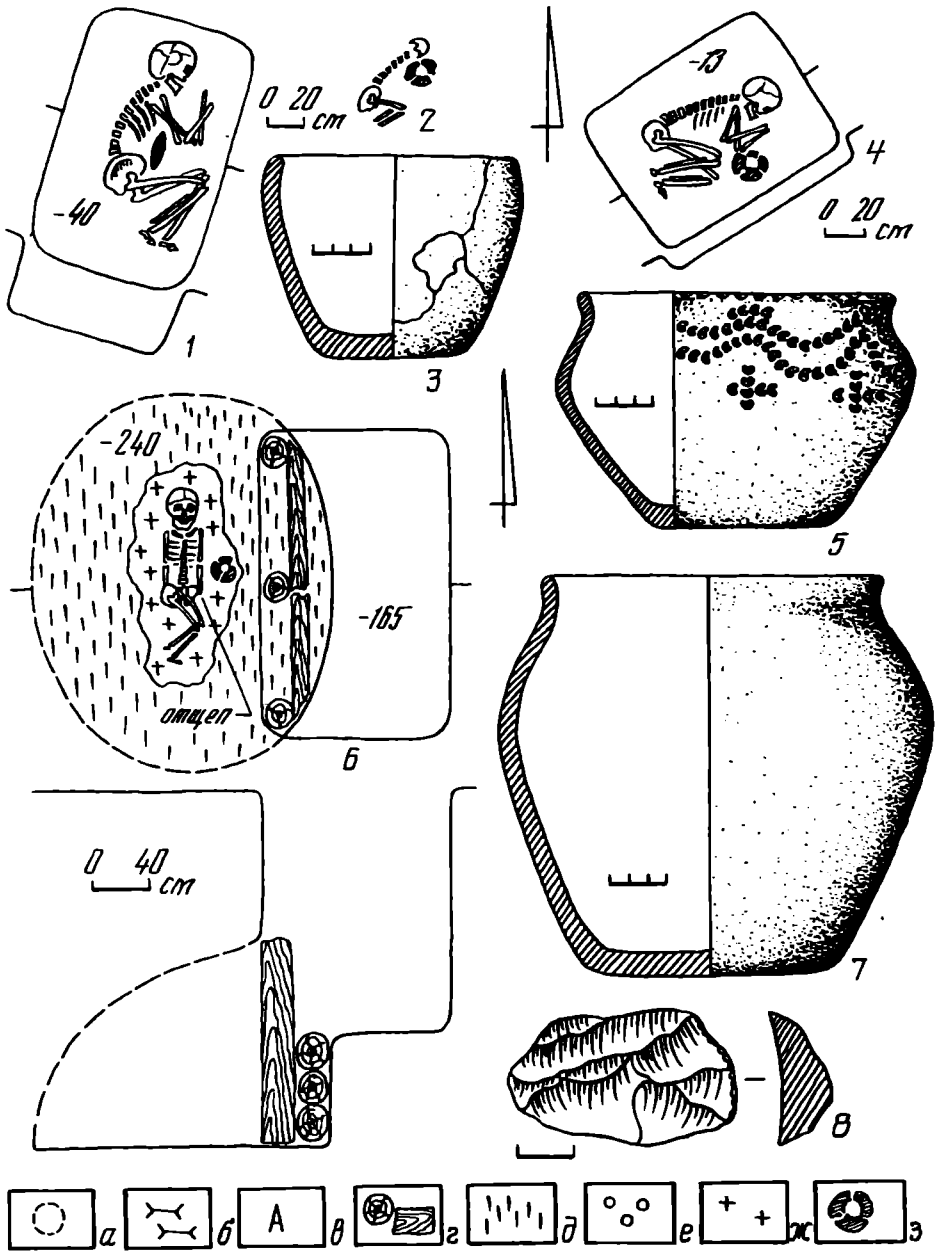


Рис. 3. Стояновский могильник. Кург. 1. *1* – погр. 7; *2, 3* – погр. 10; *4, 5* – погр. 11; *6–8* – погр. 12. *а* – жаровни из органики; *б* – кости животных; *в* – астрагалы; *г* – дерево; *д* – подстилка из органического материала; *е* – мел; *ж* – охра; *з* – сосуд

сосудом находился обработанный овальный кусок мела диаметром 8,0 см. Остатки жертвоприношений в виде костей животных во всех случаях находились на полах шахт. Выделяется погр. 3/2 (рис. 6,*2*), где перед входом в камеру были положены бычьи череп и кости конечностей, очевидно, со шкурой.

В 11 катакомбах выявлены остатки 13 умерших. Захоронения преимущественно одиночные, лишь в двух катакомбах (3/2, 10/6) находилось по два костяка (рис. 6,*2*; 8,*1*). Два погребения (12/*3*, 12/*4*) были разрушены, а еще две катакомбы (10/*10*, 10/*11*), судя по ненарушенности пола и отсутствию человеческих костей, сооружены условно.

В шести случаях умершие были положены на правый или левый бок, а в одном случае (1/12) умерший покоился на спине (рис. 3,*6*). Угол скорченности всегда тупой. Руки чаще протянуты к коленям, иногда одна из них уложена на таз.

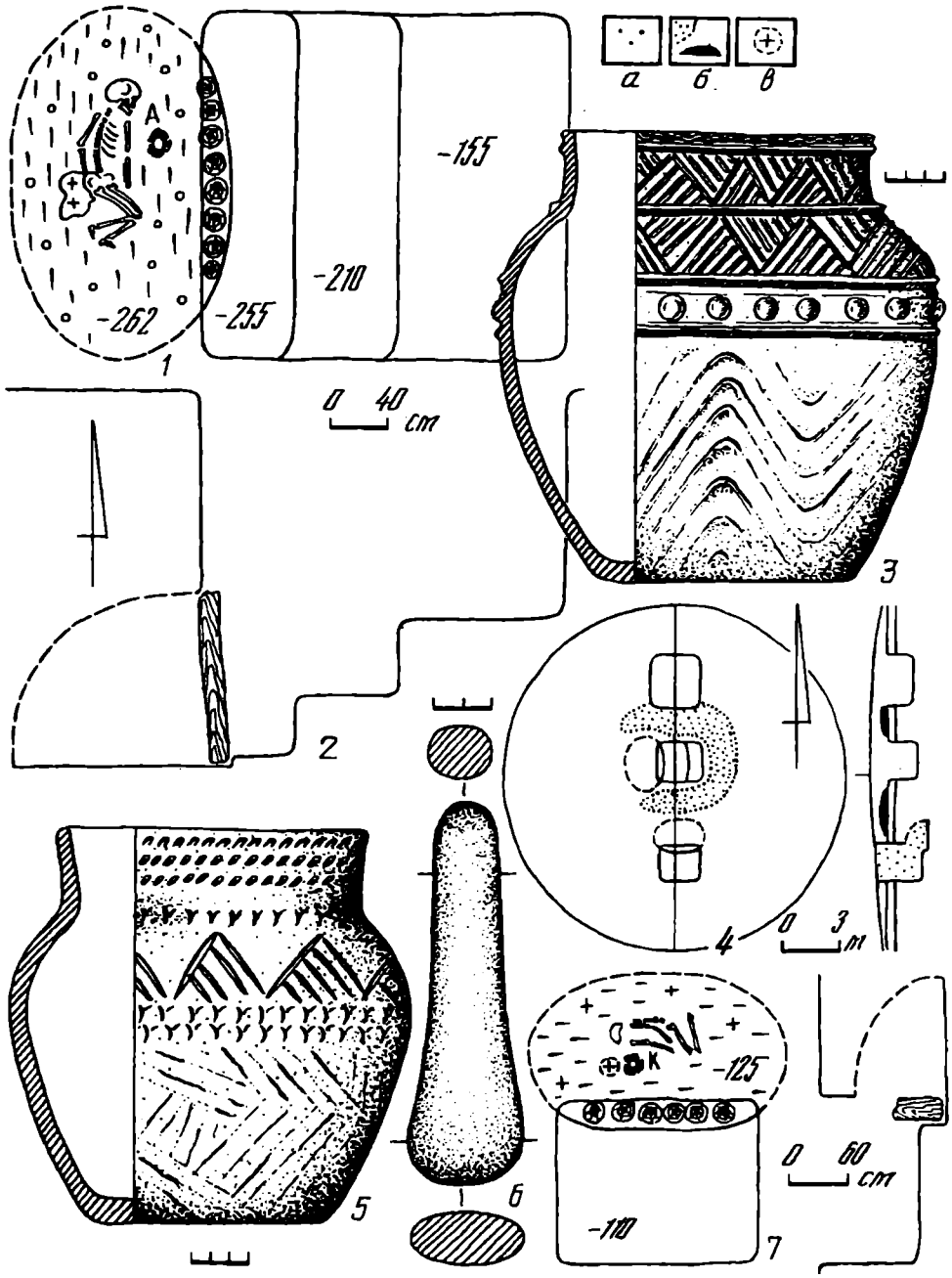


Рис. 4. Стояновский могильник. *1–3* – кург. 1, погр. 13; *4–7* – кург. 2, погр. 2. *А* – астрагал, *К* – каменное изделие; *а* – песок; *б* – могильный выкид; *в* – жаровня из органического материала

Ориентировка захоронений неустойчивая: головой на север – пять погребенных, на запад – два, на юг – два, на юго-восток – два, на северо-восток и север-северо-восток – один. Скелеты, лежащие на левом боку, ориентированы за исключением одного случая (10/1) в северную половину круга горизонта. Закономерности в ориентировке погребенных на левом боку не прослеживается.

Наиболее многочисленной категорией находок является керамика. Сосуды (15 экз.) найдены в 10 катакомбах. В большинстве случаев они были поставлены по одному в камеру перед грудью умерших. В двух погребениях (10/4 10/6) находилось по два сосуда (рис. 7,*8*; 8,*1*), еще в одном (3/2) – четыре (рис. 6,*2*). По технологическим и морфологическим признакам они в большинстве своем типичны для керамики Правобережного варианта среднедонской катакомбной культуры (Синюк А.Т., 1983, с. 150–153).

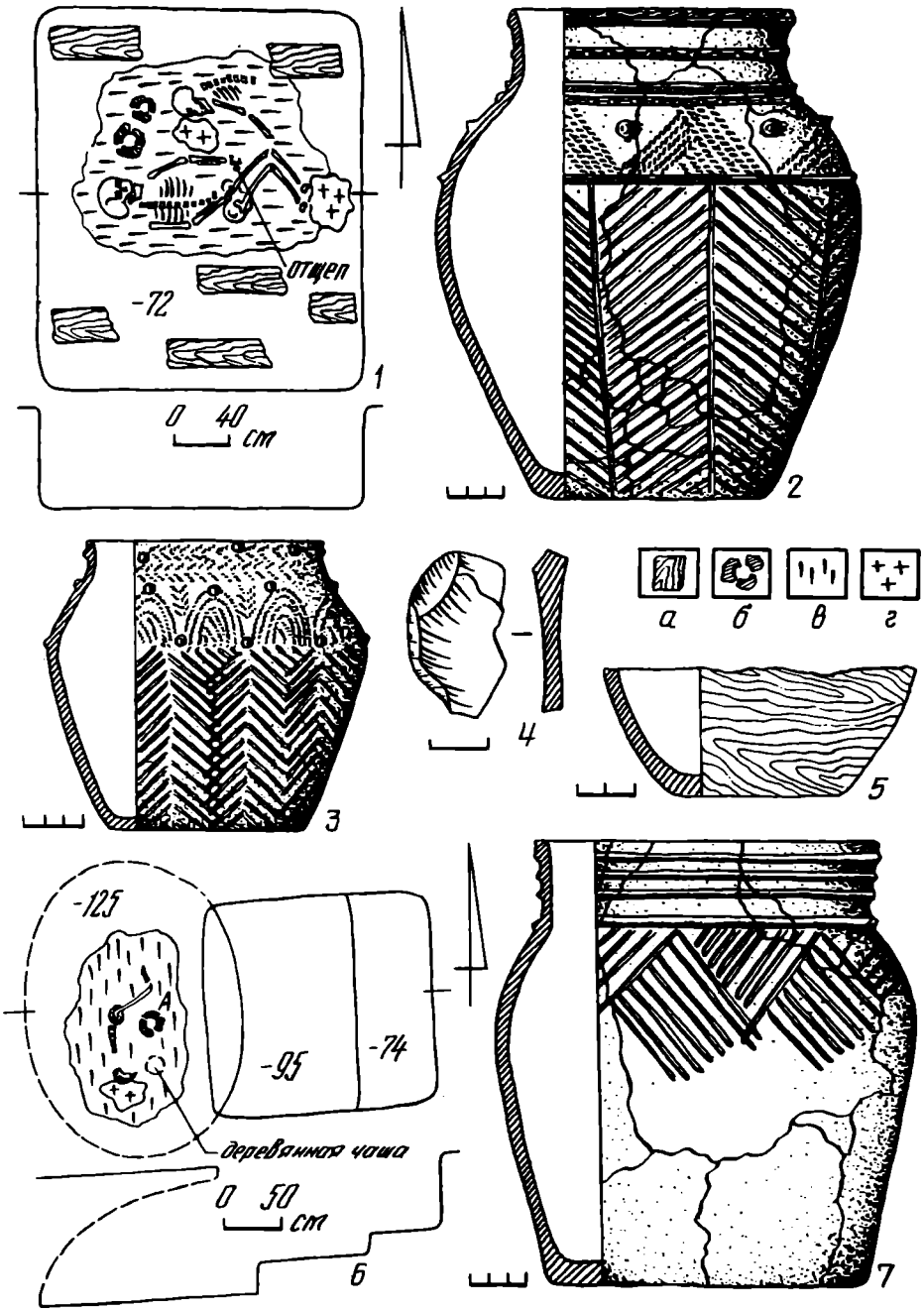


Рис. 5. Стояновский могильник. Кург. 2. *1–4* – погр. 3; *5–7* – погр. 4 (*5* – деревянная чаша). *а* – дерево; *б* – сосуд; *в* – подстилка из органического материала; *г* – охра

Интересной особенностью Стояновских погребений является присутствие в пяти катакомбах (2/2, 2/4, 10/1, 10/4, 10/6) остатков шести деревянных чаш[3]. В четырех случаях чаши были заполнены углями, а в одном (2/2) – алой охрой. Исходя из этого, можно заключить, что функциональное назначение данных чаш заключалось в имитации курильниц или жаровен. Жаровни, изготовленные из боковин и днищ глиняных сосудов, широко представленные в других могильниках среднедонской катакомбной культуры (Синюк А.Т., 1983, с. 146, 147; Погорелов В.И., 1988, с. 64–69), для Стояновских погребений оказались не характерными. На Среднем Дону известна еще одна находка деревянной чаши (Высокая Гора, 1/6), которая сопро-

[3] В погребении 10/6 находилось две чаши.

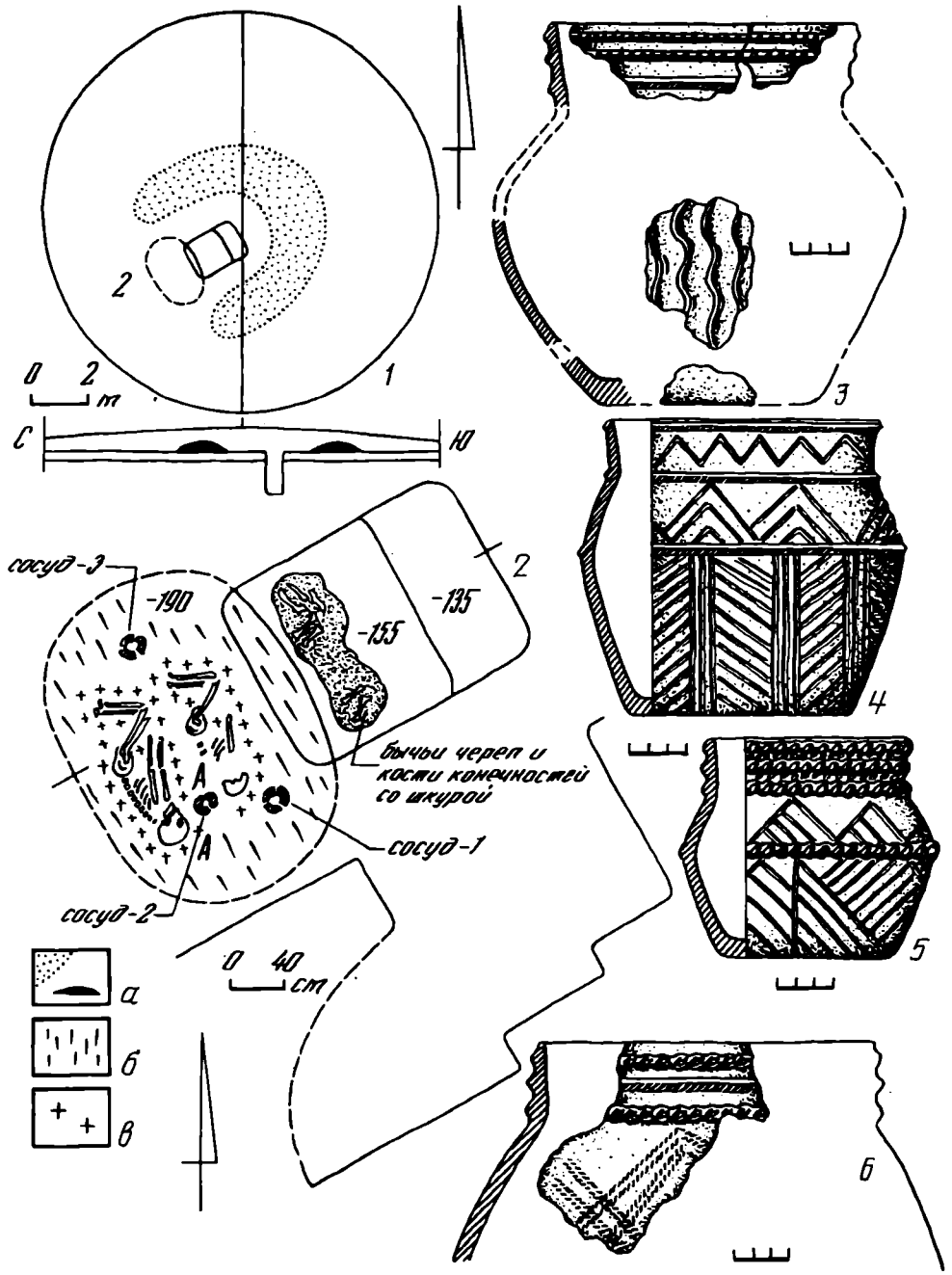


Рис. 6. Стояновский могильник. Кург. 3, погр. 2 (*А* – астрагалы, *а* – могильный выкид, *б* – органическая подстилка, *в* – охра)

вождала захоронение в катакомбе, с положением умершего на правом боку, головой на юго-восток. По верху чаши нанесен орнамент в виде цепочки ромбов, выполненный врезными линиями (Бойко А.А., 1988). Как известно, в среде индоиранцев чаша являлась священным атрибутом жрецов. Это позволяет исследователям трактовать погребения с деревянными чашами как захоронения людей, связанных с отправлением культа (Ковалева И.Ф., 1981, с. 46).

В четырех погребениях (27%) умерших сопровождали астрагалы. В погр. 3/2 (32 экз.) они в две дуги обрамляли сосуд, стоявший в изголовье (рис. 6,*2*), в погр. 10/6 (24 экз.) из них были составлены две прямые линии (рис. 8,*1*).

Из других категорий инвентаря захоронения сопровождали кремневые отщепы (1/12, 10/1, 10/6), располагавшиеся, как правило, у таза, и каменный овальный в

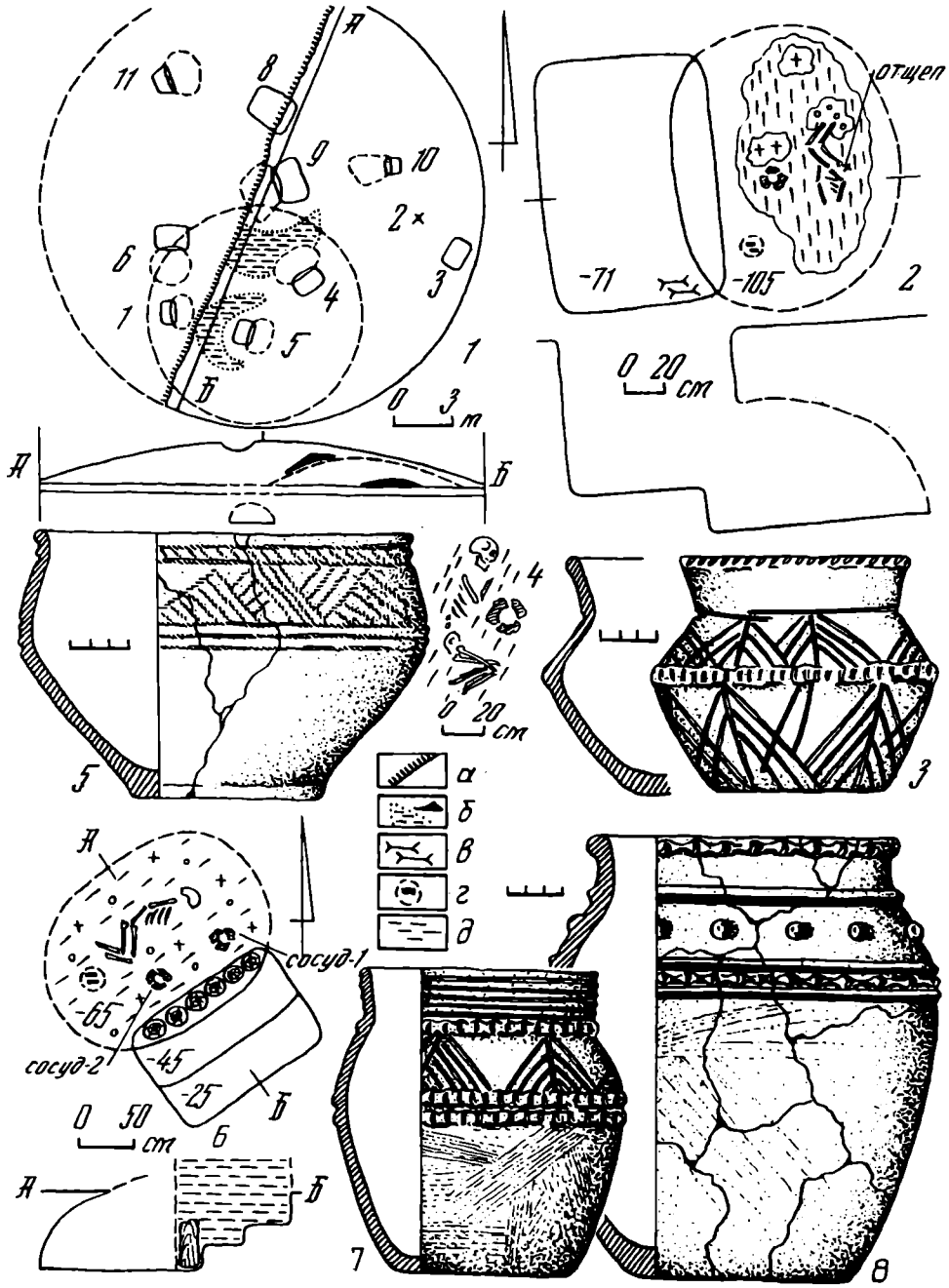


Рис. 7. Стояновский могильник. Кург. 10. *1* – план и профиль; *2, 3* – погр. 1; *4, 5* – погр. 2; *6–8* – погр. 4 (*7* – сосуд 2; *8* – сосуд 1). *а* – обнажение, *б* – могильный выкид, *в* – кости животного, *г* – жаровня из органического материала с углями, *д* – глина

сечении пест (2/2), лежавший рядом с сосудом у живота умершего (рис. 4,*6*). Находки каменных орудий труда в погребениях среднедонской катакомбной культуры – явление не частое. Близкие по форме и функциональному назначению орудия известны в памятниках манычского типа на Нижнем Дону: ст-ца Соленовская, 1/6, 1/19; Лысый курган, 1/19 и др. (Братченко С.Н., 1976, рис. 49,*1,7*; рис. 55,*11*; табл. I,*1*; табл. V,*3*). Данная категория находок, как отмечает С.Н. Братченко, довольно часто встречается в погребениях Левобережья Нижнего Дона и редко – в катакомбах Правобережья и Северского Донца (Братченко С.Н., 1976, с. 99).

Изделия из бронзы встречены лишь в одном погребении (10/9) – нож с выделенным черешком, параллельными лезвиями и подтреугольной расковкой острия (рис. 9,*5*) и

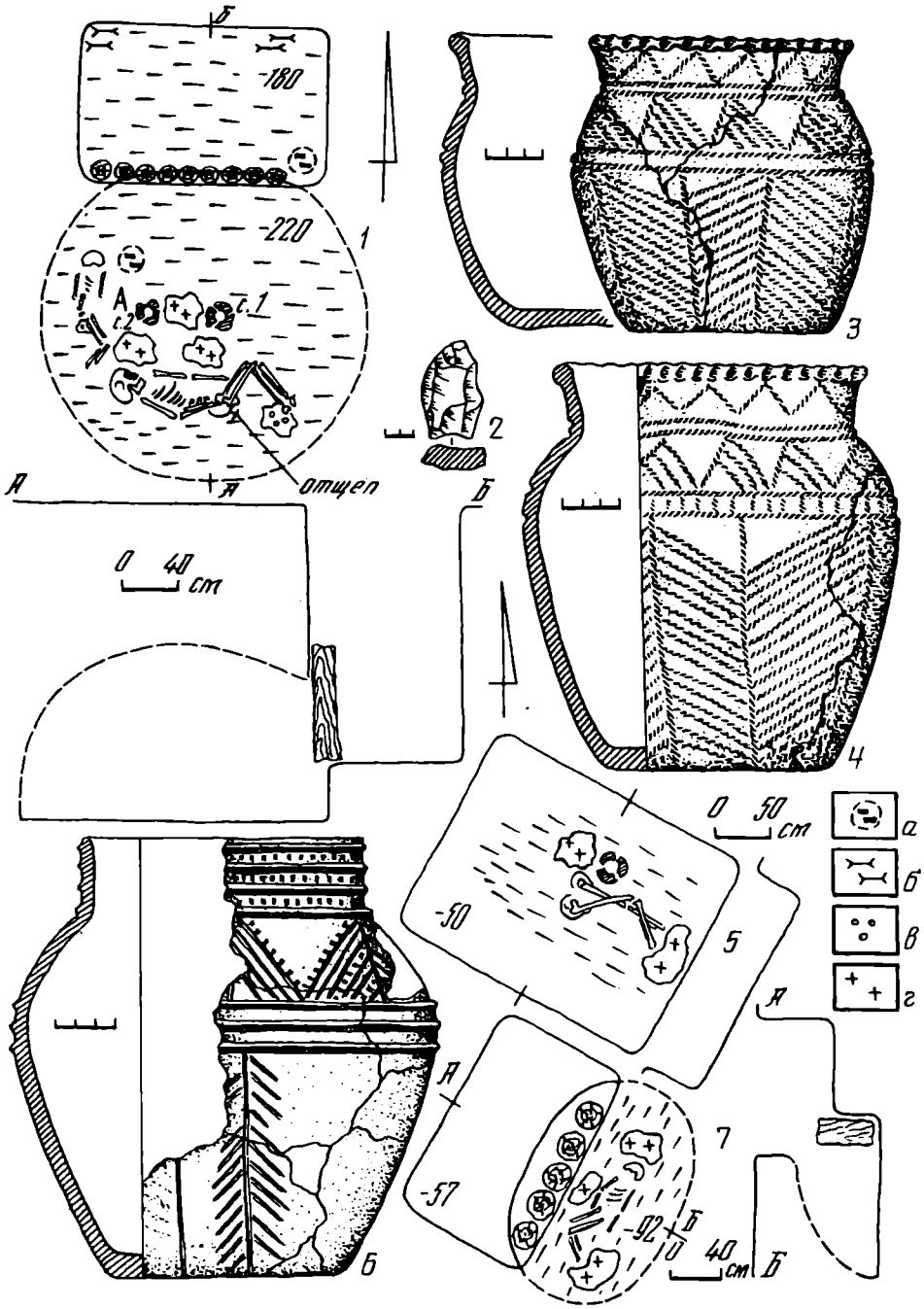


Рис. 8. Стояновский могильник. Кург. 10. *1–4* – погр. 6 (*3* – сосуд 2; *4* – сосуд 1); *5, 6* – погр. 8; *7* – погр. 5. *а* – жаровня из органического материала с углями; *б* – кости животного, *в* – мел, *г* – охра

четырехгранное шило с деревянной рукоятью (рис. 9,*6*). Шилья подобной формы имеют широкое культурно-хронологическое распространение в материалах эпохи бронзы Восточной Европы. Нож относится ко второму типу по классификации А.Т. Синюка (Синюк А.Т., 1983, с. 117), принадлежит к ножам группы 2 по типологии С.Н. Кореневского (Кореневский С.Н., 1978, с. 36–40). В периодизационной схеме среднедонской катакомбной культуры данный тип ножей увязывается главным образом с поздним этапом, датирующимся XV–XIV вв. до н.э. (Синюк А.Т., 1983, с. 146; рис. 43). Сочетание в погребении находок шила и ножа, по мнению А.Т. Синюка, подчеркивает особый статус умершего, вероятно, жреческий (Синюк А.Т., 1991, с. 67–71). В данном случае погребение выделяется и изображениями (дугообразные линии) по полу камеры, выполненными охрой (рис. 9,*4*).

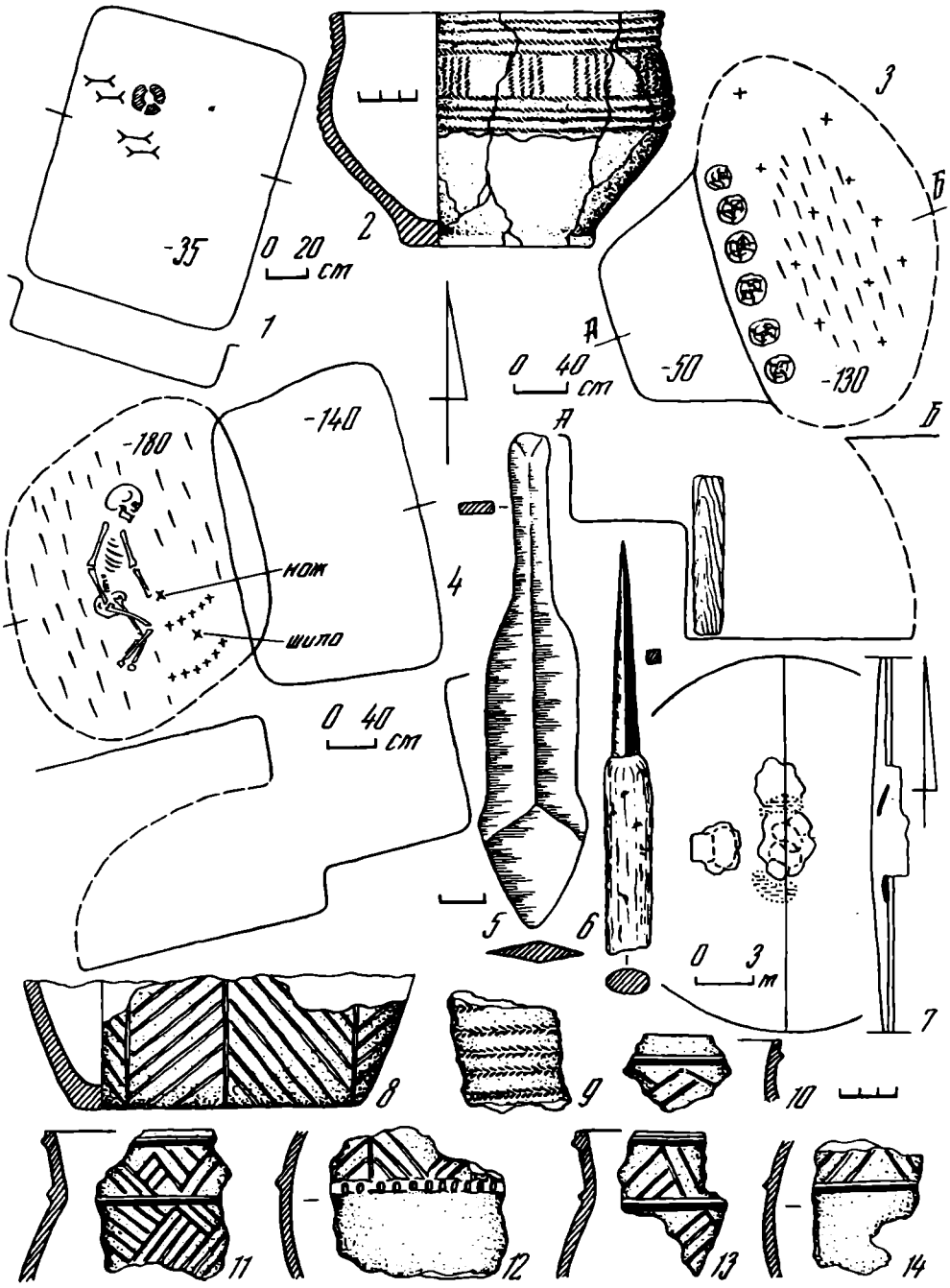


Рис. 9. Стояновский могильник. *1–6* – кург. 10 (*1, 2* – погр. 3; *3* – погр. 11; *4–6* – погр. 9); *7–14* – кург. 12 (*7* – план и профиль; *8–10* – погр. 6; *11, 12* – погр. 2; *13, 14* – погр. 3); *5* – бронза; *6* – бронза, дерево

Два погребения среднедонской катакомбной культуры (2/3, 10/8) были совершены в прямоугольных ямах (рис. 5,*1*; 8,5). Морфологические, типологические и орнаментальные признаки сопровождавших их сосудов (рис. 5,*2*,*3*; 8,*6*) не позволяют ни культурно, ни хронологически отделять их от захоронений в катакомбах. Интересно лишь отметить, что в погр. 2/3 один из умерших, покоившийся по центру ямы, был положен на спину, а второй, имеющий явно подчиненное размещение, – на правый бок. Как уже отмечалось нами, данный комплекс, вероятнее всего, отражает реминисценцию или явную консервацию погребальных традиций ямного населения, прослеживающихся в местной катакомбной культуре на протяжении всей ее истории (Погорелов В.И., 1989, с. 120–126).

Таким образом, катакомбные погребения Стояновских курганов по обряду и сопровождавшему инвентарю отражают специфику Правобережного варианта среднедонской катакомбной культуры на рубеже развитого и позднего этапов ее развития – XVI–XV вв. до н.э. (Синюк А.Т., 1983, с. 146). Из данного хронологического определения выпадает погр. 1/12 – основное в кургане, в обширной и глубокой катакомбе, с положением умершего на спине, головой на север (рис. 3,*6*). Типологически выделяется и сопровождавший его сосуд, с невысоким, плавно профилированным венчиком и яйцевидным туловом (рис. 3,*7*). Ранее это захоронение нами уже было отнесено к кругу ямно-катакомбных погребений (группа ПА) начала II тыс. до н.э., отражающих процесс становления местной катакомбной культуры (Погорелов В.И., 1989, с. 119).

Наконец, важно акцентировать внимание на том, что некоторые катакомбные захоронения Стояновских курганов (2/2, 2/4, 3/2, 10/1, 10/4, 10/6, 10/9) имеют признаки символико-культового характера. Сопровождавшие их деревянные чаши, большое количество астрагалов, бычьи череп и конечности со шкурой, бронзовые «нож – шило», изображения по полу камеры позволяют говорить о высоком прижизненном статусе умерших в социальной стратификации катакомбного общества и предположительно видеть в них жрецов или лиц, непосредственно связанных с отправлением культов.

Группа погребений донской лесостепной срубной культуры включает 14 захоронений. Все они впускные. Абсолютное их большинство (11 из 14) выявлены в кург. 1, где они образуют круговую планировку (рис. 1,*3*) и, вероятно, имели в древности внешние опознаватели.

Захоронения совершены как на уровне материка, так и в небольших (до 1,7×1,2 м) прямоугольных ямах, слегка углубленных в материк. Применение деревянных перекрытий, органических подстилок, охры, мела единично.

Остатки умерших выявлены в 13 погребениях. Во всех случаях они были одиночные, располагались на левом боку. Угол скорченности чаще прямой (54%) или острый (38%). Ориентировка их стабильна: практически всегда на северо-восток (лишь в одном случае – на восток).

В 11 погребениях умерших сопровождали глиняные сосуды горшковидных, остроребериых и баночных форм (всего 12 экз.). Изделия из бронзы выявлены в двух погребениях: 1/*7* – окисел полностью разложившегося предмета (кинжала?); 1/4 – две височные подвески в 1,5 оборота, обтянутые серебряной фольгой, с насечками на внешней поверхности (рис. 2,*6, 7*). Данный тип подвесок довольно широко представлен в погребальных комплексах срубных культур: на Южном Урале – Старо-Ябалаклинский могильник, 48/3, 106/10, 106/8 (Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991, рис. XXIII,*9*; XLIII,*13,17*; XLI,*9, 10*); на Средней Волге – Лузановка, 2/4, 15/12 (Васильев И.Б., 1977, рис. 20,*1*; 18,*3,4*), в бассейне Еруслана – Мурманский могильник 1/2 (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988, рис. 3,*3*) и др. Известны подобные типы и в материалах Среднего Дона: Пасеково, 5/7 Ильмен, 6/5, 6/12 (Качалова Н.К., 1970); Губари, 3/3; Подгорное-2, 3/6 (Пряхин А.Д. и др., 1990, рис. 4,*20,21*; рис. 4, *24*) и др.

Единство обрядовых признаков срубных погребений, их концентрация в одном кургане, коррелирующаяся с планиграфической схемой, позволяют видеть в данном случае остатки единовременного родового могильника одной из этнических групп донской лесостепной срубной культуры, типологически относящегося к началу второго периода в ее истории (XIV–XIII вв. до н.э.) (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985, с. 118–145).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березуцкий В.Д., 1984. Отчет об археологических исследованиях в Воронежской области // Архив ИА АН СССР.

Бойков А.А., 1988. Отчет о работах Южного отряда в Донском Правобережье // Архив ИА АН СССР.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Васильев И.Б., 1977. Лузановский курганный могильник // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
Качалова Н.К., 1970. Ильменские курганы // АСГЭ. Вып. 12.
Ковалева И.Ф., 1981. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке // Днепропетровск.
Кореневский С.Н., 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2.
Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. Срубные погребения в подбоях на Ерусшане // СА. № 1.
Погорелов В.И., 1983. Отчет к Открытому листу № 48 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона // Архив ИА АН СССР. Р–1. 9730.
Погорелов В.И., 1984. Отчет к Открытому листу № 357 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона // Архив ИА АН СССР. Р–1. 9790.
Погорелов В.И., 1986. Отчет к Открытому листу № 147 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона // Архив ИА АН СССР.
Погорелов В.И., 1988. Погребения катакомбного типа второго Павловского могильника // Исследования памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.
Погорелов В.И., 1989. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. № 2.
Погорелов В.И., 1990. Погребения эпохи бронзы Стояновского могильника // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке. Белгород.
Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1990. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж.
Санжаров С.Н., 1989. Охра в изобразительной деятельности племен средней бронзы // СА. № 2.
Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж.
Синюк А.Т., 1991. Об одной из категорий металлических изделий эпохи бронзы // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж.
Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1985. Периодизация срубной культуры Среднего Дона // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

Воронежский государственный
педагогический институт

V.I. POGORELOV

THE BRONZE AGE BARROWS OF STOJANOVO BURIAL GROUND

Summary

The burial ground is situated near Blizhneje Stojanovo village of Ostrogozhsky district (fig. 1). Five investigated barrows of the Bronze Age contained 31 burials. 17 of them belong to the catacomb culture of the Middle Don river region, 14 ones belong to the timber-grave culture of the Don river forrest-steppes (fig. 2–9). The rite and artifacts of the catacomb burials of Stojanovo burial ground depict the specific features of the right bank catacomb culture at the end of its developed and beginning of its late variations of the 16–17th cent. B.C. The group of the burials forms a circle in the barrow 1. All the burials were made according to the same rite. It makes possible to suggest the remains of the simultaneous clan burial ground belonged to one of the ethnic groups of the Don river forrest steppes timber-grave culture. The burial ground is dated to the 14–13th cent. B.C.

Н.А. ТРОПИН

О ХАРАКТЕРЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НА ЮЖНОМ РЯЗАНСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ В XII–XIV вв.

(по материалам селищ Казинка и Каменное)

Древнерусские селища XII–XIV вв. у пос. Казинка и с. Каменное находятся в нижнем течении правого берега р. Матыры (левый приток р. Воронежа) (рис. 1). Данный регион географически относится к бассейну среднего течения р. Воронежа. Исторически для периода XII – первой половины XIII в. он преимущественно рассматривается исследователями в южных пределах Рязанского княжества (Монгайт А.Л., 1961, с. 144; Кучкин В.А., 1970, с. 101, 111; Цыбин М.В., 1987, с. 16; Винников А.З., 1991, с. 33). По поводу вхождения этой территории в состав Рязанщины в период после монголо-татарского нашествия в историографии нет единого мнения. Например, М.В. Цыбин рассматривает течение р. Воронежа до ее устья в пределах Рязанского княжества (Цыбин М.В., 1987, с. 21, 22), другой же исследователь, В.Л. Егоров, исключает бассейн р. Воронежа из рязанских пределов (Егоров В.Л., 1985, с. 40).

Указанные селища занимают как возвышенный участок поймы (Казинка), так и первую надпойменную террасу высотой 5–10 м (Каменное). Памятники были открыты разведкой Верхнедонской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Левенка в 1963 г. Стационарные раскопки на селище у пос. Казинка проводились в 1966–1970 гг. (1966–1967 гг. – руководитель В.П. Левенок; 1968–1970 – руководитель В.И. Матвеева). Изучение селища у с. Каменное осуществлялось в 1968–1969, 1975–1979 гг. Верхнедонской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.И. Матвеевой.

На обоих памятниках вскрытая раскопками площадь составила более 3 тыс. м^2, обнаружены остатки более 20 жилищ, хозяйственных и производственных построек, два грунтовых могильника, получена значительная серия керамики и индивидуальных

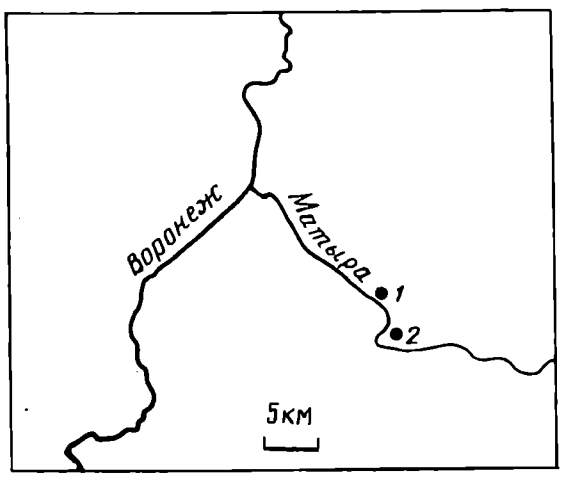


Рис. 1. Расположение древнерусских поселений в низовьях р. Матыры.
1 – селище у пос. Казинка, *2* – селище у с. Каменное

© Н.А. Тропин, 1996 г.

Номер постройки, раскопа Памятник	Размер жилища*	Форма ямы	Ориентировка ямы	Размеры подпольной ямы, м		Глубина ямы, м
				по верху	по низу	
Постройка 1, раскоп 7, Каменное	?	Подпрямоугольная	По сторонам света	3×4	2,4×3,4	0,9
Постройка 6, раскоп 7, Каменное	?	Подквадратная	По сторонам света	3,6×3,6	2,2×2,6	0,9
Постройка 7, раскоп 7, Каменное	?	Подпрямоугольная	По сторонам света	4,6×3	4,3×3	0,75
Постройка 1, раскоп 8, Каменное	?	Округлая	По сторонам света	3,35×3,3	3,35×3,3	0,7
Яма 7, раскоп 8, Каменное	?	Подпрямоугольная	По сторонам света, северо-запад–юго-восток	1,8×2 2,3×2,5	1,8×2 2,3×2,5	0,6 0,7
Постройка 1, раскоп XI, Каменное	?	?	?	3,2×3,2	3,2×3,2	0,9
Постройка 1, раскоп 7 А, Каменное	?	?	?	3,45×4,1	?	0,8
Постройка 2, раскоп 10, Казинка	4×6	Подпрямоугольная	Северо-запад юго-восток	2,8×3,2	2,8×3,2	0,4
Постройка 5, раскоп 10, Казинка	4×3,8	Подквадратная	По сторонам света	3,4×3,6	2,4×?	0,8

* Размеры жилищ даются в соответствии с информацией авторов раскопок.

Таблица 2

Наземные дома с подпечными ямами

Номер постройки, раскопа. Памятник	Размеры постройки, м*	Размеры подпечной ямы, м			Форма ямы	Остатки печи		Пол	Хронология
		по верху	по низу	глубина		занимаемая площадь, м	мощность развала, м		
Постройка 9, Раскоп 7, Каменное	?	2,8×3,2	2,6×3	0,25	Овальная	2,6×1,5	0,25	Деревянный	?
Постройка 3, раскоп XI, Каменное	4×4	?	?	0,4	Круглая	?	?	?	?
Яма 1, Раскоп 13, Каменное	?	2,4×2,25	2×2,1	0,5	?	?	0,18	?	?
Постройка в раскопе 6, Казинка	?	3×3	2×2	0,4	Овальная	0,5×0,3	0,2	Деревянный	?

* Размеры жилища даются в соответствии с информацией авторов раскопок.

Таблица 1

подпольными ямами

Глиняная подмазка дна ямы	Деревянная конструкция стен ямы	Вход в яму	Остатки печи			Хронология
			занимаемая площадь, м	мощность развала, м	основание печи сооружено	
+	+	С западной стороны	2×2,6	0,2	На деревянном опечке	Вторая половина XIII–XIV в. ?
–	–	С северной стороны	0,5×0,7	?	?	Вторая половина XIII–XIV в. ?
+	+	?	1×1	?	На вышедшем из употребления керамическом горне	Вторая половина XIII–XIV в.
–	–	?	1,2×0,8	0,12	?	Вторая половина XIII–XIV в.
–		?	1×0,85	0,15	На серой супеси	XII – первая половина XIII в.
–	–					
+	+	?	1,3×1,1	0,15	?	Вторая половина XIII–XIV в. ?
–	?	?	?	?	?	Вторая половина XIII–XIV в.
+	–	?	0,7×1	0,07	?	XII – первая половина XIII в.
–	?	С южной стороны	1,7×0,7	?	?	Вторая половина XIII–XIV в.

находок. К сожалению, материалы раскопок за незначительным исключением (Матвеева В.И., 1972, с. 107; 1978, с. 71; 1982, с. 99–103) остались неопубликованными. Безвременно ушедшие из жизни В.П. Левенок и В.И. Матвеева не успели реализовать планы публикации памятников.

Предметом нашего исследования является изучение характера домостроительства на древнерусских поселениях Казинка и Каменное и выявление наиболее вероятного центра освоения нижнего течения р. Матыры.

Источником послужили научные отчеты В.П. Левенка за 1967 г. и В.И. Матвеевой за 1968–1969 гг. о раскопках поселений у пос. Казинка, а также отчет В.И. Матвеевой за 1977–1979 гг. о раскопках с. Каменное.

Мы рассматриваем 19 жилищ, 13 из которых исследованы у с. Каменное и 6 – у пос. Казинка. Нумерация жилых сооружений и раскопов, а также планы, профили и разрезы построек даются в соответствии с отчетом. Исключение представляет одна наземная постройка, расположенная в раскопе 8 селища Каменное между жилищами 1 и 2. Эта постройка зафиксирована нами под номером 3. Мы сочли необходимым оставить размеры построек там, где они имеются, такими, как их определили авторы раскопок. В ряде случаев наиболее вероятные размеры построек определены нами.

Восемнадцать рассматриваемых жилищ относятся к наземным домам, одно – к полуземлянке. Постройки являются срубными. Наземные жилища в зависимости от конструктивных особенностей разделены на три группы: дома с подпольными (табл. 1) или с подпечными ямами (табл. 2) и постройки без подпольных или подпечных ям (табл. 3).

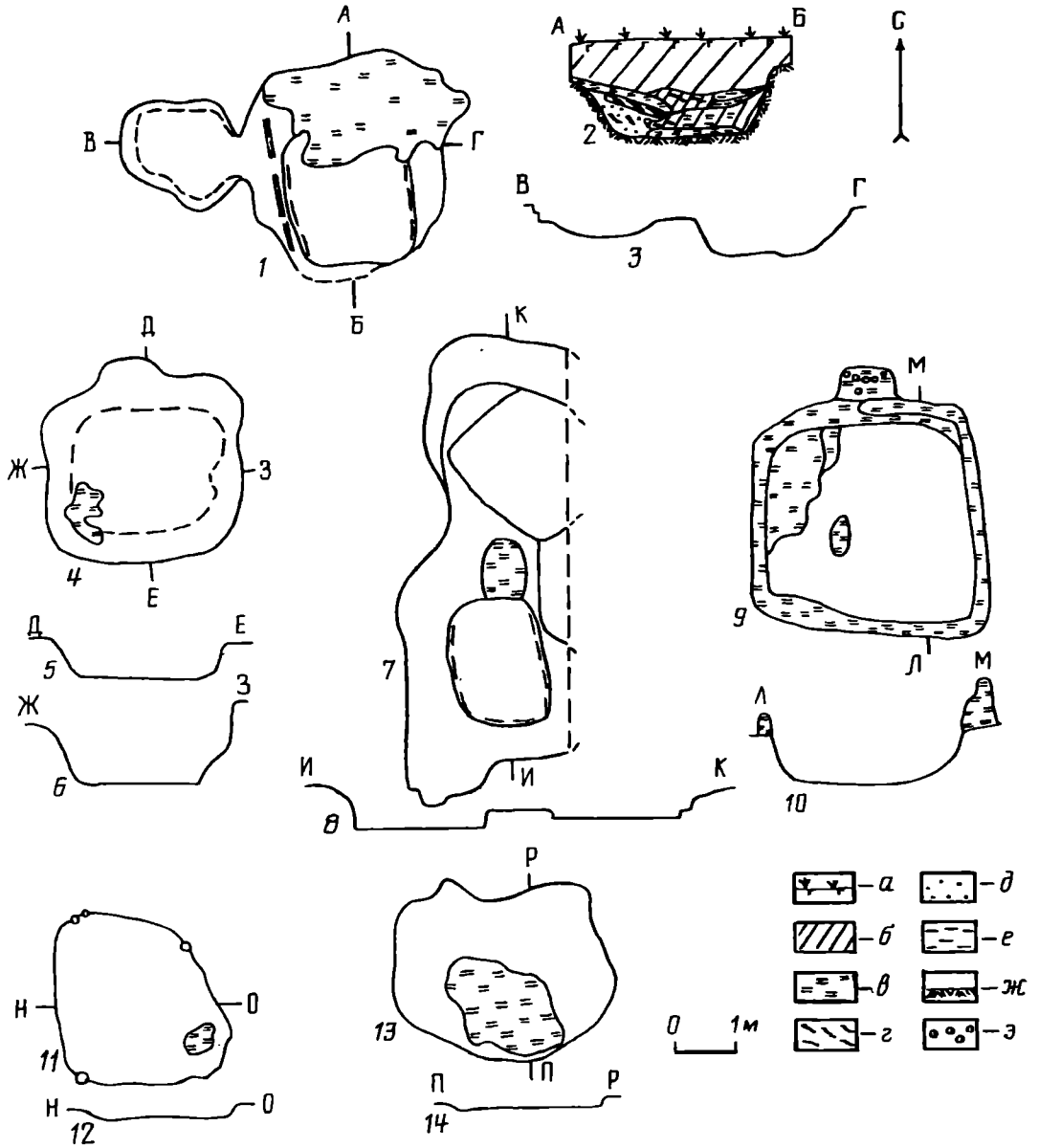


Рис. 2. Наземные жилые постройки с подпольными (*1–10*) и подпечными ямами (*11–14*). Постройки селищ Каменное (*1–8, 13, 14*), Казинка (*9–12*). *1–3* – план, профиль, разрез постройки 1, раскоп 7; *4–6* – план, разрезы постройки 6, раскоп 7; *7, 8* – план, разрез ямы 7, раскоп 8; *9, 10* – план, разрез постройки 5, раскоп 10; *11, 12* – план, разрез постройки в раскопе 6; *13, 14* – план, разрез постройки 9, раскоп 7 (*а* – дерн, *б* – культурный слой, *в* – обожженная глина, *г* – угольки, *д* – зола, *е* – глина, *ж* – материк, *з* – камни)

Наиболее многочисленную группу жилых построек составляют наземные дома с подпольными ямами (табл. 1; рис. 2, *1–10*). Их известно семь на селище у с. Каменное и два – у пос. Казинка. Размеры жилищ определены В.И. Матвеевой лишь для двух построек селища Казинка. В одном случае размеры постройки 2 зафиксированы по более гумусированному характеру культурного слоя. В другом случае границы постройки 5 определены по глиняной обмазке от стен жилища. Размеры жилищ составляют 4×6 и 4×3,8 м. Для данной группы домов характерными являются подпольные ямы подпрямоугольной, реже подквадратной формы. В единственном случае отмечена нами округлая форма ямы. Размеры подпольных ям по верху определяются 1,8×2 – 4,6×3 м. Стенки их чаще всего суживаются ко дну так, что размеры по дну ямы несколько меньше, чем по верху. Углубленность подпольных ям в материке в семи случаях составляет 0,7–0,9 м. В двух остальных случаях – 0,4–0,6 м.

Таблица 3

Наземные дома

Номер постройки, раскопа, памятник	Размер постройки, м	Ориентировка постройки	Остатки печи				Припечная яма, м	Пол	Хронология
			занимаемая площадь, м	мощность развала, м	основание печи сооружено	местонахождение			
Постройка 3, раскоп 10, Казинка	3×5**	Юго-запад – северо-восток	2×1	?	?	У восточной стены	–	Глинобитный	XII – первая половина XIII в.
Постройка 4, Раскоп 10, Казинка	3,5×7**	Юго-восток – северо-запад	1,2×1,2	0,07	На материке	У северной стены	0,6×0,9 глубина 0,4	Глинобитный	XII – первая половина XIII в.
Постройка в раскопе 4, Казинка	7,5×4,5**	Юго-запад – северо-восток	2×2	?	?	У южной стены	–	Деревянный	XII – первая половина XIII в.
Постройка 3,** раскоп 8, Каменное	5×3,5**	Юго-запад – северо-восток	2,4×3,2	0,15	На материке	У восточной стены	–	Деревянный	XII – первая половина XIII в.
Постройка 2, раскоп XI, Каменное	3,4×1,8*	?	2,4×1	0,15	На темно-серой земле	?	–	?	?

* Размеры жилищ даются в соответствии с информацией авторов раскопок.

** Размеры жилищ и обозначенная нами постройка даются в соответствии с соображениями автора статьи.

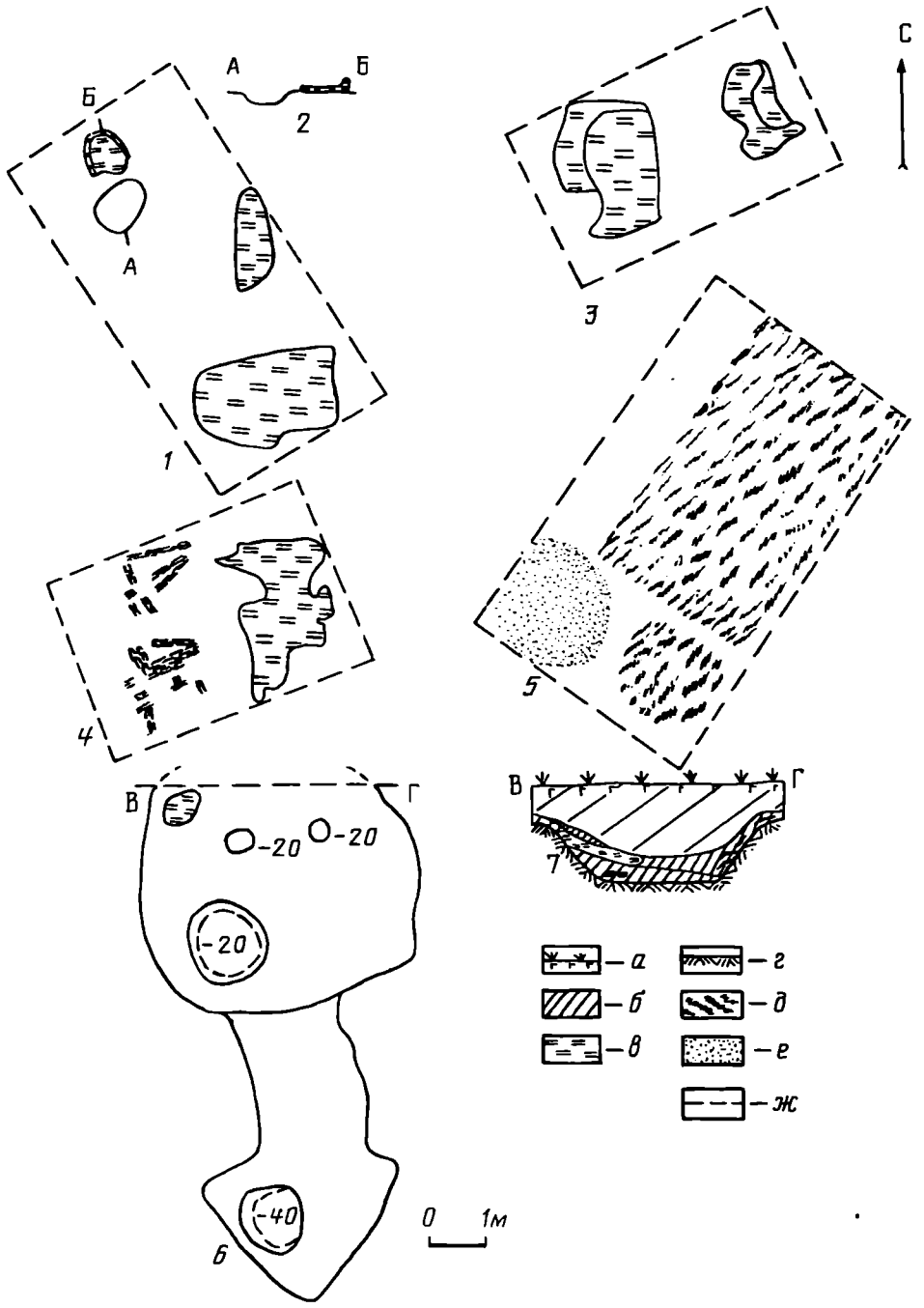


Рис. 3. Наземные жилые постройки (*1–5*) и полуземлянка (*6–7*). *1 – 3, 5* – постройки селищ Казинка, *4, 6, 7* – Каменное. *1–2* – план, разрез печи постройки 4, раскоп 10; *3* – план постройки 3, раскоп 10; *4* – план постройки 3, раскоп 8; *5* – план постройки в раскопе 4; *6, 7* – план и профиль постройки 2, раскоп 8 (*а* – дерн, *б* – культурный слой, *в* – обожженная глина, *г* – материк, *д* – угольки, *е* – зола, *ж* – приблизительные границы построек)

В постройках этой группы, как правило, встречено по одной подпольной яме, за исключением сооружения, обозначенного В.И. Матвеевой как яма 7 (Каменное). В данной постройке известны две подпольные ямы.

Важным элементом, характеризующим сооружение подпольной ямы, является зафиксированная на дне котлована глиняная подмазка толщиной 0,03–0,05 м. В одном случае (постройка 2, Казинка) наряду с глиняной подмазкой дна котлована зафиксированы остатки деревянного пола, в трех случаях встречены остатки дере-

вянной облицовки стенок подпольных ям. Назначение подпольных ям очевидно. Они выполняли функцию погребов. Подпольные ямы подпрямоугольной формы селища Каменное вытянуты большей стороной по линии север – юг. Аналогичной формы яма селища Казинка ориентирована по оси запад – восток. Принимая во внимание вероятный факт, что стены подпольных ям сооружались параллельно стенам жилища, можно полагать, что одна из стен дома была обращена к реке.

От печей остались глиняные развалы размерами 0,5×0,7 – 1,3×1,1 м. В постройке 1 (раскоп 7) селища Каменное остатки печи разбросаны по площади 2×2,6 м. Толщина развалов в среднем составляет 0,1–0,15 м. О конструктивных особенностях печей имеются лишь фрагментарные данные. Однако без сомнения можно отметить, что все известные нам печи являются глинобитными. В постройке 7 (раскоп 7) селища Каменное В.И. Матвеевой исследованы остатки круглой печи диаметром 1 м. Эта печь была сооружена на вышедшем из употребления керамическом горне. В другом случае, в постройке 1 (раскоп 7) селища Каменное, нами отмечено по стратиграфическим наблюдениям сооружение печи на деревянном опечке, от которого сохранилась прослойка угольков толщиной 0,07–0,1 м. В одном случае В.И. Матвеева отмечает сооружение печи на серой супеси (постройка 4, раскоп 8, Каменное).

Пол в постройках, очевидно, был деревянный и приподнят над подпольными ямами.

Другой группой жилищ являются наземные дома с подпечными ямами (табл. 2; рис. 2, *11–14*). Их известно четыре. Остатки трех построек исследованы на селище Каменное, одно сооружение – на селище Казинка. О размерах жилищ с точностью судить трудно. Однако в одном случае по более гумусированному характеру культурного слоя В.И. Матвеева определяет размеры постройки 1 – 4×4 м (раскоп 13, Каменное).

Для этой группы жилищ характерна подпечная яма. Ее размеры по верху составляют 2,4×2,25 – 3×3 м и по низу 2×2,1 – 2,6×3 м. Как правило, стенки ямы плавно суживаются ко дну. По некоторым показателям подпечные ямы отличаются от подпольных прежде всего степенью углубленности в материке – 0,25–0,5 м. Другой показатель – это форма ямы. Если подпольные ямы имеют, как правило, подпрямоугольную или подквадратную форму, то подпечные – овальную или круглую. Третий показатель: заполнение подпечных ям характеризуется чаще всего включениями золы, горелого дерева.

В двух случаях в постройках отмечены остатки деревянного пола.

Третью группу жилищ образуют пять построек наземного типа без подпольных или подпечных ям (табл. 3; рис. 3, *1–5*). Три сооружения исследованы на селище Казинка, два – на селище Каменное. В четырех случаях размеры построек определены нами с учетом остатков дощатых или глинобитных полов, расположения печи. В одном случае размеры постройки даются В.И. Матвеевой по более гумусированному характеру культурного слоя. Изученные жилища имеют прямоугольную форму. Их размеры составляют 3,4×1,8 – 3,5×7 м. В трех случаях постройки ориентированы большей стороной по линии северо-восток – юго-запад, в одном – северо-запад – юго-восток.

Жилища имеют глинобитные или деревянные полы. Толщина глинобитных полов составляла 0,05–0,07 м. Деревянные полы, по всей вероятности, были дощатыми.

Развалы глинобитных печей выявлены на площади до 2,4×3,2 м. Их толщина составляет 0,1–0,15 м. Лучшей сохранности остатки печи обнаружены в постройке 4 (раскоп 10) селища Казинка. Печь размерами 1,2×1,2 м имела подковообразную форму с сохранившимися бортиками высотой 0,15 м. Толщина глинобитного пола составила 0,07 м. Перед устьем печи расчищена приочажная яма размерами 0,6×0,9 м. Яма углублена на 0,4 м от уровня пода печи (рис. 3,*1,2*). В двух случаях отмечено, что печь сооружалась на материке, в одном случае – на темно-серой земле.

Говорить о местоположении печи в доме можно лишь с известными оговорками, так

как контуры жилых построек нами предложены только по полевой документации. Однако складывается впечатление, что в данной группе жилищ печи сооружались вблизи одной из торцевых стен по центру. Возможно, существовала определенная закономерность в расположении печи относительно входа в жилище.

Кроме наземных построек известно одно полуземляночное сооружение, изученное на селище Каменное (постройка 2, раскоп 8) (рис. 3, *6,7*). Постройка имеет прямоугольную форму и ориентирована стенами котлована по странам света. Размеры котлована составляют 4,88×4 м при углубленности в материке от 1 м. С южной стороны к полуземлянке примыкает яма размерами 1,6–3,2×5 м, являвшаяся, по всей вероятности, входом в жилище. Почти в центре котлована находятся две столбовые ямы диаметром 0,3–0,5 м, углубленные в материк на 0,2 м. Ямы, очевидно, конструктивно связаны с устройством крыши. Вероятно, верх крыши опирался на поперечную балку, поддерживаемую столбами. В таком случае можно полагать, что крыша была двухскатной и вход, примыкающий к южной стороне ската крыши, был защищен карнизом.

Остатки печи плохой сохранности встречены в северо-западном углу постройки. Печь была глинобитной и сооружена на материке. Размеры глиняного развала составляют 0,65×0,4 м, толщина – 0,15 м.

В данном случае можно с уверенностью говорить о местоположении печи в доме в противоположном углу слева от входа, что связывается П.А. Раппопортом с восточным южновеликорусским типом жилища (Раппопорт П.А., 1975, с. 137–141).

Вдоль западной стенки ямы выявлен слой обожженной глины – подмазки от стен – шириной 1,5 м, мощностью 0,2 м.

Имеющиеся данные позволяют отнести жилища к двум хронологическим периодам: XII – первой половине XIII в. и второй половине XIII–XIV в. Для датировки построек мы располагаем надежными данными в 11 случаях. Датировка еще трех построек определяется предположительно, с учетом данных планиграфии находок и керамики. Достоверными свидетельствами для датировки остальных пяти сооружений мы не располагаем (табл. 1–3).

К периоду XII – первой половине XIII в. относятся семь жилищ, четыре из которых являются наземными домами без подпольных или подпечных ям, два – наземными постройками с подпольными ямами и одно – полуземлянкой.

Ко второй половине XIII–XIV в. относятся семь жилищ. Все они являются наземными постройками с подпольными ямами.

В отношении четырех построек с подпечными ямами и одного наземного жилища нет надежных данных для датировок. Однако и имеющиеся свидетельства показывают, что для периода XII – первой половины XIII в. более характерными являлись наземные дома без подпольных или подпечных ям, в то время как в дальнейшем, со второй половины XIII – XIV в., наибольшее распространение получили наземные дома с подпольными ямами.

Наземные жилые постройки трех выделенных нами групп с характерными глинобитными печами находят аналогии на верхней и средней Оке (Никольская Т.Н., 1981). По мнению П.А. Раппопорта, наземные жилища XII–XIII вв. становятся господствующим типом рядового жилья в восточной части лесостепной зоны, на территории Рязанского княжества и в восточных районах Чернигово-Северской земли (Раппопорт П.А., 1975, с. 127). Известны наземные жилища в верховьях Дона в районе Куликова поля (Гоняный М.И., 1990, с. 86–96), на Семилукском и Животинном городищах в южных районах Верхнего Подонья (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1992, с. 26–33).

Прежним остается наземный тип домостроительства и в последующий период, во второй половине XIII–XIV в. На близлежащих от р. Матыры памятниках в низовьях р. Воронежа (Шиловское поселение) (Пряхин А.Д. и др., 187, с. 5–36) и в окрестностях г. Ельца (Разуваев Ю.Д., Тропин Н.А., 1991, с. 17–20) известны наземные жилища с углубленным полом, с подпольной ямой или без подпольных или подпечных ям.

Иной тип домостроительства представлен полуземляночной постройкой на селище Каменное. Полуземлянки известны и в бассейне Оки (Никольская Т.Н., 1981, с. 184–214), на Семилукском городище на р. Дон (Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991, с. 93–106). В.В. Седов связывает их появление в Поочье с инфильтрацией населения из южных областей Руси, где данный тип домостроительства представлен более широко (Седов В.В., 1981, с. 4, 5).

Говоря о домостроительстве, нельзя не отметить характер застройки древнерусских селищ. Она является прибрежно-рядовой, наиболее характерной для сельских поселений XII–XIV вв. (Успенская А.В., Фехнер М.В., 1956, с. 15–17; Седов В.В., 1960, с. 26). Отдельными раскопами на селище Казинка определена однорядная застройка поселка протяженностью до 1,5 км. Селище Каменное вытянуто вдоль берега реки до 500 м. На его отдельных участках фиксируется двухрядная застройка. К сожалению, отсутствие сводных планов раскопов не позволяет наглядно это продемонстрировать.

Вышесказанное позволяет считать характер домостроительства на селищах Казинка и Каменное единым с традициями Поочья и рассматривать р. Матыру в системе древнерусской территории в XII–XIV вв. Некоторые подтверждения применительно к XII – первой половине XIII в. можно найти в деталях домостроительства, чаще встречаемых на Рязанщине. Это касается наличия глинобитных полов в наземных постройках и глиняной подмазки в подпольных ямах. Жилища с глинобитными полами известны в Пронске, на Ижеславльском городище (Никольская Т.Н., 1981, с. 191, 192), Старой Рязани (Даркевич В.П., 1987, с. 63–69). Традиция глиняной подмазки стенок и пола подпольных ям прослежена исследователями в Старой Рязани (Монгайт А.Л., 1955, с. 65), на посаде Толпинского городища (Стрикалов И.Ю., 1991, с. 122).

Не исключено, что освоение района р. Матыры в XII – первой половине XIII в., а возможно, и в последующее время происходило из южных областей Рязанской земли. Такой территорией вполне могла быть округа г. Пронска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винников А.З., 1991. Древнерусское население лесостепного Дона в VIII – начале XIII в. Автореф. дис. д.и.н. М.

Гоняный М.И., 1990. Поселение древнерусского времени Монастырщина III на Верхнем Дону // Куликово поле. Материалы и исследования. Тр. ГИМ. Вып. 73.

Даркевич В.П., 1987. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970–1979 гг.) // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Кучкин В.А., 1970. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период (до конца XIII в.) // Вопросы географии. Вып. 83.

Матвеева В.И., 1972. Работы Верхнедонской экспедиции // АО – 1971. М.

Матвеева В.И., 1979. Работа Верхнедонской экспедиции в Липецкой области // АО–1978. М.

Матвеева В.И., 1982. Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное // КСИА. Вып. 171.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1991. Древнерусское Семилукское городище на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В., 1992. Древнерусские памятники XII – начала XIII в. // Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж.

Разуваев Ю.Д., Тропин Н.А., 1991. Результаты исследований памятников на р. Ельчик // Елец и его округа (археологические исследования 1991 г.). Воронеж.

Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е1-32.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.

Седов В.В., 1981. От редактора // Земля вятичей. М.

Стрикалов И.Ю., 1991. Охранные раскопки на Толпинском городище в 1990 г. // Елец и его окрестности. Тез. науч. конф. Елец.

Успенская А.В., Фехнер М.В., 1956. Поселения Древней Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. ГИМ. Вып. 32.

Цыбин М.В., 1987. Юго-восточная окраина Руси в XII–XIV вв. (по данным археологии). Автореф. дис. к.и.н. Киев.

Елецкий государственный
педагогический институт

N.A. TROPIN

CONCERNING THE BUILDING AT THE SOUTHERN BORDER OF RJAZAN PRINCIPALITY IN THE 12–14TH CENT.

Summary

In the article the author uses the archaeological data of the excavations of Kazinka and Kamennoje ancient villages on the Matyra river carried by V.P. Levenok and V.I. Matvejeva. The author marks out three groups of the ground dwellings and a half-earth house. All the buildings belong to two chronological groups: 12th – the 1st half of the 13th cent. and the 2nd half of the 13th – 14th cent. The author comes to a conclusion that the building traditions of the ancient villages on the Matyra river had their souces in the upper and middle Oka river basins. The Matyra river basin was colonized probably from the south of Rjazan area especially from the city of Pronsk's area. Thus the ancient Rjazan territory of the 12–14th cent. included the middle Voronezh river basin.

В.Ю. КОВАЛЬ

ИСПАНСКАЯ ЛЮСТРОВАЯ КЕРАМИКА В МОСКВЕ

При археологических работах в конце 1950-х—начале 1960-х годов в Московском Кремле и Китай-городе (Зарядье) были найдены четыре обломка от трех чаш, относившихся к разряду люстровой керамики[1]. Они имели твердый, прекрасно обожженный черепок, изготовленный из хорошо отмученной глины без каких-либо примесей или добавок, цвет которого варьировал от розовато-белого до ярко-красного. Все они были покрыты с обеих сторон слегка заглушенной полупрозрачной поливой беловатого оттенка, с росписью синей краской в сочетании с коричневым люстром (сложным красочным составом, имеющим характерный металлический отблеск).

Первый найденный в Кремле образец такой керамики представлял собой обломок края чаши полусферического профиля, изготовленной из ярко-красной ожелезненной глины. Обе стороны черепка покрыты под полупрозрачной поливой толстым слоем белого ангоба. Находка была сделана на перекопанном участке и датировки не имеет. Она опубликована вместе с цветной графической реконструкцией чаши (Латышева Г.П., 1971, с. 224, рис. 4, *8—10*), внутренняя поверхность которой была украшена крупной тускло-голубой и мелкой коричневой люстровой сеткой, состоявшей из пересекавшихся радиальных и горизонтальных концентрических линий. Наружная поверхность расписана только люстром: горизонтальными линиями и поясом из косых штрихов, проходившим вдоль края чаши. Люстр полуистершийся, на внутренней стороне — почти без блеска, снаружи — с красновато-медным отблеском. Диаметр чаши 14 см.

От второй кремлевской чаши сохранились два обломка края, найденные в подошвенной части кладки 80—90-х годов XIV в. (Шеляпина Н.С., 1966, с. 44, рис. 93, 93а). Опубликовано черно-белое изображение внутренней стороны более крупного из этих обломков (Шеляпина Н.С., 1971, рис. 3, *1*), а также их подробное описание (Панова Т.Д., 1986, с. 227, 228). Оба черепка изготовлены из розовой глины и принадлежат чаше полусферического профиля, орнаментация наружной стороны которой (рис. 1, *1*) практически аналогична первой чаше, а роспись внутренней поверхности состояла из горизонтальных концентрических полос синей краски и нанесенных тускло-коричневым люстром (местами стертым или покрытым желтоватыми пятнами) таких же полос, пояса стилизованного меандрового орнамента и растительных завитков.

Идентичность декора внешней поверхности, качества и цвета люстра, профилировки обеих чаш, наконец, сходство их черепка по цвету и составу теста позволяют отнести эти чаши к одной синхронной группе керамики, происходившей из единого региона-производителя.

До сих пор вся привозная люстровая керамика, найденная при раскопках средневековых городов Руси, считалась происходившей из Ирана или Средней Азии. Редкие ее находки известны в Новгороде, Старой Рязани, Переяславле-Рязанском, Ростиславле-Рязанском, Суздале, Смоленске, Новогрудке, Твери, Владимире. В большинст-

---

[1] Пользуюсь случаем выразить свою искреннюю признательность Т.Д. Пановой (Музеи Кремля), Т.В. Скоробогатовой (Музей истории Москвы) и Е.Н. Ивановой (Государственный Эрмитаж) за предоставленную возможность использовать в публикации материалы из музейных коллекций, а также за консультации и ценные замечания.

© В.Ю. Коваль, 1996.

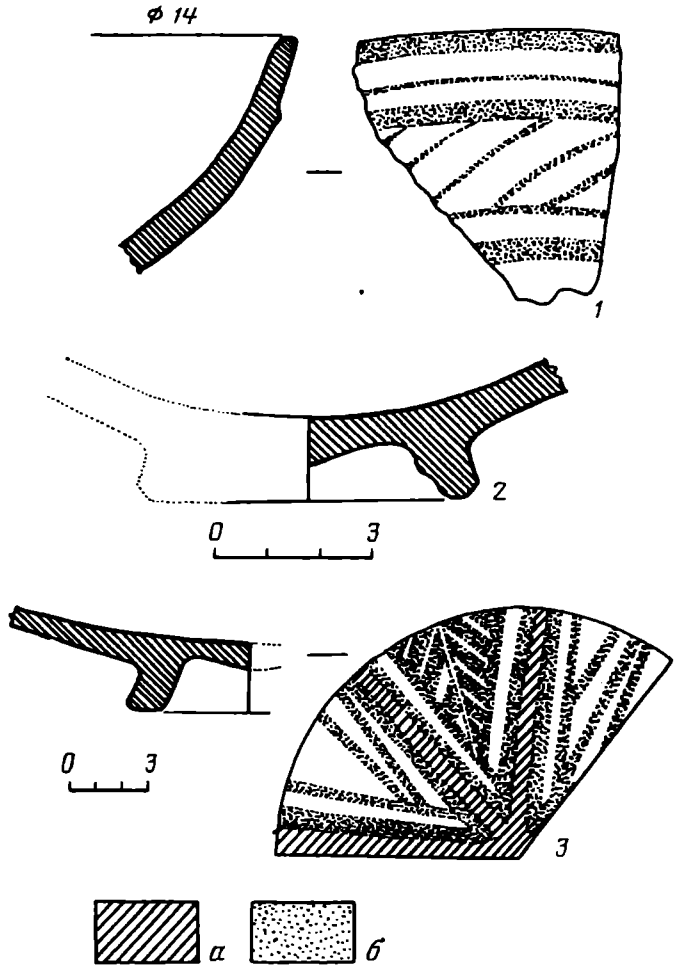


Рис. 1. *1* — профиль и внешняя поверхность обломка чаши № 2 из Кремля; *2* — профиль обломка чаши из Зарядья; *3* — профиль и орнамент внутренней поверхности чаши из Сан-Сильвестро (Генуя). *а* — синяя подглазурная роспись; *б* — коричневая люстровая роспись

ве из этих пунктов они были найдены в слоях XII—начала XIII в., а образцы керамики имели черепок, изготовленный из белого твердого фаянса (кашина). Московские же чаши сформованы из глины, которая совершенно не характерна для иранской люстровой керамики. Сочетание на этих чашах росписи синей краской и люстром рассматривалось ранее как характерная черта иранских люстров (Панова Т.Д., 1986, с. 228), однако такое сочетание встречается как на более ранней Месопотамско-египетской люстровой керамике X—XII вв. (Макарова Т.И., 1967, с. 32), так и на испанской XIII—XV вв.

Таким образом, найденные в Кремле обломки люстровых чаш, хотя и имеют некоторое сходство с иранской люстровой керамикой, отличаются от нее как составом формовочной массы, так и декором, что позволяет полностью исключить возможность их иранского происхождения, а отсутствие каких-либо аналогий в среднеазиатском материале не оставляет места и для такого варианта атрибуции, допускавшегося А.Ф. Медведевым (Шеляпина Н.С., 1966, с. 44). Невозможно также предположить их золотоордынское происхождение, так как в самом джучидском государстве известны только находки импортной (иранской и испанской) люстровой керамики (Булатов Н.М., 1968, с. 106; Кравченко А.А., 1986, с. 99), а химический состав поливы кремлевских чаш (Na—K—Rb—Si) (Латышева Г.П., 1971, с. 224) не характерен для золотоордынских полив, состав которых хорошо известен (Булатов Н.М., 1968, с. 97; 1976, с. 77).

В то же время все специфические особенности кремлевских чаш присущи люстровой керамике средневековой Испании (в литературе ее называют «испано-мавританской»), производство которой было налажено в Андалузии (Малага, Гранада), а затем Валенсии (Манизес), как полагал А. Лэйн, мастерами из Фатимидского Египта не позднее первой половины XIII в. (Lane A., 1946, p. 250). Именно для люстровой испано-мавританской керамики (ИМК) был характерен твердый черепок, изготовленный из глины красного или розового цвета (Blake H., 1972, p. 69; Mannoni T., Pringle D., 1972, p. 111; 1977, p. 148, 150), причем многие чаши имели полусферическую профилировку (Blake H., 1972, fig. 4, *23*; Pringle D., 1977, tav. XXIV, *207, 208*; XXVII, *229, 230, 232*). Учитывая возможное египетское происхождение испанской традиции изготовления люстровой керамики, нельзя считать случайным и тот факт, что красноглиняная основа для люстровой керамики не использовалась нигде кроме Испании XIII—XV вв. и Египта IX—XI вв. (Dimand M.S., 1958, p. 213, 215).

Полные аналогии орнаментике московских образцов отыскиваются только среди люстровой ИМК. Так, для орнамента внутренней поверхности обломка чаши № 1 имеется полная аналогия (как по рисунку, так и по цветовой гамме его исполнения) — испано-мавританская чаша во внешнем декоре колокольни церкви Сан-Амброджио в Варацце близ Генуи (Италия), постройка которой датируется «после 1338 г.» (Blake H., 1972, p. 73, 94, fig. 17, *28*). Подобная же орнаментация (с использованием люстра светло-коричневого или темно-вишневого цвета) встречается на многих изделиях ИМК, найденных на Сардинии (рис. 2, *1*), в Генуе (Blake H., 1972, fig. 4, *22*), Бельгии (Dygardin A.M.M., 1974, fig. 1), а также в Монкастро (современный Белгород-Днестровский) (рис. 2, *5*) и Каффе (современная Феодосия) (Штерн Э.Р., 1906, табл. IX, *87*; Кравченко А.А., 1991, с. 117)[2], которые отнесены Х. Блэйком к группе позднеандалузской керамики, традиционно датируемой «около 1400 г.» (Blake H., 1972, p. 71). Идентичная роспись имеется на обломке блюда, хранящегося в коллекции ИМК Государственного Эрмитажа (Отдел Запада, коллекционный № Ф927). На его внутренней поверхности — сетка из синих и люстровых полос, а на наружной — пояс из диагональных штрихов. Черепок розовоглиняный.

Приведенные аналогии позволяют уточнить реконструкцию чаши № 1 из Кремля, выполненную Г.П. Латышевой: у чаш подобной орнаментации на дне с внутренней стороны обычно изображалась остроугольная розетка, исполненная люстровой росписью «в резерве» (рис. 2, *1*). Для росписи внутренней поверхности чаши № 2 прямых аналогий нам не известно, но сами по себе концентрические линейные композиции были широко распространены в ИМК, а близкий по трактовке меандровый узор имеется на чаше из Малаги XIV в. (рис. 2, *2*).

Наконец, только на ИМК встречается люстровая роспись внешней поверхности чаш в виде пояса из диагональных штрихов (рис. 1, *1*). Эволюция этого элемента декора начинается на чашах XIII—первой половины XIV вв. с широкого пояса наклоненных влево длинных параллельных линий, верхние концы которых загнуты вниз в виде арочек (рис. 2, *2, 4*). Такую роспись принято считать подражанием характерному для торевтики романскому орнаменту «gadroons» (цепь выпуклых овалов) (Frothingham A.W., 1951, p. 17), однако более вероятно ее восточное происхождение — от широко распространенного на Среднем Востоке в XII—XIV вв. арочного орнамента, часто покрывавшего именно внешнюю поверхность поливных чаш (Вактурская Н.Н., 1959, рис. 28, *5*, 36, *19*) и воспринятого, например, золотоордынскими керамистами XIV в. (Скоробогатова Т.В., 1983, с. 93, рис. 1, *1*). Наконец, полная аналогия росписи андалузских чаш XIII—XIV вв. имеется на внутренней поверхности сирийской (?) люстровой чаши, обломок которой был найден в Новгороде в слое второй половины XII в. (Коваль В.Ю., 1995, рис. 1, *8*). В ИМК такой орнамент трансформировался в

---

[2] Тождество орнаментации этой чаши ИМК впервые было замечено А.А. Кравченко (Кравченко А.А., 1986, с. 101).

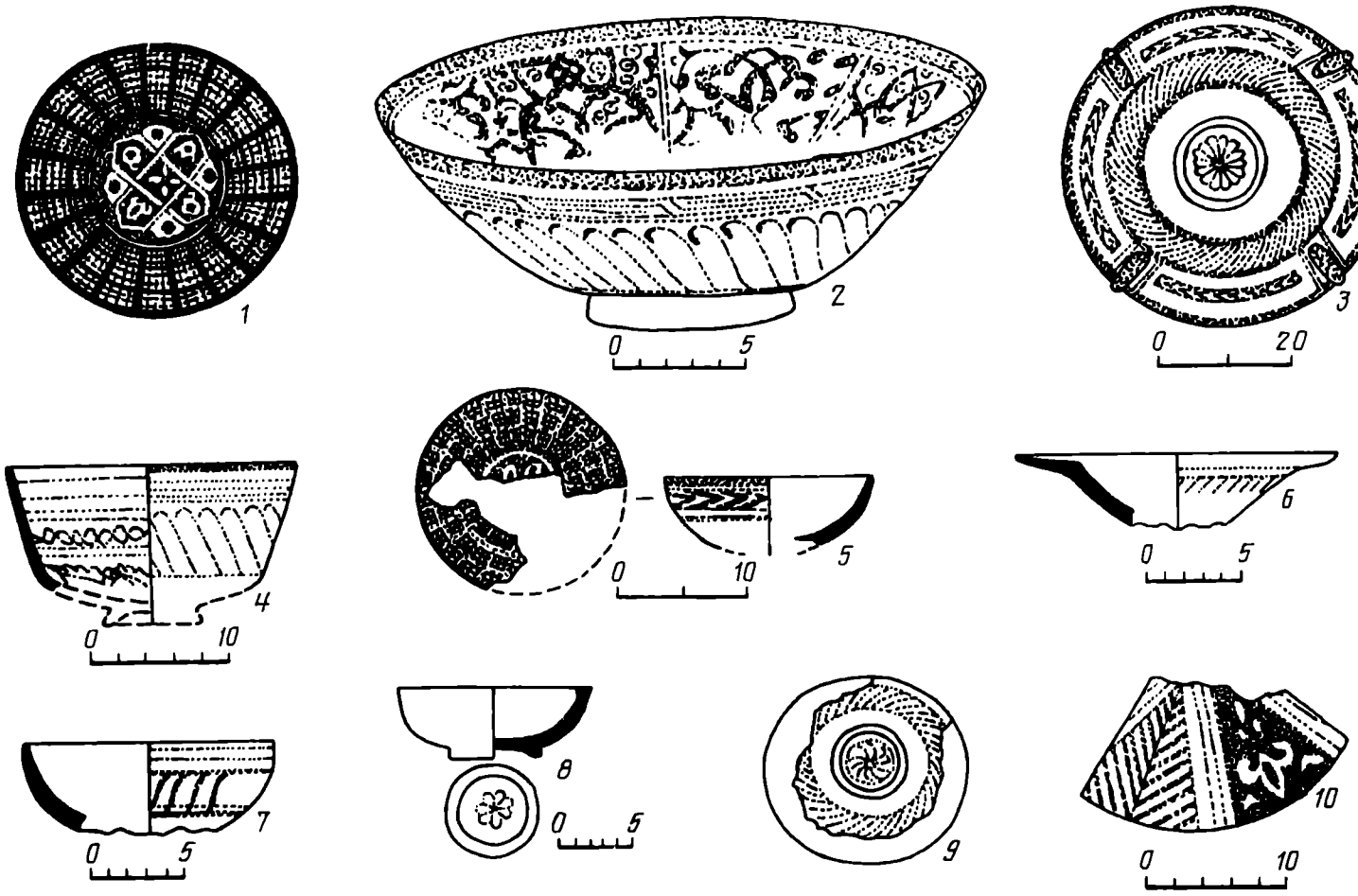


Рис. 2. Люстровая испано-мавританская керамика. *1* — внутренняя поверхность чаши из Пула (о-в Сардиния). Вид сверху (Llubia L.M., 1967, fig. 162); *2* — чаша с клеймом Малаги XIV в. (Frothingham A.W., 1951, fig. 6); *3* — наружная поверхность блюда (Llubia L.M., 1967, fig. 165); *4* — чаша из раскопок в Саутгемптоне (Англия), XIII в. (Platt C., Coleman-Smith R., 1975, fig. 204, № 1277); *5* — чаша из раскопок Монкастро (Кравченко А.А., 1986, рис. 38, *1*); *6* — обломок блюда из раскопок в Генуе (Pringle D., 1977, tav. XXVII, № 228); *7* — обломок чаши из раскопок в Генуе (Pringle D., 1977, tav. XXVIII, № 230); *8* — розетка на дне чаши из раскопок Монкастро (Кравченко А.А., 1986, рис. 39, *1*); *9* — внешняя поверхность обломка блюда (реставрировано) из Малаги (Llubia L.M., 1967, fig. 134); *10* — обломок чаши из Каффы (Штерн Э.Р., 1906, табл. IX, *91*)

Анализы образцов поливы люстровых чаш (в %)

Образец	SiO_2	PbO	CaO	Na_2O	K_2O	Al_2O_3	MgO	SnO_2	CoO	CuO
1	65,0	12,1	5,6	8,8	1,8	1,9	2,2	2,6	< 0,05	—
2	49,0—51,2	32,0	2,8—3,5	1,0—1,1	7,6—6,7	3,3—4,0	0,4	0,9	0,4	—

Примечание: 1 — обломок иранской люстровой чаши (Ростиславль-Рязанский, раскопки 1991 г.); 2 — обломок испанской люстровой чаши (Москва, Зарядье, см. выше). Анализ полив выполнен в Институте минерального сырья Мингео на рентгеновском микроанализаторе «Суперпроб-733» («JEOL», Япония) Н.И. Чистяковой.

пояс штрихов, наклоненных теперь уже вправо и соединенных сверху одной горизонтальной чертой (рис. 2, *6*), а затем в аналогичный пояс, заключенный между двумя горизонтальными линиями (рис. 2, *3*, *7*, *9*), присутствующий на чаше и блюде, приписываемых производству Валенсии (соответственно, около 1400 и 1430 гг.) (Кравченко А.А., 1991, с. 117). Точно такой же орнамент имеется и на обломках кремлевских чаш, датировка которых, следовательно, возможна в пределах второй половины XIV—первой половины XV в.

Обломок кольцевого поддона и дна третьей испанской люстровой чаши был найден в 1957 г. при археологических раскопках в Зарядье, в слое XIV—XV вв. (Дубынин А.Ф., 1957, с. 3, 116, ил. 5). Изображение росписи этого обломка опубликовано в цвете (Розенфельдт Р.Л., 1968, табл. 23, *9*), профиль поддона публикуется здесь впервые (рис. 1, *2*). Формовочная масса приготовлена из глины розовато-белого цвета, обжиг полный. Глина светлых оттенков (от розоватого до белого) использовалась в ИМК немногим реже, чем красная (Blake H., 1972, p. 65; Mannoni T., 1972, p. 111; Pringle D., 1977, p. 148), кроме того, ИМК именно такого цвета теста преобладала в Монкастро (Кравченко А.А., 1986, с. 99). Из точно такой же глины изготовлена большая часть ИМК валенсийского производства XVI—XVII вв., хранящаяся в Эрмитаже. Профиль поддона образца из Зарядья типичен для валенсийской керамики XIV—XV вв. (Blake H., 1972, fig. 4, *21*; Schnyder R., 1961, taf. I, abb. I, IV). Поддон был покрыт с обеих сторон полупрозрачной поливой неравномерной толщины и прозрачности, химический состав которой в корне отличался от состава поливы иранской люстровой керамики (см. таблицу), но близок составу поливы кремлевской чаши № 1 (см. выше).

В отличие от кремлевских чаш, декор внутренней поверхности состоял из радиальной композиции: широкие синие линии, выходя из центра дна, делили белое поле на шесть секторов, внутри которых роспись производилась только тускло-коричневым люстром, в том числе в двух секторах был использован способ росписи «в резерве». Из орнамента внешней поверхности сохранилась часть выполненной тем же люстром розетки на нижней стороне дна, внутри кольцевого поддона. Подобные розетки являются характерным признаком ИМК, в первую очередь той ее части, производство которой приписывается окрестностям Валенсии (рис. 2, *3*, *9*). Такие же розетки имеются и на образцах ИМК, найденных в Каффе и Монкастро (рис. 2, *8*) (Кравченко А.А., 1986, с. 102), причем в Монкастро чаша с такой розеткой происходила из закрытого комплекса первой половины XIV в.

Орнамент внутренней поверхности чаши из Зарядья также имеет ближайшие аналогии среди ИМК: это чаша из внешнего декора церкви Санта-Мария Новелла в окрестностях г. Пиза (Италия), построенной в XIV в. (Blake H., 1972, p. 93, fig. 4, *17*), обломок чаши из монастыря Сан-Сильвестро в Генуе (рис. 1, *3*). Оба итальянских образца относятся к люстровой керамике типа «Пула», которая входит в ту же большую группу позднеандалузских люстров, датируемых «около 1400 г.» (Blake H., 1972, p. 71, 73), к которой принадлежали и образцы, найденные в Кремле. Фрагмент

чаши из Генуи наиболее близок образцу из Зарядья по стилю люстровой росписи, а орнамент отдельных секторов внутренней поверхности обеих чаш совпадает полностью, так что можно говорить об их происхождении из одного производственного центра. Из того же центра, видимо, происходит и обломок чаши, найденной в Каффе (рис. 2, *10*), люстровая роспись внутренней поверхности которого сочетает элементы декора московской и генуэзской чаши. Аналогичен и светлый («желтоватый») цвет черепка. Существует мнение, что центром производства данной разновидности ИМК был городок Манизес близ Валенсии (Van de Put A., 1927, p. 77).

Настаивая на испанской атрибуции перечисленных московских образцов, нельзя не отметить одного их отличия от ИМК, которое вытекает из сравнения с имеющимися описаниями испанских люстров. Все западные и отечественные исследователи ИМК (Х. Блэйк, А. Кубе, А. Кравченко и др.) пишут о том, что эта керамика покрыта белой опаковой поливой. Между тем все московские образцы покрыты полупрозрачной (лишь слегка заглушенной) поливой, которую нельзя назвать опаковой. К сожалению, во всех доступных нам публикациях химический состав полив ИМК не приведен. Проведенный нами микрозондовый рентгено-спектральный анализ поливы чаши из Зарядья (таблица) показал наличие в ней окиси олова на минимальном пороге ее действия в качестве глушителя (Щапова Ю.Л., 1983, с. 40). Качественный анализ поливы чаши № 1 из Кремля[3] также показал наличие в ней небольшого количества олова-глушителя. Видимо, на раннем этапе производства ИМК применение полупрозрачных полив было распространенным явлением, а усиление заглушенности поливы происходило постепенно, как длительная тенденция. Этот тезис косвенно подтверждают сведения о возрастании содержания олова в рецептуре полив ИМК на протяжении XVI—XVIII вв. с 7,5 до 55% (Llubia L.M., 1967, p. 20).

Вторым важным вопросом является способ нанесения синего красителя в декоре ИМК, относительно которого нет упоминаний в литературе. В отношении кремлевских чаш однозначный ответ на этот вопрос дать пока нельзя. Что же касается обломка чаши из Зарядья, то можно утверждать, что синий краситель наносился на нее по сырой поливе (т.е. по способу «аль-фреско», применявшемуся позднее в производстве итальянской майолики): на поверхности поливы концентрация синего красителя многократно выше, а цветовой оттенок гуще, чем в середине слоя и тем более — у черепка. В то же время эта роспись не была надглазурной (т.е. нанесенной на поливу после первого обжига), так как краситель проник в сам слой поливы.

Что касается химического состава синего красителя ИМК, то в литературе его называют кобальтом (Lane A., 1957, p. 1; Llubia L.M., 1967, p. 18). Анализ окрашенного синим образца поливы с обломка чаши № 3 (из Зарядья) подтверждает этот вывод полностью (таблица). Образец поливы с обломка чаши № 1 из Кремля также содержал кобальт.

На вопрос о том, как ИМК могла попасть в Москву, отвечает география находок этой керамики, охватывающая Италию, Францию, Нидерланды, Англию, Германию, Константинополь и Северное Причерноморье, которая подтверждает мнение ряда исследователей об ее распространении генуэзскими купцами (Blake H., 1972, p. 80—83; Кравченко А.А., 1991, с. 117). Не случайно в Восточной Европе такая керамика до сих пор была известна только в генуэзской колонии Каффе, в торговавшем с генуэзцами Монкастро, и венецианской Тане (позже татарский Азак, ныне г. Азов) (Волков И.В., 1992, с. 14), с которой были связаны и генуэзские купцы (Еманов А.Г., Попов А.И., 1988, с. 78). Вероятно, именно из этих городов испанские люстровые чаши попали в Москву по путям так называемой «сурожской» торговли с Причерноморьем, расцвет которой как раз приходится на XIV—XV вв. (Сыроечковский В.Е., 1935, с. 17, 18, 44). Terminus ante quem для московских находок следует

[3] Анализ проводился д.и.н. Ю.Л. Щаповой. Номер анализа 353:8,9 (по журналу, хранящемуся в лаборатории спектрального анализа МГУ).

считать 1453 г., так как после падения Константинополя и блокады турками Босфора торговые связи генуэзских колоний с метрополией были прерваны (Бадян В.В., Чиперис А.М., 1974, с. 187) и испанская керамика уже не могла проникать в Причерноморье и далее на Русь. Учитывая датировки найденных в Москве образцов, можно сделать вывод об импорте сюда люстровой ИМК на протяжении второй половины XIV—первой половины XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадян В.В., Чиперис А.М., 1974. Торговля Каффы в XIII—XIV вв. // Феодальная Таврика. Киев.

Булатов Н.М., 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Вактурская Н.Н., 1959. Классификация средневековой керамики Хорезма IX—XVII вв. // ТХАЭЭ. Т. IV.

Волков И.В., 1992. Керамика Азова XIV—XVIII вв. (Классификация и датировка): Автореф. дис... к.и.н. М.

Дубынин А.Ф., 1957. Отчет Московской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 1631.

Еманов А.Г., Попов А.И., 1988. Итальянская торговля на Черном море в XIII—XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону.

Коваль В.Ю., 1995. Люстровая керамика Ближнего и Среднего Востока из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.

Кравченко А.А., 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.). Киев.

Кравченко А.А., 1991. Импортная поливная керамика XIII—XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. Киев: Наукова думка.

Латышева Г.П., 1971. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических раскопок 1959—1960 гг. в Московском Кремле) // МИА. № 167.

Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. Вып. Е1—38.

Панова Т.Д., 1986. Восточная поливная керамика из раскопок в Московском Кремле // СА. № 1.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. // САИ. Вып. Е1—39.

Скоробогатова Т.В., 1983. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. // СА. № 2.

Сыроечковский В.Е., 1935. Гости-сурожане // ИГАИМК. Вып. 127. М.; Л.

Шеляпина Н.С., 1966. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963—1965 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3578.

Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. // МИА. № 167.

Штерн Э.Р., 1906. Феодосия и ея керамика // Музей Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса. Вып. 3.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Blake H., 1972. La ceramica medievale spagnola e la Liguria // Atti V Convegno Internazionale della ceramica di Albisola. Genova.

Dimand M.S., 1958. A handbook of Muhammadan Art. New-York.

Dygardin A.M.M., 1974. Fragments de ceramique hispano-moresque trouves en Belgique // Atti VII Convegno Internazionale della ceramica di Albisola. Genova.

Frothingham A.W., 1951. Lustreware of Spain. New-York.

Lane A., 1946. Early Hispano-Moresque pottery // The Burlington Magazine. V. 88. London.

Lane A., 1957. Hispano-Moresque Pottery // Victoria and Albert Museum. Small picture book. № 40. London.

Llubia L.M., 1967. Ceramica medieval española. Barcelona.

Mannoni T., 1972. Analisi mineralogiche e technologiche delle ceramiche medievali // Atti V Convegno Internazionale della ceramica di Albisola. Genova.

Platt C., Coleman-Smith R., 1975. Excavations in Medieval Southampton 1953—1969. V. 2. Leicester.

Pringle D., 1977. La ceramica dell'area Sud del Convento di San Silvestro a Genova // Archeologia Medievale. V. IV. Genova.

Schnyder R., 1961. Die Keramic von Paterna und Hispano-Mauresken Fayencen des vierrehten Jahrhunderts // Ars Orientalis. V. 4. Washington.

Van de Put A., 1927. Hispano-Moresque Pottery // Spanish Art. Burlington Magazine Monograph. V. II. London.

Центр археологических
исследований УГК ОИП,
Москва

V.J. KOVAL

THE SPANISH LUSTRE CERAMICS IN MOSCOW

Summary

The article deals with four parts of three bowls found during the archaeological excavations at the end of the 50s-beginning of the 60s in Moscow Kremlin and Zarjadje (Kitai-gorod, a trade district of Moscow). They were made of red, pink and pink-white coloured clay with partly transparent glaze on both sides (the red coloured bowls had also a white slip under the glaze), with the blue paintings on the non-fired glaze and overpainted with the blue lustre. It was considered that this type of ceramics had been imported from Iran. But the contents of the clay paste as well as the specific ornaments with such typical elements as the diagonal strokes on the outer space and a rosette on the low part of the bottom inside the ring underbottom painted with lustre testify to the fact that these bowls belong to the lustre ceramics of the Moresque Spain, so-called "Hispano-Moresque" ceramics of the 2nd half of the 14th—1st half of the 15th cent. This type of ceramics was found in Genoa, in many west-european countries and in the northern Pontic area, in the towns of Moncastro (the city of Belgorod on the Dnestr river) and Caffa (the city of Feodosia in the Crimea). It proves the fact that this ceramics were imported by the Genoese merchants to the Northern Pontic area.

П.Г. ГАЙДУКОВ

КЛАД МОНЕТ ИВАНА IV В СОБРАНИИ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ

Монетный клад, т.е. комплекс монет, одновременно вышедших из денежного обращения и сохранивший неизменным свою структуру, по определению нумизматов, — это моментальный снимок с денежного обращения того или иного периода. Монетные клады — основные нумизматические источники, на основе которых прослеживаются процессы товарно-денежных отношений, важные стороны экономической и хозяйственной жизни ушедших в прошлое государств. Вместе с тем общеизвестно, что кладовые комплексы редко доходят до исследователя в полном составе. Зачастую от клада сохраняется бóльшая или меньшая его часть, а иногда всего лишь несколько монет. Несмотря на это, принято считать, что эти части кладов остаются первоклассными нумизматическими источниками, нередко единственными для характеристики товарно-денежных отношений той или иной эпохи.

Вопрос о соотношении целого клада и его части никогда специально не рассматривался отечественными нумизматами, хотя данные, полученные по материалам кладов, сохранившихся не полностью, активно привлекаются для научных построений. Лишь Н.П. Бауэр, говоря о том, что клады в руки нумизматов попадают редко в полном составе, высказал мысль, что в части клада «случай сохранит вероятнее всего основное процентное содержание» (Бауэр Н.П., 1927, с. 316, примечание). Учитывая несомненную важность затронутой темы для нумизматики, при работе с целиком сохранившимся кладом русских монет середины XVI в. мной была предпринята попытка изучить в виде эксперимента состав нескольких его частей, а затем сравнить полученные результаты как друг с другом, так и с составом всего клада.

Летом 1981 г. при земляных работах в Запсковье (район г. Пскова) был найден клад монет[1]. Первоначально в Псковский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник от рабочих, нашедших клад, поступило 12 серебряных монет. Позже находчики передали в музей глиняную, покрытую зеленой поливкой кубышку с крышкой (рис. 1—3). В кубышке оказалось 802 серебряных монет. О первых 12 монетах находчики сообщили, что собрали их отдельно от кубышки в извлеченной землеройной машиной рыхлой земле. Кубышка в горловой части имеет небольшой свежий слом и, действительно, часть монет при извлечении клада на поверхность земли могла высыпаться из сосуда. В таком случае рабочие могли собрать не все высыпавшиеся из кубышки монеты, и таким образом, клад дошел до музея не полностью. С другой стороны, рабочие могли найти кубышку, лишь слегка испорченную землеройной машиной и содержащую клад целиком. После этого, чтобы определить размер вознаграждения за свою находку, они отнесли 12 монет сотрудникам музея и после разговора с ними, уверившись в оплате, доставили в музей кубышку с монетами. Если

[1] Клад был исследован автором в начале 1982 г. Осенью 1982 г. в Таллине на Региональной конференции молодых археологов «Прибалтика и ее соседи в период раннего средневековья» об этом кладе был прочитан доклад. Устроители конференции в течение нескольких лет пытались издать по материалам конференции сборник статей. Однако он так и не вышел в свет. Не были изданы также и тезисы докладов конференции. С некоторыми исправлениями и дополнениями работа публикуется спустя более 10 лет после ее написания. В 1991 г. клад был упомянут в общем кратком обзоре кладов Псковского музея (Григорьева А.С., 1991, с. 18).

© П.Г. Гайдуков, 1996 г.

Рис. 1. Кубышка от клада. Вид сбоку

Рис. 2. Кубышка от клада. Вид сверху

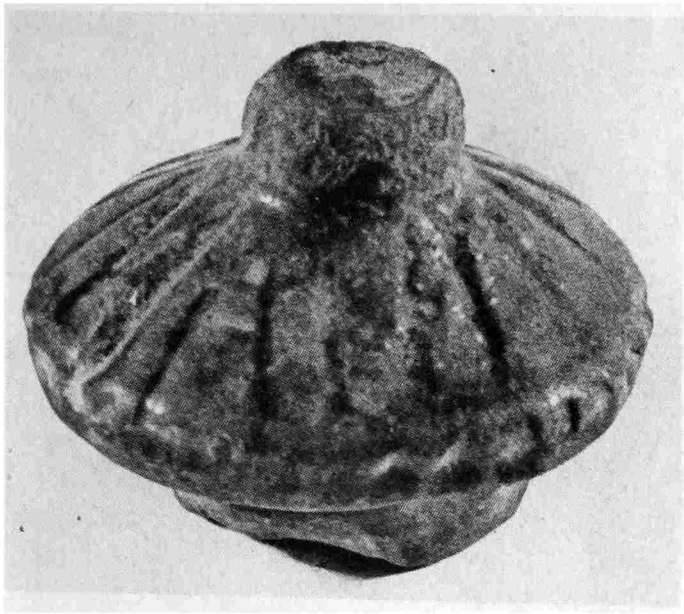


Рис. 3. Крышка кубышки

принять вторую версию, то все равно остается вероятность того, что клад сохранился не целиком, так как находчики могли часть монет оставить себе «на память».

При приеме клада на хранение музейные сотрудники произвольно разделили монеты на четыре части: 122, 140, 180 и 360 монет. Кроме того, первоначально поступившие в музей 12 монет получили свой инвентаризационный номер и хранятся отдельно. Таким образом, в виде пяти частей клад и предстал для изучения.

Привожу общий состав клада (табл. 1):

В.к. Василий III (1505—1533 гг.):
псковские денги (рис. 4, *1*—*5*) ..... 5 экз.
В.к. и ц. Иван IV (1533—1584 гг.):
мечевая великокняжеская копейка с буквами ПСК на о.с. (после 1535 г.; рис. 4, *6*) ..... 156 экз.
безымянная великокняжеская копейка без букв (1535—1538 гг.; рис. 4, *7*) ..... 28 экз.
безымянная великокняжеская копейка с буквой А (1535—1547 гг.; рис. 4, *8*) ..... 287 экз.
именная великокняжеская копейка с буквами ФС (1538—1547 гг.; рис. 4, *9*) ..... 6 экз.
именная царская копейка с буквами ПС (1547—1550-е гг.; рис. 4, *10*) ..... 316 экз.
именная царская копейка с буквами IBA (1547—1550-е гг.; рис. 4, *11*) ..... 5 экз.
именная царская копейка с буквами АЛ (1555—1560-е гг.; рис. 4, *12*) ..... 11 экз.

Общий вес 814 монет клада 536,89 г, проба 875. Музейный № 12188.

Клад почти полностью состоит из копеек времени правления Ивана IV. Кроме монет Ивана IV в состав клада входят пять псковских денег Василия III, которые следует датировать 1510—1533 гг. В 30-х годах XVI в. в Московском государстве была проведена денежная реформа, по которой наряду с учреждением новой монеты было объявлено о запрещении обращения и изъятии любых старых денег. Поэтому в пореформенных кладах русских монет XVI в. встречаются лишь единичные экземпляры монет дореформенной чеканки. Вся масса копеек Ивана IV распадается на семь типов, в большем или меньшем количестве присутствующих в кладе (табл. 2).

При сравнении составов четырех крупных частей клада (122, 140, 180 и 360 монет) друг с другом выяснилось, что во всех них монеты распределены почти одинаково (табл. 1). Каждая из частей содержит все типы копеек Ивана IV (за исключением групп в 122 и 360 монет, лишенных копеек с буквами IBA, а также псковские денги Василия III. Очень интересно распределились три типа копеек, которые составляют основную часть клада (мечевые копейки, копейки с буквами А и ПС). Их процентное

Таблица 1

Количественное и процентное соотношение типов монет клада

Количество монет, %	Великий князь Василий III (1505—1533), псковские денги, %	Великий князь и царь Иван Васильевич (1533—1584), копейки, %						
		мечевая копейка	без букв	с буквой А	с буквами ФС	с буквами ПС	с буквами IBA	с буквами АЛ
122—14,99	1—0,82	25—20,49	4—3,28	42—34,43	1—0,82	47—38,52	—	2—1,64
140—17,20	1—0,71	27—19,29	4—2,86	48—34,29	1—0,71	54—38,57	2—1,43	1—0,71
180—22,11	1—0,56	31—17,22	9—5,0	58—32,22	3—1,67	75—41,67	2—1,11	1—0,56
360—44,22	2—0,56	70—19,44	11—3,06	135—37,5	1—0,28	137—37,5	—	6—1,67
12—1,47	—	1—8,33	—	4—33,33	—	5—41,67	1—8,33	1—8,33
814—100	5—0,61	156—19,16	28—3,44	287—35,26	6—0,74	316—38,82	5—0,61	11—1,35

Таблица 2

Состав и вес монет клада

Правитель	Тип монеты	Число монет	Вес, г	Литература
Василий III (1505—1533)	Псковская денга, под конем буква Ф	2	0,67(обрезана)—0,75	Орешников, 1896, с. 20, № 89, рис. 32
	Псковская денга, под конем буква Ж	2	0,77—0,78	Орешников, 1896, с. 19, № 83, рис. 28
	Псковская денга, буква под конем не различима	1	0,76	?
Иван IV (1533—1586)	Мечевая великокняжеская копейка с буквами ПСК на о.с.	156	0,51—0,62(4)—0,63(8)—0,64(12)—0,65(43)—0,66(52)—0,67(19)—0,68(9)—0,69(6)—0,73(2)	Мельникова, 1980, табл. V, 1—1
	Безымянная великокняжеская копейка без букв	28	0,61—0,63—0,64(6)—0,65(6)—0,66(5)—0,67(6)—0,68—0,69—0,71	Мельникова, 1980, табл. VII, *7—14*
	Безымянная великокняжеская копейка с буквой А	287	0,56—0,61(3)—0,62(10)—0,63(21)—0,64(30)—0,65(57)—0,66(78)—0,67(37)—0,68(24)—0,69(8)—0,70(7)—0,71(3)—0,72(3)—0,73(2)—0,74—0,76—0,78	Мельникова, 1980, табл. VI, *8—15*
	Именная великокняжеская копейка с буквами ФС	6	0,64—0,65(2)—0,66(2)—0,67	Мельникова, 1980, табл. VII, *13—20*
	Именная царская копейка с буквами ПС	316	0,54—0,56—0,60—0,61(2)—0,62—0,63(5)—0,64(23)—0,65(65)—0,66(101)—0,67(74)—0,68(29)—0,69(10)—0,70(2)—0,72	Мельникова, 1980, табл. VII, *20—28*
	Именная царская копейка с буквами IBA	5	0,67—0,68—0,69(2)—0,72	Мельникова, 1980, табл. VI, *18—26*
	Именная царская копейка с буквами АЛ	11	0,62(2)—0,65(2)—0,66(3)—0,67(2)—0,68(2)	Мельникова, 1980, табл. VII, *21—29*

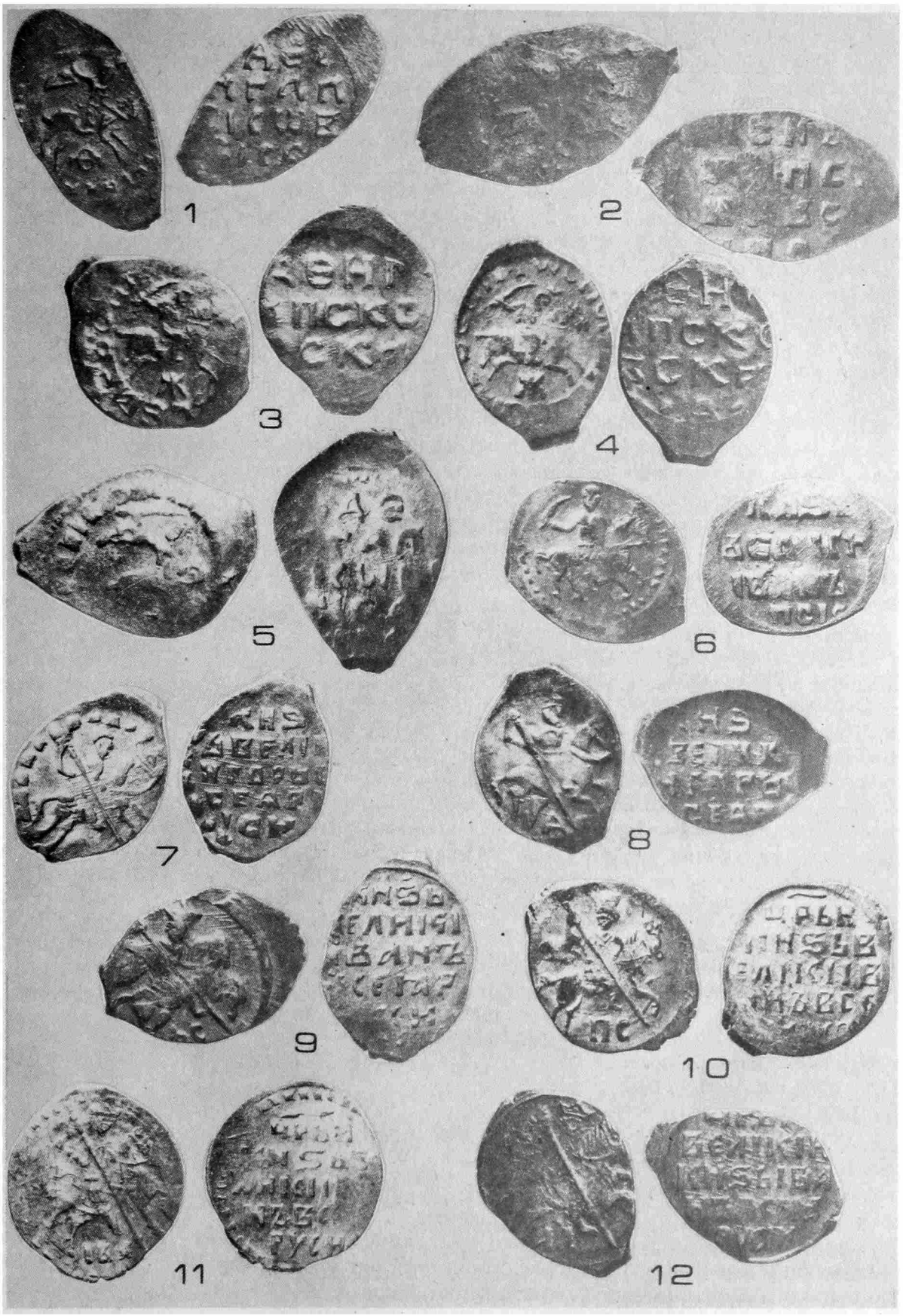


Рис. 4. Монеты псковского клада. Увел. в 2 раза

отношение в разных частях очень близко (мечевые копейки — 20,49; 19,29; 17,22 и 19,44%; копейки с буквой А — 34,43; 34,29; 32,22 и 37,5%; копейки с буквами ПС — 38,52; 38,57; 41,67 и 37,5%). Менее показательно соотношение типов монет, представленных в кладе в незначительном количестве. Это и закономерно, так как меньшее количество монет одного типа имеет меньшую вероятность равномерного распределения в разных частях. Вместе с тем монеты Василия III равномерно распределились по всем четырем частям.

Сравнение отдельных частей клада с целым кладом также показывает их близость. Это также вполне объяснимо, так как общая сумма близких частей всегда будет похожа на каждую часть в отдельности.

Рассмотрим пятую, самую маленькую часть клада. Она содержит три, наиболее многочисленных в кладе, типа копеек, причем процентное соотношение копеек с буквами А и ПС (33,33 и 41,67%) близко к процентному отношению этих же копеек в других частях клада. Это наблюдение перекликается с выводом А.В. Фомина, проделавшего большую работу по анализу состава кладов арабских монет IX—X вв. Исследователь пишет: «Весьма показательным оказывается сравнение пиков (графиков хронологического распределения. — *П.Г.*) в тех случаях, когда от клада сохранилось около десятка монет. Опыт показывает, что при небольших выборках кладовый комплекс сохраняет, как правило, самые распространенные в количественном отношении хронологические типы дирхемов» (Фомин А.В., 1982, с. 11, 12). Кроме перечисленных типов копеек в состав пятой части клада входит копейка с буквами IBA и копейка с буквами АЛ. Последняя монета в этой части клада очень важна, так как это наиболее поздний по времени тип копейки и по ней определяется время зарытия клада.

Сравнение весовых данных трех наиболее многочисленных типов копеек показывает практически полное совпадение пиков графиков весовых диаграмм по всем четырем частям клада. Это вес 0,66 г.

Таким образом, в результате анализа и сравнения различных частей одного и того же клада, а также целого клада и его части можно сделать несколько предварительных выводов: 1) часть клада отражает структуру и процентное содержание разных типов монет всего клада; 2) по части можно датировать сокрытие клада; 3) состав маленькой части содержит лишь наиболее многочисленные типы монет клада, малочисленные типы монет попадают в подобные выборки с меньшей долей вероятности и не отражают структуру целого клада; 4) часть клада полностью свидетельствует о метрологических особенностях наиболее многочисленных типов монет комплекса.

На материалах одного клада можно лишь поставить и наметить ряд вопросов, касающихся соотношения целого клада и его части. Для того чтобы выявить закономерности в наметившихся вопросах, необходимо по предложенной методике обработать целую серию кладов русских монет XVI—XVII вв. и сравнить полученные результаты.

Обращаясь к нумизматическому анализу состава клада, мы привлекаем данные фундаментального исследования русских монет XVI—XVII вв., предпринятого А.С. Мельниковой.

Первой по времени чеканки следует назвать мечевую копейку с надписью «КНЗЬ/ВЕЛІКИ/ІВАНЪ/ПСК». А.С. Мельникова отнесла начало выпуска этих копеек к 1535 г. и рассматривает их как продукцию Московского денежного двора (Мельникова А.С., 1980, с. 88, табл. I; с. 104, 105; табл. V, *1—1*; Мельникова А.С., 1989, с. 22, 23)[2].

Следующими в хронологическом ряду копеек клада стоят так называемые безымянные копейки (в легенде о.с. этих монет нет имени Ивана IV): с буквой А под ногами коня и без буквенных обозначений. Первые из них исследователь, на осно-

[2] И.Г. Спасский относил мечевые копейки к Псковскому денежному двору (Спасский И.Г., 1955, с. 302, табл. 1, *в*).

вании анализа многочисленных кладов Ивана IV из различных ареалов Московского государства, отнесла к деятельности Псковского денежного двора, вторую — условно к Новгородскому денежному двору. Датируются безымянные копейки соответственно 1535—1547 и 1535—1538 гг. (Мельникова А.С., 1980, с. 106, 107; табл. VI, *8—15*; табл. VII, *7—14*). Последним типом княжеских копеек в кладе являются именные копейки с буквами ФС под конем. А.С. Мельникова датирует копейки этого типа 1538—1547 гг. и относит их изготовление к Новгороду (Мельникова А.С., 1980, с. 108, 109; табл. VII, *13—20*).

Копеек с царским титулом, т.е. чеканенных после 1547 г., в кладе три типа: с буквами ПС, IBA и АЛ. Первые два типа копеек датируются 1547—1550-ми годами, начало чеканки последнего относится к середине 1555-х годов (Мельникова А.С., 1980, с. 109; табл. VI, *18—26*; табл. VII, *20—28, 21–29*). Копейки с буквами ПС под конем А.С. Мельникова на основе данных кладовых комплексов считает продукцией Новгородского денежного двора (Мельникова А.С., 1980, с. 109, 110). В исследовании И.Г. Спасского копейки этого типа, на основе толкования букв ПС как знака денежного двора, отнесены к Пскову (Спасский И.Г., 1955, с. 308, 309). Псковскими их считает и В.Л. Янин (Янин В.Л., 1960, с. 146). Копейки с буквами IBA под конем отнесены А.С. Мельниковой к Псковскому, а с буквами АЛ — к Новгородскому денежному двору (Мельникова А.С., 1980, с. 110—113).

Копейки с буквами АЛ являются последними по времени чеканки в кладе. Поскольку их немного (1,35%), то можно заключить, что сокровище захоронено в то время, когда чеканка копеек с буквами АЛ только началась, т.е. в конце 1550-х годов. Следует заметить, что сохранность монет в кладе хорошая. Особенно хорошей сохранностью отличаются копейки с буквами А, ПС, а также мечевые копейки.

А.С. Мельникова, проделавшая громадную работу в изучении кладовых комплексов XVI—XVII вв., пришла к следующему важному наблюдению. «Состав и структура кладов, — пишет исследователь, — всегда заметно варьируется в зависимости от места находки клада. Монетные комплексы, найденные поблизости от центров чеканки, неизменно обнаруживают преобладание монет ближайшего денежного двора. Эта закономерность прослеживается на материале русских кладов XVI—XVII вв. с удивительным постоянством» (Мельникова А.С., 1981, с. 257). В издаваемом кладе обращает на себя внимание то, что три типа копеек (мечевая, с буквами А и ПС) составляют 93,24% его состава. Из них лишь копейка с буквой А отнесена А.С. Мельниковой к Псковскому монетному двору. Данные клада лишний раз подтверждают это (в комплексе 35,26% монет с буквой А).

Копеек с буквами ПС в кладе 38,82%. Как их количество, так и очень хорошая сохранность свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что копейки этого типа к продукции Новгородского денежного двора отнесены преждевременно. Средние показатели копеек этого типа по новгородскому ареалу составляют, правда, 11,72%, а по псковскому — 8,92% (Мельникова А.С., 1980, с. 109, табл. 9). Эта разница не столь велика. Рассматривая, например, процентное содержание безымянной копейки без букв в кладах различных ареалов и несмотря на преобладание этих монет в московских кладах, А.С. Мельникова все-таки отнесла их к Новгородскому денежному двору (соотношение 8,62 и 6,19% — Мельникова А.С., 1980, с. 107). Если включить копейки этого типа из рассматриваемого клада в псковский ареал таблицы, составленной А.С. Мельниковой для копеек с буквами ПС (Мельникова А.С., 1980, с. 109, табл. 9), то средний показатель по этому ареалу увеличится до 11,91% и превысит средний показатель новгородского ареала. Не согласен с новгородским происхождением копеек с буквами ПС и А.Н. Живов, который разработал специальную методику определения мест чеканки копеек Ивана IV, основанную на математико-статистическом анализе. По подсчетам А.Н. Живова, такую копейку следует относить к Пскову (Живов А.Н., 1992, с. 164, 166).

Чеканку мечевых копеек А.С. Мельникова однозначно связывает с Москвой, обосновывая это составом московских кладов, где их значительно больше, чем

в кладах других регионов. Однако не все исследователи согласны с этим. В.Л. Янин на основе анализа летописных известий и состава ранних кладов монет Ивана IV отнес чеканку денги в весе копейки к Новгороду и датировал 1535—1537 гг. (Янин В.Л., 1982, с. 73—76). А.Н. Живов также считает эти монеты продукцией Новгородского денежного двора (Живов А.Н., 1992, с. 165). Таким образом, в определении места изготовления этих копеек нет единого мнения. Материалы издаваемого клада, в котором мечевых копеек содержится 19,16%, свидетельствуют, на мой взгляд, скорее об их Новгородском происхождении, чем о московском.

Итак, состав псковского клада 1981 г. позволяет поставить вопрос о правильности отнесения мечевых копеек к Москве и о псковском происхождении копеек с буквами ПС. Однако более однозначное решение вопроса о месте чеканки этих типов монет Ивана IV будет возможно только при дальнейшем накоплении кладовых комплексов.

Остальные типы монет в кладе немногочисленны, и говорить об их принадлежности к какому-нибудь денежному двору на основе этого комплекса невозможно. Обращает на себя внимание полное отсутствие копеек с буквами ГР под конем и денег, часто присутствующих в кладах монет Ивана IV, датированных 1550-ми годами (Мельникова А.С., 1980, прилож. I, клады № 10—16).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауэр Н.П., 1927. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // ИГАИМК. Т. V. Л.

Григорьева А.С., 1991. Клады русских монет в собрании Псковского музея-заповедника // Земля Псковская, древняя и современная: Тез. докл. к науч.-практ. конф. Псков.

Живов А.Н., 1992. Об определении мест чеканки копеек Ивана IV // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.

Мельникова А.С., 1980. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533—1598) // НЭ. Т. XIII.

Мельникова А.С., 1981. Из истории новгородского чекана в XVI в. // ВИД. Т. XII.

Мельникова А.С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 до 1682 г. М.

Орешников А.В., 1896. Русские монеты до 1547 г. М.

Спасский И.Г., 1955. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 до 1617 г. // МИА. № 44.

Фомин А.В., 1982. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX—X веков: По материалам Восточной Европы. Автореф. дисс.... к.и.н. М.

Янин В.Л., 1960. Монетные клады Новгородского музея // НЭ. Т. II.

Янин В.Л., 1982. Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации. М.

Институт археологии РАН,
Москва

P.G. GAIDUKOV

THE HOARD OF IVAN THE TERRIBLE'S COINS IN THE COLLECTION OF PSKOV'S MUSEUM

Summary

The hoard containing 814 coins of Ivan the Terrible was discovered during the earth works in Zapskovje ("beyond Pskov"), a Pskov's district, in 1981. The hoard was in a clay vessel "kubyshka" covered with a green glaze. The article deals with the types of the coins and their detailed description. The author thinks it is possible that the copecks and the coins with "ПС" letters were of Pskov's origin. The other types are represented by a small number of coins that makes it difficult to find out the definite mint where they were produced. Using the hoard as a pattern the author analyses the methodical principles of the work with the Russian hoards of the 16—17th cent. including the question of if it's right to judge a hoard analyzing the only survived part of it.

А.Р. АРТЕМЬЕВ

ОСТАНКИ НЕПОГРЕБЕННЫХ ЗАЩИТНИКОВ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА

Летом 1991 г. в ходе полевых работ Амурского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН на территории Албазинского острога в с. Албазино Сковородинского р-на Амурской обл. нами было обнаружено скопление человеческих костей, первоначально принятое за братскую могилу. В 1992 г. объект был исследован, и выяснилось, что это не коллективное захоронение, а полуземлянка с останками 57 героических защитников крепости, павших при ее обороне от маньчжуров в 1686—1687 гг.

В отечественной литературе основание Албазинского острога зачастую связывают с именем известного землепроходца Е.П. Хабарова (Алексеев А.И., 1971, с. 215; Беспрозванных Е.Л., 1983, с. 25; Алексеев А.И., Мелихов Г.В., 1984, с. 70; Александров В.А., 1984, с. 25). В действительности осенью 1650 г. отряд Хабарова попросту занял покинутый жителями городок даурского князя Албазы на Верхнем Амуре, где участники экспедиции перезимовали (Сафронов Ф.Г., 1983, с. 51, Леонтьева Т.А., 1991, с. 62). Покидая городок в начале июня 1652 г., Хабаров приказал его сжечь (Полевой Б.П., 1991, с. 33), после чего он фигурировал в источниках как «городище» (Дополнения к Актам..., 1851, с. 260).

Новый, подлинно русский этап в истории Албазина начался в 1665—1666 гг., когда на Верхний Амур переселилась группа из 84 казаков во главе с Н.Р. Черниговским. Эти казаки убили на Лене в устье р. Киренги илимского воеводу Л.А. Обухова «... за невозможное свое терпение, что он, Лаврентей, приезжая к ним в Усть-Киренскую волость, жен их насильничал, а животы их вымучивал» и вынуждены были бежать от расправы. Они поставили на берегу Амура острог и взяли на себя функции сбора ясака с местного населения. Принято считать, что казаки возвели Албазин на месте даурского городка, но археологических свидетельств этому нет. Царская администрация заочно приговорила Черниговского с 17 товарищами к смертной казни. Однако албазинцы настолько преуспели в сборе ясака, который они исправно переправляли через Нерчинск в Москву, что в 1672 г. по настоянию сибирских властей были прощены (Дополнения к Актам..., 1862, с. 275, 276).

В 1674 г. Н.Р. Черниговский сдал острог под начало присланного из Нерчинска приказчика С.М. Вешнякова, а в 1682 г. Албазин стал центром самостоятельного уезда. К этому времени в Приамурье успешно развивалось пашенное земледелие. От слияния рек Шилки и Аргуни вниз по Амуру до устья р. Зеи и по ее берегам там возникло более 20 русских поселений — острожков, зимовий, слобод и деревень (Александров В.А., 1984, с. 43—49; Артемьев А.Р., 1994, с. 44, 45).

В 1670, 1685 и 1686—1687 гг. Албазинский острог трижды осаждали войска маньчжурского Китая. Первая из этих осад закончилась для жителей острога успешно (Русско-китайские отношения..., 1969, с. 281). Во время второй осады крепости 450 ее защитников при трех пушках противостояли 10 тыс, маньчжуров с 200 пушками. С большим трудом, потеряв более 100 человек, албазинцы отбили первый штурм, но вскоре вынуждены были капитулировать (Дополнения к Актам..., 1872, с. 110; Русско-китайские отношения..., 1972, с. 692). Причинами быстрого падения крепости были более чем очевидное превосходство маньчжуров в вооружении и тыновые стены

© А.Р. Артемьев, 1996 г.

крепости, которые оказались не в состоянии противостоять пушечному бою (Артемьев А.Р., 1993а, с. 131, 132).

Сожженную маньчжурами крепость восстановили осенью того же года под руководством воеводы А.Л. Толбузина. Она была дерево-земляной и имела конструкцию китай-города. В июне 1686 г. ее строительство было в основном закончено, и только башни крепости покрыть не удалось, потому что 7 июля (по китайским источникам 8 июля) маньчжуры снова осадили крепость. Новая осада крепости продолжалась пять месяцев. В ходе нее 826 албазинцев успешно отражали атаки 6500 воинов противника. Маньчжуры окружили русские укрепления земляным валом, а севернее острога возвели раскат высотой 15 м, с которого беспрерывно обстреливали город из пушек под руководством 20 голландцев-иезуитов. С южной стороны они пытались построить башню для тех же целей, но албазинцы первую из них сожгли, а вторую разрушили подкопом. Ответные подкопы маньчжуров под город успеха не имели. Пять раз албазинцы совершали смелые вылазки из осажденной крепости, особенно значительной из которых была последняя, совершенная 16 августа, когда они пытались уничтожить северную батарею противника. На пятый день осады воевода А.Л. Толбузин был смертельно ранен в ногу ядром, залетевшим в бойницу башни, из которой он наблюдал за противником, и командование острогом принял казачий голова А.И. Бейтон (Дополнения к Актам..., 1867, с. 253, 259, 265; Русско-китайские отношения..., 1972, с. 83, 162, 163, 195, 693, 771).

30 ноября 1686 г. маньчжурские воеводы получили распоряжение императора о снятии осады. Формальным поводом для этого послужил приезд в Пекин гонцов из Москвы с известием о выезде в Приамурье русского посольства во главе с окольничим Ф.А. Головиным для переговоров о мире. Однако не менее весомой причиной такого решения было тяжелое положение, в котором оказались осаждавшие Албазин войска. Оторванные от баз снабжения, они потеряли к декабрю 1686 г. на приступах, от голода и болезней более 1500 человек. Тем не менее выполнить приказ императора Сюань Е маньчжуры не смогли, поскольку лед уже сковал их суда, и фактически осада продолжалась, так как выходить русским из крепости они не давали. Только в мае 1687 г., когда сошел лед, маньчжуры отступили от города на четыре версты, но не уходили, чтобы помешать албазинцам посеять хлеб. К этому времени их потери составляли уже 2500 «воинских людей» и много «работных никанских мужиков» (Русско-китайские отношения..., 1972, с. 115, 117, 129, 157, 159, 163).

Положение осажденных албазинцев было намного трагичнее. В декабре их осталось всего 150 человек, из которых нести караульную службу могли лишь 30 мужчин и 15 подростков, другие ослабели от ран и цинги. Несмотря на это, А.И. Бейтон отказался впустить в крепость маньчжурских лекарей, ответив, «что в Албазине служилые люди милостию великого бога все здоровы». На Пасху он послал изумленным китайским воеводам пшеничный пирог весом в один пуд, который они «приняли с честию». К маю 1687 г. в Албазине остались в живых только 66 «осадных сидельцев». По-видимому, осенью 1686 г. умер и священник Воскресенской церкви Федор Иванов, и поэтому отпевать павших албазинцев стало некому. Весной А.И. Бейтон доложил об этом нерчинскому воеводе И.Е. Власову: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовьях поверх земли без отпеву до твоего разсмотрения. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хощу, чтоб, государь, в погрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами» (Русско-китайские отношения..., 1972, с. 123, 149, 150, 776). В это труднейшее для защитников Албазина время тяжелобольной Афанисий Иванович Бейтон написал, вспоминая погибшего А.Л. Толбузина, дивные строки: «Пили мы с покойным одну кровавую чашу с Алексеем Ларионовичом, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный, указал нам Господь земному богу служить и правду объявить и памятовать смертной час...» (Паршин В., 1844, с. 185). К сожалению, обстоя-

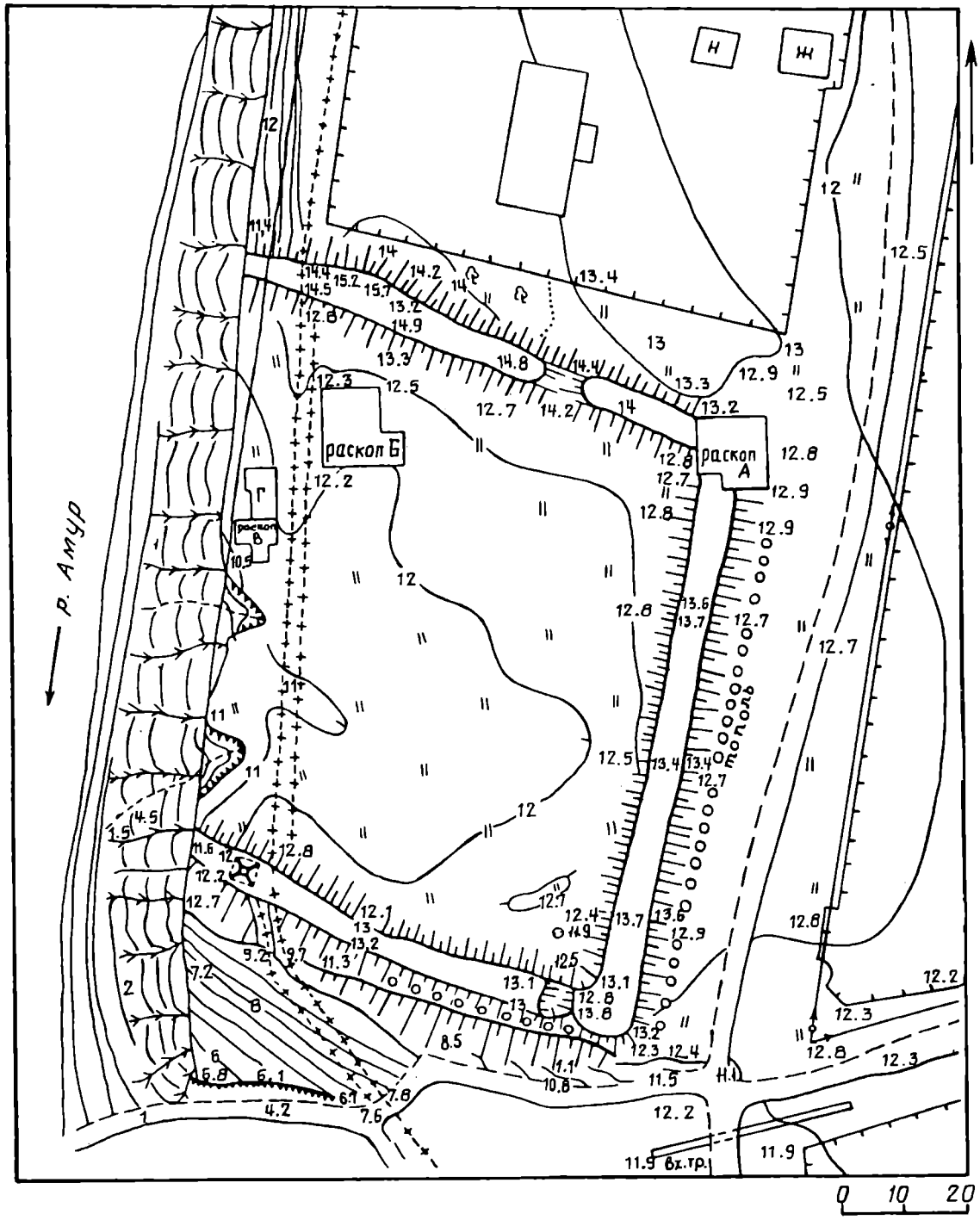


Рис. 1. Албазинский острог. План.
А — раскоп 1989—1990 гг.; *Б* — раскоп 1990—1991 гг.; *В* — раскоп 1991—1992 гг.; *Г* — раскоп 1993 г.

тельства так и не позволили этому глубоко верующему человеку похоронить павших албазинцев достойным образом возле церкви Воскресения Христова, где в остроге находилось кладбище.

29 августа 1689 г. в Нерчинске был подписан русско-китайский договор, по которому граница между двумя государствами проводилась по впадающей с севера в р. Шилку р. Горбица. Албазинский острог по нему оказывался за пределами русской территории и подлежал уничтожению, а его жители переселению. Правительство царевны Софьи решило поступиться Албазином и Приамурьем для заключения мирного договора с маньчжурским правительством Цинской империи, который, по их

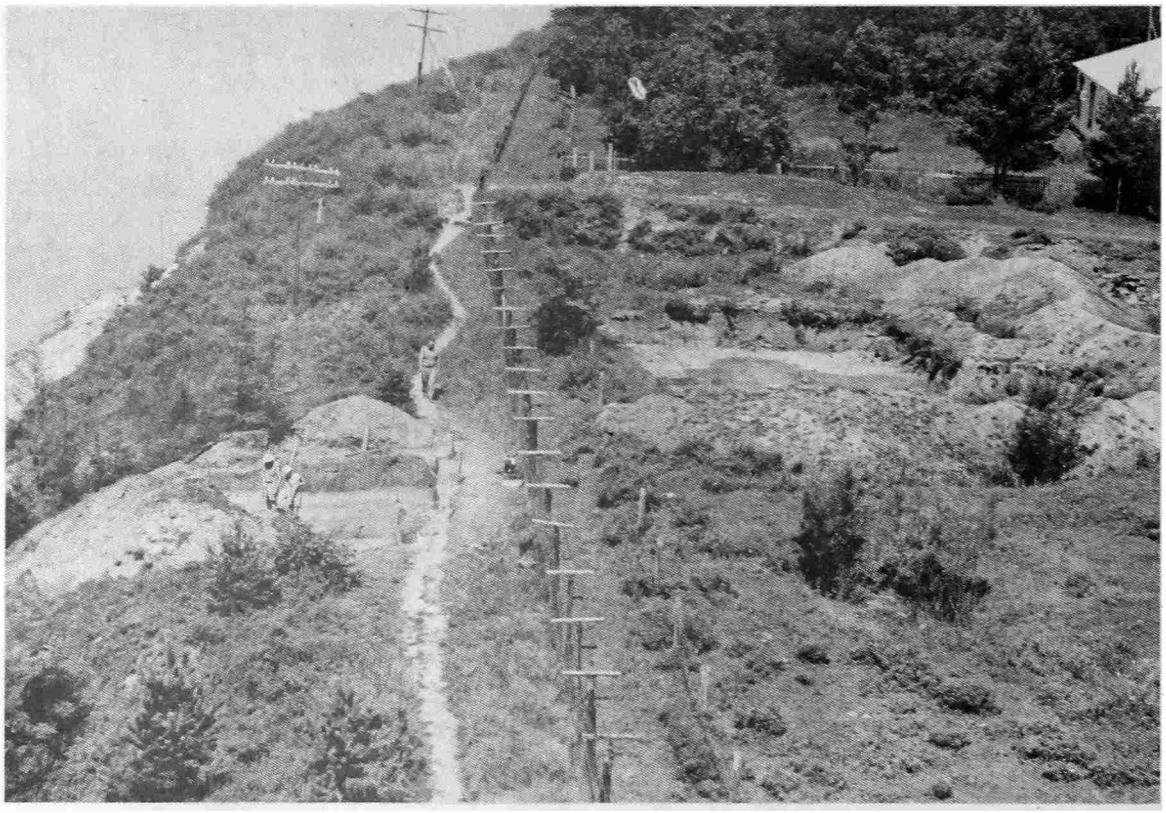


Рис. 2. Албазинский острог. Раскоп В 1991—1992 гг. в западной прибрежной части памятника. Вид с юга

мнению, должен был укрепить пошатнувшийся после провала крымских кампаний престиж партии регентши на международной арене и внутри страны (Мясников В.С., 1980, с. 250).

31 августа глава русского посольства Ф.А. Головин послал Афанасию Бейтону указ об оставлении и разорении Албазина, а 5 сентября маньчжурское посольство прибыло к Албазину. Служилые люди на глазах послов и воевод сожгли деревянные строения острога и раскопали вал. После этого они погрузились на предоставленные маньчжурами бусы (большие лодки) и отправились в Нерчинск (Русско-китайские отношения..., 1972, с. 605, 606, 612, 613, 696).

Албазинское городище расположено на мысу, ограниченном обрывистым берегом р. Амур с запада и неглубоким оврагом с юга. Валы острога, за исключением западного, уничтоженного рекой, хорошо сохранились и вместе с береговой линией образуют фигуру в виде параллелограмма площадью 0,8 га (рис. 1).

Первые стационарные археологические работы на территории Албазинского острога были проведены в 1874—1976 и 1979—1980 гг. отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. К сожалению, интереснейшие материалы, полученные тогда, так и не были опубликованы (Артемьев А.Р., 1993б, с. 95).

Летом 1989 г. исследования Албазина и его округи были начаты Амурским археологическим отрядом под руководством автора этой статьи. К настоящему времени нами изучены остатки северо-восточной угловой башни острога, вскрыты значительные участки в северо-западной и западной береговой частях крепости. Общая площадь исследованной территории острога составляет 440 м^2. Раскопки в прибрежной западной части острога, отгороженной, как везде в Приамурье, линией пограничных инженерно-технических сооружений, были разрешены нам в 1991 г. и сразу же принесли интересные результаты. Раскоп В площадью 36 м^2 был заложен на

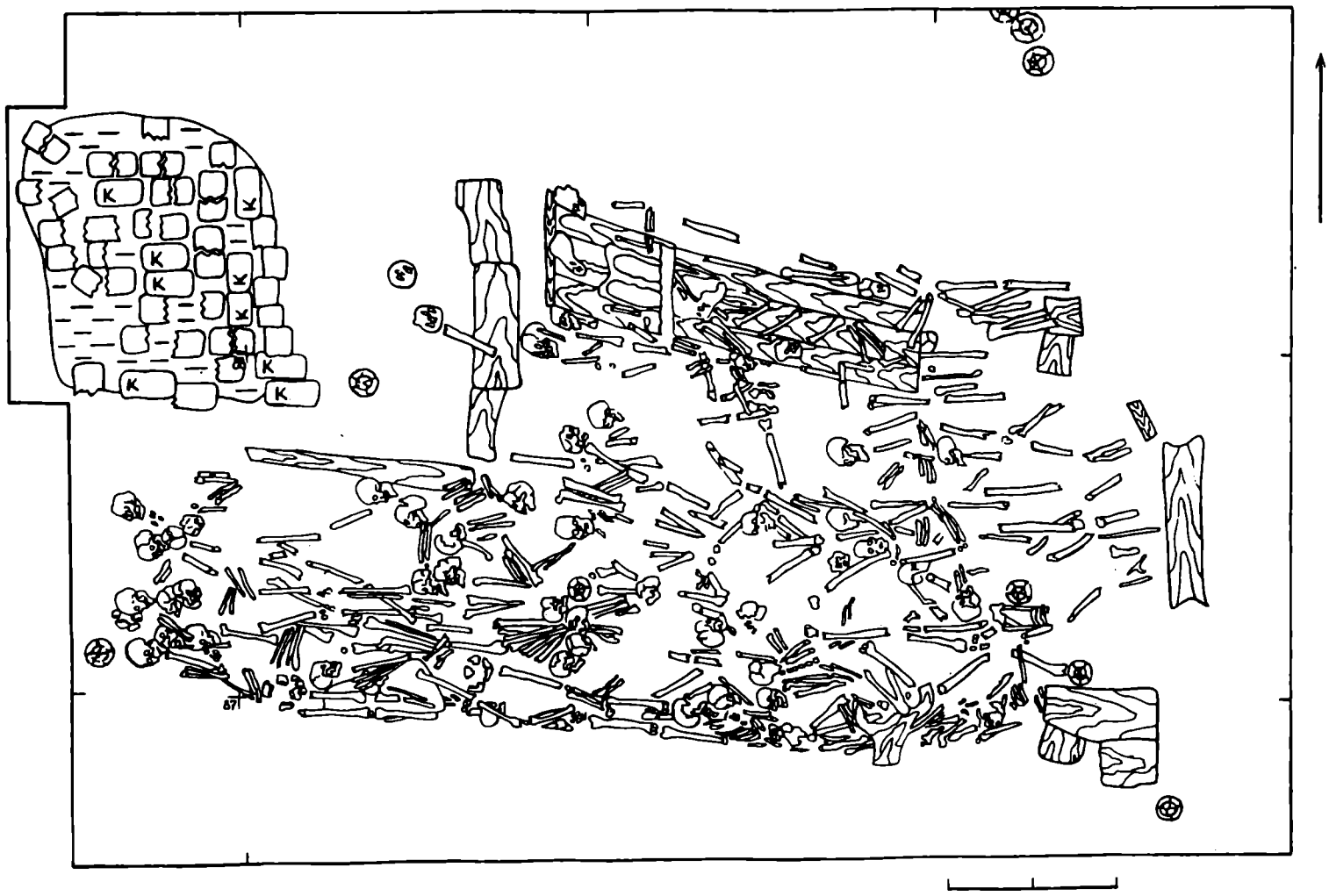


Рис. 3. Албазинский острог. Раскоп В. План полуземлянки с останками непогребенных защитников крепости

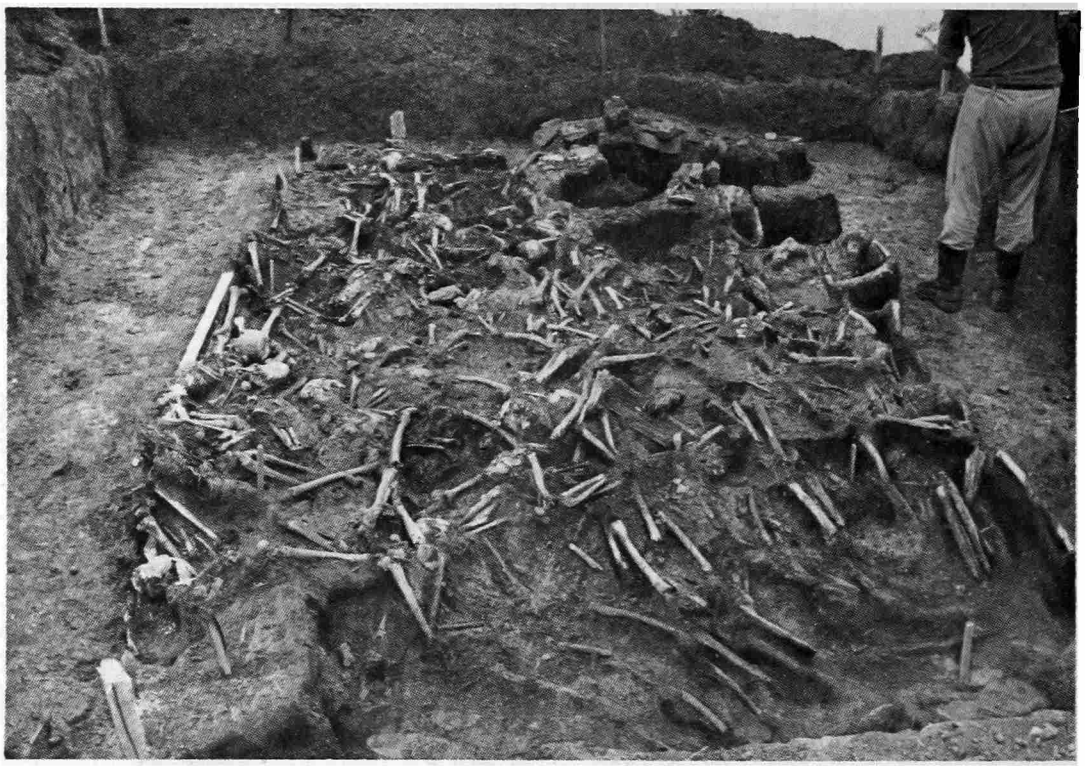


Рис. 4. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка с останками непогребенных защитников крепости. Вид с востока

обрывистом краю городища (рис. 2). Практически под дерном в северо-западном углу раскопа было расчищено пятно красной обожженной глины и несколько кирпичей, которые оказались остатками рухнувшего свода печи. После снятия 0,4 м слоя желто-серой глины контуры полуземлянки выявились совершенно отчетливо благодаря ее заполнению из темно-серой земли. Она имела размеры 6×3,5 м и была ориентирована краями почти строго по сторонам света с незначительным отклонением продольной стороны к оси северо-запад — юго-восток. В слое зафиксированы остатки нескольких плах от кровли полуземлянки. На глубине 0,5 м были обнаружены первые человеческие черепа и кости, которые ниже лежали сплошным слоем толщиной до 0,3 м. Человеческие скелеты заполняли всю землянку, за исключением небольшого пространства перед устьем печи, расположенной в ее северо-западном углу и занимавшей площадь 1,5×1,5 м (рис. 3,4). Несомненно, что тела первоначально были аккуратно уложены головами на запад. Однако затем они долго лежали открытыми, пока кровля полуземлянки не рухнула. За это время тела успели истлеть, кости скелетов перемешались между собой, а большинство черепов, отделившись от тел, скатились на более низкие участки поверхности пола. Всего, судя по количеству черепов, в помещении находилось 57 тел. Все они были положены одетыми. Об этом свидетельствуют находки 40 бронзовых пуговиц (рис. 5,*2,6—17*), а также фрагменты шерстяной вязаной ткани (рис. 6) и ткани с нашитыми на нее бусинами. Только один-единственный мужчина был положен в полуземлянку в гробу. Совершенно очевидно, что он был первым из тех, кто нашел здесь последний приют. Гроб был поставлен на полу у северной стены помещения и позже заложен сверху телами остальных погибших. Отсутствие гробов у других покойных объясняется крайним дефицитом дерева в осажденной крепости и истощением сил у ее защитников. Плохая сохранность черепов и тазовых костей скелетов не позволили нам произвести их точное половозрастное определение. Тем не менее несколько черепов были совершенно

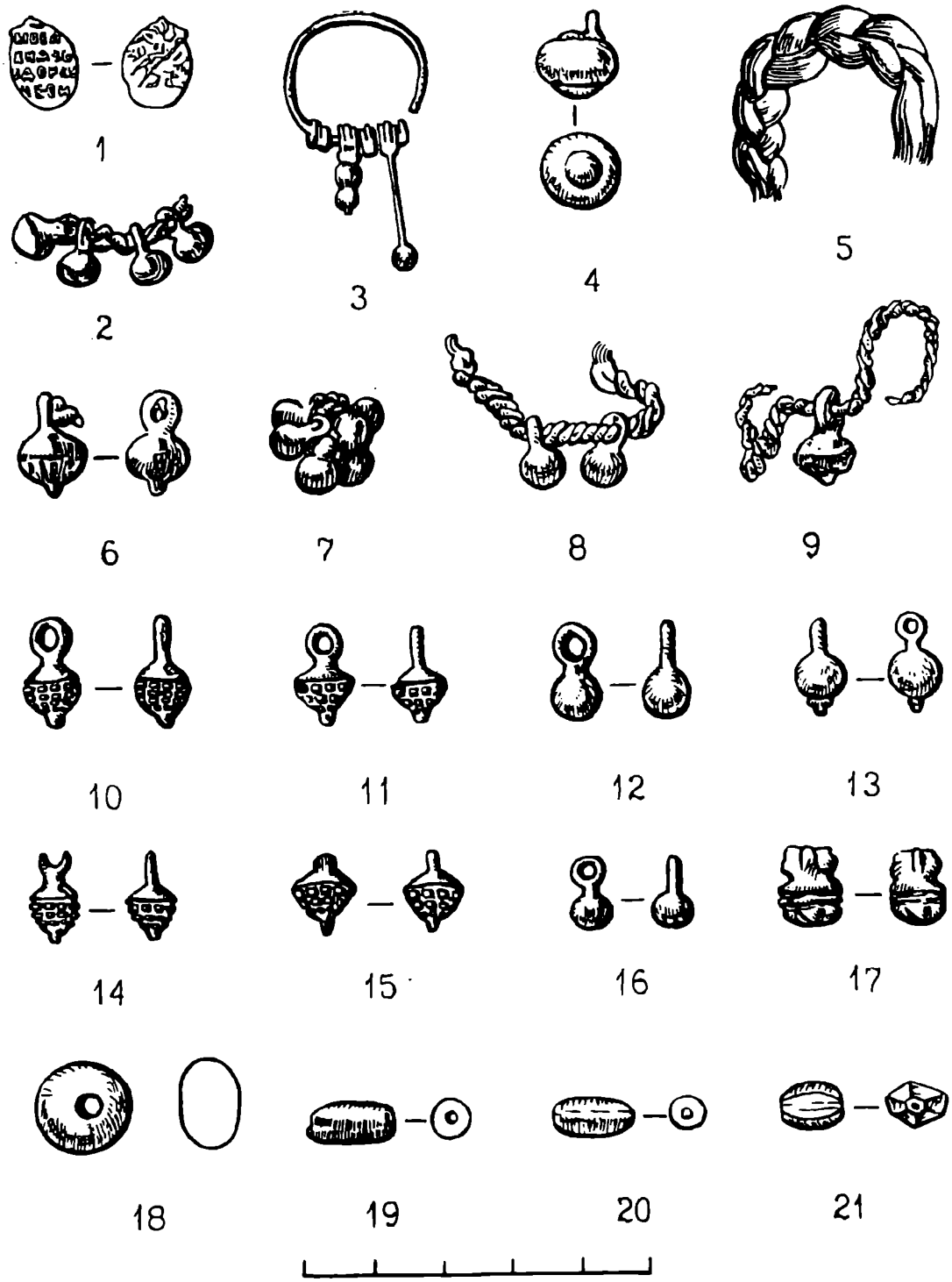


Рис. 5. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка. *1* — копейка 1680 г.; *2,6—17* — пуговицы; *3* — серьга; *4* — бусина от серьги; *5* — фрагмент косички; *18—21* — бусины; *1,3* — серебро; *4* — серебро, паста; *5* — волос; *2,6—17* — бронза; *18—21* — паста

очевидно детскими. Кроме того, среди погребенных было около 10 женщин, о чем свидетельствуют 18 единичных и серийных находок пастовых, стеклянных и сердоликовых бус в 8—9 различных местах, а также фрагменты косички из черных волос и серьги (рис. 5,*3—5,18—21*). Подавляющее большинство открытых тел принадлежало русским казакам. Однако среди женщин были представительницы местного даурского и эвенкийского населения, фиксируемые по упомянутой косичке и

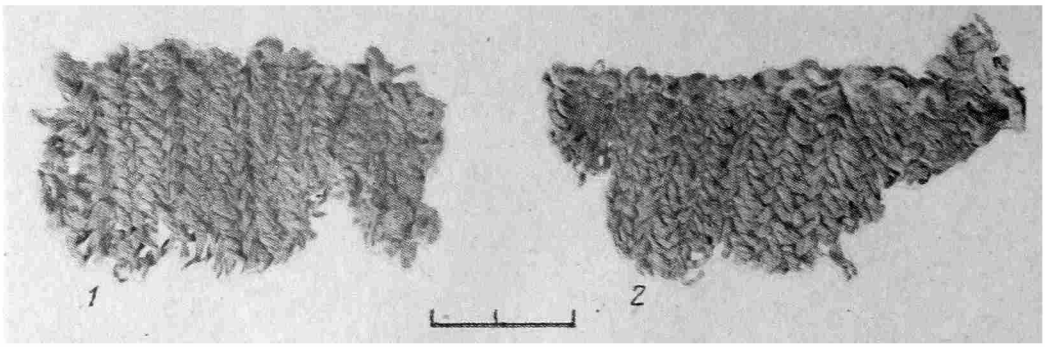


Рис. 6. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка. *1,2* — вязаная ткань (шерсть)

фрагменту ткани, обшитой одекуем. В телах двоих из обнаруженных в полуземлянке защитников крепости были найдены наконечники стрел (рис. 7,8), еще двое погибли от свинцовых пуль. Среди тел, лежавших в открытом нами помещении, были обнаружены три раздавленных упавшей кровлей горшка (рис. 8,*2,3*), по-видимому, с поминальной кутьей. Еще один горшок был найден стоявшим в устье топки печи (рис. 8,*1*). Помимо перечисленных предметов в полуземлянке были найдены: 25 нательных крестиков — 22 бронзовых (рис. 9,*1,3,4, 6—8, 10—16*) и 3 серебряных (рис. 9,*2,5,9*), 1 из которых, штучной работы, инкрустирован золотом (рис. 9,2); 40 бронзовых и оловянных пуговиц (рис. 5,*2,6—17*), 3 ножа, 1 из которых с бронзовыми и деревянными деталями рукояти и остатками ножен из дерева и кожи (рис. 7,*1*), а также бронзовое навершие рукояти ножа; два железных топора (рис. 7,*2*), багор (рис. 7, 6), острога (рис. 7,*7*), обломок стремени (рис. 7,*3*), пряжка, шомпол для ружья (рис. 7,*4*), 2 подковки для сапог (рис. 7,*5*), железное и бронзовое кольца от ремней, железная пряжка, кремень для ружья, два каменных грузила для сетей, обломок жернова, точильный камень, обрывок кожи со следами шва, фрагмент берестяного туеска и серебряная копейка царя Федора Алексеевича 1680 г. (рис. 5,*1*).

Судить о конструкции открытой полуземлянки из-за почти не сохранившихся деревянных сооружений сложно. Границы ее фиксируются только по культурному слою и трем угловым столбам, поддерживающим крышу, четвертый возле печи не сохранился. Сама крыша, судя по сохранившимся основаниям бревен вдоль середины длинной оси постройки, была двухскатной (рис. 3). Печь в северо-западном углу постройки была сложена на подушке из глины из кирпичей размерами 25×13×6 см. Она имела подбой в западной стенке раскопа, свод ее обвалился и конструкция его осталась невыясненной. На полу землянки зафиксированы остатки нескольких плах, но сплошного покрытия не было. Вход в жилище располагался с восточной стороны, но проследить его оформление не удалось. Две очень похожих полуземлянки были раскопаны на территории острога в 1975—1976 гг. Однако полной уверенности в этом нет, поскольку их описание в публикации лишено иллюстраций (Сухих В.В., 1978).

Совершенно очевидно, что открытая нами полуземлянка была одной из тех «земляных изб», которые возвели осенью-весной 1685—1686 гг. служилые и промышленные люди в ожидании новой осады Албазина (Дополнения к актам..., 1867, с. 265). Просвещенная Европа узнала о героической обороне Албазина из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария». В ней помещен весьма достоверный рисунок крепости, на котором наряду с оружейной избой, гранатным и пороховым погребами изображены также и землянки (Witsen N., 1692).

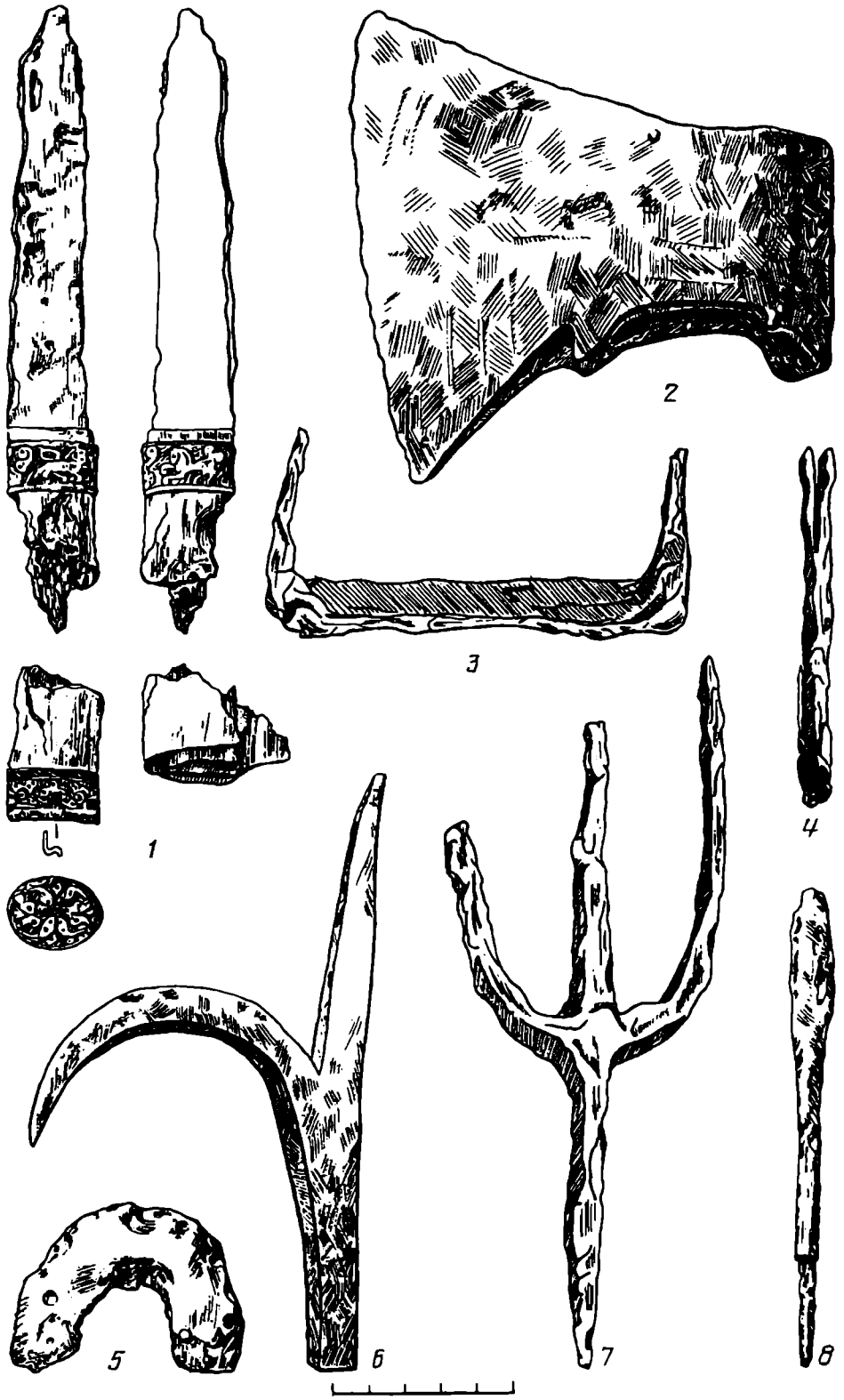


Рис. 7. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка. *1* — нож с рукоятью и остатками ножен; *2* — топор; *3* — обломок стремени; *4* — шомпол; *5* — подковка; *6* — багор; *7* — острога; *8* — наконечник стрелы; *1* — железо, бронза, дерево, кожа; *2—8* — железо

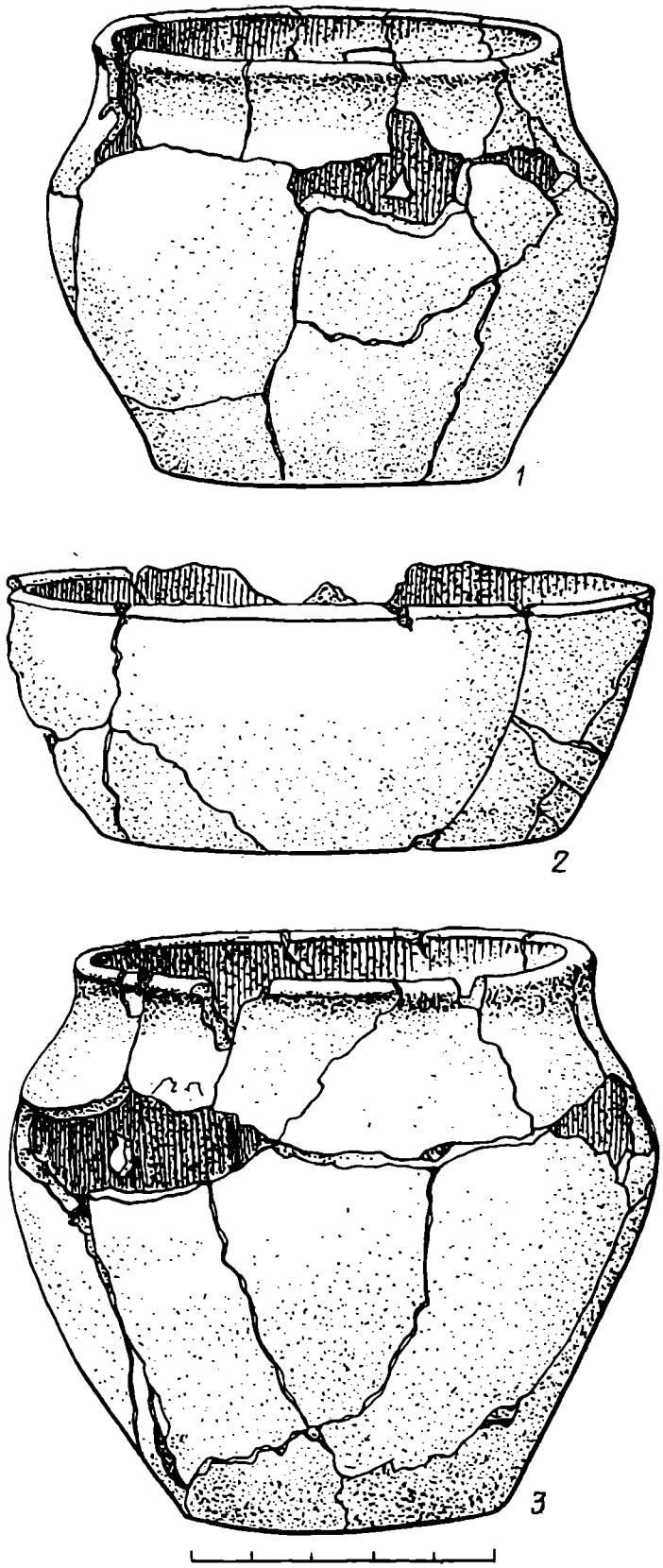


Рис. 8. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка. *1—3* — горшки, керамика

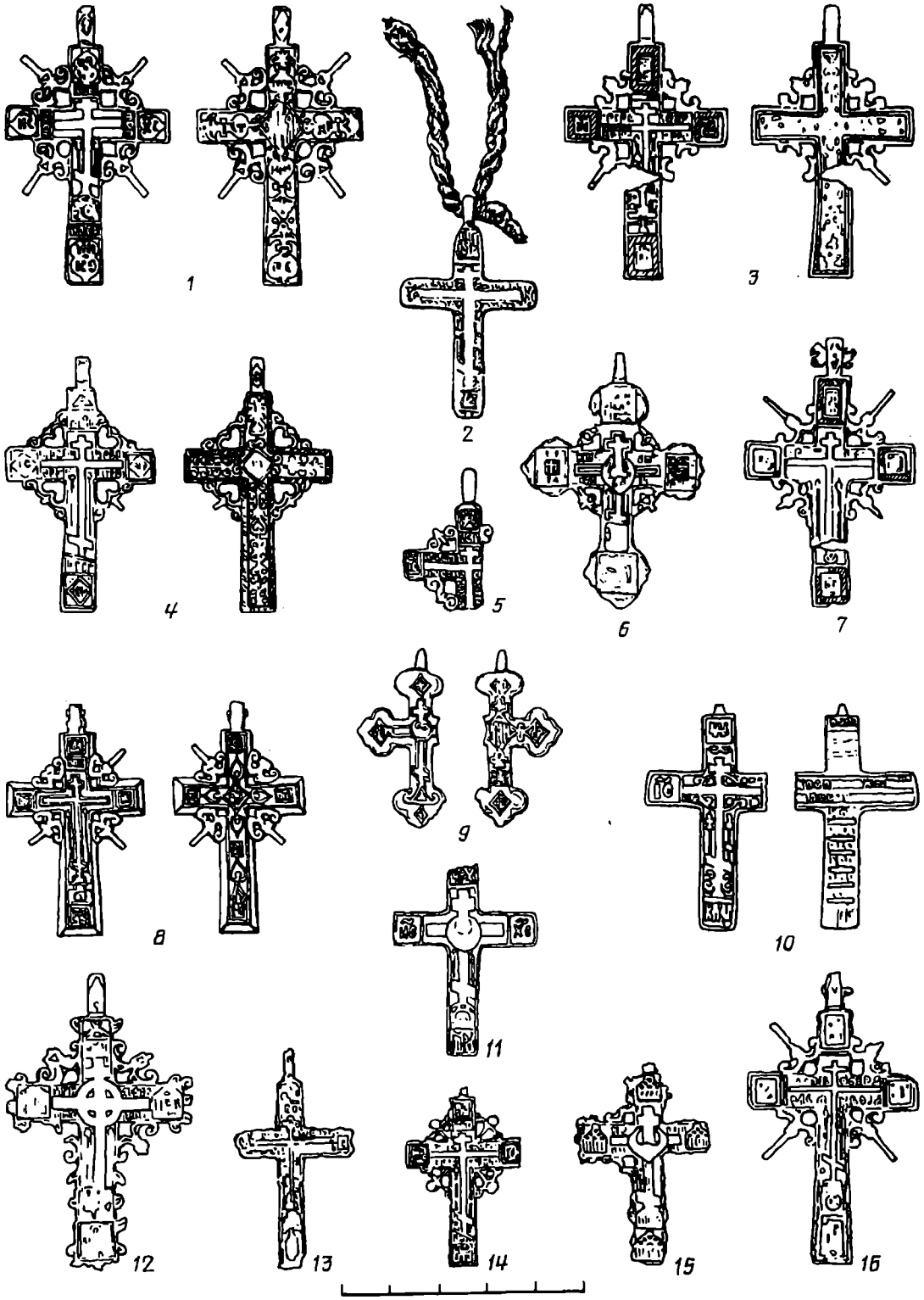


Рис. 9. Албазинский острог. Раскоп В. Полуземлянка. Нательные крестики. *1, 3, 4, 6—8, 10—16* — бронза; *2* — серебро с инкрустацией золотом; *5, 9* — серебро

8 августа 1992 г. по инициативе Амурского археологического отряда и по решению администрации Сковородинского р-на с благословения епископа Хабаровского и Благовещенского преосвященного Иннокентия останки первопроходцев были торжественно погребены по православному обряду на территории Албазинского острога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров В.А., 1984. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск.
Алексеев А.И., 1971. Одиссея Ерофея Хабарова // Амур — река подвигов. Хабаровск.
Алексеев А.И., Мелихов Г.В., 1984. Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья // Вопросы истории. № 3.
Артемьев А.Р., 1993 а. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686—1687 годах // Вестник ДВО РАН. № 4—5.
Артемьев А.Р., 1993 б. История изучения Албазина // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М.
Артемьев А.Р., 1994. Археологическое изучение памятников XVII — начала XVIII века на Дальнем Востоке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток.
Беспрозванных Е.Л., 1983. Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII — середины XIX в. М.
Дополнения к Актам историческим, 1862, Т. 8. СПб.
Дополнения к Актам историческим, 1867, Т. 10. СПб.
Дополнения к Актам историческим, 1872. Т. 12. СПб.
Леонтьева Г.А., 1991. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.
Мясников В.С., 1980. Империя Цин и русское государство в XVII веке. М.
Паршин В., 1844. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. Приложение. М.
Полевой Б.П., 1991. Открытие и начало присоединения Дальнего Востока к Российскому государству // История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраля 1917 г.). М.
Русско-китайские отношения в XVII веке, 1969. Материалы и документы. Т. 1. 1608—1683 (Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников). М.
Русско-китайские отношения в XVII веке, 1972. Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691 (Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников). М.
Сафронов Ф.Г., 1984. Ерофей Хабаров. Хабаровск.
Сухих В.В., 1978. Землянки Албазинской крепости // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток.
Witsen N., 1692. Noord en oost Tartaye. Amsterdam.

Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН, Владивосток

A.R. ARTEMJEV

A HALF-EARTH DWELLING WITH THE REMAINS OF THE UNBURIED DEFENDERS OF ALBAZIN FORTRESS

Summary

A half-earth house containing the remains of 57 people: men, women, children (fig. 3; 4) was discovered during the excavations of the largest in the south of the Far East Albazin fortress (1665—1689) — (fig. 1:2). They were killed during the defence of the fortress from the Mantchzhurs in 1686—87 but were not buried accordind to the Christian tradition hence the priest had died. The other survived people of Albazin who were too weak of hunger and illnesses were not able to bury them when the siege was raised. According to the terms of the Russian-Chineese treaty sigheg in Nertchinsk on the 29th of August Albazin was destroyed and left in September of 1689. The half-earth house also contained numerous artifacts: bronze and silver crosses (fig. 9), buttons (fig. 5:*2*, *6—17*), iron axes (fig. 7:*2*), knifes (fig. 7:*1*), arrow-haeds (fig. 7:*8*), gaff (fig. 7:*6*), harpoon (fig. 7:*7*), stone weights, a part of a millstone, glass beads (fig. 5:*18—21*).

А.П. ТЮПАЕВ, А.Н. ДЕТЮК

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕТАЛЕЙ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СИЛЬНООКИСЛЕННЫХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ МЕДИ И МЕДНЫХ СПЛАВОВ

Найденные при археологических раскопках предметы из металла обычно покрыты сильными наслоениями продуктов окисления. В подавляющем большинстве случаев процесс окисления затрагивает наиболее информативные для археолога тонкие детали и имеющиеся изображения, например, на монетах, печатях, ювелирных и художественных изделиях. Традиционные методы консервации требуют удаления продуктов окисления, что во многих случаях приводит к полной утрате информативных деталей.

В настоящей статье речь пойдет о методах, позволяющих выявить тонкие детали изображений на частично или полностью окисленных предметах из меди или бронзы. Однако прежде необходимо рассмотреть состав продуктов коррозии. Обычно процесс окисления меди идет в несколько стадий. Сначала под воздействием кислорода воздуха последовательно образуются одно- и двухвалентный оксиды меди. Последние, будучи химически более активны, чем металлическая медь, под воздействием внешней среды превращаются в различные медные соли. Отметим, что в бронзах параллельно идет процесс окисления их компонентов. В зависимости от состава окружающей пред-

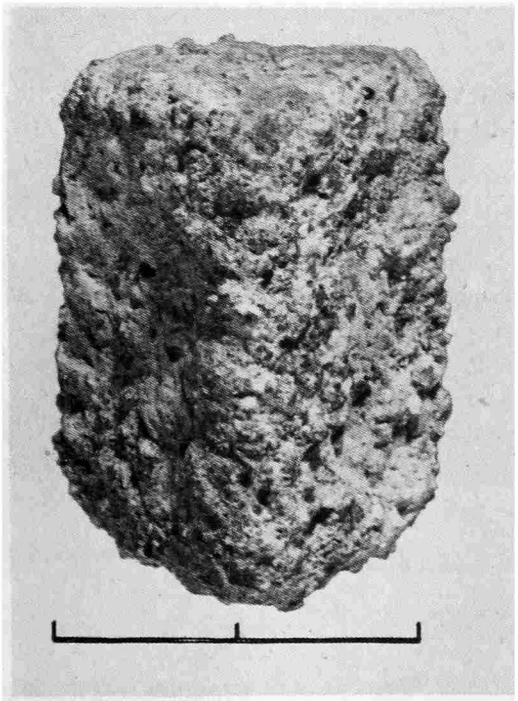


Рис. 1. Бронзовая печать до реставрации

© А.П. Тюпаев, А.Н. Детюк, 1996 г.

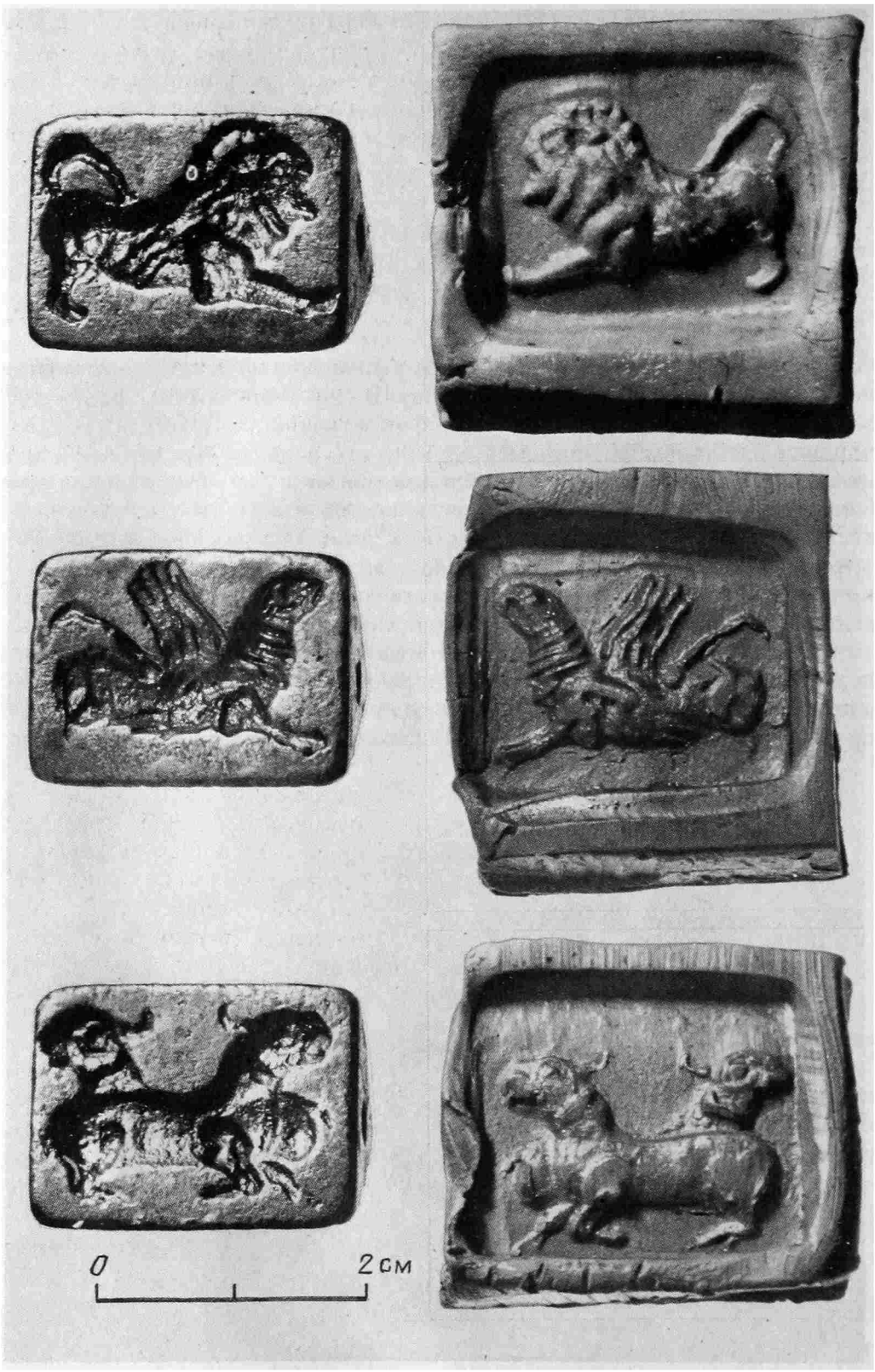


Рис. 2. Бронзовые печати после реставрации

мет почвы могут образоваться карбонаты, сульфаты, сульфиды, фосфаты, хлориды, силикаты, нитрат основной меди, а также смешанные медные соли (Gettens R.J., 1963, p. 547—568). Однако такой поэтапный механизм минерализации меди реализуется не всегда. Некоторые вещества способны реагировать с металлической медью непосредственно с образованием солей, например, сера, хлор, углекислый газ во влажной среде. Нередко процесс окисления идет по механизму электрохимической коррозии (Plenderleith H.J., Werner A.E., 1974). Так, при достаточно высоком содержании в почве хлористого натрия, который во влажной среде действует в качестве электролита, идет образование хлоридов меди. Такое направление процесса коррозии приводит к сильному разрушению поверхности металла и практически полной утрате изображений. В реальности процесс минерализации весьма сложен и нередко все вышеописанные пути превращения меди и ее сплавов идут одновременно.

Одной из самых сложных и важных задач реставрации и консервации археологических находок является выявление и сохранение тонких деталей и изображений, перешедших в окисное состояние на сильноокисленных предметах. С химической точки зрения эта проблема может быть решена исходя из того, что скорости растворения оксидов и солей в разбавленных несильных кислотах различны. Основываясь на этом, можно подобрать кислоты и их концентрации таким образом, чтобы растворение медных солей шло со скоростями, на порядок и более превышающими скорости растворения оксидов меди. Эта идея и была положена в основу метода реставрации коллекции печатей Маргианской экспедиции В.И. Сарианиди. Печати были покрыты мощным наслоением продуктов окисления до 5—7 мм толщиной, состоящими, главным образом, из основных карбонатов и фосфатов меди (рис. 1). Грубые наслоения продуктов окисления зачастую не позволяли даже представить, что могло быть изображено на печатях. Значительную часть коллекции составляли печати с насквозь окисленными тонкими перегородками.

В качестве реагентов были использованы 5%-ные растворы сульфаминовой и уксусной кислот. В процессе реакции шло послойное удаление продуктов окисления. В первую очередь в раствор перешли легко растворимые карбонаты и сульфаты меди, затем основные фосфаты. При постепенном удалении солей обнажался слой оксидов меди, на котором как бы «зафиксировалось» изображение (рис. 2). По достижении максимально полного выявления деталей изображения обработка предмета прекращалась. Излишне продолжительный контакт с раствором кислоты может привести к растворению окиси и закиси меди и вследствие этого утрате изображения. Далее предметы подвергались продолжительному кипячению в нескольких сменах дистиллированной воды до полного удаления растворимых солей меди и остатка сульфаминовой кислоты. Степень удаления хлоридов контролировалась реакцией на ион хлора раствором нитрата серебра (Петрашень В.И., 1948). После сушки в сушильном шкафу при 80° С предметы были обработаны 2%-ным спиртовым раствором бензотриазола, являющимся эффективным ингибитором коррозии для меди и медных сплавов (Никитин М.К., Мельникова Е.П., 1990, с. 154). Затем следовала пропитка консервантом (АК 113Ф) для защиты от воздействия атмосферной среды.

Вышеописанный метод может быть рекомендован для реставрации предметов из меди и медных сплавов с сильной степенью окисления, на поверхности которых имеются изображения или узоры, например, печатей, монет, различных художественных изделий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Никитин М.К., Мельникова Е.П., 1990. Химия в реставрации. Л.
Петрашень В.И., 1948. Качественный химический анализ. М.
Gettens R.J., 1963. The Corrosion Products of Metal Antiquities. Annual report Smithsonian Inst. New-York.
Plenderleith H.J., Werner A.E., 1974. The conservation of Antiquities and work of Art. London.

Институт археологии РАН, Москва

A.P. TJUPAEV, A.N. DETJUK

THE REDUCTION OF THE IMAGES ON THE STRONGLY OXIDIZED ARTIFACTS MADE OF COPPER AND ITS ALLOWS

Summary

The authors offers an effective method of removing the products of oxidation from the surface of copper and bronze archaeological artifacts layer by layer. It aims to open the images on the artifacts. The method is based on the different races of dissolving of corrosion products components in the non-strong dissolved acids.

История науки

С.А. ВАСИЛЬЕВ

ВКЛАД П.И. БОРИСКОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПАЛЕОЛИТОВЕДЕНИЯ*

Как часто, листая пожелтевшие страницы старых изданий, находишь неожиданные совпадения с проблемами, волнующими современных исследователей палеолита. К сожалению, мы склонны забывать работы наших предшественников, в ряде случаев намного опережавших достижения современной им зарубежной археологии. Я уже пытался показать этот феномен на примере научного творчества Г.А. Бонч-Осмоловского (Васильев С.А., 1994). П.И. Борисковский в течение десятилетий по праву считался патриархом отечественного палеолитоведения, одним из немногих живых свидетелей и активных участников ожесточенных дебатов, потрясавших нашу археологию в 30-е и 50-е годы. Вклад его в изучение палеолита Костенок (Борисковский П.И., 1963) и Пушкарей (Борисковский П.И., 1953), разработку методики исследования палеолитических жилищ и поселений (Борисковский П.И., 1958) общеизвестен. Он одним из первых среди советских археологов начал активное сотрудничество с зарубежными коллегами, и его работы по праву получили мировое признание. Также одним из первых он стал заниматься палеолитом вне территории нашей страны, исследовав памятники Вьетнама (Борисковский П.И., 1966) и обобщив в капитальном труде (Борисковский П.И., 1971) сведения по древнему каменному веку Южной и Юго-Восточной Азии.

Однако до сих пор в нашей литературе отсутствует анализ обширного научного наследия П.И. Борисковского с точки зрения теоретических и методологических установок, их эволюции на фоне дебатов, происходивших в отечественном и мировом палеолитоведении. Настоящая статья является не более чем попыткой в небольшой степени заполнить этот пробел, рассмотрев только два сюжета из числа многих тем, поднимавшихся в работах П.И. Борисковского.

Первый из них — это проблема культурного расчленения позднего палеолита. В ходе известной дискуссии 50-х годов о проблеме локальности в палеолите П.И. Борисковский, наряду с С.Н. Замятниным, оставался на позициях крайних в стане сторонников стадиальной версии. Напомним, что П.П. Ефименко признавал, например, существование в палеолите археологических культур и даже их параллельное развитие, интерпретируя это не как явление стадиального характера, а как отражение «реальных исторических связей» между группами древнего населения (Ефименко П.П., 1958). Однако стадиализм в интерпретации П.И. Борисковского вовсе не был столь простой схемой и механическим разнесением комплексов согласно ступеням заданной концепции, как это иногда представляется. В монографии, посвященной палеолиту Украины, он писал: «...мы не делаем вывода об абсолютном тождестве культуры всех позднепалеолитических общин Русской равнины и об

* Доклад на Чтениях памяти П.И. Борисковского (Санкт-Петербург, ИИМК РАН, 1994 г.).

© С.А. Васильев, 1996 г.

автоматической одновременности смены их культуры и техники. Из нашего изложения была видна невозможность вытянуть все позднепалеолитические поселения Украины в одну линию — от более ранних к более поздним. Развитие техники и культуры... можно было бы изобразить не в виде одной генетической линии, а в виде пучка или ствола. Несомненно имело место отставание и опережение культурного развития отдельных родовых общин... имели место различия форм хозяйства, связанные с особенностями окружающей среды» (Борисковский П.И., 1953, с. 412, 413).

Он предостерегал от поспешности выделения локальных образований, справедливо отмечая крайне выборочный характер наших знаний, которые не дают реальной возможности для реконструкции так называемой «конкретной истории» палеолита, прослеживания развития и взаимного влияния отдельных групп населения (интерпретировавшихся в ту пору чаще всего как «племена»).

Как отмечал далее П.И. Борисковский, «... новые открытия и исследования позднепалеолитических памятников чаще всего заполняют белые пятна, лакуны, показывают, что элементы позднепалеолитической культуры, поспешно объявленные специфической особенностью той или иной территории, в действительности имеют очень широкое распространение. По мере накопления материала количество признаков местного своеобразия позднепалеолитических поселений различных частей Русской равнины не увеличивается, а уменьшается, и это относится не только к территории СССР» (Борисковский П.И., 1957, с. 189).

В более поздних работах, признавая ценность исследования локального разнообразия палеолита, П.И. Борисковский стремился представить локальные и периодизационные исследования как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие стороны изучения древнего каменного века. «Прослеживание общих закономерностей, выделение общих этапов развития техники и культуры должно идти рука об руку с изучением конкретных стоянок и их групп, с установлением присуших только этим стоянкам особенностей и с выяснением причин такого своеобразия. Обе эти задачи не должны противопоставляться одна другой» (Борисковский П.И., 1963, с. 122). «Мне могут возразить, что долгое время советские исследователи не уделяли должного внимания детальному изучению конкретных особенностей отдельных палеолитических комплексов и их групп, их связей и взаимоотношений, грешили социологизаторским схематизмом и что поэтому данная проблематика требует сейчас особенного внимания. Это справедливо. Но ошибки и недочеты в развитии науки могут и должны исправляться в процессе всестороннего исследования, а не путем перехода от одной крайности к другой» (Борисковский П.И., 1969, с. 11, 12).

Отголоски дискуссий 50-х годов ощущаются даже в последних публикациях П.И. Борисковского. Правда, надо отметить, что здесь он оказался достаточно непоследовательным. С одной стороны, исследователь признавал существование локальных культур не только в верхнем палеолите, но в мустье и даже ашеле (Борисковский П.И., 1984а, с. 349). С другой стороны, на страницах того же тома «Палеолит СССР» мы находим упоминание, в согласии со взглядами А.А. Формозова, о несопоставимости палеолитических культур и культур неолита–бронзы и новые сетования на отсутствие «общепризнанной устоявшейся общей периодизации палеолита СССР» (Борисковский П.И., 1984б, с. 15). И в 80-е годы П.И. Борисковский продолжал поиск в пределах позднего палеолита Русской равнины общих закономерностей развития. Публикуя материалы своих раскопок в Курске, П.И. Борисковский отмечал наличие сходных черт в культуре позднего этапа верхнего палеолита Русской равнины, охватывающих бассейны Дона, Сейма, Десны и Днепра (Борисковский П.И., 1986, с. 81).

Глядя глазами современного исследователя на споры 50-х годов о соотношении стадиальных и локальных черт в палеолите, итоги дискуссии не представляются ныне столь однозначными, как в 60—80-е годы. Действительно, огромные заслуги А.Н. Рогачева в выявлении разнообразия проявления позднепалеолитической культуры и в целом правильное решение им сложных стратиграфических проблем Костенок

общепризнаны. Однако в аргументации противоположной стороны содержалось также немало справедливых моментов. В целом невозможность адекватного описания вариабельности позднепалеолитической культуры с помощью базового понятия локальной культуры и его производных, а также представления о палеолите как сумме разграниченных в пространстве—времени замкнутых культурных общностей, вырисовываются сейчас все более отчетливо. Недаром даже один из учеников А.Н. Рогачева вынужден признать, что «покультурное описание первобытности... значительно меньше, чем на то можно было надеяться в 50-е годы, углубило наши представления о событиях и процессах палеолита» (Синицын А.А., 1990, с. 8).

Я позволю себе рассмотреть кратко этот тезис не на материалах позднего палеолита Русской равнины, а используя собственный опыт изучения палеолита Сибири (Васильев С.А., 1988; Vasil'ev S.A., 1993). Не вдаваясь в детали, могу отметить, что сравнительный анализ вариации каменного инвентаря верхнепалеолитических памятников Северной Азии показывает, что характер ее в основных чертах соответствует модели, предложенной П.И. Борисковским для палеолита Восточной Европы. К основным моментам ее можно отнести следующие.

1. Наличие широких по территориальному охвату закономерностей развития индустрии. В целом в позднем палеолите Сибири можно выделить три этапа, представляющие собой не просто хронологические ступени, заданные климатостратиграфической шкалой, а характеризующиеся явным сходством облика комплексов на огромной территории.

2. Наличие, с одной стороны, опережения в развитии отдельных индустрий, а с другой — реликтов предшествующей стадии. Пример — оригинальный комплекс стоянки Голубая I, сохранивший многие элементы средней поры верхнего палеолита Енисея в финальноплейстоценовую эпоху.

3. Невозможность выделения ограниченных в пространстве — времени замкнутых общностей, которые могут быть сопоставимы с локальными культурами в археологии позднейших эпох. Так, все основные археологические культуры, выделенные в финальном палеолите Сибири (афонтовская, кокоревская, дюктайская) имеют очень широкий круг аналогий и могут интерпретироваться скорее как варианты в пределах единого культурного явления.

4. Наличие памятников с инвентарем, сочетающим характерные черты разных культур. В качестве примера можно привести стоянку Березовый Ручей I с элементами как афонтовской, так и кокоревской культур.

Другой аспект исследования палеолита, в разработку которого П.И. Борисковский внес основополагающий вклад, — это изучение вариабельности распределения каменного инвентаря на площади поселения (проблема, ныне известная как «вариабельность в пределах стоянки»). Еще до войны, публикуя материалы своих раскопок в Боршево II, он выделил в пределах нижнего культурного слоя три скопления, характеризующиеся различным набором кремневого инвентаря и костных остатков. П.И. Борисковский интерпретировал их как места разнофункциональной деятельности (жилое скопление, места преимущественной обработки камня и кости). В целом он тогда пришел к выводу о необходимости «большой осторожности при учете преобладания в стоянке лишь двух-трех типов орудий как хронологического момента» (Борисковский П.И., 1940, с. 60). Позже неравномерность распределения кремневого инвентаря в Костенках XIX привела его к заключению, «что подобные различия в составе орудий или в использованном для изготовления орудий материале между отдельными стоянками могут иногда объясняться не их различным хронологическим положением, не тем, что перед нами памятники культуры различных племен, а всего лишь тем, что перед нами какая-то одна часть поселения, а не целое поселение» (Борисковский П.И., 1963, с. 156).

В этом плане работы П.И. Борисковского действительно намного опередили мировую науку. Интерес к исследованию пространственного распределения различных видов артефактов возникает здесь лишь в конце 60-х годов в связи с первыми

результатами исследований А. Леруа-Гурана в Пенсеване (Leroi-Gourhan A., Brézillon M., 1966). Вопрос же о репрезентативности получаемых в ходе наших всегда выборочных раскопок наборов каменного инвентаря был поставлен еще позже, в 80-е годы. Тогда выявились случаи (причем как в контексте пещерных, так и открытых стоянок), когда наборы орудий, получаемых с различных участков поселения, оказывались столь различными, что они могли быть интерпретированы как разнокультурные (Rigaud J.P., 1985; Иванова М.А., 1985).

В отличие от работ П.И. Борисковского функциональная интерпретация различных зон и скоплений на верхнепалеолитических стоянках представляется ныне куда более сложной. Выявлена зависимость оставляемых на месте артефактов не только от функциональной специфики участка, но и от характера выброса, вторичного использования орудий, наложения зон осуществления различной деятельности, наличия практики периодической очистки обитаемого пространства и т.д. (Simek J.F., 1984). С другой стороны, важным фактором оказался характер оставления человеком стоянки на различных этапах ее обитания (Stevenson M.G., 1985). Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в разработке данной тематики, мы все еще далеки от понимания того, как вычленить разнообразные факторы, обусловливавшие характер комплексов каменного инвентаря. Однако в любом случае следует признать огромный вклад П.И. Борисковского в постановку этой проблемы, привлекающей ныне пристальный интерес все большего числа исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисковский П.И., 1940. Палеолитическая стоянка Боршево // МИА. № 2.

Борисковский П.И., 1953. Палеолит Украины // МИА. № 40.

Борисковский П.И., 1957. Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА. № 59.

Борисковский П.И., 1958. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА. № 1.

Борисковский П.И., 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. № 121.

Борисковский П.И., 1966. Первобытное прошлое Вьетнама. М.; Л.

Борисковский П.И., 1969. К изучению палеолита советскими археологами // КСИА. № 118.

Борисковский П.И., 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.

Борисковский П.И., 1984а. Заключение. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Археология СССР. Палеолит СССР. М.

Борисковский П.И., 1984б. Введение. Краткая история изучения палеолита. Обзор источников // Археология СССР. Палеолит СССР. М.

Борисковский П.И., 1986. Палеолитические стоянки на территории Курска // БКИЧП. № 55.

Васильев С.А., 1988. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Васильев С.А., 1994. Г.А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА. № 2.

Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.; Л.

Иванова М.А., 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения. Автореф. дисс. ... к.и.н. Л.

Синицын А.А., 1990. П.П. Ефименко и современная проблематика изучения палеолита // КСИА. № 206.

Leroi-Gourhan A., Brézillon M., 1966. L'habitation Magdalénienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne) // Gallia Préhistoire. V. IX. № 2.

Rigaud J.P., 1985. Reflexions sur la signification de la variabilité des industries lithiques paléolithiques // La signification culturelle des industries lithiques. BAR Int. series. № 239.

Simek J.F., 1984. A k-means approach to the analysis of spatial structure in Upper Palaeolithic habitation sites // Le Flageolet and Pincevent section 36. BAR Int. series. № 205.

Stevenson M.G., 1985. The formation of artifact assemblages of workshop/habitation sites: models from Peace Point in Northern Alberta // American antiquity. № 1.

Vasil'ev S.A., 1933. The Upper Paleolithic of Northern Asia // Current anthropology. № 1.

Институт истории материальной
культуры РАН,
Санкт-Петербург

Критика и библиография

Christopher Smith. Late Stone Age Hunters of the British Isles. London and New York: Routledge, 1992. 206 p., 78 fig., 15 pl., 7 tabl.

Монография, написанная доктором Кристофером Смитом, преподавателем доистории в университете английского города Ньюкасл-апон-Тайн, посвящена позднему палеолиту и мезолиту Британских островов. Хронологические рамки работы — 12 500—5500 лет назад[1] — определены важными обстоятельствами. С XIII тыс. рассматриваемая территория была обитаема непрерывно, тогда как на XVIII—XIII тыс. приходится хиатус (первоначальное заселение Британии датировано мустьерским временем). В VI тыс. началось распространение земледелия, знаменующее переход к неолиту[2]. В археологических источниках содержатся данные главным образом об охотничьей деятельности палео-мезолитических людей, а роль собирательства и рыболовства отражена гораздо хуже и была неизмеримо меньшей. Поэтому вполне оправданы выбор темы и название книги — «Охотники позднего каменного века Британских островов».

Работа К. Смита — в сущности, первый капитальный труд по указанной теме, хотя еще в довоенные годы были опубликованы монографии Д.А. Гаррод по верхнему палеолиту (Garrod D.A.E., 1926) и Дж.Г.Д. Кларка по мезолиту Британских островов (Clark J.G.D. 1932). В 70-х годах появились книги, которые касаются британского палеолита (Campbell J.B., 1977), мезолита Англии (Palmer S., 1977) и Ирландии (Woodman P.C., 1978), а также исследование А. Моррисона, близкое тематически к работе К. Смита, но охватывающее и мустье (Morrison A., 1980). В 70—80-х годах вышли в свет обобщающие труды по археологии Британских островов широкого хронологического охвата с очерками по верхнему палеолиту и мезолиту (П.А. Мелларс, Дж.В.С. Мегоу и Д.Д.А. Симпсон, Т. Дарвилл). Кроме того, следует отметить ряд монографий, исследующих финальный палеолит и мезолит этой территории в широком контексте Западной Европы. Среди них особое место занимает книга Дж.Г.Д. Кларка об экономическом базисе первобытной Европы (Clark J.G.D., 1952), известная и в русском переводе (Кларк Дж. Г.Д., 1953)

Последняя работа, и особенно монография Дж.Г. Эванса (Evans J.G., 1975), сближаются с рецензируемым трудом благодаря тому, что основное внимание его автор, имеющий соответствующую подготовку, уделил не изучению каменных орудий, выделению культур и проблемам хронологии (эти вопросы освещены в краткой форме), а палеоэкономике охотников-собирателей и в первую очередь их окружающей среде. Вот почему в книге на современном уровне широко использованы данные палеогеографии и этнографические материалы, а из памятников археологии детально рассмотрены главным образом стоянки в пещерах и поселения с водосодержащим слоем, на которых сохранились органические артефакты и материалы, характеризующие экологическую среду. Как справедливо отмечает автор, «эта небольшая группа информативных памятников может рассказать нам о жизни охотников-собирателей Британских островов больше, чем многие сотни пунктов с разбросанным кремнем» (с. 9). При таком подходе к теме для автора монографии более

---

[1] Как в большей части новейших западных работ по мезолитоведению и трудах по палеогеографии (Хотинский Н.А., 1977), абсолютные даты у К. Смита приведены в исчислении от наших дней, а не от начала н.э.

[2] У западноевропейских исследователей признаком, определяющим наступление неолита, считается, как правило, освоение производящего хозяйства, а распространение керамики и другие инновации еще не служат проявлением неолитической революции.

© Г.М. Буров, 1996 г.

приемлемы термины «позднеледниковье» и «ранний постгляциал», чем «финальный палеолит» и «мезолит».

Книга К. Смита включает предисловие и отдельный раздел, в котором выражена признательность тем, кто способствовал ее написанию; девять глав; заключение; перечень радиоуглеродных дат по памятникам Британских островов (свыше 300) в хронологическом диапазоне темы (с. 183—189); список использованной литературы и предметный указатель, включающий также названия памятников. Первая глава — вводная, вторая посвящена охотникам-собирателям, как они представляются по этнографическим данным, а третья — в археологических источниках. Затем охарактеризованы аспекты, в которых систематизируются имеющиеся данные, а в пятой главе описаны природная среда первобытного человека и особенности ее изменения. Далее три раздела касаются конкретно охотников позднеледниковой тундры, раннепостгляциальных лесов и морского побережья. Наконец, в последней главе показано заселение Британских островов в позднеледниковое и последующее время.

В первой главе (с. 1—10) подробно раскрыт метод автора, а также сжато рассмотрены вопросы типологии и культурной истории (с. 3—7). Финальный палеолит Великобритании рассматривается как кресуэллская культура, которая ведет свое название от группы пещерных стоянок в урочище Кресуэлл-Крегс (графство Дербишир). Эта культура мадленского облика близка к гамбургской и федермессер на территории Нидерландов, Бельгии и Северной Германии, что объяснимо заселением Великобритании с континента. Определяющими формами кресуэлла служат острия на пластинах — континентальных типов (черешковые, с уступом, федермессер) и местные, в виде трапеции с притупленными малым основанием и одной или обоими сторонами (кресуэллский и чеддарский типы). В самом конце палеолита на территорию Великобритании распространились с юга новые формы острий (броммского типа и аренсбургские), что К. Смит связывает с миграциями или культурным влиянием.

Ранний мезолит Британских островов характеризуется микролитами на широких пластинах в виде равнобедренного треугольника, а поздний — разнообразными геометрическими микролитами из узких пластин, появившихся при большой роли континентальных культур. С середины IX тыс. развитие каменных индустрий идет в разных районах рассматриваемой территории изолированно. Так, поздний мезолит Ирландии характеризуется использованием крупных листовидных отщепов, из которых часто изготовляли орудия с черешком для рукояти или захвата рукой; памятники с таким инвентарем называют ларнской культурой (по группе стоянок в районе оз. Ларн), но, по мнению исследователя, лучше вести речь о ларнской технике широких отщепов. Другая, обенская культура, выделенная в Западной Шотландии, представлена главным образом рогово-костяным инвентарем, который включает сверленые мотыги, гарпуны с одним или двумя рядами зубцов и вещи загадочной категории (изготовленные также из галек), считающиеся орудиями для снятия моллюсков со скал, но служившие, как полагает К. Смит, для обработки шкур (с. 153).

Альтернативная схема развития, приведенная в книге, базируется на прямых радиоуглеродных датах, полученных методом спектрометрии ускорительной массы для 20 зубчатых рогово-костяных острий, представляющих разные типы (Буров Г.М., 1992, с. 244). Как явствует из схемы, изделия с ромбовидными зубцами характерны лишь для верхнего палеолита, что было подчеркнуто в свое время автором этой рецензии (Буров Г.М., 1980, с. 31).

Вторая и третья главы построены в основном не на британском материале и касаются первобытных охотников в целом, причем в первом случае выделены особенности присваивающей экономики, а во втором — раскрыты методы, которыми пользуются археологи при изучении древних охотничьих племен. К. Смитом показано, что на занимаемых ими территориях всегда невысока плотность населения и его численность, контролируемая продуктивностью окружающей среды, что в свою очередь определяет характер брачных отношений, экзогамных при более низких показателях и эндогамных при более высоких. Приведены цифры чистого "урожая" биомассы копытных, составляющего 11—20 кг/км^2 для тундры, от 2 до 16 кг/км^2 для бореальных и 25—50 для смешанных лиственных лесов (с. 11—16).

Различаются два образа жизни у охотников-собирателей. В первом случае община добывает средства к существованию вокруг своего базового поселения, часто передвигая его по мере того, как истощаются ресурсы, а во втором — охотничье-собирательская деятельность осуществляется специальными промысловыми группами, совершающими выходы

на значительные расстояния, но перемещение поселка происходит редко (с. 17—18). Социальная структура общества (по североамериканским и другим данным) представляется в виде племени, которое включает общины, состоящие из малых и расширенных семей, причем семьями формируются промысловые группы (с. 21—25, 32).

В третьей главе автором использован процессуальный подход к изучению жизни первобытного охотника. Процессуальная археология — это выявление причин путем их постулирования при ссылках на установленные взаимоотношения между разнообразными событиями (в их последовательности) с проверкой каждой гипотезы археологическими данными (Hole F., Heizer R.F., 1973, p. 432). К. Смитом затронуты вопросы о том, благодаря каким процессам эпизоды человеческого поведения оставили физические следы, открытые археологами (с. 8). В главе рассмотрены типы палео-мезолитических памятников (региональный уровень анализа), различия между комплексами одной и той же стоянки, а также разнообразие на уровне отдельных артефактов.

Памятники позднего каменного века К. Смит делит на базовые поселения, имеющие в типичных случаях центральную жилую и периферийную зону, где производили разделку туш, сваливали мусор и изготовляли орудия; полевые лагеря промысловых групп; пункты, в которых ими были убиты звери, расчленялись их туши или временно размещались продукты собирательства; места ритуальной деятельности, в частности могильники; случайные находки (с. 28, 29). При изучении остеологического материала с пещерных стоянок важно отделить фаунистические остатки, связанные с охотничьей деятельностью человека, от костей, которые принадлежат животным, ставшим добычей хищных зверей. Здесь надо иметь в виду, что последние приносили в пещеру, как правило, худшие части туш, тогда как охотники поступали диаметрально противоположным образом. Также по-разному люди и звери дробили кости (с. 33, 34). Показаны достоинства и недостатки трасологического метода и приоритет С.А. Семенова, впервые применившего его в археологии. Кроме того, затронут вопрос о нефункциональном разнообразии артефактов, исследуемом с помощью стилистического анализа, более перспективного при изучении орнаментов, чем кремневых орудий труда (с. 34—36, 39).

Далее рассмотрены естественные воздействия, которым артефакты подвергаются уже после того, как они отложились в местах, где находился древний человек. Условия для консервации культурных остатков лучше в поймах и пещерах, чем на открытых незаливных участках, где седиментация идет медленно, но, к сожалению, как раз там расположены долговременные поселения. При переотложении или солифлюкции культурного слоя повреждаются рабочие края кремневых орудий и на них стираются микроследы изнашивания, а ветер на песчаных террасах способен почти так же отполировать поверхность кремня, как это бывает при некоторых способах использования (с. 36, 37).

Автором книги раскрыты также широкие возможности палинологии, палеоэкологии, палеопатологии в изучении каменного века (с. 29—39). Указаны признаки, позволяющие говорить о сезоне, к которому относится то или иное поселение (наличие оленьих рогов, особенности годовых слоев у раковин), а также о диете первобытного человека и связанной с ней патологии, изучаемых по человеческим костям из погребений.

В краткой четвертой главе (с. 40—46) подчеркнуто, что изложение в книге ограничено рамками в трех аспектах. Первый из них касается деятельности человека: речь идет об охотниках каменного века (здесь обобщен материал двух предыдущих глав). Второй аспект — территориальный (подчеркнуто, что Британские острова приобрели облик, близкий к современному, лишь около 6 тыс. лет тому назад), третий — хронологический (освещены некоторые особенности радиоуглеродного метода).

В главе о природной среде британских охотничьих племен (с. 47—75) автор показывает существенное отличие экологических условий в финальном палеолите и мезолите от современных. Так, например, если в настоящее время карликовая береза (произрастающая там, где максимальная летняя температура не превышает +22°С) известна на о-ве Великобритания лишь в Центральной и Северной Шотландии, то в позднеледниковую эпоху она встречалась даже на юге Англии. Судя по микрофауне морских отложений, менялась и граница между Лабрадорским холодным и Североатлантическим теплым течением (Полярный фронт), в известной мере влияющая на характер климата. 11 тыс. лет тому назад (как и теперь) она проходила вдоль северного побережья Исландии, а 13 тыс. и 10 тыс. лет назад — к юго-западу от нынешних Британских островов. Что касается температуры, то отмечены два потепления — около 13 тыс. лет тому назад (Позднеледниковый интерстадиал) и после похолодания, которое было 12 тыс. — 10 тыс. лет назад (постгляциальный климатический оптимум).

Важное значение имело то обстоятельство, что в рассматриваемое время территории Британских островов долго составляли единое целое с евроазийским материком, сначала полностью, а затем частично. При этом береговая линия подвергалась существенным изменениям, поскольку уровень Мирового океана в позднеледниковую и раннюю постгляциальную эпоху имел стойкую тенденцию к повышению (связанную прежде всего с таянием ледников), хотя отмечаются и небольшие регрессии. Если 5 тыс. лет тому назад в Северо-Западной Англии этот уровень составлял –2 м, то 13 тыс. лет назад он был примерно на 65 м ниже современного. Вот почему многие стоянки теперь затоплены и могут быть выявлены только при подводных исследованиях.

По данным пыльцевого анализа исследована древняя флора страны, дана классификация ландшафтов (тундра, бореальные и смешанные лиственные леса), прослежена история лесов в поздне- и послеледниковую эпоху, а по костным остаткам изучен животный мир. Основными представителями промысловых наземных млекопитающих были травоядные: мамонт и волосатый носорог, бизон и тур, лошадь, гигантский,благородный и северный олень, лось, дикий кабан, косуля и сайга. Добычей становились также мелкие звери, хищники (гиена, бурый медведь, волк, рысь), птицы (шотландская и полярная куропатка, утка, гусь, лебедь). Была одомашнена собака. Из насекомых должна быть отмечена дикая пчела. Среди морских животных промысловое значение имели звери (полосатый кит, дельфин-белобочка, морская свинья, длинномордый и обыкновенный тюлень), рыбы, моллюски. Из рыб ловили лосося, угря, сайду, треску и щуку.

В главе об охотниках позднеледниковой тундры (с. 76—109) проанализирован материал таких, в основном пещерных, памятников, как Кентс-Кевен, стоянки в урочище Кресуэлл-Крегс, Гауфс-Кейв, Хенджистбери-Хед. Эта эпоха характеризуется стоянками, погребениями и пунктами промысловой деятельности, а также случайно найденными предметами, которые представляют собой зубчатые рогово-костяные острия, служившие наконечниками стрел или дротиков и, как считает К. Смит, были потеряны в свое время охотниками. Особого внимания заслуживает находка в Паултоне лосиного костяка, который датирован по ^{14}C 12 400±300 лет назад и принадлежит животному с ранами, нанесенными с помощью зубчатых острий, кремневых наконечников стрел или дротиков и топоров (с. 105). Этот костяк, обнаруженный в месте, где зверь был убит, свидетельствует, что некоторые раны у него начали заживать и, следовательно, животное встречалось с человеком не менее 2 раз. Предполагается, что раненый лось преследовался им дольше, чем целую неделю: это находит параллель в охотничьей практике североамериканских аборигенов. При добыче же северных оленей, являющихся стадными животными, использовались различные методы загонной охоты, известные как по данным этнографии, так и по наскальным изображениям Испании (пещера Лос-Кабалос).

Следы ритуальной деятельности открыты в пещерах Пин-Хоул, Гауфс-Кейв и Кендрикс-Кейв, причем в последней найдены части человеческих костяков, фрагменты лошадиных челюстей, просверленные клыки бурого медведя и, по-видимому, подвески из зубов, принадлежащих другим животным. Часть этих вещей, датирующихся временем около 10 тыс. лет назад, украшена гравированным орнаментом (с. 105—107), который встречен также на так называемом «начальническом жезле» из оленьего рога и костях зайца, обнаруженных в культурном слое пещеры Гауфс-Кейв (с. 97).

Около 10 тыс. лет назад ледниковый период заканчивается и тундра на территории Британских островов сменяется бореальными лесами, в которых основу древостоя составляет береза. Однако в Южной Британии возникают смешанные лиственные лесные массивы, достигающие в течение тысячелетия Шотландии и Ирландии. Особенность этих массивов, в которых ведущее место остается за березой, состоит в том, что среди лесообразующих пород важную роль играют лещина, дуб, вяз, липа, ольха и сосна. Опорными памятниками для изучения британского раннего послеледниковья послужили поселения (с. 110—138): Стар-Карр с хорошо сохранившимися артефактами из органических, в том числе растительных, материалов; Тетчем; Маунт-Сендел и Брум-Холл со следами шалашеобразных жилищ, оконтуриваемых по столбовым ямкам каркаса; Дипкар и другие стоянки в Южных Пеннинах — гористой части Великобритании.

По вопросу о характере поселения Стар-Карр К. Смит полемизирует с А. Легджом и П. Роули-Конви, которые рассматривают его как временное охотничье стойбище (с. 119, 120). Эти авторы ссылаются на то обстоятельство, что собранные здесь остеологические остатки благородного оленя принадлежат главным образом худшим частям туш (нижние челюсти, лопатки, нижние кости ног и т.д.), тогда как кости, богатые мясом (например, бедренные), отсутствуют или встречены в ограниченном количестве. К. Смит принимает во

внимание подобные факты при разделении стоянок на базовые, долговременные поселения, с одной стороны, охотничьи лагеря и места, где были убиты отдельные животные, с другой. Тетчем, на котором среди остеологических остатков благородного оленя преобладают кости конечностей, он определяет как базовое поселение. Но к этому же типу памятников исследователь относит Стар-Карр, учитывая обилие находок и их распространение на значительной площади. По мнению К. Смита, в Стар-Карре раскопками вскрыта лишь периферийная часть обширного базового поселения, в которой производилась разделка туш. Разнообразные животные, бывшие объектами охоты у его обитателей, водились недалеко от жилищ, благодаря чему не было надобности удаляться во время промысла на значительное расстояние, что делали, например, арктические охотники на карибу.

В инвентаре Стар-Карра замечательную серию (21 экз.) составляют рога благородного оленя с прилегающей частью черепа, в которой проделана пара отверстий (с. 114, 115, 117). В ходе обработки уменьшен вес этих предметов при сохранении профиля. По мнению К. Смита, такие редуцированные рога привязывались ко лбу человека и могли использоваться как в ритуальных целях, так и для охотничьей маскировки при отстреле оленей. Из других рогово-костяных изделий найдены зубчатые острия, служившие деталями острог, наконечниками стрел или гарпунами, мотыги, скребки, проколки.

Наряду со стоянками исследован ряд погребений, из которых лучше всего сохранилось захоронение в пещере Гауфс-Кейв. Крупнейший мезолитический могильник (свыше 70 погребений) открыт в пещере Эйвлайнс-Хоул. Умершие посыпались здесь красной охрой и снабжались инвентарем, в частности резцами кабана, благородного оленя и лошади, причем некоторые зубы были просверлены или орнаментированы насечками (с. 137).

Исследуя приспособление мезолитических людей к жизни на морском побережье (с. 139—158), К. Смит приходит к выводу, что у них уже имелись лодки, без которых невозможным оказалось бы заселение Внутренних Гебридских островов и Ирландии в IX тыс. до н.э. (с. 139—143). По предположению автора книги, это были кожаные каркасные конструкции, аналогичные эскимосским умиекам и лодкам, которые представлены в петроглифах Норвегии, относящихся к каменному веку. Такое заключение подтверждается некоторыми энеолитическими изображениями в петроглифах Беломорья (Савватеев Ю.А., 1970, рис. 7, *б*). Из них силуэтные являются, как нам кажется, рисунками подобных морских лодок, а контурные — однополозных ладьевидных саней.

К. Смит весьма критически подходит к находкам «мезолитических лодок-однодревок» в Нидерландах (Пессе) и Великобритании (Перт), считая, что эти предметы не в большей мере могут считаться челнами, чем корытами или погребальными колодами. К тому же «однодревка» из Перта недостаточно надежно датирована. Вместе с тем исследователь справедливо допускает, что на озерах и реках могли применяться однодревки, существование которых в VI тыс. до н.э. документируется находками в Дании (Тюбринн-Виг, Престелюнген). Однако бытование на внутренних водах таких средств передвижения в более раннее время представляется К. Смиту сомнительным, так как и здесь могли использоваться каркасные конструкции, а хорошего сырья для челнов не было.

Из поселений на морском побережье описаны Мортон и Кнок-Койг в виде типичных «раковинных куч». Размеры найденных на второй стоянке отолитов сайды (твердых образований, принадлежащих органам равновесия) при их сопоставлении с величиной отолитов у современных рыб этого вида позволяет предполагать, что Кнок-Койг — остатки сезонного стойбища, функционировавшего в основном осенью. Такой вывод подтверждается находками скорлупы от орехов лещины и костей, оставленных молодью длинномордого тюленя (с. 155, 156).

Если в главах 6—8 внимание было сосредоточено на конкретных памятниках, то в разделе о заселении Британских островов (с. 159—180) дается обобщение в масштабе всего региона. Автором показано, что, начавшись около 12 500 лет назад повторное заселение человеком этой территории находилось в тесной связи с распространением на север лесных пород и подъемом уровня Мирового океана. До 10 тыс. лет назад была освоена только южная часть о-ва Великобритания (единичные недатированные памятники финально-палеолитического облика, выявленные севернее, могут относиться к рубежу послеледниковья или быть моложе). Однако уже 8 тыс. лет назад стоянки появляются в северных районах Великобритании и Ирландии, а в последующее время их становится на Британских островах значительно больше. В глубинных районах места обитания локализуются на реках, служивших, как считает исследователь, коммуникациями для передвижения пешком и на лодках.

В заключении работы (с. 181, 182) К. Смит отмечает, что переход к производящему хозяйству — важнейшее событие британской истории в промежутке между заселением в финальном палеолите и индустриальной революции. Земледелие и скотоводство были принесены сюда извне, причем имел место определенный период, когда охотники-собиратели и земледельцы-скотоводы сосуществовали, находясь в определенных отношениях друг с другом. Заканчивается книга словами о существовании на Британских островах определенной связи между каменным веком и современностью: «Первые небольшие общины охотников, которые пришли сюда, ища блуждающие стада лошадей и северных оленей, люди, охотившиеся затем на оленей вдоль оз. Пикеринг и ловившие лососей в р. Юенн, а также те, кто в еще более позднее время добывал тюленей и ловил сайду между Внутренними Гебридами, — все они внесли свой собственный, особый и неповторимый, вклад в культуру, жизнь и ландшафт Британских островов, вклад, который мы должны постоянно осознавать, будучи его наследниками» (с. 182).

Книга К. Смита вошла в круг монографий, посвященных финальному палеолиту и мезолиту обширных европейских регионов. Сюда входят работы Ж.-Ж. Розуа по Франции и Бельгии (Rozoy J.-G., 1978), Дж.Г.Д. Кларка — по скандинавским странам (Clark J.G.D., 1975), С.К. Козловского — по Польше (Kozłowski S.K., 1972; 1989), Л.В. Кольцова (1977) — по Южной и Восточной Прибалтике, Д.Я. Телегина — по Украине (Телегін Д.Я., 1982). Монография богато иллюстрирована картами, чертежами, схемами, рисунками, фотографиями и снабжена цифрово-текстовыми таблицами. Рассчитанная, по-видимому, не только на ученых и студентов (археологов, географов, представителей естественных наук), но и на всех интересующихся проблемами каменного века, она лишена обычного научного аппарата. Однако это компенсируется завершающими каждую главу разделами «Добавочное чтение» в виде сжатых историографических очерков со ссылками на обширную литературу.

Новаторский, нетрадиционный подход к теме и то обстоятельство, что в труде К. Смита большое внимание уделено методическим вопросам, делают эту работу ценной не только для тех, кто занимается каменным веком Западной Европы, но и для специалистов по археологии и палеогеографии России, Украины, других стран — бывших республик Советского Союза.

Симферопольский государственный университет

Г.М. Буров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М., 1980. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск.

Буров Г.М., 1992. IV Международный симпозиум «Мезолит в Европе» (Лёвен, 1990) // РА. № 4.

Кларк Дж.Г.Д., 1953. Доисторическая Европа: экономический очерк. М.

Кольцов Л.В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.

Савватеев Ю.А., 1970. Залавруга. Л.

Телегін Д.Я., 1982. Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н.е.). Київ.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Campbell J.B., 1977. The Upper Palaeolithic of Britain. Oxford.

Clark J.G.D., 1932. The Mesolithic Age in Britain. Cambridge.

Clark J.G.D., 1952. Prehistoric Europe: The Economic Basis. London.

Clark J.G.D., 1975. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge.

Evans J.G., 1975. The Environment of Early Man in the British Isles. London.

Garrod D.A.E., 1926. The Upper Palaeolithic Age in Britan. Oxford.

Hole F., Heizer R.F., 1973. An Introduction to Prehistoric Archaeology. New York.

Kozłowski S.K., 1972. Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p.n.e. Warszawa.

Kozłowski S.K., 1989. Mesolithic in Poland: a New Approach. Warsawa.

Morrison A., 1980. Early Man in Britain and Ireland. New York.

Palmer S., 1977. Mesolithic Cultures of Britain. Pool.

Rozoy J.-G., 1978. La derniers chasseurs: l'epipaléolithique en France et en Belgique. Charleville.

Woodman P.C., 1978. The Mesolithic in Ireland // British Archaeological Reports. British Series. 58.

The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, Cambridge. Organising and Editorial Committee: Dr. F.R. Allchin, Professor Sir John Boardman, Mr. J. Cribb, Dr. J.C. Harle and Mr. N. Kreitman. Edited by E. Errington and J. Cribb with M. Claringbull. Cambridge, The Ancient India and Iran Trust, 1992. 306 p.

Рецензируемая книга представляет собой каталог произведений искусства, представленных на выставке под названием «Перекрестки Азии. Трансформация в изображении и символе в искусстве древнего Афганистана и Пакистана». Выставка проходила в музее Фитцвилльям в Кембридже (Великобритания) с 6 октября по 13 декабря 1992 г.

Необходимость откликнуться на эту публикацию вызвана несколькими соображениями. Отметим прежде всего то обстоятельство, что эта выставка собрала вместе очень значительное число произведений древнего искусства (221 предмет), хранящихся в обычных условиях в самых различных собраниях: Британский музей, Ашмолеан музей (Оксфорд), Фитцвилльям музей, музей Гиме (Париж), коллекция Англо-индийской компании и т.д. Хотя практически все они были опубликованы ранее, и многие из них были неоднократно объектами исследования, тем не менее, соединенные вместе, они дают более сильное и более целостное впечатление об эволюции искусства в этом регионе в древности и раннем средневековье. Во-вторых, авторами каталога выступают очень крупные специалисты (Ф.Р. Оллчин, Дж. Бордман, О. Бопеараччи, Дж. Крибб, Э.А. Эрингтон и др.), и статьи, как обсуждающие общие вопросы, так и посвященные отдельным памятникам, очень часто представляют большой интерес и дают новые трактовки этих памятников. Особо необходимо отметить участие в работе над каталогом такого выдающегося специалиста, как Дж. Бордман, который подошел к памятникам искусства эллинистического Востока с позиций специалиста по собственно античному искусству, в результате чего ряд памятников предстал перед нами в новом свете. Отметим, наконец, очень высокое качество воспроизведения тех объектов, которые были представлены на выставке, что помогает лучше понять и само произведение, и его трактовку. Все экспонаты выставки представлены в каталоге черно-белыми фотографиями, некоторые также прорисовками, и, кроме того, текст сопровождается 22 цветными фотографиями (также очень высокого качества).

Текст книги состоит из 3 основных частей. Первая из них является своего рода историческим и искусствоведческим введением, включающим две главы: «Перекрестки Азии» и «История искусства: традиции». Первая из них содержит следующие разделы: «Географическое положение», «Исторический контекст», «Александр и его наследие», «Распространение буддизма и индийской культуры», «Монеты и реконструкция истории», «Хронология». Вторая же состоит из разделов: «Вклад иранцев и кочевников», «Греческое искусство в Азии», «Раннее искусство Индии», «Кушанское искусство Гандхары и его отношение к искусству Матхуры и Сатаваханов», «Искусство Индии гуптского периода», «Буддийское искусство: культовые символы и архитектура», «Появление изображения Будды», «Изображения на монетах как источник для истории искусства».

Вторая часть представляет собой собственно каталог. Материал здесь скомпонован по следующим группам: «Изображения Александра Великого», «Монеты, иллюстрирующие историю "Перекрестков Азии"», «Изображения божеств на древних монетах "Перекрестков Азии"», «Металлические сосуды», «Бронзовые статуэтки», «Бронзовые бальзамарии», «Бронзовые рельефы», «Терракоты», «Классицистские статуи», «Золотые, серебряные и бронзовые украшения», «Геммы», «Палеттки», «Стекло», «Металлические предметы с изображениями царей и другими изображениями», «Ступы и их реликварии», «Изображения Будды», «Изображения Боддисатв», «Индуистские изображения». В описание каждого из предметов обязательно включаются следующие сведения: 1) по монетам: номер по каталогу, металл, номинал, атрибуция, дата, описание аверса и реверса (изображение, надпись), место находки (точное или предполагаемое), место хранения, размеры, вес, предшествующие публикации, комментарий; 2) по остальным предметам: номер по каталогу, описание, происхождение (точное или предполагаемое), размеры и вес, место хранения, предшествующие публикации, комментарий.

Наконец, последняя часть книги занята «Приложением» с названием «Технические анализы». Здесь имеются следующие разделы: «Материалы и технология скульптур из Гандхары (и близких им), имеющих медную основу», «Гандхарские (и близкие им) серебря-

© З.В. Сердитых, 1996 г.

ные и золотые предметы», «Петрографический анализ гандхарских каменных скульптур», «Технология терракот Гандхары (и близких им)», «Технический анализ гандхарских стеклянных медальонов». В конце книги имеются указатели и очень подробная библиография.

Обычно выражение «Перекрестки Азии» применяется только для обозначения Афганистана. Впервые, кажется, этот термин был использован в 1951 г. (Caspani E., Cagnacci E., 1951), но авторы данной работы считают более правильным использовать термин в расширительном смысле, включая в это понятие помимо Афганистана (рассматриваемого как центр региона) северо-западные части Пакистана и Индии, а также Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Иранский Хорасан. Этот регион, действительно, является своего рода перекрестком, соединяющим между собой различные части Азиатского континента. Хронологические границы исследования достаточно логичны: от времени Ахеменидов и вплоть до прихода ислама — однако основная часть коллекции состоит из объектов, относящихся к эллинистической эпохе, так называемым «темным векам» и кушанскому времени.

Не повторяя того, что сказано в исторической части введения, которая представляет собой, как мы уже указывали, серию небольших, но очень насыщенных материалами и наблюдениями очерков, отметим только те моменты, которые представляются нам наиболее важными. Особо необходимо указать на то, что сейчас можно считать доказанным, что в Пенджабе сохранялся небольшой греческий анклав вплоть до царствования царя Стратона II и его сына Стратона III (т.е. до периода 25 г. до н.э.—10 г. н.э.). Следовательно, по крайней мере в этом районе даже в это достаточно позднее время сохранялась и греческая культура. Благодаря этому выводу, сейчас совершенно по-иному, нежели ранее, выглядит процесс сложения искусства Гандхары. Как известно, проблема происхождения этого весьма своеобразного искусства является объектом многолетних дискуссий. Существуют две основные точки зрения на эту проблему (Сердитых З.В., Кошеленко Г.А., 1982, с. 264—274). Согласно одной из них, те античные элементы, которые столь явственны в искусстве Гандхары, представляют собой наследие греко-бактрийской и индо-греческой эпох. Согласно второй — их источником служил Рим и торговые контакты между Средиземноморьем и Индийским субконтинентом в первые века н.э. Раскопки Ай-Ханум дали значительные материалы в поддержку первой точки зрения. Однако, поскольку падение Ай-Ханум имело место около 130 г. до н.э., все равно оставался достаточно значительный временной промежуток между падением Греко-Бактрии и началом искусства Гандхары. Теперь же этот промежуток резко сужается. Тем самым этот тезис получает новую поддержку.

Другой важный итог исследований последних лет, также нашедший свое отражение в этих разделах введения, — это определение эры Аза. Аз был одним из так называемых индо-скифских царей, которые сокрушили в этом регионе власть греков. Ныне практически все исследователи согласны с тем, что эта эра началась в 57 г. до н.э. и тем самым эра Аза равнозначна так называемой эре Викрамы. Благодаря этому стало возможным выстроить достаточно надежную хронологическую схему индо-скифских (сакских) правителей здесь и столь же надежно определить время перехода власти от них к парфянским и затем к кушанским правителям в Гандхаре. Соответственно начальную дату царствования Канишки I авторы определяют, как и подавляющее большинство исследователей, временем около 100 г. н.э. (с допуском примерно в 20 лет, что означает, исходя из современных представлений, что начало царствования этого кушанского правителя может относиться к любому из годов в промежутке между 90 и 110 г. н.э.).

Что касается времени чеканки кушано-сасанидских монет, проблемы также чрезвычайно важной для воссоздания основных этапов истории данного региона, то, по мнению авторов, она относится к периоду 230—360 гг., что, на наш взгляд, также представляет единственно правильное решение.

В общем, по исторической части введения вряд ли можно сделать какие-либо серьезные замечания. Отметим только два тезиса, которые представляются нам достаточно спорными. Прежде всего вряд ли справедливо предположение, что процесс создания новых городов в этом регионе в эпоху Александра Македонского проходил совершенно безболезненно. Мы имеем свидетельства о сопротивлении местного населения, справедливо видевшего в этих городах один из способов контроля со стороны завоевателей над покоренным населением, а также имеем столь же бесспорные доказательства и недовольства греков, которые должны были составлять основную часть населения вновь

основанных городов (Кошеленко Г.А., 1972, с. 59—78). Второе наше возражение касается взаимоотношений между Диодотом, основателем Греко-Бактрии, и Аршаком, основателем Парфянского царства. Та версия событий, которой придерживаются авторы (о зависимости Аршака от Диодота), вряд ли справедлива (Кошеленко Г.А., 1976, с. 33—37).

Интересными являются и искусствоведческие разделы введения. Не повторяя всего того, что было сказано в отдельных параграфах этой части книги, отметим только те выводы и наблюдения, которые представляются нам наиболее важными. Авторы справедливо придают особое значение результатам раскопок в Ай-Ханум, которые впервые в этом регионе дали представление о настоящем эллинистическом городе. Рождение гандхарского искусства датируется ими I веком н.э., а классические черты в нем расцениваются в качестве результата как греческого наследия, так и импорта из Средиземноморья. При этом подчеркивается, что импорт из Средиземноморья продолжался и тогда, когда парфяне перерезали сухопутные торговые пути. Очень важным, с нашей точки зрения, является вывод о космополитическом характере искусства региона в кушанское время. Вместе с тем авторы указывают и на своеобразие отдельных художественных школ и отдельных этапов в истории развития искусства этого региона на протяжении всей исследуемой эпохи. Наиболее ценными выводами в этом отношении, как нам кажется, являются следующие. Прежде всего вывод о характере искусства, представленного памятниками из раскопок некрополя Тилля-тепе. По мнению авторов, здесь можно говорить о взаимодействии греческих, иранских и юеджийских традиций. В связи с ролью иранского компонента авторы обращаются к роли парфян в развитии искусства этого региона, которая, по их мнению, была очень велика. В частности, указывается, что та одежда, которая воспроизводится в статуях кушанской эпохи, не кочевническая, как это часто утверждается, а парфянская, что является результатом парфянского влияния в образе жизни верхних слоев общества. Важнейшая роль приписывается в этом парфянскому завоеванию территорий южного Афганистана (время индо-парфянской династии, или династии Гондофара). Чисто кочевнический компонент в искусстве этого региона — некоторые элементы звериного стиля.

Становление скульптурной школы Матхуры также трактуется несколько отлично от обычных схем. Дело не в том, что подчеркивается роль традиционного искусства Индии в процессе становления этой школы, поскольку этого взгляда придерживаются практически все исследователи, но в нюансах позиции. Так, авторы утверждают, что нельзя говорить о влиянии искусства Сатаваханов на школу Матхуры, ситуация здесь иная: школа Матхуры является прямым продолжением школы Сатаваханов. Искусство Гандхары и искусство Матхуры являются двумя ветвями единого процесса развития искусства Индии, при этом в произведениях школы Матхуры в кушанское время греко-римские влияния ощущаются много сильнее, чем в Гандхаре. С точки зрения возможностей исследования, школа Матхуры обладает рядом несомненных преимуществ по сравнению со школой Гандхары, так как в отличие от последней в ней имеется значительное число скульптур с датированными надписями.

Появление изображения Будды связано, по мнению авторов, не только с эволюцией собственно буддизма, но и с теми общими изменениями, которые происходили в Индии около рубежа эр. Имеется в виду развитие так называемого сектантского индуизма (культ Шивы и культ вишнуистских божеств — Васудевы-Кришны и Баларамы). Их большая популярность и широкое распространение изображений этих божеств свидетельствовали о ряде фундаментальных изменений в духовной жизни общества. Поскольку буддизм в то время находился в таком окружении, где уже было принято изображать божества в телесной форме, то для сохранения своего влияния буддистам необходимо было отойти от традиционного запрета на изображение Будды. Видимо, первые изображения Будды появились в I в. н.э., а может быть, и немного ранее, при этом одновременно и в Гандхаре, и в Матхуре.

Как и в отношении первого раздела введения, по поводу данной части книги можно сделать только небольшие замечания, касающиеся частных вопросов. Прежде всего не совсем верно утверждение, что кочевнический вклад в развитие искусства этого региона можно ограничить только декоративным искусством. Надгробная скульптура в мире степей была достаточно распространенным явлением, и поэтому отбрасывать ее, не рассматривая, видимо, нельзя. Вероятно, нельзя также сводить роль парфян в развитии искусства этого региона только к роли ретрансляторов античных идей и образов. Их влияние было много более значительным и многообразным. Кроме того, нельзя полагать, что зоной парфянских

влияний был только юго-запад региона (область, где правили Гондофар и его преемники). Нет оснований сомневаться в том, что в I в. до н.э. и I в. н.э. северо-западная часть региона также находилась в сфере парфянских влияний (Sarianidi V.I., Kochelenko G.A., 1992, p. 21—32).

Основную часть книги, естественно, занимает собственно каталог. Не имея возможности в журнальной рецензии сколько-нибудь подробно рассматривать его содержание, отметим только некоторые объекты, привлекающие особое внимание или своей редкостью, или новой трактовкой.

Одним из наиболее интересных объектов является гемма с изображением Александра Македонского (№ 1), датируемая концом IV в. Это одно из самых ранних изображений великого завоевателя в глиптике. Дж. Бордман отмечает очень хорошую работу. По его мнению, гемма выполнена на Востоке.

Очень интересна интерпретация Дж. Бордманом бронзового ритона с изображением кентавра (№ 95), датируемого III—II вв. до н.э. Автор считает, что самая близкая параллель этому объекту — ритоны из Старой Нисы. По своей форме он близок греческим. Кроме того, в греческом искусстве кентавр — всегда охотник. Эта черта подчеркнута и здесь — он держит в руках козла. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что изображение этого козла более реалистично, чем изображение кентавра. Возможно, ритон был создан в Греко-Бактрии, но более вероятным нужно считать его кочевническое происхождение.

Еще один особо интересный объект — серебряная чаша I в. до н.э., найденная в Гандхаре (№ 97), с изображением восточного Диониса и Тюхе. Этот сосуд, по мнению Дж. Бордмана, является прекрасным образцом того типа сосудов, которые были достаточно широко распространены в позднеэллинистическое—раннеримское время (особенно в I в. до н.э.). Производились этих сосуды в восточном Средиземноморье (наиболее близкие параллели встречены в Малой Азии и Египте). Эту чашу можно считать образцом тех предметов роскоши, которые поступали на Восток из Средиземноморья и которые оказывали влияние на местное искусство.

Среди тех наблюдений и выводов, которые присутствуют в последней части работы, следует обратить особое внимание, с нашей точки зрения, на следующие. Авторы указывают на то, что по своему составу сплавы, использовавшиеся в этом регионе, иногда довольно сильно отличаются от тех, которые применялись в Средиземноморье. Например, в Средиземноморье в сплавах на медной основе, предназначенных для производства статуэток, никогда не встречается цинк. В этом же регионе цинк присутствует у 35% анализировавшихся объектов. Эти статуэтки, как правило, производились с помощью достаточно простой техники. Наиболее популярна была техника с использованием утрачиваемой (восковой) модели, при этом, как отмечается, в ее наиболее простой форме, чем эти произведения отличаются от основной массы средиземноморских которые в эллинистическую и римскую эпохи производились с помощью более изощренных технических приемов. Особо авторы отмечают отличие той техники, которая использовалась в этом регионе в средневековое время, от техники, примененной для изготовления объектов, представленных на выставке, т.е. объектов, относящихся к древности и раннему средневековью. Кроме того, авторами была сделана попытка выделить локальные группы (с точки зрения их места производства). Предположительно ими определены две группы: одна — происходящая с территории Афганистана, вторая — Пакистана. Однако в тексте отмечается, что этот вывод может считаться только предварительным ввиду малого числа проанализированных объектов.

Что касается объектов, выполненных из золота и серебра, то, по мнению исследователей, в основном подтверждаются выводы, которые в свое время сделал Дж. Маршалл, анализируя аналогичные объекты, найденные при раскопках в Таксиле, — аналогичность техники их производства той технике, которая использовалась в Средиземноморье.

Анализ материалов, применявшихся в производстве гандхарской скульптуры, привел к несколько неожиданным выводам. Хотя основная часть объектов, которые были представлены на выставке, выполнена из шиста (филлита), как это обычно бывает с этой скульптурой, тем не менее выяснилось, что для ее изготовления использовалось еще пять типов камня.

Очень интересны результаты анализа стеклянных медальонов из Гандхары, представленных на выставке. Было установлено, что они представляют собой три различных типа стекла. Один из этих типов явно представляет продукцию, произведенную в Средиземноморье, и тем самым является доказательством торговых связей между этим регионом и Римской империей. Второй тип характерен как для Средиземноморья, так и для

Переднего Востока. Третий остается загадочным, возможно, это продукция Китая или Индии.

Подводя итоги, мы можем смело утверждать, что данная публикация представляет очень большой интерес для всех специалистов по истории, археологии и истории искусства этого региона.

Московский педагогический
государственный университет
им. В.И. Ленина

З.В. Сердитых

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кошеленко Г.А., 1972. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. № 1.

Кошеленко Г.А., 1976. Генеалогия первых Аршакидов // История и культура народов Средней Азии / Ред. Б.А. Литвинский. М.

Сердитых З.В., Кошеленко Г.А., 1982. О некоторых новых публикациях по искусству Гандхары // СА. № 4.

Caspani E., Cagnacci E., 1951. Afghanistan. Crocevia dell'Asia. Milano.

Sarianidi V.I., Kochelenko G.A., 1992. Les monnaies de la nécropole de Tillia-Tepe (Afghanistan) // Studia Iranica. T. 21. Fasc. 1.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха. Координаторы: М.Г. Мошкова, Б. Дженито. Отв. редактор М.Г. Мошкова. М., 1994. 223 с.

Прочитав эту книгу, я почувствовал глубокое удовлетворение: почти 30 лет мы, одиночки, начинали, а вернее, продолжали начатые еще в 1930-х годах в русской археологии попытки применить статистические методы к археологическому материалу. Казалось, что может быть естественней, но это вызвало тогда насмешки, порой прямое противодействие. Сейчас необходимость статистической обработки массового археологического материала признана почти всеми, применение математических методов стало мощным научным течением в археологии, свидетельством чему и является рецензируемая книга. Она посвящена изучению погребального обряда савроматских племен степей Приуралья и Поволжья. Это исследование оказывается чрезвычайно важным для понимания экономики и общественного строя этих племен, во многом уточняет наше представление о культурных и этнических взаимоотношениях населения двух этих регионов в указанную эпоху.

Книга открывается кратким, очень ясно и точно написанным предисловием М.Г. Мошковой. Отобраны те факты и выводы, которые хорошо доказаны, мнения, устоявшиеся в науке. Значительное место отведено экономике савроматского общества, в частности вопросу о переходе к кочевому скотоводству. Я считаю, что М.Г. Мошкова права, скептически относясь к гипотезе В.П. Шилова, повторенной Н.Я. Мерпертом, о том, что переход к кочевому скотоводству начался еще в ямную эпоху. В.П. Шилов доказывает скотоводческий характер хозяйства носителей ямной культуры. Но это еще не означает наличия специализированной экономики номадизма. Одним из главных аргументов в пользу этой гипотезы является то, что многие ямные курганы расположены далеко от Волги, где якобы не могло быть оседлости. Но бóльшая их часть близка к высохшим протокам древней дельты Волги, где могло быть лиманное земледелие и пастушество (например, в районе Сарпинских озер, Кривой Луки и др.). Довольно частые стоянки ямной культуры в Нижнем Поволжье вряд ли являются стойбищами кочевников; их культурный слой, хоть и тонкий, все же сохраняется, несмотря на эрозию, временную и климатическую. Мне кажется, М.Г. Мошкова ближе к истине, относя начало номадизма в степях Восточной Европы к началу I тыс. до н.э. Мне представляется, что окончательное сложение высоко-

© Г.А. Федоров-Давыдов, 1996 г.

специализированной кочевнической скотоводческой экономики можно археологически сопоставить с резким сокращением керамики в степных памятниках в конце IV—V в. н.э. Но и I тыс. до н.э. в Азиатской Сарматии — это время номадизма.

В заключение своей статьи М.Г. Мошкова четко формулирует спорные вопросы савроматской археологии, предваряя тем самым следующие статьи книги. Она подчеркивает важность решения вопроса о том, была ли в Поволжье и в Приуралье единая савроматская культура с двумя локальными вариантами, или это были разные культуры. Проблема осложнена тождеством обряда для рядовых погребений. Заметим, что вообще проблема определения культурно-исторической общности, археологической культуры или локальных вариантов — вопрос статистический прежде всего, связан с установлением тех пороговых значений показателей сходства и различия археологических комплексов и артефактов, которые разделяют эти археологические явления.

Статья Б. Дженито «Археология и современные концепции социальной организации кочевников» весьма интересна и ценна. Иностранные наши коллеги не в первый раз демонстрируют интерес к социальным реконструкциям. Правилен тезис о том, что первоначально «существовало динамическое общество, где альтернатива номадизма была выбрана полукочевниками или полуземледельцами для обновления своего существования, которое нужно было адаптировать к новым географическим, историческим и другим условиям» (с. 12). Это созвучно гипотезе о более позднем возникновении кочевнического хозяйства, чем III тыс. до н.э. (ямная культура) и даже чем II тыс. до н.э., от которого до нас дошли поселения и свидетельства об оседлости и земледелии в степях, т.е. о комплексном пастушеском хозяйстве. Справедливо оценивает автор роль праздников в кочевническом обществе, предоставлявших «фундаментальные возможности сбора и сплочения всего общества» (с. 14). Автор правильно пишет, что «по сравнению с предшествующими формами лидерства царская власть имеет более четкие и определенные законы наследования» (с. 15). Добавим, что порядок наследования княжеской или царской власти в раннегосударственном обществе — это хороший показатель степени оформления, сложения, развития государства: вначале держава рассматривается как единое достояние всего правящего рода, дома, и наследником выступает старший в этом роде (в следующей последовательности по старшинству: брат или сын старшего, но умершего брата, племянник и т.п.), а потом устанавливается наследование от отца к сыну. Многое в междоусобных войнах феодальных государств объясняется борьбой этих двух систем наследования.

Б. Дженито несомненно прав, когда замечает, что результатом трансформации социальных систем типа «вождества» (видимо, это по привычной нам терминологии общество военной демократии) в ранние государства являются крупные поселения, ремесленные районы в них, парадные здания, роскошь погребального инвентаря, дальняя торговля. Скифы, у которых была, во всяком случае, начальная стадия государственного строя уже в V—IV вв. до н.э., подтверждают этот тезис (кроме парадных зданий).

Следует согласиться с тем, что «функционирование стабильного лидерства» осуществлялось «путем фиксации всех ранговых уровней по их генеалогическому месту» (с. 14). Отсюда восходящие к мифам генеалогии, отождествляющие народ, племя с человеком. Часто эти генеалогии были прикрытием других, совсем не родственных отношений, маскировали отношения зависимости. Потому нам кажется, что писать, что «политико-военная организация» базировалась «исключительно на клановой и племенной структуре» (с. 13), было бы приувеличением. Тысячи и тьмы Чингиз-хана не всегда совпадали с племенным делением монголов и их вассалов.

Вряд ли можно писать, что отсутствие «частной собственности на землю и пастбища исторически мешало подъему настоящего господствующего социально-экономического класса в кочевом обществе» (с. 13). Частная собственность на землю была развита в античное и новое время; в средневековье, как у кочевников, так и оседлых народов господствовала феодальная собственность, что не то же самое. Именно последняя, а не элементы частной собственности на землю, способствовала подъему, возвышению господствующего класса. По вопросу о феодальной собственности на землю у кочевников мне приходилось уже высказываться (Федоров-Давыдов Г.А., 1976), и я продолжаю считать, что она существовала, но в нечетко оформленном юридически и территориально виде, и заключалась во власти над кочевым населением кочевого сеньора, определении им маршрутов кочевий, перераспределении между зависимым населением пастбищ, колодцев и т.п.

Б. Дженито пишет, что «государственная стадия общества кочевников достигалась лишь в процессе завоевания номадами городских обществ земледельцев» (с. 15). В какой-то мере это правильно. Государство Чингиз-хана в результате экспансии переходит в стадию

зрелого государства. Автор пишет, что такие «завоевательные» государства кочевников делятся (по А.М. Хазанову) на два типа: первый базируется на отношениях данничества с интеграцией кочевников и оседлого населения на политическом уровне, второй означает полную «интеграцию пастухов и номадов в общество оседлого типа» (с. 15). Примеры первого типа — государство скифов, гуннов, Хазарский каганат, Золотая Орда. Но примеры второго типа в статье отсутствуют. Вместо них приводится третий тип — государство, при котором кочевой компонент «быстро трансформируется в господствующий класс оседлого населения» (с. 16). Но это, мне кажется, второй тип по Хазанову; а если «господствующий класс» продолжает кочевой образ жизни, то это первый тип.

Вслед за А.М. Хазановым (он вообще первый авторитет для Б. Дженито) автор статьи выделяет пять форм кочевничества. Но это те же три стадии номадизма, определенные С.А. Плетневой, которые она положила в основу типологии всех социально-экономических и культурных явлений у кочевников (Плетнева С.А., 1988). По этому поводу хочется вспомнить прекрасные исследования Н.Э. Масанова по экономике кочевников, показавшего, что тип кочевнического хозяйства и даже тип общины зависит прежде всего от географической среды обитания той или иной группы номадов и мог меняться в зависимости от природно-климатических условий (Масанов Н.Э., 1991). Абсолютизация этих типов как длительных всеобщих эпохальных, стадиальных форм номадизма вряд ли правильна. Я сомневаюсь в том, что была «абсолютная мобильность всего населения без фиксированных маршрутов» (с. 16). Крупные миграции не препятствовали тому, что на новых местах устанавливались новые летовки и зимовки, определялись и закреплялись маршруты кочевий.

Статьи Ф. Бози «Античные источники о савроматах» и Б.Ф. Железчикова «История изучения археологических памятников савроматского времени» написаны с большим знанием дела и весьма ценны. Существенных возражений они не вызывают. Отмечая наличие оружия в женских могилах, Ф. Бози вслед за А.М. Хазановым подчеркивает, что малое число могил с мечом или копьем и большее число со стрелами говорит о том, что женщины не вступали в ближний бой, а участвовали в дистанционных действиях. Вряд ли была такая прямая связь между военной тактикой и обрядом погребения. Ведь и среди мужских много погребений со стрелами без мечей.

Методы организации базы данных описаны в статье В.В. Лазарева и З.А. Барбаруновой. Правильно указаны основные особенности археологического материала: обилие пропусков в данных — следствие неоднородности, разной степени сохранности и изученности памятников, наличия номинальных признаков, принимающих разные значения (например, признак «наличие стрел»: при этом в одном погребении 1 стрела, в другом — 20), обилие качественных номинальных признаков и т.д. Авторы показывают способы устранения этих трудностей и дают на сегодняшний день удовлетворительную таблицу, образующую структуру базы данных и ключ к ее расшифровке. Таблица минимизирует неизбежные потери информации. В результате дается обширный список признаков, лежащий в основе всех последующих исследований. В конце статьи мы находим саму зашифрованную базу данных по погребальному обряду савроматской эпохи по погребениям (всего 509). Приложена карта могильников.

В весьма ценной статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой излагается методика анализа многомерных иерархических данных. Почему многомерных? Потому что объекты сравниваются друг с другом и группируются на основании этого сравнения не по одному или двум признакам, а сразу по нескольким. В нашей литературе еще недавно была принята такая группировка (типология, классификация), при которой на одной оси координат откладывались значения одного признака, на другой — другого. Получали «облако точек». Затем смотрели, как группируются точки в этом двумерном пространстве (например, так называемый метод И.П. Русановой для группировки сосудов по их пропорциям). Некоторые, не ограничиваясь одной парой признаков, брали другую, третью пару и т.д. для тех же объектов. При этом группировку объектов, полученную по одной паре признаков, переносили на график распределения тех же объектов по другой паре признаков. Хорошо, если и там объекты группировались на те же группы. А если этого не получалось, то новое «облако точек» расчленяли искусственно (например, весьма ценные в других отношениях работы Т.А. Хлебниковой по классификации форм болгарской керамики). Но при этом за пределы двумерного исследования распределения объектов не выходили, так как только такое можно наглядно изобразить на бумаге. Но все дело в том, чтобы сравнивать и группировать объекты сразу по многим признакам, т.е. в многомерном пространстве признаков.

Почему иерархических? Потому, что признаки отбираются по тому или иному их показателю.

Хорошо изложена суть факторного анализа и других алгоритмов группировки признаков и объектов. Справедливо указывается на частую в археологии невозможность «жесткого» определения типа и важность привлечения идей теории «нечетких множеств».

К статье приложено несколько таблиц. Таблица 1 — «Признаки и их значения. Исходный вариант». Эта таблица не совпадает с табл. 3 на с. 46—52 (к статье В.В. Лазарева и З.А. Барбаруновой), которая представляет список признаков и их кодировку: список признаков в табл. 1 довольно сильно сокращен, что не совсем понятно. Может быть, эти таблицы стоило бы объединить. Звездочками обозначены однородные и информативные признаки (эти значения приводятся в табл. 2 и 3). Эти признаки отобраны и приведены с новой нумерацией (табл. 5), что, по-моему, излишне и затрудняет читателя.

В составленную с новой нумерацией табл. 5 попадают отобранные признаки. Третий столбец этой таблицы лучше было бы обозначить как «значение», а не «категория» (поскольку этому слову в археологии придают иной смысл). В табл. 6 даются средние значения признаков по могильникам, т.е. средние частоты погребений, содержащих данный признак в могильниках. Применяя далее алгоритм Fuzzy izodata, авторы группируют могильники по сходству частот встречаемости в каждом из них признаков на три класса (табл. 7). Этот же принцип группировки могильников по частоте признаков мы находим и в других археологических исследованиях (так называемый метод Генинга—Борзунова и др.). Следует заметить, что при такой группировке могильников существует серьезная опасность получить неадекватный материалу результат. Ведь признаки соединяются в типы, и в каждом могильнике это соединение может происходить по-разному. Два могильника могут быть похожими по частоте встречающихся там признаков и совершенно различны по тому, как эти признаки соединяются, т.е. по частоте встречающихся там типов погребальных комплексов. Нам представляется, что сначала нужно установить типы погребений как устойчивые сочетания признаков, а потом сравнивать могильники по частотам, с какими тот или иной тип встречается в каждом из них.

Авторы на основании матрицы коэффициента Райского (табл. 3) группируют признаки: 1, 3, 4—8, 29 (они характеризуют погребения в целом), 9—16 (оружие и украшения), 27, 28, 33—37 (ритуальные объекты и вещества) и 17—20, 22, 24—26, 31 (заупокойная пища). Но откуда взялись эти номера? На табл. 14 в первом и в предпоследнем столбце мы находим другие номера: оружие и украшения — № 19—37 или № 89—107. На табл. 5, в которой принята новая нумерация, это № 62—64.

Статья Б.Ф. Железчикова посвящена общей характеристике исходных признаков погребального обряда савроматского времени. Автор берет 512 погребальных комплексов. Сначала он исследует частоту признаков. Определяет среднюю норму их распределения (табл. 1). Судя по тексту на с. 129, это и есть средняя частота погребений с данным признаком по всем могильникам. Эта таблица в сочетании с данными о частотах признаков для отдельных регионов действительно дает общую характеристику признаков савроматского обряда. Выявляются некоторые тенденции в его временном развитии и территориальном распространении. Например, устанавливается, что чем моложе курганы, тем чаще в них встречается несколько савроматских погребений, примерно одновременных (с. 130). Остается, правда, «за сценой», как автор датирует погребения внутри савроматского периода. Устанавливается также, что западная ориентировка преобладает в Нижнем Поволжье, в могильниках же Южного Урала есть значительная доля погребений с восточной, а с V в. до н.э. появляется южная (с. 130).

Далее автор исследует иерархию признаков. В табл. 2 он дает коэффициенты энтропии признаков, располагая их по мере уменьшения этого коэффициента. От табл. 2 на с. 102 она отличается только новой нумерацией и порядком расположения признаков. Затем был составлен список признаков с повышенной информативностью. Но все это было уже в статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. После этого строятся графы сопряженности признаков по матрице коэффициентов сопряженности Райского (табл. 3, 4). Это, очевидно, матрица, помещенная в той же статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой (табл. 3 на с. 104—108). Результаты Б.Ф. Железчикова в целом совпадают с группировкой признаков в этой статье (с. 89), но из-за разной нумерации признаков это трудно проследить. Может быть, следовало бы сохранять нумерацию (точнее, одну из систем нумерации) признаков, принятую в статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. Следовало бы указать, что на графах (табл. 3, 4) принята нумерация признаков, данная на с. 134, так как в статье Б.Ф. Железчикова есть и другая нумерация признаков (в табл. 2 на с. 132, 133). При составлении

графов (табл. 3, 4) автор удачно применяет метод последовательного снижения порога (в данном случае коэффициента сопряженности Райского), чтобы нащупать тот критический порог, после которого граф весь покрывается линиями связей и становится бессмысленным. Этот метод следует применять при подобного рода исследованиях. Мы назвали его простой последовательной группировкой (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 152).

Как Л.И. Бородкин и И.М. Гарскова, Б.Ф. Железчиков применяет предложенный мною принцип отбора и группировки признаков по их информативности и неравномерности (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 120, 121, 170, 171, 196, 198). Признаки с большой информативностью и средним коэффициентом неравномерности в данном случае связаны с локальными вариантами двух основных регионов распространения савроматской культуры (или двух культур). В статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой этот коэффициент назван «критерием однородности» и вычисляется как нормированная энтропия распределения признаков (с. 88).

Далее автор классифицирует погребения при помощи кластер-анализа по сопряженности признаков. Как это делается, читателю не сообщается. Краткого объяснения в начале с. 137 недостаточно. Ведь кластер-анализ, проведенный по сопряженности признаков, группирует признаки, что и сделано было в статье Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой (с. 89). Как автор переходит от этой группировки к разбиению погребений на группы для каждого могильника, неясно. Может быть, автор исследовал по 81 признаку сходство каждой пары погребений в каждом могильнике? Тем не менее получены очень важные и интересные результаты. В каждом могильнике выделяются группы. В целом эти три группы соответствуют, очевидно, трем группам населения: рядовые общинники, военная знать и женщины-жрицы (с. 139). В заключении этого раздела автор приходит к выводу, что нельзя делить памятники Южного Приуралья на принадлежащие двум разным этническим группам (с. 139). Но ведь кластер-анализ, проведенный автором, выделил группы, отражающие социальный состав населения, а не этнические его особенности. В отношении памятников Нижнего Поволжья автор говорит о возможности отнесения их к другому этносу (археологической культуре). Это подтверждается следующим разделом, посвященным классификации 23 могильников при помощи Fuzzy-анализа.

Сказанное по поводу статьи Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой о сравнении могильников по частоте признаков обряда погребения можно отнести и к этому разделу работы Б.Ф. Железчикова. Мы считаем, что сравнение могильников следовало бы проводить по частоте типов погребений. Б.Ф. Железчиков в предыдущем разделе определил для каждого могильника группы погребений. Но они слишком расплывчаты по своим характеристикам, чтобы служить для сравнения и установления близости, сходства могильников. Новоорский могильник содержит три группы погребений. Эти группы совершенно другие, чем в могильниках Мечет-Сай, Увак, Тара-Бутак, Пятимары. Это соответствует картам, иллюстрирующим близость между могильниками (табл. 6, 8), очевидно, установленную по сходству частот в них погребений с тем или иным признаком. Но и те могильники, которые сближены на картах, имеют разные группы погребений, содержащиеся к тому же в разных пропорциях (Никольское—Аксеновский). Видимо, для сравнения могильников нужна классификация другого рода: классическое «дерево» классификации, в котором вся совокупность объектов (в данном случае погребений) сначала разбивается по одному признаку, полученные подразделения затем разбиваются по другому и т.д., а порядок разбиения, как мы предложили, определяется степенью информативности и неравномерности признаков (Федоров-Давыдов Г.А., 1987, с. 196—198). Полученные таким образом разновидности исследуются на типичность по силе связей типообразующих признаков внутри них. Тип, таким образом, понимается как устойчивое сочетание определенных признаков. Тогда-то и открывается возможность определить степень близости могильников по частоте в каждом из них разновидностей погребений. При этом типическим разновидностям, как «главным», может быть придан большой вес, а нетипическим — малый или нулевой.

Но вернемся к картам-таблицам 6 и 8. Явно не хватает матрицы показателей попарной близости (сходства) могильников, на основании которой эти карты составлены. Заметим, что место Никольского могильника показано неточно: он ближе к Волге. Следовало бы на карте-таблице 6 сохранить нумерацию табл. 5, чтобы было легче их сопоставить. То же касается и таблиц 7, 8. Очевидно, карта-таблица 6 отличается от карты-таблицы 8 пороговым значением показателя попарного сходства могильников. Но это не указано.

Далее следует весьма ценный и интересный раздел по факторному анализу методом главных компонент. Не совсем понятно, почему пятая компонента, в которой самые большие положительные нагрузки несут «ямы квадратные и подбойные, захоронения

взрослого человека, разные кости животных, лежащие слева, наличие перекрытия ям», можно назвать «социально значимой» (с. 145). Сами по себе эти признаки социальной нагрузки не имеют.

Несмотря на спорные вопросы и некоторые мелкие недочеты, статья Б.Ф. Железчикова представляет существенный вклад в статистическое изучение археологического материала вообще и савроматского погребального обряда в частности.

Сложнейшим вопросам изучения погребального обряда как источника исторических реконструкций посвящена статья Р. Бишони. Автор справедливо замечает, что исходная посылка анализа погребального обряда двойственна. С одной стороны, он отражает социальную роль отдельного человека. С другой — в вариациях погребального обряда в могильниках отражается структура всего общества. Основным методом, замечает автор, при социологических реконструкциях является выделение кластеров (групп) статистическими методами, что хорошо показал в предыдущей статьи Б.Ф. Железчиков. Вместе с тем Р. Бишони считает, что в итальянской археологической литературе общепринятой, универсальной методологии (лучше сказать методики) в этом вопросе нет. Добавим, что она отсутствует и в советской, и в российской археологии.

Обширная статья М. Бернабей, Л. Бондиоли, А. Гуиди «Социальная структура кочевников савроматского времени» является крупным шагом на пути создания такой методики. Авторы хорошо понимают трудности этой темы. Так, правильным представляется их заявление, что при изучении погребального обряда отсутствие некоторого признака не всегда может означать сходство между объектами (с. 159). Поэтому для определения сходства между погребальными комплексами они используют коэффициент, не учитывающий общего отсутствия признаков. Авторы применяют методы группировки объектов: иерархический кластерный анализ, классификацию методом поиска общих «ближайших соседей», «сериацию», под которой авторы понимают прослеживание «нормальной» кривой зарождения, роста, достижения максимума развития и исчезновения какого-либо явления (заметим, что такая кривая не обязательно должна быть кривой нормального распределения, не обязательно симметричной). Интересен для нас метод определения «индекса статуса» и «индекса редкости» для отдельных категорий вещей.

Авторы отдают себе отчет в трудностях исследования соотношения полов в погребальном ритуале по кочевническим могильникам, складывавшимся в течение длительного периода, в которами значение женщины могло существенно измениться (с. 163). Дендрограммы, полученные авторами по матрице сходства признаков, показывают, как и исследования Б.Ф. Железчикова, различия Волго-Донского и Уральского регионов (с. 164).

«Исследования» суммарного индекса статуса для мужских и женских погребений этих двух регионов приводят авторов к важным и интересным выводам о социальной дифференциации общества: смещение гистограммы суммарного индекса статуса влево, т.е. большое число погребений низкого статуса, но с уменьшением числа могил с наименьшим суммарным индексом статуса для мужчин в Уральском регионе, и резкое уменьшение погребений с совсем низким суммарным индексом статуса и увеличение доли погребений со средними значениями этого показателя среди мужских погребений Волжского региона (рис. 4, 9). Интересно многомодальное распределение женских погребений по суммарному индексу статуса с увеличением доли богатых могил (рис. 6). Все это очень важно и означает некоторый прорыв в неизведанную еще область изучения могильников. Любопытно, что в ряде мужских погребений максимальное значение суммарного индекса статуса принадлежит могилам без оружия.

Можно высказать ряд претензий к этой статье.

Вряд ли правильно при анализе социальной структуры ограничиваться инвентарем, пренебрегая погребальными сооружениями (с. 159). Авторы трансформируют матрицу с характеристиками погребального инвентаря таким образом, что не учитывается количество вещей какой-то категории, и при этом заявляют, что такая потеря информации не влияет на результаты исследования (с. 159). Вряд ли это так. Во всяком случае авторы этого не показали. Нужно создать методику, при которой сходство объектов будет существенно понижаться, если в одном погребении найдена, скажем, 1 стрела, а в другом — 20.

На с. 165 со ссылкой на табл. 2 говорится о «сериации». Но это совсем не то, что авторы разумеют под «сериацией» на с. 162. Новое понимание этого слова авторами статьи мы находим на с. 162, где читаем: «кластерный анализ и алгоритмы сериации выявили по меньшей мере две группы инвентаря». На табл. 2 никакого алгоритма нет, там просто указывается, в каком могильнике какие признаки встречаются, причем без учета

погребений. Совершенно непонятно, что такое более «шаровидная» структура в женских могилах (с. 169). Структура чего? Что значит «шаровидная»?

Одно общее замечание: Авторы книги оперируют понятием «могильник» как неким комплексом погребений. Но ведь кочевнические могильники — это совсем не то, что могильники оседлых народов. Редко, когда курганные могильники в степи оставляет одна какая-нибудь группа номадов. Обычно курганные группы — это случайные соединения погребений разных эпох. Это авторы понимают, чувствуют, но об этом следовало бы сказать четко, с самого начала. Нет могильника Кривая Лука, а есть более 30 могильников, некоторые из них отстоят друг от друга более чем на 10 км. Выбранные из этих групп курганов погребения савроматской эпохи не представляют памятник одной какой-то кочевой группы. Поэтому анализ по социальным группам погребенных дает весьма случайную, смазанную картину социальной структуры савроматов.

Эта смазанность уменьшилась бы, если бы удалось доказать, что кочевая группа хоронила своих покойников не где придется, цепляясь за старые курганы, а в определенных точках своих устоявшихся маршрутов. Намеки на это дает этнография, но только намеки.

В целом рецензируемая книга представляет крупный вклад в науку. С ее выходом археология сделала большой шаг вперед на пути формализации своих исследований, разработки методов социологических реконструкций, упрочения объективности своих выводов. Огромен труд ответственного редактора М.Г. Мошковой, которая выверила разнородные тексты и таблицы, свела их к некоторому необходимому единству, привела переводы итальянских коллег к удобочитаемой для русских ученых форме. Сделанные мной замечания не снижают общей очень высокой оценки этого выдающегося археологического труда. Будем с нетерпением ждать второго выпуска этой серии статистических исследований по сарматской археологии.

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Г.А. Федоров-Давыдов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Масанов Н.Э., 1991. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма. Автореф. дис. ... д.и.н. М.

Плетнева С.А., 1988. Кочевники Средневековья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Общественный строй кочевников в средние века // ВИ. № 8.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Jan Chochorowski. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1993. 327 p.

Среди наиболее значимых и актуальных разделов киммерийской истории выделяется проблема пребывания киммерийцев в Центральной Европе. Долгое время она не привлекала должного внимания исследователей Восточной Европы. В то же время «киммерийские», «фрако-киммерийские» или просто «предскифские» (по терминологии разных авторов) материалы Центральной Европы крайне важны для изучения многих вопросов собственно киммерийской истории Северного Причерноморья и Предкавказья. Убедительным подтверждением этого положения является недавно опубликованная книга известного ученого и археолога из Кракова Яна Хохоровского «Киммерийская экспансия на территорию Центральной Европы».

Работа состоит из восьми глав и приложения с указанием пунктов находок киммерийского горизонта в Центральной Европе. Первая, своего рода вводная, глава называется «Киммерийцы и киммерийская культура». В ней анализируются сообщения письменных источников о киммерийцах, а также вопросы их локализации и культуры. Обзор античных и древневосточных нарративных документов позволяет Я. Хохоровскому

© С.В. Махортых, 1996 г.

рассматривать киммерийцев как кочевой народ, занимавшийся скотоводством. Письменные источники, по его мнению, не оставляют сомнений в том, что это были воинственные, мобильные и сильные в военном отношении номады, что делало их грозным противником даже для могущественных держав древнего Востока.

Особое внимание Я. Хохоровский уделяет эпизоду из «Истории» Геродота (IV, II) о конфликте между киммерийцами, закончившемся братоубийственной битвой «царей» у р. Днестр (с. 11, 14). Он полагает, что в этом эпическом по форме рассказе нашел отражение один из этапов (заключительный) «скифо-киммерийского конфликта», который следует датировать между 680 и 660 гг. до н.э.

Локализация «причерноморских» киммерийцев имеет важное значение, по мнению автора, прежде всего в контексте идентификации их реального исторического существования с точно определяемым культурным комплексом. Причем Я. Хохоровский считает, что археологические реалии киммерийцев должны хотя бы частично синхронизироваться с историческими событиями, изложенными в письменных сообщениях (с. 16). В связи с этим ученый справедливо замечает, что любые попытки отождествления с киммерийцами таких культур эпохи бронзы, как, например, катакомбная или сабатиновская, следует признать неудачными с методологической точки зрения. Сам же исследователь, отмечая актуальность вопроса и опираясь на разработки А.И. Тереножкина, не видит серьезных оснований сомневаться в тождественности комплекса черногоровско-новочеркасских находок культуре исторических киммерийцев.

Как и некоторые другие исследователи (Т. Сулимирский, М.И. Артамонов, С.В. Махортых) Я. Хохоровский отмечает, что территория, занимаемая киммерийцами, не была постоянной и изменялась в зависимости от сложившихся исторических условий, добавляя при этом, что передвижения номадов в западном направлении наложили свой отпечаток на их этнический облик, способствуя «фракизации» ираноязычных киммерийцев на заключительном этапе предскифского периода (с. 19).

Проникновение киммерийских элементов в соседние с Северным Причерноморьем культурные образования (древнемеотская, кобанская и другие культуры) Я. Хохоровский связывает с всеобщим процессом надрегионального характера (с. 23). Он видит в этом проявление давления со стороны киммерийцев, которое принимало различные формы в зависимости от культурных, политических или географических условий и обстоятельств. Обращает на себя внимание в этой связи и киммерийский горизонт материалов в Центральной Европе, изучение которого является основной задачей рецензируемой монографии.

Во II главе («Горизонт находок киммерийских на территории Центральной Европы») рассматриваются вопросы историографии, источниковой базы исследования, а также критерии выделения этого горизонта. В течение почти 70 лет, которые прошли со времени введения П. Рейнеке в научный оборот понятия «фрако-киммерийские» древности, тема эта не потеряла своей актуальности и сегодня. Я. Хохоровский довольно сжато и вместе с тем полно показывает развитие и главные тенденции изучения проблемы киммерийского горизонта древностей в центральноевропейской литературе. Можно говорить о существовании двух основных групп ученых, одна из которых выдвигает на первый план значение этих находок как хронологического индикатора или показателя торгово-экономических связей между Карпатской котловиной и Кавказом в древности (Ф. Хольсте, Д. Газдапустаи, В. Подборский и др.)[1]. Другая группа (С. Галлуш, Т. Хорват, Д. Харматта и др.) придерживается убеждения о важной роли физической экспансии восточных, предскифских номадов, отождествляемых с киммерийцами, на территории Центральной Европы. Последняя точка зрения после открытия в 70–80-х годах в восточной Венгрии культуры Мезотчат (Э. Патек, Т. Кеменцеи) получила новый импульс, поставив тем самым вопрос не только о разрушительных набегах, следствием которых было распространение деталей узды и вооружения киммерийского типа, но и о вероятном перемещении к западу и оседанию (прежде всего на Венгерской Низменности) значительных групп населения восточного происхождения. Для обоснования этой концепции стали использоваться и данные письменных источников (Chochorowski J., 1987).

Общей чертой, объединяющей многих сторонников вышеназванных точек зрения, является признание ими важности киммерийского горизонта древностей в культурном

---

[1] В свою очередь заметим, что, соглашаясь с важностью торговых связей между этими регионами, необходимо подчеркнуть и особую роль киммерийцев, которые, контролируя важнейшие сухопутные коммуникации, принимали активное участие в торговле и обмене между различными регионами и народами древности (Бокий Н.М. и др., 1991; Махортых С.В., 1992 а, с. 155; 1992 б).

развитии центральноевропейского ареала, где они определяют конец развития предшествующей формации культуры полей погребальных урн и образование новой – раннегальштатской (с. 31). Обращает на себя внимание и тот факт, что присутствие материалов киммерийского горизонта в области формирования гальштатской культуры наложило свой отпечаток на облик этого образования.

Далее автор определяет свой подход к решению проблемы киммерийского влияния в Средней Европе. Его суть в комплексной оценке трех факторов: киммерийских находок со всей территории Центральной Европы; культурных изменений на территориях, охватывающих пределы этого явления в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века; письменных источников, указывающих на возможность проникновения в Карпатскую Котловину зафиксированных исторически этнических групп (с. 33).

Выделение среди материалов Центральной Европы горизонта находок «фракокиммерийских» только кажется легким. По истечении нескольких десятков лет, которые прошли с момента введения самого понятия в научную литературу, этим термином определялись настолько разнородные археологические явления, что нахождение сейчас общего знаменателя между ними практически невозможно. Заслугой Я. Хохоровского является то, что определение «фракo-киммерийских» древностей в Центральной Европе он ставит в прямую зависимость от выделения в Восточной Европе культурных явлений, соответствующих историческим киммерийцам. Однако исходя из того, что черногоровско-новочеркасские материалы находят многочисленные аналогии на Северном Кавказе (древнемеотская и кобанская культуры) и Средней Волге (ананьинская культура), ученый считает, что соответствия для центральноевропейских находок «фракo-киммерийского» горизонта следует искать во всем указанном окружении, локализующемся между Нижним Дунаем, Средней Волгой и Северным Кавказом. Такой «расширительный» подход, как справедливо считает Я. Хохоровский, делает его независимым (хотя бы отчасти) от разногласий, существующих вокруг характера, этнической принадлежности и хронологии находок черногоровско-новочеркасского типа, а также позволяет охватить это явление в максимально широком масштабе.

Основой анализа явления, определяемого понятием «киммерийское влияние», являются все опубликованные находки с территории Центральной Европы, относящиеся к «фракокиммерийским», «предскифским» или «киммерийским». В дальнейшем для упрощения автор использует только последний термин, хотя и отмечает при этом его условность и определенную этническую нагрузку. Помимо центральноевропейских, в работе учитываются и находки с близлежащих территорий, например, Болгарии, Македонии или Италии. Такой подход был продиктован желанием охвата всех киммерийских материалов, обнаруженных за пределами восточноевропейских степей. С точки зрения ассортимента эти материалы подразделяются на собственно киммерийские формы, находящие прямые соответствия в памятниках типа Черногоровско-Новочеркасского клада, а также «синкретические» изделия. В последних только частично использовались техническое решение либо стилистические черты, типичные для киммерийского окружения. Я. Хохоровский также специально рассматривает и местные материалы, найденные в одном комплексе с киммерийскими. Они, как считает автор, делают возможным характеристику культурно-хронологического контекста горизонта киммерийских находок в Центральной Европе (с. 38).

Самой большой в книге является III глава «Находки киммерийского горизонта в Центральной Европе». По своей полноте и охвату она не имеет аналогов в центральноевропейской литературе и принадлежит к числу несомненных заслуг Я. Хохоровского.

Среди материалов киммерийского горизонта особенно выделяются элементы конской узды, составляющие наиболее характерную и разнообразную категорию находок. Как правило, это бронзовые уздечные принадлежности: удила, псалии, фаллары, разнообразные бляхи и пронизи[2]. Важным дополнением к работе являются тщательно выполненные иллюстрации и многочисленные карты, в том числе показывающие распространение находок киммерийского горизонта в Средней Европе.

Я. Хохоровский дает подробную типологическую и хронологическую характеристику удил, описывая среди них пять типов, которые в свою очередь подразделяются на варианты. Опираясь на классификацию А.А. Иессена, основным критерием он считает форму окончания внешних концов удил, выделяя при этом в самостоятельный тип двусоставные удила с дополнительными привесками (с. 42).

---

[2] Известны среди них и костяные принадлежности, главным образом псалии (Батина, Сахарна, Царевка и др.), которые, однако, не были упомянуты автором.

К древнейшим удилам в Центральной Европе, по мнению Я. Хохоровского, относится стремечковидная форма[3]. Она продолжает встречаться здесь до появления материалов новочеркасской группы памятников, после чего выходит из употребления[4] (с. 53). По всей вероятности, именно эта форма удил обусловила появление в Центральной Европе удил с окончаниями в виде перевернутого стремечка или буквы D, которые с точки зрения типологии, являются центрально-европейскими дериватами. Что касается однокольчатых удил, то они также появились на рассматриваемой территории довольно рано, но, в отличие от остальных типов, использовались длительное время, вплоть до гальштатского. Из трех вариантов однокольчатых удил (Печ-Якабхедь, Эсте, Забори) только последний не находит близких соответствий в восточноевропейском регионе, вероятно, являясь местной разновидностью. Однокольчатые удила с дополнительными привесками, по мнению ученого, появились в Средней Европе в период, соответствующий начальной фазе новочеркасских древностей, причем дополнительные привески были конструктивным решением, генетически связанным с Предкавказьем. Вместе с тем Я. Хохоровский отмечает независимость центральноевропейского культурного окружения от новочеркасского набора образцов (с. 54). Выражается это и в отсутствии здесь типичных для новочеркасской группы двукольчатых удил. Заметим, однако, что этот аргумент не может иметь решающего значения, поскольку однокольчатая форма удил, так же как и двукольчатая, была составляющим компонентом новочеркасского культурного комплекса (Махортых С.В., 1992в, с. 154). Подтверждает это и то обстоятельство, что только эти два типа удил сопровождались дополнительными привесками, столь популярными в Центральной Европе и на Северном Кавказе в предскифский период.

Остается, однако, не совсем понятным, почему при рассмотрении однокольчатого типа удил автором не была упомянута железная находка из могильника Мезотчат в Венгрии. Правда, далее, в VI главе она отнесена к гальштатским культурным элементам, характерным для периода HaC (с. 235). Вместе с тем Я. Хохоровский отмечает значительные запасы железной руды в северных областях Альфельда, где и находился могильник Мезотчат. По его мнению, именно здесь при изготовлении металлических деталей узды происходило преодоление технологического барьера (бронза – железо) при сохранении стилистического единства (с. 274). Учитывая это обстоятельство, а также «архаические» находки железных однокольчатых удил в предскифских памятниках Молдовы (Сахарна, Пуркары и др.), правильнее, на наш взгляд, относить удила из Мезотчата не столько к гальштатским, сколько к более древним «киммерийским» формам.

Из числа всего анализируемого в этой главе материала наиболее часто рассматривались в центральноевропейской литературе псалии. Однако, как справедливо замечает Я. Хохоровский, существующие классификации трудны для применения: с точки зрения незначительной источниковой базы, отсутствия надежной корреляции между различными системами деления и т.д. (с. 55). В этой ситуации наиболее интересными представляются типологические разработки А.И. Тереножкина, в основу которых были положены стержневидные трехдырчатые и трехпетельчатые лопастные псалии. Это деление в целом отвечает критериям дифференциации центральноевропейских псалиев и может быть отправной точкой в их классификации.

Я. Хохоровский выделил семь типов псалиев. Наиболее широко использовался тип Дунакемлед, подразделяющийся в свою очередь на девять вариантов. Его форма является синкретической и занимает промежуточное положение между псалиями типа Малая Цимбалка и Кобан-Посадка (с. 70). Нельзя не согласиться с автором, что присутствие в анализируемом материале находок специфического характера, не имеющих аналогий за пределами Центральной Европы, позволяет трактовать значительное их число как автохтонную систему, руководствующуюся собственными законами развития. Вместе с тем на эволюции этой категории находок сказалось и киммерийское влияние. Последнее подтверждает и бытование в Центральной Европе нескольких типов псалиев, имеющих восточноевропейское происхождение (Черногоровка, Майкоп и др.).

Примечательно, что среди наиболее архаичных разновидностей псалиев IX–VIII вв. до

---

[3] В принципе, не отрицая такой возможности, следует отметить, что это предположение в значительной степени априорно, поскольку опирается на три случайных находки и одну в комплексе из Забори, которая датируется VIII в. до н.э.

[4] В хронологии памятников позднейшего предскифского периода Я. Хохоровский придерживается точки зрения А.И. Тереножкина, согласно которой черногорские памятники датируются 900—750 гг. до н.э., а новочеркасские — 750—650 гг. до н.э.

н.э., помимо Черногоровского, Камышевахского, Цимбальского, Я. Хохоровский называет также типы Майкоп, Посадка, Дунакемлед (вариант Штильфрид), в которых отчетливо прослеживается связь с новочеркасскими древностями Предкавказья (с. 67, рис. 3). Это, однако, находится в противоречии с хронологическими построениями самого автора, который вслед за А.И. Тереножкиным придерживается датировки новочеркасских памятников 750–650 гг. до н.э.[5] Эти, а также ряд других центральноевропейских предметов, были прямо или косвенно связаны с новочеркасским кругом древностей: удила типа Гьюла, псалии Дунакемлед (вариант Яньево), детали упряжи колесниц (ременные разделители с тремя вертикальными прорезями, кольца с дополнительными привесками), разнообразные бляхи и лунницы, булава с четырьмя выступами (Физешу Герли II), конеголовые скипетры, железные наконечники копий с отверстиями в основании пера. Это не позволяет нам согласиться с утверждением автора о том, что в период возникновения и массового распространения в Восточной Европе форм типа Новочеркасского клада они были мало связаны с киммерийским горизонтом находок в Центральной Европе (с. 54, 70). Приведенные выше данные свидетельствуют об обратном, а именно в проникновении в Центральную Европу (скорее всего посредством кочевников) новочеркасских культурных традиций и присутствии здесь целого пласта собственно новочеркасских или тесно связанных с ними материалов[6]. Причем процесс этот имел место как в «черногоровский», так и в «новочеркасский» периоды, хронологические границы между которыми представляются сейчас трудноразличимыми[7].

Вместе с тем следует согласиться с мнением автора о достаточном своеобразии уздечных наборов киммерийского горизонта в Центральной Европе (и в первую очередь псалиев), которые, опираясь на более ранние киммерийские традиции, прошли длительный путь самостоятельной эволюции. Со временем в Центральной Европе, видимо, появился собственный центр производства конского снаряжения, отдельные элементы которого (удила с окончаниями в виде перевернутого стремечка, «муфтовые» псалии) проникали даже в Причерноморье и на Северный Кавказ (Махортых С.В., 1994б, с. 124).

Помимо удил и псалиев, Я. Хохоровский подробно рассматривает целый ряд других принадлежностей конского убора: разнообразные бляхи, фаллары, пронизи, лунницы и т.д. Особый интерес представляют так называемые привески-соединители (типы Прюдь и Ципэу) (с. 78–79, 83). Отмечая их инновационный характер, автор пишет, что в Средней Европе отсутствуют комплексы, на базе которых можно было бы воссоздать типичный набор металлических деталей узды с участием колец с дополнительными привесками. Последние, однако, хорошо известны в новочеркасских комплексах Восточной Европы (и прежде всего Северного Кавказа), где они связываются с деталями упряжи колесниц (Эрлих В.Р., 1994). В свою очередь заметим, что датировка клада Прюдь (IX–VIII вв. до н.э.) и находки в западных областях Украины (Крушельницька Л.І., 1985; с. 82, рис. 26, *9*; Смирнова Г.И. и др. 1994, с. 138, рис: 2, *1*, *2*) позволяют нам не согласиться с утверждением В.Р. Эрлиха о распространении колесниц у киммерийцев лишь в последней четверти VIII – первой половине VII в. до н.э. исключительно вследствие их переднеазиатских походов и предположить их появление на юге Восточной Европы в более раннее, предшествующее этим походам время.

Среди находок киммерийского горизонта в Центральной Европе оружие и элементы воинской экипировки не столь многочисленны, как детали конского снаряжения, однако, они также составляют характерную группу инвентаря. На рассматриваемой территории

---

[5] Следует отметить, что в последнее время наметилось удревнение новочеркасских древностей, вплоть до IX в. до н.э., что находит свое подтверждение и в центральноевропейских материалах (Эрлих В.Р., 1991, с. 38, 39; Махортих С.В., 1992 г.).

[6] Со времени выделения Новочеркасской группы число памятников, входящих в ее состав, значительно увеличилось. Выявлены комплексные материалы, главным образом в Пятигорье и Закубанье, в ареале рапространения древнемеотской и кобанской культур Северного Кавказа, которые позволяют проследить эволюцию и генезис компонентов, которые составляют Новочеркасскую группу. В то же время следует предостеречь от слишком «узкого» понимания новочеркасского культурного комплекса, который не ограничивался собственно Новочеркасским кладом (двукольчатые удила, трехпетельчатые псалии, длиннотульчатые наконечники стрел), а был значительно шире (Махортих С.В., 1992 г, с. 23, 24). Новочеркасский культурный комплекс рассматривается сегодня в целом как оригинальный сплав местных северокавказских и пришлых раннекочевнических традиций и форм (Дударев С.Л., 1991; Махортых С.В., 1994а).

[7] Заслуживает внимания в этой связи наблюдение Я. Хохоровского, сделанное на основании рассмотрения удил и псалиев, соединенных друг с другом «жесткой» системой крепления, о переживании черногоровских культурных традиций в Центральной Европе вплоть до окончания прескифского периода (с. 78).

встречаются практически все основные категории вооружения, известные в комплексах киммерийской культуры Восточной Европы, за исключением, пожалуй, только наконечников стрел. Объясняется это, по мнению Я. Хохоровского, спецификой центральноевропейских этнических образований, в которых не получили широкого распространения характерные для ранних кочевников отряды конных лучников (с. 111). По всей вероятности, у центральноевропейского населения главную роль играли рубяще-колющие и древковые виды оружия, и прежде всего кинжалы и наконечники копий.

Типологическая и хронологическая оценка «киммерийских» кинжалов в Средней Европе едва ли возможна без хотя бы краткого рассмотрения их генезиса и развития в Восточной Европе. Исходя из этой посылки, Я. Хохоровский дает подробный обзор точек зрения на происхождение биметаллических мечей и кинжалов в Восточной Европе, пытаясь определить среди них место центральноевропейских находок. Относительно небольшая выборка (9 экз.) центральноевропейских кинжалов «киммерийского» типа свидетельствует о том, что в вышеназванных областях эта форма оружия не получила широкого распространения (с. 121). Касаясь их хронологии и ссылаясь на восточноевропейские параллели, автор относит эти находки к «раннему пласту» киммерийского горизонта в средней Европе и датирует не позднее середины VIII в. до н.э. В отличие от кинжалов, «киммерийское» происхождение железных наконечников копий с отверстиями в основании пера вызывает сомнения. Датируя их главным образом VIII в. до н.э., Я. Хохоровский не исключает возможности того, что генетически они связаны со Средиземноморьем (с. 128). Автор также предполагает центральноевропейское происхождение бронзовых конеголовых скипетров (с. 134), что в свою очередь свидетельствует о сложности и неоднозначности слагаемых «киммерийского» горизонта в Средней Европе.

В составе закрытых комплексов этого горизонта, наряду с восточноевропейскими (степными и кавказскими) и синкретическими (фрако-киммерийскими) находками известны материалы местного происхождения. Исходя из этого, рассмотрение их в отдельной главе IV («Местные элементы в комплексах киммерийского горизонта на территории Центральной Европы»), представляется вполне обоснованным. Преобладают среди этих элементов орудия труда (кельты, серпы, ножи) и украшения (булавки, застежки, браслеты), в то время как детали конской узды немногочисленны[8]. Это является наилучшим показателем зависимости центральноевропейского культурного окружения в этой сфере от восточноевропейского фактора (с. 142). Местные находки образуют своеобразный центральноевропейский фон анализируемого горизонта, отражая (отчасти) локальный колорит культурного окружения, на который наложились киммерийские элементы. Состав, специфика и количество форм центральноевропейского происхождения в «киммерийских» комплексах могут отражать характер и ход происходящих в Центральной Европе процессов, а также их хронологию. С достаточной убедительностью об этом свидетельствует следующая глава V «Хронология киммерийского горизонта в Центральной Европе».

В ней автор показывает тенденции и состояние изучения проблемы, объективные и субъективные трудности в ее решении. По мнению Я. Хохоровского, отправной точкой здесь должна быть оценка хронологических рамок всего горизонта, затем необходимо рассмотреть его внутреннюю дифференциацию, причем не только во времени, но и в пространстве (с. 180).

Касаясь вопроса хронологических реперов и отмечая ограниченные возможности восточноевропейских аналогий, ученый считает правомерной трактовку горизонта киммерийских материалов как автономной системы и оценку их хронологии в контексте местных центральноевропейских находок[9] (с. 181).

Хронологические рамки горизонта находок киммерийского типа в Средней Европе

---

[8] По нашему мнению, не совсем верным является отнесение к местным изделиям «бус» (?) из Батины и Сеники (с. 168, рис. 29, 4, 5), которые находят аналогии на Северном Кавказе среди деталей конского убора (Эрлих В.Р., 1994, с. 144, табл. 21, *б*; Виноградов В.Б. и др., 1980, с. 195, рис. 6, *20*).

[9] Более правильной нам представляется хронологическая оценка киммерийских комплексов Центральной Европы на основании анализа как местных, так и восточноевропейских материалов, а также синхронизации их друг с другом. Это поможет корреляции центральноевропейской и восточноевропейской хронологических систем, каждая из которых в отдельности не является безупречной, а также будет способствовать получению наиболее объективных и достоверных результатов. В качестве примера приведем клад из Гамова, относимый автором к древнейшим комплексам с киммерийскими элементами в Центральной Европе (HaB2), несмотря на обнаружение в нем ряда местных находок (мечи, нож), которые по центральноевропейской хронологической системе датируются периодом HaB3 (с. 145, рис. 19, 3, 4; с. 156, рис. 23, 2).

определяются Я. Хохоровским – HaB2 – рубеж HaB3/HaC (с. 181–183). В пределах этого периода им выделяются четыре хронологические группы, каждая из которых характеризуется определенной спецификой: типом памятника (клад или погребальный комплекс), набором и соотношением «киммерийских» и местных «центральноевропейских» форм, их внутренней дифференциацией и т.д. Датируются эти группы следующим образом: I – HaB2 (Кармин III, Чернотин, Гамов и др.)[10]; II – вторая половина (?) – конец (?) HaB2 – рубеж HaB2/HaB3 (Прюдь, Ветиш, Хаслау–Регельсбрун, Штильфрид, п. 6, 38, Брно – Обжаны, п. 169 и др.); III – HaB3 (Дунакемлед, Бихаругра, Фюгед, Забори и др.); IV – конец HaB3 – рубеж HaB3/HaC и HaC (Леград, Шаренград, Эсте, Болонья и др.). В археологических датах предложенные хронологические рамки киммерийского горизонта определяются IX–VIII, возможно, первой половиной VII в. до н.э. (с. 202). Опираясь на радиокарбонные определения (Штильфрид, Гомолава), Я. Хохоровский дает также оценку предложенной хронологии под углом зрения абсолютного датирования. Специальным анализом ученый затрагивает и территориальный аспект хронологической дифференциации находок киммерийского горизонта в Средней Европе.

VI глава «Поселенческие и культурные преобразования в южной части Центральной Европы в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века» относится к числу наиболее значимых в работе. В ней Я. Хохоровский показывает культурную ситуацию, которая существовала на рассматриваемой территории в конце эпохи бронзы (с. 208–310). Это необходимо для определения роли, которую сыграло появление киммерийского горизонта в Центральной Европе[11]. Особое внимание при этом уделяется тем элементам культурной и поселенческой динамики, которые вели к принципиальным изменениям облика культурных явлений, структуры и географии отдельных образований. Установление и изучение «прерывных» и «непрерывных» зон и компонентов в пределах существующих культурно-поселенческих структур имеет, в контексте рассматриваемых вопросов, по мнению автора, основное значение.

В эпоху финальной бронзы территория Центральной Европы была занята группой культур полей погребальных урн, обладающих довольно близкими чертами. Однако сложившаяся в результате длительного развития (при сохранении непрерывности заселения) культурно-поселенческая ситуация в восточной части Карпатской котловины и отчасти Среднем Подунавье в течение периода HaB2 и на рубеже HaB2/HaB3 подверглась решительным изменениям (с. 210). Последние нашли отражение в смене существующей здесь культурной модели, прекращении существования значительного числа памятников культур Гава и Киятице, а также поселенческого комплекса в Штильфриде, в широком распространении оборонительных сооружений (городищ). Близкий хронологический диапазон этих преобразований, по мнению Я. Хохоровского, указывает на то, что связаны они с процессом глобальных действий, источники, механизмы и пределы влияний которых выходят за рамки динамики развития отдельных культурно-поселенческих образований Центральной Европы. Решающая роль в данном случае отводится влиянию внешнего фактора, а именно проникновению степного киммерийского населения Восточной Европы (с. 224). С воздействием этого же фактора Я. Хохоровский связывает также глубокие культурные изменения, охватившие часть территории Центральной Европы и в более поздний период – HaB3. Сопровождались они, в частности, появлением здесь ингумационных могильников типа Мезотчат (Венгрия) и Стойканы (Румыния), являющихся инновацией; вынужденной миграцией (из области между Дунаем и Карпатами) населения культуры Басараби в западном направлении, на территорию Баната, Баски и Сирмии (с. 226). Среди наиболее «ярких» проявлений этого процесса – распространение на Венгерской низменности культуры Мезотчат, анализу которой автор уделяет довольно много внимания (с. 230–241). Культура эта – не местного происхождения. Представлена она, главным образом, погребальными памятниками (грунтовыми могильниками, курганами,

---

[10] Спорным, на наш взгляд, является утверждение автора о том, что в древнейших «киммерийских» комплексах Центральной Европы мы имеем дело исключительно с находками черногоровского типа степного происхождения (с. 187). Этому противоречат находки из Физешу Герли (булава с четырьмя выступами), Гамова и Штрамберка (кинжалы с ажурной рукоятью), которые находят ближайшие соответствия на Северном Кавказе (кобанская и древнемеотская культуры) и в степной зоне не встречаются.

[11] Широкие пределы распространения «киммерийского горизонта» в Центральной Европе отражают, по мнению исследователя, надрегиональный характер этого явления (с. 207). Основными районами концентрации «киммерийских» материалов являются Среднее Подунавье, а также области, лежащие к западу и северо-западу от Карпатской Котловины.

кладами). Отсутствие поселений и наличие в могилах заупокойной пищи может свидетельствовать о мобильном (кочевом или полукочевом) образе жизни оставившего ее населения, а также важной роли скотоводства в структуре хозяйства. Способствовали этому и благоприятные природные условия Альфельда, находящегося в пределах Понтийско-Паннонской геоботанической провинции.

Таким образом, проделанный в этой главе анализ археологических явлений на территории Центральной Европы в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века приводит Я. Хохоровского к обоснованному убеждению, что многие изменения в культурно-поселенческой ситуации этой области не объяснимы без принятия концепции этнических передвижений с территорий, охваченных киммерийской культурной моделью (с. 243). Совпадение пределов киммерийских находок в Центральной Европе со сферой наиболее радикальных культурно-поселенческих изменений, присутствие этих находок в контексте материалов, знаменующих принципиальные изменения в культурной модели, и т.п. являются четкими указателями роли киммерийского фактора в этом процессе. Вместе с тем решающим аргументом в такого рода утверждениях автор считает использование исторической информации, создающей предпосылки для реконструкции политической и этнической ситуации в интересующем нас пространстве и времени.

В связи с этим VII глава «Передвижения населения восточного происхождения на территорию Центральной Европы в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века» посвящена специальному рассмотрению письменных источников. Наиболее информативными среди них являются сообщения Геродота и Аполлония Родосского о народе сигиннах. В свете имеющихся географических данных, Я. Хохоровский предлагает локализовать их к северу от Дуная, на Венгерской низменности (с. 246). Важное значение для идентификации сигиннов имеет переданная Геродотом краткая этнографическая характеристика этого народа. Она включает набор черт, настолько специфических и выделяющихся на фоне местного окружения (например, использование «мидийских одежд» или выращивание низкорослых коней, малопригодных для верховой езды, но незаменимых в упряжке), что это вызвало интерес современников и нашло отражение в письменных источниках. Симптоматично, что элементы этнографической характеристики сигиннов находят соответствия и в археологических реалиях Альфельда раннего железного века (с. 247–248). С точки зрения систематики археологических явлений, по мнению Я. Хохоровского, сигиннов следует идентифицировать с населением культуры Мезотчат, образующей на территории Альфельда анклав, отличающийся от окружающих его образований наличием специфических культурных черт. Что касается происхождения, то местом первоначального обитания сигиннов ученый считает Предкавказье, откуда они проникают на Венгерскую низменность в рамках киммеро-скифских передвижений VIII–VII вв. до н.э.

Среди участников этого процесса были и «агафирсы», в отличие от сигиннов принадлежавшие к западной группе киммерийских племен и обитавшие в Северном Причерноморье по соседству с областью, занятой фракийским этнокультурным массивом. Под натиском скифов агафирсы были вынуждены переместиться на территорию Румынии, оставив там могильники типа Стойканы, потеснив в свою очередь в западном направлении население культуры Басараби. Данная последовательность событий, однако, находится в противоречии с их хронологией, изложенной автором ранее. Так, признавая появление скифов в Восточной Европе в конце VIII – начале VII в. до н.э., а также датируя скифо-киммерийский конфликт в северо-западном Причерноморье первой половиной VII в. до н.э. (с. 14), Я. Хохоровский вместе с тем придерживается хронологии могильника Стойканы – VIII в. до н.э. (а возможно, и конец IX–VIII вв. до н.э.), отмечая при этом распространение культуры Басараби к западу от Железных Ворот в середине VIII в. до н.э. (с. 226). Эти нестыковки требуют своего объяснения и корректировки в последующих работах автора.

Заключительная VIII глава книги называется «Экспансия киммерийцев на территорию Центральной Европы». В ней Я. Хохоровский подробно рассматривает предысторию появления ранних кочевников (киммерийцев) в Восточной Европе. В значительной степени этому способствовал природно-экономический кризис, охвативший степные пространства от Дуная до Волги в конце II – начале I тыс. до н.э. Ухудшение климатической обстановки отрицательно сказалось на земледельческо-скотоводческих культурах степной зоны и потребовало перехода значительной части населения к подвижному скотоводству. Однако по мере увеличения засушливости климата и уменьшения продуктивности степных ландшафтов не окрепшее еще кочевое хозяйство также, по-видимому, начинает переживать кризис. Это вынуждало население покидать степные районы и переселяться в места с более благоприятными природными условиями. Это переселение осуществлялось в различных

направлениях, среди которых одним из главных была Карпатская котловина (с. 267). При этом, возможно, определенное значение здесь имел и центральноазиатский, «протоскифский» импульс, который, как считает автор, способствовал началу перемещения степного населения в западном направлении. Это могло бы, по мнению Я. Хохоровского, объяснить присутствие среди находок киммерийского горизонта Центральной Европы проявлений зооморфной стилистики, чуждой киммерийскому окружению. Заметим, однако, что зооморфные мотивы в предскифский период были также редки в Центральной Европе, как и у киммерийцев. Нельзя исключать и местный «европейский» генезис таких образов, как голова коня или птицы с загнутым клювом, о чем, к примеру, свидетельствуют рассмотренные ранее находки бронзовых скипетров (с. 129–134). Необходимо также упомянуть изображения копыт на лопасти псалиев IX–VIII вв. до н.э. из Закубанья (Махортых С.В., 1994в, с. 233). Довольно показательными являются и более ранние хронологические примеры, например, костяные фигурные псалии типа Бориаш, оканчивающиеся стилизованной головой животного, хорошо известные в Центральной и Восточной Европе еще в эпоху поздней бронзы (Смирнов К.Ф., 1961, с. 64, рис. 10). Сказанное, на наш взгляд, может свидетельствовать о самостоятельном появлении здесь отдельных зооморфных образов, независимо от центральноазиатских прототипов и проникновения «протоскифов» в IX в. до н.э.

Говоря о путях продвижения киммерийцев в Карпатскую котловину, Я. Хохоровский отмечает, что оно осуществлялось через восточнокарпатские перевалы со стороны центральной Молдовы, охватывая Семиградье и северную часть Карпатской котловины, доходя до Моравских ворот и верхнего течения Одры (с. 268). Первая волна киммерийского проникновения имела, по мнению исследователя, скорее характер процесса, растянутого во времени, чем одноразовой экспансии. Проникновение, вероятно, началось с небольших, подвижных групп кочевников, быстро продвигающихся в глубь центральноевропейских пространств. Появление более значительных групп населения (в основном на территориях, пригодных для ведения кочевого хозяйства) осуществлялось в следующую очередь.

Агрессивный характер проникновения номадов, как считает Я. Хохоровский, не вызывает сомнений (с. 269). Значительные размеры культурно-поселенческих преобразований и примеры локальных разрушений подтверждают это предположение. К числу важных последствий киммерийского присутствия в Средней Европе относится также «нарушение герметичности» местных общественных структур и формирование аристократического слоя, для которого архетипом служил конный воин (с. 269).

В период проникновения степняков в Карпато-Подунавье зоной их наибольшей активности являлась Венгерская низменность[12]. Эта территория как нельзя лучше соответствовала условиям ведения кочевого хозяйства и являлась своеобразным центром киммерийского присутствия в Центральной Европе. Определенная изолированность Карпатской котловины от восточноевропейских степей способствовала формированию здесь своеобразного «локального варианта» киммерийской культуры. Тенденции эти особенно ярко проявились в классических комплексах киммерийского горизонта периода НаВ3. Помимо целого ряда собственных стилистических черт, для него характерно переживание черногоровских традиций в сочетании с зачастую творчески переработанными кавказскими элементами.

Появление на юге Восточной Европы скифов в конце VIII – начале VII в. до н.э. положило начало второму этапу проникновения киммерийцев в Центральную Европу. Опираясь на письменные источники, Я. Хохоровский связывает с ним племена сигиннов и агафирсов, которыми были оставлены соответственно могильники типа Мезотчат в Венгрии и Стойканы в Румынии. Особый интерес в этой связи представляет участие киммерийских традиций в сложении гальштатской материальной культуры и искусства (с. 272). Наблюдения и выводы, сделанные Я. Хохоровским по этому поводу, могут составить основу будущих исследований этой актуальной проблемы.

Оценивая книгу в целом, отметим, что перед нами крайне необходимая и интересная работа, открывающая новую страницу историко-археологического изучения Центральной Европы. Она представляет несомненный научный интерес для широкого круга исследователей, занимающихся изучением киммерийской проблематики.

Институт археологии
НАН Украины, Киев

С.В. Махортых

[12] На территориях с преобладанием местного субстрата кочевники, как правило, растворялись в нем и переходили к оседлому образу жизни, как, например, в Задунавье (с. 270).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бокий Н.М., Горбул Г.П., Отрощенко В.В., 1991. Киммерийские захоронения на Кировоградщине // СА. № 1.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Крушельницька Л.І., 1985. Взаемозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Европи. Киев.

Махортых С.В., 1992а. О северокавказских бронзах X–VIII вв. до н.э. на левобережье Украины // История и археология Слободской Украины. Харьков.

Махортых С.В., 1992б. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск.

Махортых С.В., 1992в. Об актуальных вопросах киммерийской истории // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. конф. Липецк.

Махортых С.В., 1992г. Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. № 1.

Махортых С.В., 1994а. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.

Махортых С.В., 1994б. Об уздечных принадлежностях юга Восточной Европы предскифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.

Махортых С.В., 1994в. Рец. на кн.: М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. Ранние скифы и древний Восток. М. // РА. № 3.

Смирнов К.Ф., 1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. № 1.

Смирнова Г.І., Войнаровський В.М., 1994. Мошанецький скарб бронз кімерійського типу з середнього Подністров'я // Археологія. № 1.

Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.

Chochorowski J., 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku Kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // Przegląd Archeologiczny. № 34.

МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ СОТРУДНИКАМИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН В 1994 году

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (I в. до н.э. – IV в. н.э.). М.
2. *Алексеев Л.В.* История белорусской археологии. Минск.
3. *Алексеев Л.В.* По Неману в Белоруссии. Минск.
4. Археологическая карта России. Ивановская область. М.
5. Археологическая карта России. Московская область. Часть I. М.
6. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть I. М.
7. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть II. М.
8. Археологические открытия 1993 года. М.
9. Археология. Эпоха бронзы Средней Азии и Кавказа. М., Наука.
10. *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (нач. XIII — нач. XV вв.) по данным археологии. М.
11. Боспорский сборник. № 4. М.
12. *Вагнер Г.К.* Великая Русь (в соавторстве с Лихачевым Д.С., Вздорновым Г.И., Скрынниковым Р.Г.). Милан (на итал. яз.)
13. *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты XIV—XVI вв. М.
14. *Даркевич В.П.* Путешествие в древнюю Рязань. Записки археолога. Рязань.
15. *Каменецкий И.С.* Городища донских меотов. Вопросы датировки. М.
16. *Кошеленко Г.А., Губаев А.Г., Гаибов В.А., Бадер В.Н.* Древний Мевр в свидетельствах письменных источников. Избранные тексты: переводы, комментарии. Ашхабад.
17. Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.
18. *Кызласов И.Л.* Руническая письменность Евразийских степей. М.
19. *Кызласов И.Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М.
20. *Марковин В.И.* Каменная летопись страны вайнахов. М.
21. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О.* Ранние этапы в эволюции Месопотамской цивилизации. Аризона-Пресс (на англ. яз.)
22. *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII—III вв. до н.э. М.
23. Памятники наскального искусства. М.
24. *Русанова И.А., Тимощук Б.А.* Языческие святилища древних славян. М.
25. *Седов В.В.* Очерки по археологии славян. М.
26. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха. М.
27. *Черносвитов П.Ю.* Освоение Крайнего Севера. М.
28. *Чернецов А.В.* Древнерусская книжность (в соавторстве с Симоновым Р.А. и Турилиным А.А.). М.
29. *Членова Н.Л.* Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.

Хроника

К.М. БАЙПАКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1991–1995 гг.)

Постановлениями Кабинета Министров Республики Казахстан и Президиума Академии наук Республики Казахстан в 1991 г. организован Институт археологии. Ему присвоено имя выдающегося казахского ученого – археолога, этнографа, историка, востоковеда – академика А.Х. Маргулана.

Создание нового института было подготовлено всем ходом развития исторической науки ставшего суверенным государством Казахстана, которая все больше и больше обращается к истокам развития народа, к его далекому прошлому и культурному наследию.

У начала развития казахстанской археологии стоят выдающиеся востоковеды и историки – В.В. Бартольд, В.В. Радлов, П.И. Лерх, а также другие представители передовой русской интеллигенции.

Показательно их отношение к истории и культурному наследию казахского народа. Так, известный деятель культуры В.В. Стасов указывал, что казахстанские археологические памятники представляют не меньший интерес, чем классические древности Рима. «Отчего старому городу возле Джанкента (развалины на Сырдарье вблизи Казалинска) не быть нашей Помпеей!» – пишет он в одной из своих работ (Стасов В.В., 1894, с. 192). Сейчас можно сказать, что его слова пророчески сбылись. Кто сейчас не знает о раскопках казахстанских археологов в Отраре, об уникальных находках в кургане Иссык?

Достаточно показателен еще один факт, связанный все с тем же Дженкентом. Именно здесь еще в 1867 г. был поставлен военный пост, который охранял развалины от разрушений и от растаскивания отсюда окрестным населением жженого кирпича (Формозов А.А., 1986, с. 172).

В советское время в становлении археологической науки республики велика роль известных ученых Москвы и Ленинграда – С.П. Толстова (1962), А.Н. Бернштама (1952), М.П. Грязнова (1927, с. 172–221), С.С. Черникова (1960).

Однако как самостоятельное научное направление обществоведения Казахстана археология сформировалась в системе созданной в 1946 г. Академии наук Казахской ССР, в составе которой был организован Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Велиханова. Руководителем отдела археологии стал А.Х. Маргулан. Он же возглавил первую археологическую экспедицию – Центральноказахстанскую, которая продолжает свои исследования до сих пор.

Период, который охватывает послевоенное время и заканчивается концом 60-х годов, характеризовался организацией крупных экспедиций, работами в зоне целинных земель, находками палеолита в Каратау, раскопками могильников эпохи бронзы в Центральном Казахстане, сакских могильников Сары-Арки, Семиречья и Приаралья, средневекового городища Тараз. В это время активно работали К.А. Акишев, А.Г. Максимова, Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, Т.Н. Сенигова, А.В. Кушаев, М.К. Кадырбаев, Х.А. Алпысбаев.

Следующий период отличается тем, что археологическая наука выросла организационно, появились новые отделы – лаборатория археологической технологии, отдел средневековой археологии, Музей археологии, отделы новостроечных экспедиций и свода памятников. В 1989 г. они были объединены в Археологический центр в составе Института истории, археологии и этнографии. В это же время складываются группы археологов в университетах и педагогических институтах. Это был период работы крупных вузовских археологических экспедиций, возглавляемых Г.Б. Здановичем, В.В. Евдокимовым.

В 1971 г. была организована Южноказахстанская комплексная археологическая экспедиция, начавшая многолетние масштабные раскопки городищ Отрар, Куйруктобе, Кок-Мардан, а также работы в долине Сырдарьи и на склонах Каратау (Акишев К.А., Ерзакович Л.Б., Байнаков К.М., Ахинжанов С.М., Грошев В.А., Смагулов Е.А.). Исследовались сакские памятники, древнее наскальное искусство в Восточном

© К.М. Байпаков, 1996 г.

Казахстане и Семиречье, раскапывались разновременные памятники эпохи бронзы в Центральном и Восточном Казахстане.

Без преувеличения можно сказать, что почти за 50 лет своего существования казахстанская археология смогла не только обогатить мировую науку выдающимися открытиями, но и позволила выявить основные этапы развития общества в Казахстане в древности и средневековье. Среди наиболее крупных ее достижений следует назвать такие, как открытие древнейших палеолитических местонахождений. Этим было доказано, что территория Казахстана была заселена около 1 млн лет тому назад (Алимсбаев Х.А., Медоев А.Г., Таймагамбетов Ж.К.).

Было выяснено важное значение в развитии палеоэкономики племен энеолита и бронзы Евразии казахстанского металлургического центра (Кадирбаев М.К., Зайберт В.Ф., Зданович Г.Б., Евдокимов В.В., Курманкулов Ж.К.).

Сейчас удалось установить, что Казахстан был одним из регионов, где протекал процесс трансформации скотоводческо-земледельческих племен в ранних кочевников. Новые археологические открытия, в частности раскопки сакских курганов на берегах Или и в низовьях Сырдарьи, позволяют говорить о том, что Казахстан был центром сакских государственных образований (Акишев К.А., Акишев А.К., Ольховский В.С., Немагилов Р.Б.).

Важным достижением казахстанских археологов является установление динамики урбанизационных процессов, развития оседлой и городской культуры. Выяснено, что через территорию Казахстана проходил Великий Шелковый путь – одно из удивительных достижений мировой цивилизации.

Необходимо подчеркнуть, что археологические материалы свидетельствуют о многокомпонентности культуры Казахстана (Самашев З.С., Марьяшев А.Н., Савельева Т.В., Бурнашева Р.З.). Огромное влияние на ее сложение оказывали политические, экономические и культурные связи с Китаем, Ближним и Средним Востоком, Средней Азией, Поволжьем, Приуральем, Сибирью. Взаимодействие и взаимовлияние оседлых и кочевых культур, различных культурных зон было важнейшим фактором в процессах культурогенеза. Сейчас установлено, что Западнотюркский каганат, а затем Тюргешский и Карлукский и позднее государство Караханидов, центры которых находились на территории Казахстана, являются примерами средневековых государственных образований, соединивших в своей культуре разноэтнические традиции.

Государственность казахов, культура Казахского ханства, как явствует из исследований археологов, раскопок Отрара, Тараза, Туркестана, Сарайчика, Тальхира, восходят к государственности и культуре древних тюрок, караханидов, кыпчаков. Изучение кочевых и оседлых цивилизаций ясно показывает, что взаимодействие и взаимообогащение культур различных народов было магистральной линией мирового прогресса. В недрах таких взаимодействий лежат и истоки этногенеза современных народов Казахстана и Средней Азии.

Изданные археологами АН КазССР монографии, сборники трудов, статьи известны не только в республике, но и за ее пределами. Такие работы, как «Курган Иссык», «Древние культуры Центрального Казахстана», «Городская культура Южного Казахстана и Семиречья», «Кыпчаки в истории средневекового Хорезма», привлекли внимание советских и зарубежных ученых.

Свидетельством международного признания успехов казахстанской археологической школы явилось проведение в г. Алма-Ата ряда всесоюзных и международных конференций. В свою очередь археологи республики приглашались с докладами и сообщениями, с чтением лекций в Вашингтон, Токио, Сеул.

Активное участие принимают казахстанские археологи в разработке международного проекта ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь – путь диалога культур».

В центр пропаганды археологических знаний и достижений науки Казахстана, в действенный инструмент активизации исторической памяти превратился Музей археологии.

Основой его послужили археологические коллекции, накопленные за многие годы. Среди них уникальные, имеющие общемировое историческое и научное значение материалы из раскопок могильников эпохи бронзы: коллекции золотых украшений, относящихся к эпохе саков и усуней, керамика средневековых городов Отрара, Тараза, Туркестана (Акишев К.А. и др., 1978).

Образование Института археологии не повлекло за собой радикальных изменений проблематики научных исследований, сохраняется континуинтет в изучении узловых проблем древней и средневековой археологии с выделением приоритетных направлений, в которых специалисты Казахстана занимали ведущие позиции в бывшем СССР и за рубежом. Среди них были определены такие, как разработка вопросов антропогенеза, расселение первобытного человека на территории Казахстана в эпоху камня; изучение проблемы происхождения и развития производящего хозяйства (скотоводство и земледелие); вопросов палеоэкономики, эволюции древних технологий; изучение номадизма, древней и средневековой урбанизации; древнего искусства и архитектуры, проблемы сохранения культурного наследия. Одна из актуальных проблем связана с изучением этногенеза казахов по археологическим источникам.

В настоящее время в Институте четыре отдела – первобытной археологии, средневековой археологии, археологической технологии и Музей археологии.

С 1991 г. в числе основных тем Института были следующие: Кочевники древнего Казахстана: историко-культурные аспекты проблемы; Свод памятников истории и культуры Казахстана; археологические работы на новостройках; Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур; социально-экономическая история энеолитического населения Северного Казахстана; археологические исследования Чу-Таласского междуречья; древняя этнокультурная история Центрального Казахстана.

С 1995 г. из них разрабатывается четыре – Великий Шелковый путь и три последних, а также новая тема – древняя история и культура Казахстана (издание в 10-и томах).

Если обратиться к обзору археологических работ в Казахстане, то можно проследить, как решаются вышеназванные проблемы.

Географическое положение и размеры территории Казахстана приобретают особое значение при выяснении эволюционных путей развития палеолитических культур и миграционных процессов древнейшего населения региона. Каратауские палеолитические памятники обнаруживают сходство в стоянках как сопредельных территорий, так и весьма отдаленных районов – Средней Азии, Китая, Пакистана, Индии, Монголии. Это сходство дает основание предполагать единый путь развития древнейших культур (Таймагамбетов Ж.К., 1991, с. 43, 44).

Для дальнейшего углубленного изучения палеолита Казахстана, получения надежных хронологических привязок большое значение имеют стратифицированные, непереотложенные стоянки – такие, как Кошкурган, стоянка им. Ч. Валиханова (Южный Казахстан), Шульбинка (Восточный Казахстан) и Батпак (Центральный Казахстан) (Аубекеров Б.Ж. и др., 1992, с. 22–24; Артюхова О.А. и др., 1992, с. 6–10).

Дополнительную информацию несут стоянки Шидерты III, Тарыап I, Козыбай в Северном, Центральном и Восточном Казахстане (Мерц В.К., 1992, с. 24–26; Волошин В.С., 1992, с. 27–29; Волошин В.С., Кучерюк И.Г., 1992, с. 29–32; Таймагамбетов Ж.К., 1992, с. 26, 27).

С позиций природно-климатической оценки условий Казахстана наиболее перспективными для изучения палеолита являются регионы Прикаспия и Устюрта, Центральноказахстанский мелкосопочник как стабильная в геоморфологическом плане область и хребет Каратау (Таймагамбетов Ж.К., 1993, с. 20–23).

Кошкурганское местонахождение последнего на основе типологического анализа орудийного набора датируется первой половиной мустьерской эпохи.

Определены как мустьерские семиреченские памятники Актогай I–IV (Артюхова О.А., 1992, с. 44–47).

Местонахождение Семизбугу 2 Северного Прибалхашья, представляющее собой «специфический тип памятников эпохи палеолита в аридной зоне Евразии, наглядно демонстрирует эволюцию каменной индустрии от ашеля (раннего) до позднего палеолита» (Деревянко А.П. и др., 1993, с. 40–43).

Результаты палеолитических исследований, новые материалы позволяют по-новому поставить вопрос о времени и путях заселения территории Казахстана первобытным человеком.

Мезолит Центрального Казахстана представлен стоянками Караганда XV и Акимбек (Чиндин А.Ю., 1992, с. 32–35). Ранненеолитическая стоянка Тельмана XIV характеризуется как постоянная мастерская по изготовлению кремневых орудий труда (Плешаков А.А., 1992, с. 65–71).

Неолиту Северного Казахстана посвящена монография В.Ф. Зайберта «Атбасарская культура», вышедшая в Екатеринбурге в 1992 г. Позднекаменный век Казахстана долго оставался неохваченным. Материал, полученный в основной массе в результате сборов, рассматривался по аналогиям соседних территорий. Выделение микрорайонов, их сравнительно-типологическая характеристика и анализ неолитической индустрии региона позволили выделить атбасарскую культуру с двумя вариантами: тельманским и явленским.

Предложенная периодизация неолита и энеолита с дробным членением первого на ранний, средний и поздний охватывает период с V по начало II тыс. до н.э.

Географические рамки выделенной культуры с запада очерчивает Тургайская ложбина, с северо-запада – Притоболье.

Результаты анализа остеологического материала по-новому поставили вопрос о начале становления производящей экономики на территории Северного Казахстана в конце VII–VI тыс. до н.э. Кроме того, морфологические особенности рабочего инвентаря и керамики неолита «позволяют говорить о сложении на этой территории крупных культурно-исторических общностей, объединенных, вероятно, не только сходной экономической платформой (развитие производящего хозяйства), но этническими и социальными узами» (Зайберт В.Ф., 1992, с. 123).

Еще одна неолитическая культура выделена на территории Тургайского прогиба. Критерием для выделения культуры, получившей название механджарской, послужил весьма специфичный керамический комплекс, состоящий из сосудов удлиненных пропорций, с четко выделенной шейкой. Геометрический орнамент, выполненный зубчатым штампом, располагается по трем зонам: шейке, плечикам и дну в различных сочетаниях.

Энеолит огромного региона Урало-Иртышского междуречья рассматривается через призму хозяйственно-культурного типа ботайской культуры, охарактеризованного как многоотраслевой с доминированием скотоводства (коневодства).

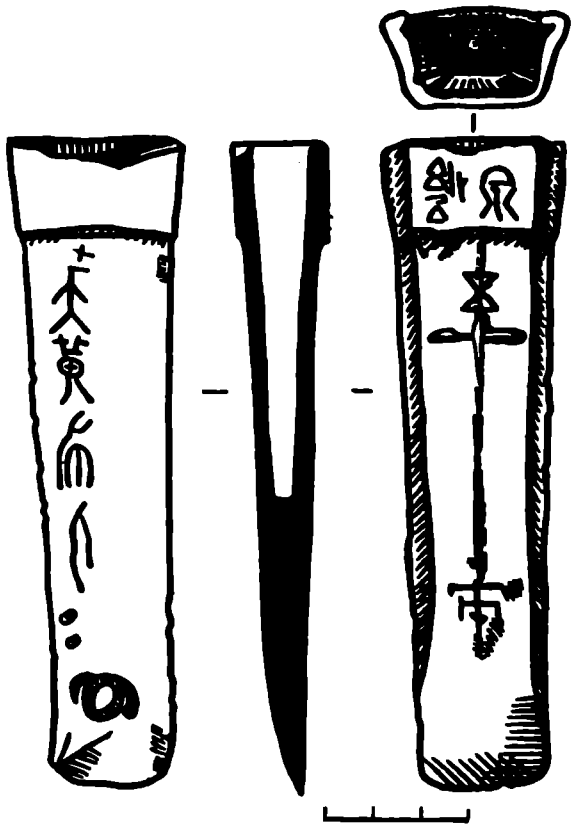


Рис. 1. Топор эпохи бронзы. Случайная находка. Тараз

В хронологическом плане выделено два периода – ботайский и постботайский, охватывающие отрезок времени III – начало II тыс. до н.э.

Изменение климата данного региона в сторону усушения, аридизации повлекло за собой миграции населения региона, часть которого в период бронзового века явилась компонентом андроновских культур (Зайберт В.Ф., 1993).

Тургайские памятники III тыс. до н.э. соотносятся с синхронными памятниками Южного Зауралья и Приишимья, оставленными носителями ботайской, суртандинской и терсекской культур, входящих в круг культур геометрической керамики (Калиева С.С., 1992, с. 54–59).

Остеологический материал стоянки Каинды III характеризует хозяйство терсекского населения как отгонное, пастушеское скотоводство. Значительную роль играла охота (Логвин В.Н., 1992, с. 40–42).

Активное взаимодействие культур неолитического и энеолитического времени Волго-Уралья и территории Северного и Западного Казахстана обусловило складывание в период бронзового века историко-культурных областей (Худяков В.В., 1992, с. 46–48).

Исследование остеологического материала с поселений и стоянок эпохи энеолита и бронзы позволило выявить видовой состав животных, подвергшихся доместикации человеком, установить биометрические особенности особей, останки которых были собраны в основном на археологических памятниках Северного и Центрального Казахстана (Ахинжанов С.М. и др., 1992).

Кроме того, географические особенности региона в зависимости от локализации памятников обусловливали количество костей диких животных, охота на которых носила вспомогательный характер.

Традиционно одним из основных направлений в первобытной археологии Казахстана является изучение эпохи бронзы. В свое время получили широкую известность работы А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, А.М. Оразбаева, К.А. Акишева.

В последние годы сформировались группы по изучению эпохи бронзы в Карагандинском государственном университете в Петропавловском пединституте, которые успешно развивают исследования памятников эпохи бронзы (рис. 1). Появилась большая серия публикаций материалов из раскопок (Варфоломеев В.В., 1992а, с. 72–76; Кукушкин И.А., 1992а, с. 90–93; Усманова Э.Р., 1992а, с. 54, 55; Кисленко А.И., 1992, с. 55, 56; Калиева С.С. и др., 1992, с. 57–59; Татаринцева Н.С., 1992, с. 62, 63).

Однако андроноведческие исследования в описываемый период развивались и по линии углубленного изучения протогородской культуры и социума, идеологии и палеоэкономики (Усманова Э.Р., 1992б, с. 97–104; Ткачев А.А., 1992, с. 51–53; Кукушкин И.А., 1992б, с. 63–65; Варфоломеев В.В., 1992б, с. 59–62;

Зданович С.Я., 1992, с. 67–69). В немалой степени этому способствовали открытия таких уникальных памятников, как Аркаим, Синташта, Кент, давшие новый импульс в изучении культур эпохи бронзы Евразии.

Кроме статей, тезисов, посвященных вышеназванным проблемам, была защищена диссертация И.А. Кукушкиным (1993).

Введены в научный оборот многочисленные новые данные о поселениях и могильниках северной Бетпакдалы. В монографии М.К. Кадырбаева и Ж.К. Курманкулова даны систематизация и анализ материалов, выявлены закономерности размещения памятников Атасу I, Мыржик, Ак-Мустафа, Ак-мая (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1992).

Особое значение имеют результаты исследования Атасу I, крупного поселения площадью свыше 15 тыс. м^2, специализировавшегося на выплавке бронзы и изготовлении бронзовых изделий. На территории поселения изучено 7 медеплавильных комплексов и 14 ям-печей. Опубликованы многочисленные орудия производства металла. В одной из глав работы рассматриваются погребальный обряд и материал могильников. Для датировки памятников применялись типологические методы по бронзовым изделиям и керамике. Предложена датировка памятников с делением на два хронологических этапа: ранний – XV–XIII вв. до н.э. и поздний – XII–VIII вв. до н.э., с разбивкой первого на два периода: XV–XIV и XIV–XIII вв. до н.э.

Продолжалось также накопление материалов по эпохе бронзы Семиречья, где в последние годы были открыты десятки новых поселений и могильников, что превращает этот регион в один из крупных центров андроновской культуры (Карабаспакова К.М., 1992, с. 49–51; Марьяшев А.Н., Горячев А.Н., 1992, с. 3–15; 1993, с. 19–27).

Погребения могильников Тамгалы I–III, Ок-Джайляу III, Талапты I, II, Куйган I, III, анализируемые в комплексе с наскальными изображениями, дают право не согласиться с утвердившимся в научной литературе тезисом 60–70-х годов о малочисленности и невыразительности семиреченских памятников эпохи бронзы.

Интересные результаты были получены при изучении памятников эпохи бронзы Западного Казахстана. Г.А. Кушаев отметил, что для Западного Казахстана характерным является соседство двух культурных общностей – андроновской и срубной, граница между которыми, по его мнению, проходила в междуречье рек Орь и Илек (Кушаев Г.А., 1993, с. 41–45).

В Уральской обл. им были обнаружены и обследованы погребения, относящиеся к древнеямной и катакомбной культурам эпохи бронзы, и массив могильников срубной культуры.

Аналогичная ситуация, судя по исследованиям в Мангистауской обл., была и там. При этом отмечается, что кочевое скотоводство здесь складывалось уже во II тыс. до н.э. (Галкин Л.Л., 1992а, с. 77–79).

Изучение памятников ранних кочевников и проблем культурной, социально-экономической жизни саков, сарматов, усуней, кангюев, хунну составляет одно из важных направлений исследований в Казахстане.

В частности, в работах К.А. Акишева развивается тезис о стратификации сакского общества Семиречья по материалам картографирования так называемых сакских могильников в регионе от Алакуля до Таласа (рис. 2).

Расчеты, сделанные на основании количественных показателей курганных насыпей, показали наличие трех групп курганов – больших, или «царских», средних и малых. Для первых, достигающих диаметра более 100 м и высоты 15–20 м, характерны сложные подкурганные конструкции из бревен ели, подземные лабиринты, расположенные рядом кольцевые выкладки и менгиры. Это, как считает исследователь, захоронения племенных вождей или царей и представителей верховной элиты. В курганах второй, средней, группы были захоронены воины, а в малых – рядовые члены общества (Акишев К.А., 1993, с. 50–57).

Рассматривались также вопросы происхождения сакского (скифского) искусства в связи с новыми находками предметов сакского искусства. По мнению А.К. Акишева, находки золотых серег с изображениями куланов позволяют настаивать на местной основе в сложении звериного стиля (Акиев А.К., 1992а, с. 4–9).

Публикуются материалы из раскопок могильников саков (Байсенов А.Э., Исмагулова А.О., 1992, с. 128–135; Алехин Ю.П. и др., 1992, с. 124–128).

Представляет интерес информация о Жалаулинском кладе сакского золота в Семиречье (Акишев А.К., 1992б, с. 140–146).

Предлагаются новые взгляды на археологию отдельных объектов, как, например, в случае с Каргалинским могильником, частично раскопанным еще экспедицией А.Н. Бернштама (Заднепровский Ю.А., 1992, с. 138–143), делаются попытки выяснить пути сложения раннекочевнических культур крупных регионов (Боковенко Н.А., 1992, с. 136–138; Суразаков А.С., 1992, с. 162–164).

Появились статьи, посвященные вопросам происхождения скифов. Так, в частности, привлекает внимание работа Р.Б. Исмагилова, где он пишет о том, что царские курганы Причерноморья могут быть по некоторым признакам погребального обряда связаны с миграцией группы кочевников – носителей сакской культуры Семиречья (Исмагилов Р.Б., 1991, с. 34, 35).

Получает распространение мнение о том, что часть скифов и саков являлись носителями прототюркских языков (Исмагилов Р.Б., 1992а, с. 98–100).

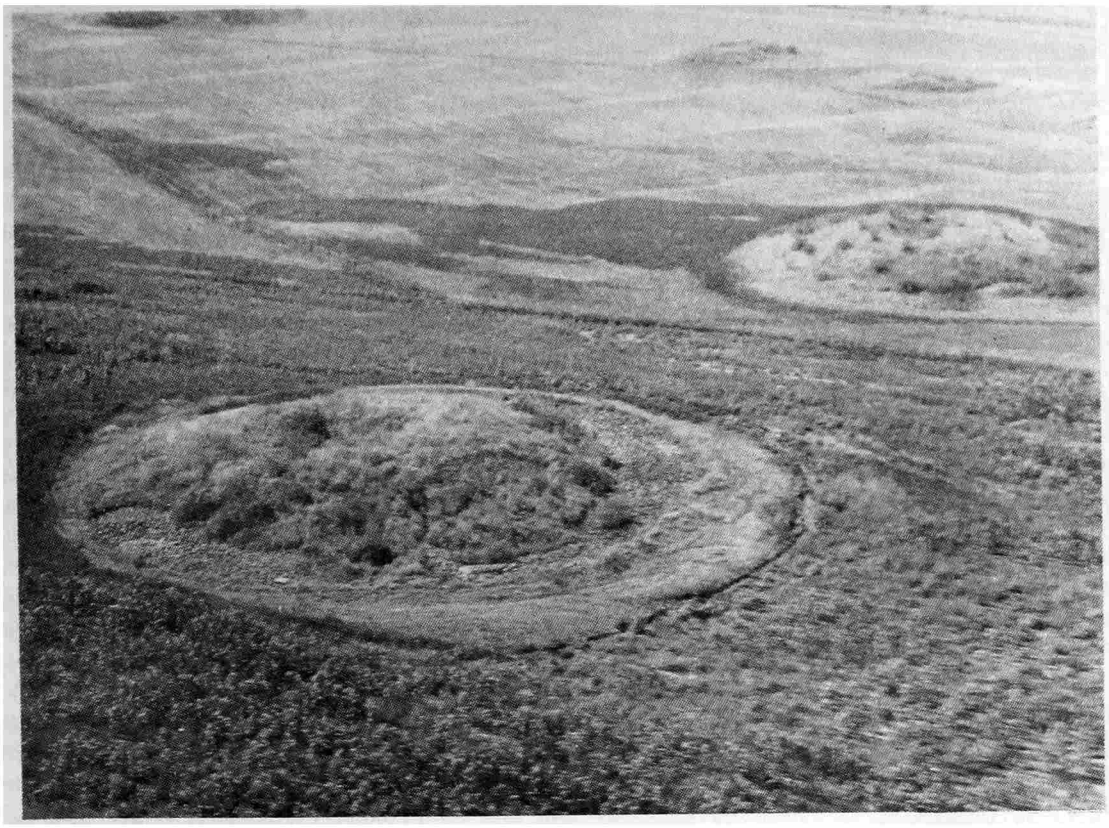


Рис. 2. Сакский могильник Иссык

Продолжается изучение савроматских и сарматских памятников Западного Казахстана, примером чему служат статьи Р.Б. Исмагилова и С.Ю. Гуцалова, которые считают, что ярусные погребения савроматской культуры имеют местные традиции, восходящие к эпохе бронзы, и представляют собой отражение социальной иерархии кочевого общества (Исмагилов Р.Б., 1992б, с. 143–146; Гуцалов С.Ю., 1992).

В целом наблюдается активизация полевых исследований памятников раннего железного века в Западном Казахстане и на Мангышлаке, которая нашла свое отражение в публикациях новых данных и их интерпретации (Кочубей Ю.А., 1992, с. 146–150). Большой резонанс в научной и научно-популярной литературе находят материалы из раскопок святилища Байте, связанные с культовыми постройками и большим числом изваяний кочевых племен, возможно, парнов (Ольховский В.С., 1992, с. 157–162; Галкин Л.Л., 1992б, с. 158–162; Кошеленко В., 1992, с. 162–164).

Интересные данные получены по сарматам Мангышлака (Мангыстау), где раскопано и частично реконструировано поминально-погребальное сооружение IV в. до н.э. Дыкылтас на восточном побережье Каспийского моря. Подкурганные конструкции его состояли из погребальных камер, сложенных из камня, – «жертвенно-поминальных» колец, «ритуальных» очагов и стелы (Самашев З. и др., 1994).

Заметным достижением в области сарматологии следует считать обобщающую работу Г.А. Кушаева «Этюды древней истории степного Приуралья». В ней систематизирован богатейший материал многолетних раскопок, сделаны попытки этнической атрибуции памятников как исседонских и сарматских, а также изложено продолжение сарматской истории до VIII в. н.э. (Кушаев Г.А., 1993, с. 51–60).

Следует отметить появление первой обобщающей работы по археологии раннего железного века Северного Казахстана (Хабдулина М.К., 1994). Автор исследования определяет историко-географическую дифиницию этого термина, понимая его как участок срединной Евразии, находящийся на стыке двух природно-географических регионов – юга Западно-Сибирской равнины и северных степных просторов Казахстанского мелкосопочника.

Многолетние исследования, проведенные здесь, позволили накопить материал, на базе которого стало возможным предложить периодизацию раннего железного века, уточнить проблемы происхождения культур скифо-сакского типа, механизмы становления кочевого скотоводства, вопросы стратификации древнего общества и государственности номадов.

Следует подчеркнуть и то, что впервые вводится в науку пласт нового материала.

Представляет интерес характеристика палеогеографической среды в Северном Казахстане в соотношении ее с историко-культурной ситуацией второй половины голоцена.

Подробно описаны погребальные сооружения и обряд захоронения, поселения, жилища. Выделено пять хронологических периодов в развитии материальной культуры: до VIII–VII вв. до н.э.; VI–V вв. до н.э.; IV–II вв. до н.э; II в. до н.э. – I в. н.э.; II–IV вв. н.э.

Бесспорно, работа М.К. Хабдулиной является важной ступенью в изучении прошлого Северного Казахстана и Сибири.

Заметен прогресс в изучении палеоэкономики Казахстана. Этой теме посвящено две обобщающие работы.

Установлено, что Казахстан был одним из древнейших регионов становления и развития скотоводства Евразии, в том числе в эпоху энеолита и бронзы. Проблемы, связанные с появлением производящего хозяйства, доместикацией животных, ранних этапов коневодства, решались с привлечением остеологического материала из раскопок прежде всего поселений. Такая работа проводилась многие годы для районов Центрального и Северного Казахстана. Был проанализирован и статистически обработан с помощью ЭВМ огромный материал из поселений энеолитического времени – Соленое озеро и Ботай, поселений эпохи бронзы – Атасу, Саргары, Ново-Никольское I, Петровка II и др. Получен ряд новых выводов, в частности о том, что на энеолитических поселениях, а также поселениях ранней бронзы преобладают кости лошади, что позволяет говорить о ведущей роли коневодства.

Для эпохи бронзы установлено существование развитой формы скотоводства с разведением крупного и мелкого рогатого скота и лошади. В лесостепных районах Северного Казахстана характерно преобладание в стаде крупного рогатого скота, а для степных районов Центрального Казахстана – мелкого рогатого скота.

Сейчас уверенно можно говорить о коневодстве в Казахстане уже в эпоху энеолита.

Выяснено, что скот в эпоху бронзы был более крупным, нежели в более позднее время. Отмечено также отсутствие значительных различий в размерах скота на поселениях эпохи бронзы разных поселений и территорий. Интересно, что мелкий рогатый скот Казахстана был несколько крупнее, чем в Восточной Европе.

Изучение костей диких животных позволило получить картину развития охоты в эпоху энеолита и бронзы, выделить наиболее ценных промысловых зверей (Ахинжанов С.М. и др., 1992).

Важно подчеркнуть, что интерес к проблеме коневодства и скотоводства возрастает и исследования в этом направлении ведутся уже в кооперации с учеными Англии и США. Проведена международная конференция в Петропавловске, посвященная теме ранних коневодов в Евразийских степях, материалы которой готовятся к публикации.

Впервые в историографии казахстанской археологии выполнена обобщающая работа, посвященная древней металлургии и гончарству эпохи бронзы и раннего железа крупного региона – Сары-Арки (Центральный Казахстан) (Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1994).

Использование современных методов анализа позволило определить химический и минеральный состав продукции древних металлургов, выявив технологические особенности процесса получения изделий из меди, бронзы, золота и серебра.

Сделан важный вывод о том, что местная металлургия не уступала передовым технологиям ведущих металлургических центров Евразии. Решены вопросы увязки сырьевой базы с металлургическим производством конкретных объектов. Прослежены прогрессивные черты в развитии металлургии в эпоху ранних кочевников (VII–III вв. до н.э.). Это выразилось прежде всего в качестве металла.

В результате комплексного исследования металлургии и горного дела, технологических особенностей и состава добавок было выделено семь металлургических центров в Казахстанской горно-металлургической области.

Технико-технологические исследования керамических комплексов позволили сделать выводы об уровне развития гончарства в Центральном Казахстане в эпоху бронзы, о контактах различных групп населения, о миграциях племен.

Интересное наблюдение сделано при изучении валиковой керамики, которая, как установлено, сложилась в результате смешения различных технологических навыков и культурных традиций. Интересно, что она имеет много общих черт с керамикой эпохи ранних кочевников.

Особую группу археологических памятников составляют наскальные изображения. Петроглифы хребта Ешки-Ольмес, являющегося западным отрогом Джунгарского Алатау, по хронологическому признаку разбиты на три группы: изображения эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Стилистические особенности изображений первой группы выделяют петроглифы Ешки-Ольмеса из ряда других синхронных памятников.

Сцены борьбы, где один из противников невооружен и ограничивается пассивной защитой, авторами предлагается интерпретировать как жертвоприношение. Подчеркивается «культовый характер значительного числа древнейших петроглифов Ешкиольмеса» (Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991).

Наскальные изображения несут огромную смысловую нагрузку не только как проявления изобразительного искусства, но и как отражение мировоззрения представителей общества, оставившего данные памятники.

В 1992 г. вышла в свет монография З.С. Самашева «Наскальные изображения Верхнего Прииртышья», в которой обобщены материалы местонахождений петроглифов Восточного Казахстана.

Дано описание 22 местонахождений с географической локализацией, характеристикой изображений и краткое описание техники их исполнения (Самашев З.С., 1992; Samashev Z., 1993).

В количественном соотношении выделяются Сагыр II, Мойнак, Курчум, Доланалы, Окей. Разделены петроглифы на четыре хронологические группы: энеолита и бронзы; предсакского и раннесакского времени; развитого сакского времени и изображения эпохи раннего средневековья. В основу типологизации легли стилистические особенности изображений.

Изображения быков из Зевакино и урочища Сагыр, а также повозок и колесниц Акбаура и Курчума отнесены к первой группе изображений.

Разница в количественном соотношении изображений предсакского и раннесакского времени с изображениями развитого сакского времени может быть объяснена миграциями местного населения.

Основным сюжетом четвертой группы являются изображения конных и пеших воинов со знаменами и предметами вооружения. Резкой техникой, весьма реалистично, в динамике выполнены изображения животных.

Мировоззренческим представлениям древних людей, нашедшим свое отражение в петроглифах, вопросам семантики и интерпретации наскальных изображений посвящена четвертая глава.

Миграционные процессы в степной зоне Евразии энеолитической эпохи и бронзового века рассматриваются В.А. Новоженовым.

Исследование изображений повозок различных регионов позволило автору выявить направления распространения колесного транспорта на территории Евразии конца IV–III тыс. до н.э. (Новоженов В.А., 1994).

С применением компьютерного банка данных, существенно расширившего границы оперирования фактическим материалом, составлена подробная классификация изображений.

Предложена концепция двух центров развития колесного транспорта – Двуречье и степная зона. Формирование второго центра, по мнению автора, может быть связано с миграцией скотоводческого населения, носителей майкопской культуры, либо с заимствованием знаний, зафиксированных в изображениях и глиняных моделях.

В статье А.Н. Марьяшева и С.А. Потапова сюжеты с колесницами в казахстанских и среднеазиатских местонахождениях петроглифов рассматриваются как мифологические по своему содержанию. Конкретизация, попытки связать изображения с каким-либо конкретным культом, на взгляд авторов, являются ошибочными (Марьяшев А.Н., Потапов С.А., 1992, с. 15–26).

Исследованию изображений святилища Саймалы-Таш, Ферганского хребта посвящена книга А.И. Мартынова, А.Н. Марьяшева, А.К. Абетекова, вышедшая в 1992 г. (Мартынов А.И. и др., 1992).

Верхняя граница сеймалыташского комплекса, одного из самых крупных на территории Казахстана и Средней Азии, датируется VIII в. н.э. Саймалы-Таш определен авторами как многофункциональное святилище, сюжеты которого являются не изображением сцен реальной жизни, а отражением мифологических представлений и обрядов.

В монографии А.Н. Марьяшева, посвященной петроглифам Южного Казахстана и Семиречья, опубликованы и проанализированы многочисленные местонахождения петроглифа большого региона, часть из которых уже известна. Уточнены датировки рисунков, сюжетов, дана их интерпретация в связи с новейшими исследованиями петроглифов в Сибири (на Алтае) и в Казахстане (Mariyashev A.N., 1994).

В последнее время получает развитие направление в петроглифике, связанное с изучением рисунков казахов на надгробных памятниках из ракушечника, распространенных на Мангышлаке. Они дают информацию не только о материальной и духовной культуре казахов, но и позволяют видеть в рисунках традицию ранних наскальных изображений (Жетыбаев Ж.М., 1993а, с. 61–68; 1993б, с. 92–95).

Как уже отмечалось, одной из важнейших научных программ Института археологии является международная программа «Великий Шелковый путь: диалог культур». Она была принята ЮНЕСКО еще в 1987 г. на 24-й сессии Генеральной Ассамблеи этой организации.

Начиная с 1990 г. активизируется разработка этой тематики в Казахстане (Байпаков К.М., 1991а, с. 17–28). Следует, однако, отметить, что она включила в себя традиционно разрабатываемые в Казахстане вопросы, связанные с урбанизацией древнего и средневекового Казахстана, взаимодействием города и степи, в чем были достигнуты определенные успехи и сделаны интересные наработки. Примером их можно считать проведенный в Алма-Ате в 1987 г. советско-французский симпозиум, материалы которого были опубликованы в Париже и Алма-Ате (Взаимодействие кочевых культур..., 1989; Nomades and sédentaires..., 1990).

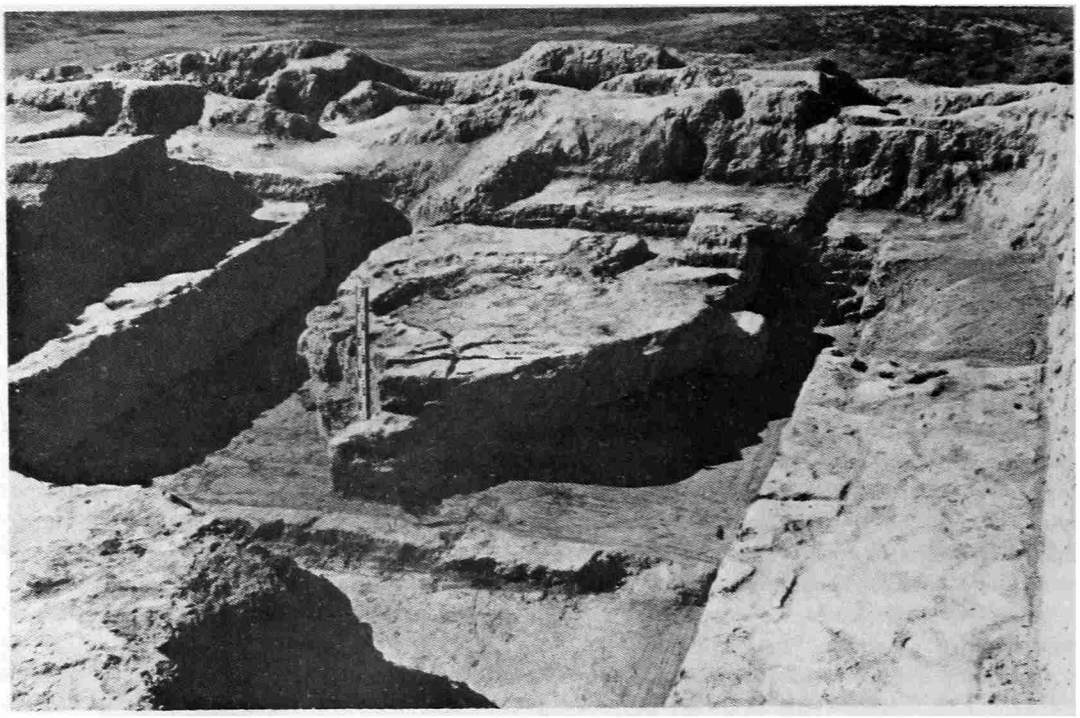


Рис. 3. Святилище во дворце цитадели Костобе (Джамуката) вблизи Джамбула, VII–VIII вв.

В 1991 г. во время работы Международной экспедиции ЮНЕСКО «Степной путь» в Алма-Ате же была проведена международная конференция «Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути» (Байпаков К.М., 1991б, с. 72–74). К ней была издана книжка тезисов, значительное место в которой занимают публикации новых материалов и разработок, сделанных казахстанскими исследователями. Среди них важное место занимают вопросы выявления общих закономерностей взаимодействий городов, локализации трасс Шелкового пути (Взаимодействие кочевых и оседлых культур..., 1991).

Некоторые итоги работ по названной теме публиковались в качестве статей, заметок, тезисов.

О направлении северного участка Шелкового пути, городах на нем писал К.М. Байпаков (1992а, с. 34–44). О караванных тропах в горных районах Семиречья сообщается в статье Ф.П. Григорьева (Григорьев Ф.П., 1992, с. 165–170). Ряд статей был посвящен культурным и экономическим контактам, распространению идей по трассам Шелкового пути с публикацией новых данных, полученных в ходе археологических исследований (Смагулов Е.А., 1993, с. 163–170; Копылов И.И., Керекеша Л.И., 1993, с. 122–136).

В рамках изучения оседлой культуры и урбанизации Казахстана ведутся исследования, которые ставят своей целью установить закономерности в развитии оседлости, земледелия и городской культуры в среде кочевых и полукочевых скотоводов; выявить роль географической среды в сложении хозяйства населения аридных зон, предгорий и речных долин; проследить эволюцию материальной и духовной культуры, выявить этнические факторы, культурные традиции.

Полигонами исследований выбраны микрорайоны на Великом Шелковом пути: Талгара в Илийской долине и Орнека в Таласской, где ведутся поиски и исследования зимовок и поселений саков и усуней, средневековых поселений и городов в контексте выявления процессов седентаризации у кочевников и взаимодействия кочевых и оседлых культур.

Некоторые итоги этих работ получили освещение в научной литературе. Это, к примеру, публикация казахстанских и французских исследователей (Байпаков К.М., Бушарла Р. и др., 1993, с. 70–78), а также серия статей о городах у кочевников и о циклах развития оседлости в разных регионах (Байпаков К.М., 1991в, с. 55–57; Савельева Т.В., 1994а, с. 15–20).

В центре внимания остается задача изучения динамики развития урбанизации. Предусматривается исследование городской структуры, функций города, строительства, архитектуры, духовной жизни населения Казахстана во взаимодействии с соседними странами и народами. Продолжались раскопки Отрара и городищ Отрарского оазиса; Костобе в Таласской долине (рис. 3), Кулана в Чуйской долине и Талгара (Тальхира) в Илийской долине.

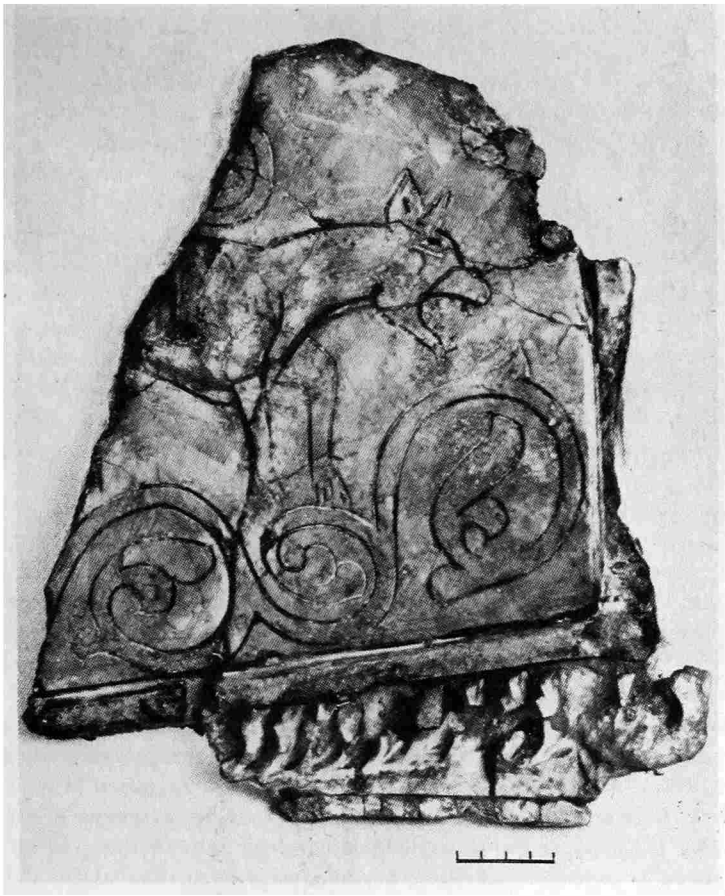


Рис. 4. Фрагмент штукатурки с резьбой. Городище Луговое (Кулан). Загородный дворец VIII–IX вв.

Важное место в прошедшее время отводилось исследованию ранних этапов урбанизации, связанных с кангюйской проблемой. Данные по ней содержат статьи А.Н. Подушкина и А.Н. Грищенко, в которых характеризуются памятники отрарско-каратауской культуры (арысский вариант) на Средней Арыси (Подушкин А.Н., 1992, с. 189–192; Грищенко А.Н., 1992, с. 93–95).

О новых материалах из раскопок памятников Джетыасарского урочища сообщает Л.М. Левина (Левина Л.М., 1992, с. 150–157).

Свою интерпретацию каунчинского типа культур высказали К.М. Байпаков и М.Ф. Тур. Они считают, что в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на юге Казахстана, включая и Таласскую долину, локализовалась одна культура, названная ими сырдарьинской, с вариантами (Байпаков К.М., Тур М.Ф., 1992, с. 26–34).

Вопросы топографии средневековых городищ, застройки, характера городского жилища традиционно популярны в медиевистике Казахстана (Байпаков К.М., 1992б, с. 150–158; Baipakov K., 1992a, p. 87–110).

Появились обобщающие исследования, посвященные характеристике новых поселений и городищ, типологии памятников, их интерпретации. Защищены диссертации, посвященные средневековой городской культуре долин Таласа и Келеса (Касенов М.С., 1995; Толеев Д., 1995).

За рассматриваемый период появился ряд статей об Отраре, об отрарском жилище, его эволюции, новых типах, появившихся в тот или иной хронологический период (Байпаков К.М., 1994а, с. 20–23).

Интересны поиски истоков происхождения и формирования жилого дома в Отрарском оазисе. Заслуживают интереса вопросы, связанные с определением этнической принадлежности населения позднесредневекового юга Казахстана, сделанные на материалах анализа жилища и письменных данных. Несколько статей о сартах, их этногенезе и судьбах говорят о том, насколько сложен этот вопрос (Ерзакович Л.Б., 1992, с. 177–182; 1993а, с. 93–101; 1993б, с. 51–56; Ходжаев М.Б., 1994а, с. 57–61; Смагулов Е.А., 1992а, с. 196–206). Однако получает преобладание мнение, что сарты Казахстана – это сколок древнего и средневекового городского населения, потомки кангюйцев и кангаров, сыгравших определенную роль в формировании казахского этноса.

Продолжается изучение городов и поселений Семиречья. Здесь раскопки проводились на городище

Луговое в Чуйской долине (рис. 4) и на городище Талгар в Илийской. Регулярно издаются статьи с итогами исследований, с анализом новых данных (Нуржанов А.А., 1992, с. 43–50; Савельева Т.В., 1993, с. 113–121).

Вопросы функций средневекового города рассматривались в ряде статей. Интересны исследования и наблюдения о развитии гончарства, технологии изготовления посуды, в том числе и поливной (Ходжаев М.Б., 1992; Кузнецова О.В., 1994, с. 63; Тепловодская Т.М., 1994, с. 58–62). К числу достижений казахстанских археологов следует отнести издание альбома средневековой художественной керамики Отрара (Керамика средневекового Отрара, 1990).

Исследуются вопросы земледелия и ирригации в средневековом Казахстане, на юге республики и в Семиречье (Грошев В.А., 1993, с. 89–92; 1991, с. 62, 63).

Активизировались исследования по нумизматике (Бурнашева Р.З., 1992, с. 164–171). Было выяснено, что города Джент, Барчкент (Барчин) в XIV в. находились в торговой зоне, тяготеющей к золотоордынским городам Поволжья, хотя находились они под контролем Хорезма. Две поздние монеты XVI в. из Дженда указывают на тесные торговые связи города с Туркестаном и на то, что город в это время переживал период подъема (Бурнашева Р.З., 1993, с. 80–86; Бурнашева Р.З., Юсупова С.М., 1994, с. 45–50).

Новые нумизматические данные получены при раскопках семиреченских городищ, одним из которых было городище Костобе. По мнению исследований, монеты VII–VIII вв. с Костобе свидетельствуют о торговых связях Джамуката с Чачем и Таразом, причем последний оказывал большое влияние на торговлю в Таласской долине (Бурнашева Р.З., Юсупова С.М., 1993, с. 77–80; 1991, с. 60–62).

О средневековых монетах Отрарского оазиса и Семиречья пишет С.М. Юсупова. Установлено, что моменты присырдарьинских городов были обнаружены только на городищах Отрарского оазиса. Они являлись единицами внутриобластной торговли. Семиреченские тюргешские монеты встречаются в Отрарском оазисе, Согде, Чаче и Фергане. Эти монеты являлись единицей межрегионального масштаба (Юсупова С.М., 1993, с. 81–83). Здесь сходились торговля местная, региональная и международная. Во многом от торговли зависела жизнь города, его благополучие, процветание. Торговые связи, характеристика торговых путей и товаров, найденных при раскопках городов, охарактеризованы в ряде статей (Ерзакович Л.Б., Ходжаев М., 1991, с. 68, 69; Савельева Т.В., 1991, с. 93, 94; Ходжаев М.Б., 1994б, с. 66–70).

Новым направлением в казахстанской археологии, получившем развитие в последние годы, стала архитектурная археология. Впервые стали изучаться с точки зрения истории архитектуры остатки монументальных построек и рядового жилища, раскапываемые археологами. Среди них дворцовые комплексы раннего средневековья городов Кедера (рис. 5; 6) и Джамуката, культовая мусульманская архитектура юга Казахстана и Семиречья. Характеризуются планировочные особенности, строительная техника и декор – резное дерево, резной штук и резьба по ганчу. Прослежены культурные связи и распространение архитектурных эталонов по Великому Шелковому пути (Шарденова З.Ж., 1992, с. 51–61; 1993, с. 36–40; 1994, с. 71–81; Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., 1993, с. 28–44; Шарденова З.Ж., Байпаков К.М., 1993, с. 37–39).

Изучаются культура и искусство средневековых городов (Копылов И.И., 1992, с. 71–82), прослежены традиции узоротворчества и семантики древнего орнамента в казахском прикладном и монументальном искусстве (Смагулов Е.А., 1995, с. 82–92).

Новые материалы позволили поставить и продвинуть решение проблемы идеологии средневекового населения Казахстана, проследить пути распространения здесь буддизма, зороастризма, шаманизма и различных культов (Смагулов Е.А., 1992б, с. 34–42; Терновая Г.А., 1993а, с. 137–144; 1993б, с. 40–51).

К числу интересных открытий относится находка подземного буддийского монастыря в Сайраме, новые находки христианских надписей и захоронений в Семиречье (Байпаков К.М., 1994б, с. 96–100; 1992в, с. 80–85; Baipakov K.M., 1992в, p. 33–48). Выясняются время и центры распространения ислама (Нурмуханбетов Б.Н., 1994, с. 34–39).

Появились крупные обобщающие исследования по средневековой археологии.

Вышла в свет монография Т.В. Савельевой, посвященная оседлой культуре одного из крупных районов Илийской долины – северных склонов Заилийского Алатау (левобережье р. Или) (Савельева Т.В., 1994б). В основу исследования положены материалы из раскопок крупного городища Талгар, отождествляемого со средневековым Тальхиром, городом, известным по сообщениям анонимного персоязычного сочинения X в. «Худуд ал-Алам». Кроме того, здесь обнаружены и обследованы 28 средневековых городищ и 8 поселений.

Помимо публикации систематизированного материала, решены вопросы, связанные с развитием оседлости и городской жизни в районе с преобладающим скотоводческим направлением хозяйства. Впервые на конкретных данных прослеживаются пути оседания кочевников, интеграция их в состав городского населения. Об этом, в частности, свидетельствует характер городского жилища Талгара, для которого традиционны большие дворы для скота и юрты во дворах.

Получен и проанализирован новый материал по застройке города, его квартальной структуре, домостроительству, фортификации, городским благоустройствам. Предложены новые положения о локализации ряда городов, отмечен континуитет в развитии городской культуры на протяжении длительного промежутка времени, выделены основные хронологические этапы ее развития. Сделан также вывод о

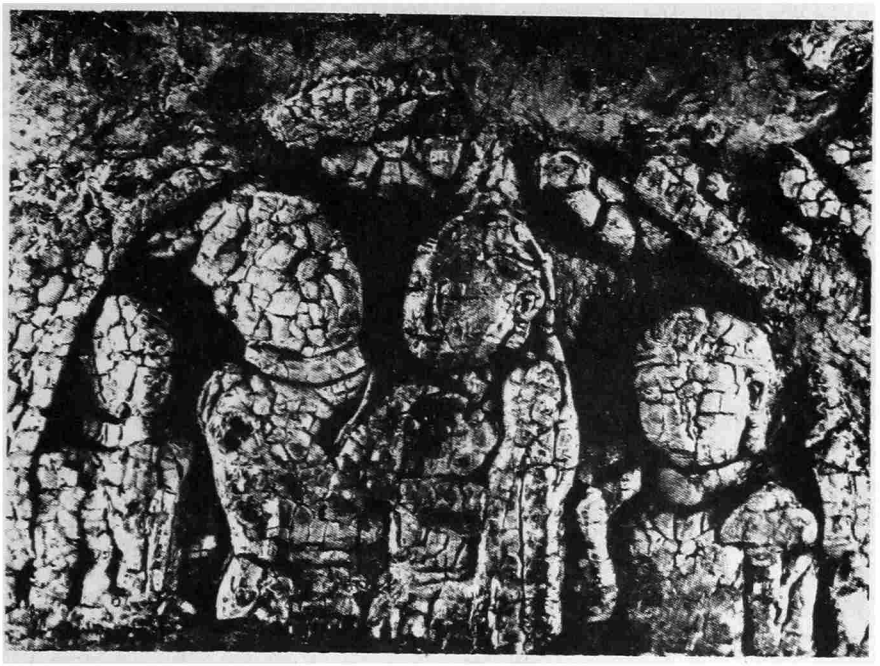


Рис. 5. Фрагмент резной горелой доски из парадного зала дворцового комплекса городища Куйруктобе (Кедер) на Сырдарье, VII–IX вв.

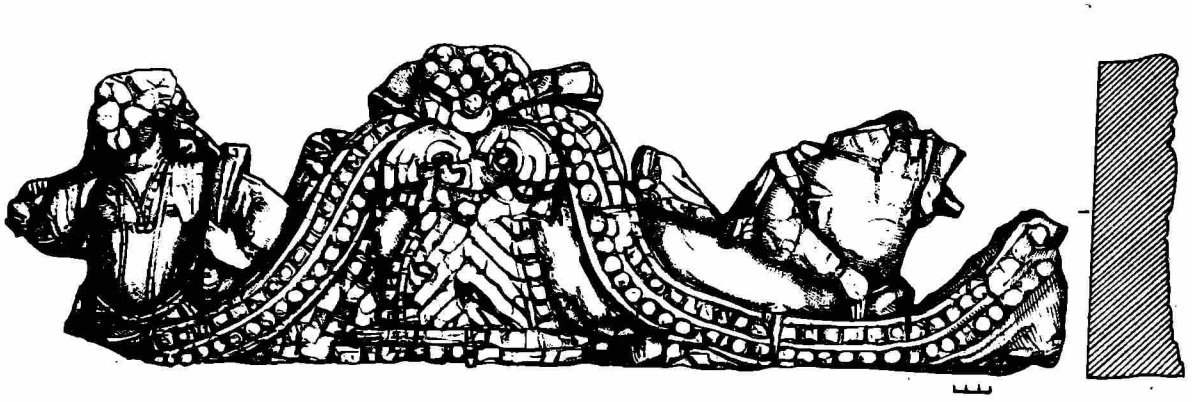


Рис. 6. Резная горелая доска из парадного зала дворцового комплекса городища Куйруктобе (Кедер), VII–IX вв.

своеобразии местной городской культуры, но в то же время показана связь ее с развитием культуры и мусульманского мира.

Большой интерес вызвала работа К.М. Байпакова и А.А. Нуржанова. В ней обобщен материал по средневековой городской культуре Казахстана, представленный в виде отдельных очерков по всем крупным средневековым городам Казахстана, связанным трассами Великого Шелкового пути. Охарактеризованы история Шелкового пути в Казахстане, направления основных дорог и распространение по ним товаров, культурных образцов и религий (Байпаков К.М., Нуржанов А.А., 1992).

Памятникам Казахстана на Великом Шелковом пути посвящен красочный альбом со вступительной статьей К.М. Байпакова (По Великому Шелковому пути, 1991).

С сожалением, однако, приходится констатировать слабую разработку археологии средневековых кочевников в Казахстане, которая до сих пор остается одной из наиболее слабо представленных и в публикациях последних лет. Можно назвать лишь несколько небольших статей о каменных изваяниях Казахстана и погребальных памятниках (Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 1992, с. 116–119; Илюшин А.М., 1992, с. 119–121). Лишь средневековым памятникам кочевников Западного Казахстана посвящена глава (этюд) монографии Г.А. Кушаева (Кушаев Г.А., 1993, с. 94–112).

Этот пробел становится наиболее заметен на фоне новых исторических исследований по проблемам кыпчаков, куманов и кимаков (Ахинжанов С.М., 1994; Куликов Б.Е., 1994).

Как известно, одной из фундаментальных проблем исторической науки является проблема общественного строя кочевников Евразии. Развернувшийся в науке процесс обновления и совершенствования концептуальных основ анализа исторического процесса, формирование качественно новой теории типологизации общественных систем создали принципиально новые возможности для преодоления хронического разнобоя в типологической оценке кочевых обществ и для построения адекватной модели. Сейчас требуется решение теоретических проблем, связанных с определением формации, изучением государственности у кочевников.

Монография М.З. Цинмана, которая открывает цикл работ по вышеназванной проблеме, посвящена анализу глубоких расхождений в типологической оценке отношений собственности на используемые кочевниками пастбищные пространства (в рамках циклично-пастбищной системы хозяйства). Главной причиной этого положения, по мнению автора, являются трудности в выборе критериев типологического анализа и оценки отношений собственности (Цинман М.З., 1992).

По мнению исследователей, главная причина расхождения во взглядах на характер социально-экономических отношений у номадов Евразии лежит в расхождении в определении сущностной характеристики категории общественного способа соединения факторов производства. В других работах говорится о необходимости формирования качественно новой типологизации общественных систем, создания теории цивилизационной характеристики и анализа общественных структур (Цинман М.З., 1993, с. 188–199; Байпаков К.М., Цинман М.З., 1993, с. 12–19; Байпаков К.М., 1994в, с. 19–26). Интересен поднимаемый в казахстанской археологии вопрос о роли городов в системе производительных сил номадов (Жумаганбетов Т., 1993, с. 7–11).

Одним из важных, качественно новых сдвигов в историографии казахстанской археологии является появление обобщающих работ по древней и средневековой истории и археологии.

Следует отметить работу «История Казахстана. Очерк», вышедшую в Алма-Ате в 1993 г., в которой главы «Казахстан в эпоху каменного века», «Бронзовый век», «Союзы племен и ранние государства на территории Казахстана», «Великий Шелковый путь на территории Казахстана»; «Позднесредневековая городская культура» написаны полностью или в основном по археологическим данным, в том числе и полученным в последние годы.

Новые данные привлечены при характеристике материальной культуры Кангюйского государства, в частности говорится о кангюйских городах, их топографии, застройке, домостроительстве.

Новые данные получены и использованы при написании главы о Великом Шелковом пути, о его направлениях, локализации городов на Шелковом пути, распространении буддизма и христианства. Выделена и охарактеризована культура раннесредневековых городов, давших яркие образцы архитектуры и искусства (История Казахстана..., 1993).

Впервые большим тиражом выпущен школьный учебник по древней истории Казахстана (Байпаков К.М., 1994г).

Для вузов издано пособие по археологии Казахстана, источниковедческой базой которого является накопленный за многие десятилетия археологический материал (Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумагамбетов Т., 1993). Следует отметить, что оно продолжает традицию изданий такого рода трудов. Первое было издано еще в 1979 г. (Акишев К.А., Байпаков К.М., 1979). В новое пособие вошли новейшие археологические материалы, опубликованные и систематизированные в нескольких десятках монографий и сотнях статей. Поэтому такие разделы, как «Археология кангюйского времени» и «Археология позднесредневековых кочевников и позднесредневековых городов» написаны практически заново. Приведен большой материал, даны его хронология и анализ, поставлены проблемные вопросы.

Из серии подготовленных томов по некогда всесоюзной и республиканской теме «Свод памятников истории и культуры Казахской ССР» издан первый том «Чимкентская область». Памятники археологии занимают в нем 85% объема из всех недвижимых памятников истории и культуры. В томе нашли отражение поселения, городища, могильники, места разработок, наскальные рисунки, группированные по районам, иллюстрированные планами, черно-белыми и цветными фотографиями (Свод памятников..., 1994). Переоценить это издание с точки зрения его информативности, усиления действенности охраны памятников невозможно. Однако приходится с сожалением констатировать, что нынешние финансовые возможности не позволяют пока издать и остальные тома (их всего 10), часть из которых уже подготовлена к печати, а над другими работа приостановлена.

В целом предложенный обзор свидетельствует о той работе, которая проводится казахстанскими археологами, о достижениях, трудностях, потерях на этом пути, которых могло быть гораздо меньше при сохранении единого экономического, культурного и научного пространства в нынешнем СНГ.

В нынешнее нелегкое, сложное и для России, и для Казахстана время необходимо сохранение научных связей, ибо только вместе, общими усилиями возможно решение многих проблем древней и средневековой археологии и истории Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А., 1992а. Происхождение «звериного стиля» в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения. М.

Акишев К.А., 1992б. Жалаулинский клад или золото бугровщиков // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 5. Алма-Ата.

Акишев А.К., 1993. Социальная структура сакского общества в VI–IV вв. до н.э. // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Акишев А.К., Байпаков К.М., Максимова А.Г., Синенькая Н.И., 1978. Музей археологии. Путеводитель. Алма-Ата.

Акишев А.К., Байпаков К.М., 1979. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата.

Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М., 1992. Исследования в 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. М.

Артюхова О.А., 1992. Мустьерские памятники Семиречья (Актогай 1–4) // Маргулановские чтения. М.

Артюхова О.А., Аубекеров Б.Ж., Таймагамбетов Ж.К., 1992. Древнейшие этапы развития палеолита Казахстана // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Аубекеров Б.Ж., Артюхова О.А., Таймагамбетов Ж.К., 1992. О значении стратифицированных стоянок в изучении палеолита Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Ахинжанов С.М., 1994. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы.

Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1992. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата.

Байпаков К.М., 1991а. Археологические исследования по программе ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь» // Вестн. АН КазССР. № 12.

Байпаков К.М., 1991б. Взаимодействие кочевников и земледельцев на трассе Великого Шелкового пути // Вестн. АН КазССР. № 8.

Байпаков К.М., 1991в. О циклах развития оседлой жизни и городской жизни в Семиречье // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Байпаков К.М., 1992а. Великий Шелковый путь ведет через Казахстан // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 5. Алма-Ата.

Байпаков К.М., 1992б. Городище Куйрыктобе // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 5. Алматы.

Байпаков К.М., 1992в. Monuments of Buddhism in Souther Kazakhstan and Semirechie // Докл. НАН РК. № 3.

Байпаков К.М., 1994а. Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении жилища Южного Казахстана // Изв. НАН РК. № 5.

Байпаков К.М., 1994б. Христианство в Казахстане в средние века // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент.

Байпаков К.М., 1994в. К проблеме типологии социально-экономического строя кочевых обществ // Вестн. НАН РК. № 2.

Байпаков К.М., 1994г. История древнего Казахстана. Алматы.

Байпаков К.М., Нуржанов А.А., 1992. Великий Шелковый путь и средневековые города Казахстана (на каз. яз.). Алматы.

Байпаков К.М., Бушарла Р., Лекомт О., Руссе М.-О., 1993. О современной работе казахских и французских археологов // Докл. Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 5.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумагамбетов Т., 1993. Археология Казахстана. Алматы.

Байпаков К.М., Тур М.Ф., 1992. Раскопки могильника Кара-Бура в Таласской долине // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Байпаков К.М., Цинман М.З., 1993. Социально-экономический строй кочевых обществ. Вопросы совершенствования методологии исследований // Изв. НАН РК. № 5.

Байпаков К.М., Шарденова З.Ж., 1993. Архитектура цитадели городища Курыктобе на Сырдарье // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Байсенов А.Э., Исмагулова А.О., 1992. Археолого-антропологические данные из могильника Бирлик // Маргулановские чтения. 1990. М.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памир-Алтая // МИА. № 26.

Боковенко Н.А., 1992. К вопросу о сложении раннекочевнических культур Казахстана и Саяно-Алтая // Маргулановские чтения. М.

Бурнашева Р.З., 1992. Новые монетные дворы (VII–XVII вв.) // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата.

Бурнашева Р.З., 1993. Неизвестный медный чекан Дженда // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Бурнашева Р.З., Юсупова С.М., 1991. Торговые связи города Джамуката по монетным данным // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Бурнашева Р.З., Юсупова С.М., 1993. Монетные находки с городища Костобе (Жамбыльская обл.) // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. № 5.

Бурнашева Р.З., Юсупова С.М., 1994. Новые данные по денежному обращению сырдарьинских городов золотоордынского периода // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. № 5.

Варфоломеев В.В., 1992а. Погребения эпохи поздней бронзы Кентского микрорайона // Маргулановские чтения. 1990. М.

Варфоломеев В.В., 1992б. Кент как поселение городского типа // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Взаимодействие кочевых культур и оседлых цивилизаций. 1989. Алма-Ата.

Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути, 1991. Алма-Ата.

Волошин В.С., 1992. Палеолитический памятник Батпак // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Волошин В.С., Кучерюк И.Г., 1992. Стоянка каменного века Тарыап I // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Галкин Л.Л., 1992а. Кочевники эпохи бронзы Западного Казахстана // Маргулановские чтения. 1990. М.

Галкин Л.Л., 1992б. Каменные батыры Устюрта // Памятники истории и культуры Казахстана. Вып. 5. Алма-Ата.

Григорьев Ф.П., 1992. Древние караванные тропы северных склонов Киргизского хребта // Маргулановские чтения. 1990. М.

Грищенко А.Н., 1992. Керамические комплексы городища Жувантобе // Маргулановские чтения. 1991. Петропавловск.

Грошев В.А., 1991. Водные источники и трассы Шелкового пути. Алма-Ата.

Грошев В.А., 1993. Историческая динамика водных ресурсов и археологические памятники Казахстана // Археологические памятники Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы.

Грязнов М.П., 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казахи. Материалы Особого Комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. II. Л.

Гуцалов С.Ю., 1992. Ярусные погребения Илека и проблема сложения савроматской культуры // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т. и др., 1993. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит). Новосибирск.

Ерзакович Л.Б., 1992. О периодизации развития средневекового Отрара // Маргулановские чтения. 1990. М.

Ерзакович Л.Б., 1993а. К вопросу о застройке рабада Отрара // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Ерзакович Л.Б., 1993б. Об одном типе жилого дома Отрара XVII в. // Изв. НАН РК. № 5.

Ерзакович Л.Б., Ходжаев М., 1991. К вопросу о торговых связях Отрара в эпоху средневековья // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., 1992. Центрально-казахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Жетыбаев Ж.М., 1993а. Виды оружия в этнографических рисунках казахов Устюрта и Мангыстау // Изв. НАН РК. Сер. общ. наук. № 5 (на каз. яз.).

Жетыбаев Ж.М., 1993б. Казахские этнографические рисунки и шаманство // Изв. НАН РК. Сер. общ. наук. № 5. (на каз. яз.).

Жумаганбетов Т., 1993. Город в системе производительных сил номадов. Проблема уровней // Изв. НАН РК. № 5.

Заднепровский Ю.А., 1992. Каргалинский могильник саков Семиречья // Маргулановские чтения. М.

Зайберт В.Ф., 1992. Атбасарская культура. Екатеринбург.

Зайберт В.Ф., 1993. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск.

Зданович С.Я., 1992. Орудия горного дела и металлообработки на поселениях бронзового века Урало-Ишимского региона // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Илюшин А.М., 1992. Об этнокультурной идентификации погребений по обряду кремации конца I тыс. из Казахстанского Прииртышья и Кузнецкой котловины // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Исмагилов Р.Б., 1991. Скифо-греческий торговый путь или миграционный путь сарматов // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Исмагилов Р.Б., 1992а. Таргитай, прародитель скифов // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Исмагилов Р.Б., 1992б. Новые погребения эпохи раннего железа на Илеке // Маргулановские чтения. М.

История Казахстана. Очерк. 1993. Алматы.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата.

Калиева С.С., 1992. К проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургая III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения. М.

Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н., 1992. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Карабаспакова К.М., 1992. К вопросу о становлении семиреченского очага металлообработки в эпоху бронзы // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Касенов М.С., 1995. Средневековая культура городов и поселений Таласской долины (VI – начало XIII в.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Алматы (на каз. яз.).

Керамика средневекового Отрара, 1990. Составители К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. Алма-Ата.

Кисленко А.И., 1992. Могильник Чайка // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Копылов И.И., 1992. К вопросу о шахматной игре Шатранджа в Талхиге, в древнем Талгаре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Копылов И.И., Керекеша Л.И., 1993. Тальхир (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Кочубей Ю.А., 1992. Новое погребение с каменным «жертвенником-столиком» в Западном Казахстане // Маргулановские чтения. 1990. М.

Кошеленко В., 1992. История массагетов еще мало известна и открытия археологов, сделанные на Устюрте, прольют новый свет на их культуру // Памятники истории культуры Казахстана. Вып. 5. М.

Кузнецова О.В., 1994. Керамика с городища Алматы // Изв. НАН РК. № 5.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1994. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы.

Кукушкин И.А., 1992а. Андроновские погребения Кентского ущелья // Маргулановские чтения. 1990. М.

Кукушкин И.А., 1992б. Огонь в андроновском погребальном обряде // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Кукушкин И.А., 1993. Культ огня у племен Казахстана в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... к.и.н. Алматы.

Кумеков Б.Е., 1994. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII – начала XIII в. Дис. в виде научного доклада ... д-ра ист. наук. СПб.

Кушаев Г.А., 1993. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск.

Левина Л.М., 1992. Некоторые итоги исследований Джетыасарского отряда Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Маргулановские чтения. 1990. М.

Логвинов В.Н., 1992. Новые данные по хозяйству терсекского населения // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков К., 1992. Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата.

Марьяшев А.Н., Горячев А.Н., 1992. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ок-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Марьяшев А.Н., Горячев А.Н., 1993. Могильник эпохи бронзы Кульсай-I // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Марьяшев А.Н., Потапов С.А., 1992. Сюжеты с колесницами в петроглифах Казахстана и Средней Азии // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е., 1991. Наскальные изображения в горах Ешки-Ольмес. Алма-Ата.

Мерц В.К., 1992. Раскопки на стоянке Шидерты // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Новоженов В.А., 1994. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (К проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы.

Нуржанов А.А., 1992. Археологические исследования на городище Луговое // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Нурмуханбетов Б.Н., 1994. Некоторые черты раннего ислама в Средней и Нижней Арыси // Изв. НАН РК. № 5.

Ольховский В.С., 1992. Святилище Байте III в Западном Казахстане // Маргулановские чтения. 1990. М.

Плешаков А.А., 1992. Реконструкция хозяйственных комплексов ранненеолитической стоянки Тельмана XIV по результатам трасологических исследований // Маргулановские чтения. М.

По Великому Шелковому пути. 1991. Алма-Ата.

Подушкин А.Н., 1992. Некоторые итоги исследования могильника Тулебайтобе I // Маргулановские чтения. 1990. М.

Савельева Т.В., 1991. Международные культурные и торговые связи городов Южного Казахстана в XIII–XV вв. // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Савельева Т.В., 1993. Средневековые города и поселения Илийской долины // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Савельева Т.В., 1994а. О городах карлуков // Изв. НАН РК. № 5.

Савельева Т.В., 1994б. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы.

Самашев З.С., 1992. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата.

Самашев З., Исмагил Р., Жетибаев Ж., 1994. Изучение культур древних номадов Арало-Каспийских степей // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. 1994. Алматы.

Смагулов Е.А., 1992а. К вопросу об этнической принадлежности культуры позднесредневекового Отрара // Маргулановские чтения. 1990. М.

Смагулов Е.А., 1992б. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Смагулов Е.А., 1993. Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Смагулов Е.А., 1995. Палеосемантика центральной композиции казахского орнамента // Изв. НАН РК. № 5.

Стасов В.В., 1994. Науч. доклады. Собр. соч. Т. II. СПб.

Суразаков А.С., 1992. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. 1990. М.

Таймагамбетов Ж.К., 1991. О постановке вопроса о древних связях палеолитических культур Казахстана и сопредельных территорий // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата.

Таймагамбетов Ж.К., 1992. Древнейшая стоянка древнего человека в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Таймагамбетов Ж.К., 1993. Геолого-геоморфологические условия Казахстана. Проблемы палеогеографии и среда обитания древних гоминид в аридной полосе Евразии // Изв. НАН РК. № 5.

Татаринцева Н.С., 1992. Поселение Сергеевка // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Тепловодская Т.М., 1994. Структурный анализ изделий с росписью кобальта из Отрара // Изв. НАН РК. № 5.

Терновая Г.А., 1993а. О семантике сосуда из Садыр-Кургана // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Терновая Г.А., 1993б. Керамика Таласской долины // Изв. НАН РК. № 5.

Ткачев А.А., 1992. К проблеме миграций в андроновскую эпоху // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Толеев Д., 1995. Археологические памятники долины Келеса. Автореф. дис. ... к.и.н. Алматы (на каз. яз.).

Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Усманова Э.Р., 1992а. Обряд вторичного погребения в андроновском ритуале // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Усманова Э.Р., 1992б. Дифференцированный подход к умершему в погребальном обряде // Маргулановские чтения. 1990. М.

Формозов А.А., 1986. Страницы истории русской археологии. Л.

Хабдулина М.К., 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.

Ходжаев М.Б., 1992. О керамическом производстве Отрара второй половины XIII – первой половины XIV в. // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Ходжаев М.Б., 1994а. Причины последнего общегородского пожара и окончательное запущение Отрара // Изв. НАН РК. № 5.

Ходжаев М.Б., 1994б. Гончарные изделия импортного происхождения из Отрара // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. № 5.

Худяков В.В., 1992. К проблеме взаимодействия энеолитических племен Казахстана и Урало-Поволжского региона // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Цинман М.З., 1992. Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников. Алма-Ата.

Цинман М.З., 1993. К вопросу о «тайне» социально-экономического строя кочевых обществ // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы.

Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.

Чиндин А.Ю., 1992. Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск.

Шарденова З.Ж., 1992. Архитектура центрального зала дворца городища Костобе // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Шарденова З.Ж., 1993. О перекрытии обходного коридора во дворце Костобе // Изв. НАН РК. № 5.

Шарденова З.Ж., 1994. Архитектурный декор во дворце Костобе // Изв. НАН РК. № 5.

Шарденова З.Ж., Байпаков К.М., 1993. Ранняя мусульманская архитектура на Сырдарье // Древний Амуль. Проблемы истории и культуры Средней Амударьи. Чарджев.

Юсупова С.М., 1993. Древнетюркские монеты Отрарского оазиса и Семиречья // Изв. НАН РК. Сер. общ. наук. № 5.
Baipakov K., 1992a. Les fouilles de la ville d'Otrar // Archeol. Islamique. N 3.
Baipakov R.M., 1992b. Nouvelles données sur la culture Sogdienne dans les villes médiévales du Karakustan // Studia Iranica. T. 1. fasc. 1.
Mariyshev A.N., 1994. Petroglyphs of South Kazakhstan and Semirechye. Almaty.
Nomades an sédentaires en Asie Centrale. Apport de l'archeologie et de l'etnologie, 1990. Paris.
Samashev Z., 1993. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a historical sourses. Almaty.

Институт археологии
АН Республики Казахстан,
Алма-Ата

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ КРУПНОВСКИМ ЧТЕНИЯМ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В сентябре 1970 г. ушел из жизни выдающийся археолог-кавказовед, лауреат Ленинской премии 1963 г., профессор Евгений Игнатьевич Крупнов. Покойный ученый оставил глубокий след в кавказской археологии и самую добрую память в сердцах тех людей, которые имели счастливую возможность общения с ним. Е.И. Крупнов был не только большим и честным ученым, но и признанным и авторитетным наставником молодых специалистов, сформировавшим свою научную школу в кавказоведении. Это был убежденный интернационалист, искренний друг и благожелатель северокавказских народов, которые он, сам уроженец Кавказа, глубоко уважал, и которые со своей стороны проявляли к нему те же чувства. В этом отношении Е.И. Крупнов был одним из лучших и ярких представителей русской интеллигенции, своей самоотверженной деятельностью активно способствовавших сближению кавказских народов как между собой, так и с Россией, с русским народом. Эти благородные черты личности Е.И. Крупнова особенно рельефно видны сейчас, когда Кавказ сотрясают политические и межнациональные конфликты и рознь — то, что всегда было неприемлемо для Евгения Игнатьевича.

Стремясь увековечить память покойного ученого, археологи Североосетинского и Кабардино-Балкарского научно-исследовательских институтов провели первое совместное мемориальное заседание в г. Орджоникидзе (Владикавказ) в марте 1971 г. Всего в работе участвовало около 10 человек, было заслушано и обсуждено всего 5 докладов. Но главным результатом этого заседания стало решение о ежегодном проведении региональных научных конференций под названием «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа» в разных городах региона. Последнее обстоятельство диктовалось как очевидной целесообразностью непосредственного ознакомления участников конференции с состоянием развития археологии в той или иной республике, области или крае Северного Кавказа в целях улучшения координации исследований, так и интересами пропаганды достижений нашей науки и привлечения к ней большего внимания общественности на местах. Надо заметить, что этот принцип полностью себя оправдал. К настоящему времени Чтения состоялись во всех столицах республик Северного Кавказа (в некоторых повторно), в краевых и нескольких районных центрах, а также в Москве и Элисте.

Научный уровень и организационные принципы Крупновских чтений постоянно углублялись и совершенствовались из года в год. Так, на II Чтениях (Нальчик, 1972) присутствовало уже около 20 человек из разных северокавказских городов. А в дальнейшем заявки на участие в конференции поступали от 30—50 и более докладчиков, представлявших НИИ, вузы и музеи Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и других городов России, республик Закавказья, Украины. С III Крупновских чтений (Грозный, 1973) началась публикация тезисов докладов. Окончательное структурное оформление наши конференции получили на V КЧ (Махачкала, 1975). С этого времени по просьбе общего собрания конференции Институт археологии АН СССР (РАН) стал куратором Крупновских чтений. Тогда же, в 1975 г., был создан Постоянный координационный совет конференции во главе с В.А. Кузнецовым (председатель) и И.М. Чеченовым (заместитель председателя); в состав совета вошли также представители всех республик и краев Северного Кавказа и Москвы, а впоследствии Санкт-Петербурга и Элисты. На XVI КЧ (Ставрополь, 1990) произошли изменения в составе Постоянного координационного совета: в частности, в его состав вошли несколько новых представителей, а в связи с перегруженностью В.А. Кузнецова в качестве народного депутата

© В.И. Козенкова, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов, 1996 г.

Российской Федерации председателем совета Крупновских чтений был избран И.М. Чеченов, его заместителем Н.В. Анфимов.

С 1975 г. в работу Крупновских чтений введен принцип легитимности: все насущные организационные вопросы деятельности конференции обсуждаются коллективно на общих собраниях ее участников в последний день работы. Поскольку Чтения проводятся в разных городах, на местах создаются временные Оргкомитеты, занимающиеся их непосредственной подготовкой.

В первые годы содержание докладов на конференциях сводилось в целом к оперативной научной информации о новейших полевых и кабинетных исследованиях в регионе. Признавая оправданным и важным это направление и для дальнейшей работы, на VI Крупновских чтениях (Краснодар, 1976) было принято решение: намечать для каждой последующей конференции определенную, более или менее крупную историко-археологическую проблему региона и рассматривать ее в первые 1—2 дня заседания.

Так, в соответствии с таким решением VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977) были посвящены в основном вопросам возникновения и развития городов на Северном Кавказе. Как известно, проблема урбанизации в целом ранее не была предметом специального изучения в археологии региона. Проблема этнокультурного развития племен Северного Кавказа и Калмыкии в бронзовом веке рассматривалась на IX КЧ (Элиста, 1979), а та же проблема относительно территории Прикубанья — в Майкопе (1992). На X КЧ (Москва, 1980) главное внимание было уделено вопросам идеологических представлений племен региона, а на XV чтениях (Махачкала, 1988) — проблеме взаимоотношений кочевников и оседлого населения.

На XVI Крупновских чтениях (Ставрополь, 1990) основной акцент был сделан на вопросы современной историографии северокавказской археологии, что главным образом обусловливалось небывалым прежде широким распространением через всевозможные каналы информации в последние 9—10 лет бесчисленного множества научно необоснованных, тенденциозных, явно популистских версий и "концепций" по ранней истории и археологии Кавказа. Впрочем, в этой же связи ряд обобщающих историографических докладов был заслушан и весьма активно обсужден и на других наших конференциях последнего времени (в частности, XV КЧ, Махачкала, 1988; XVIII КЧ, Кисловодск, 1994).

Вполне правомерно, что значительное место в работе конференции занимает проблема этногенеза и ранней этнической истории народов Северного Кавказа, которая в условиях необычайной этнической пестроты региона представляется наиболее сложной и актуальной. Особое внимание ей уделялось в докладах и дискуссиях V, VIII, XIV Крупновских чтений (Махачкала, 1975; Нальчик, 1978; Владикавказ, 1986). Эту же проблему, которая в последний период особенно часто вульгаризуется и извращается в корне, было решено считать приоритетной и в работе XIX КЧ (Москва, 1996).

Сегодня мы вправе сказать, что, несмотря на определенные проблемы, Крупновские чтения за 25 лет своего развития превратились в плодотворно работающую общественно-научную организацию с довольно высоким творческим потенциалом и активностью. Достаточно отметить, что за время функционирования этих форумов, регулярно проводившихся до XII КЧ (Геленджик, 1982) ежегодно, а впоследствии раз в 2 года, было заслушано более 650 научных докладов и сообщений. Разносторонний обмен научными наблюдениями и идеями, многочисленные и нередко весьма острые дискуссии по спорным вопросам, широкое участие в работе конференции как опытных, так и молодых археологов-кавказоведов из разных городов бывшего СССР — таковы содержание и формы деятельности Крупновских чтений.

Влияние Крупновских чтений на развитие археологии на Северном Кавказе очевидно. Оно выражается не только в указанном выше количестве докладов и сообщений, обсуждении актуальных проблем, публикации тезисов, но и в посильном участии в деле организации этого направления науки в регионе. По резолюциям наших форумов оказано определенное содействие в создании и укреплении отделов археологии в Калмыцком НИИ, Новороссийском музее и некоторых других учреждениях, в мерах по охране археологических памятников и т.п. Двери конференции всегда открыты для представителей системы образования, студентов, краеведов, для всех интересующихся ранней историей и археологией. Накануне или в дни проведения Крупновских чтений Постоянный координационный совет и Оргкомитет извещает через средства массовой информации общественность об этих конференциях, приглашает желающих на заседания. По окончании Чтений краткая информация о них систематически публикуется в журнале «Советская (Российская) археология».

Неоценимое значение Чтений состоит и в чисто деловом и человеческом сотрудничестве, в сближении археологов-кавказоведов, формировании из них единого и дружного коллектива, о чем всегда мечтал и заботился Е.И. Крупнов. В наше сложное, «смутное» время, когда Северный Кавказ стал реально наиболее «горячим» регионом Российской Федерации, а межнациональные трения и конфликты сплошь и рядом подогреваются и подпитываются при помощи спекуляций вокруг археологии и истории, когда коррозия местничества и сепаратизма стала открыто разъедать и сферу обществоведения, такое единение кавказоведов стало острой необходимостью во имя спасения самой науки. Сегодня у нас есть достаточные основания утверждать, что мы не заблуждаемся в этой оценке, ибо речь идет без преувеличения именно о спасении и упрочении лучших традиций фундаментального научного кавказоведения сейчас, иначе мы

можем опоздать. Думается, что Крупновские чтения и впредь способны сыграть полезную интегрирующую роль в этом деле.

За четверть века своего существования Крупновские чтения не только выстояли и окрепли, но и делом доказали необходимость самого широкого и глубокого сотрудничества ученых, для чего не должно быть границ. В ряду аналогичных археологических регулярных конференций на территории бывшего СССР Крупновские чтения, насколько нам известно, оказались по продолжительности своего периодического функционирования в числе наиболее жизнеспособных, хотя в их деятельности были и есть немалые трудности и недостатки. Хотелось бы надеяться, что они окажутся преодолимыми, а северокавказская археология вступит в новую позитивную фазу развития.

В.И. Козенкова,
В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов

Институт археологии РАН,
Москва

Северо-Осетинский институт
гуманитарных исследований

Институт истории, филологии
и экономики Кабардино-Балкарского
научного центра РАН, Нальчик

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ОБОЛДУЕВОЙ (1908—1995)

15 мая 1995 г. скончалась известный старейший археолог Средней Азии, кандидат исторических наук Татьяна Григорьевна Оболдуева, вся жизнь которой была связана с исследованием древностей Ферганской долины.

Т.Г. Оболдуева родилась 22 января 1908 г. в Тюмени в семье политического ссыльного врача-бактериолога. В 30-е годы он был репрессирован и погиб.

В 1927 г. Т.Г. Оболдуева поступила в Первый московский государственный университет на этнологический факультет, а в 1928 г. перевелась на восточный факультет Среднеазиатского государственного университета, который и окончила в 1931 г. К этому времени семья уже переехала в Ташкент.

Еще учась в университите, Т.Г. Оболдуева начала работу практикантом в Среднеазиатском музее истории и истории революции по отделу археологии. В 1930 г. она участвует в Ангренской археологической экспедиции Узкомстариса и в экспедиции музея в Фергане. В Фергану Татьяну Григорьевну пригласил Б.А. Латынин, человек, на всю жизнь оставшийся ее учителем и другом. В 1933 и 1934 гг. она принимает активное участие в работах его экспедиции в северо-восточных и юго-западных районах Ферганской долины. Это была фактически первая научная экспедиция, поставившая своей целью получить представление о древностях Ферганы. Помимо разведок велись раскопки поселений эпохи раннего железа Эйлатан и тепе Кургай на северо-востоке долины и первых курганов с подбоями и катакомбами в могильнике Исфара. Т.Г. Оболдуева была в этой экспедиции и археологом, и фотографом, они вместе с Б.А. Латыниным ходили в маршруты, снимали планы, несли на себе находки до ближайших железнодорожных станций. В 1931 г. Т.Г. Оболдуева переезжает в Ленинград, где работает сначала временным сотрудником ГАИМК, библиотекарем ЛГУ, а с февраля 1932 г. — научным сотрудником второго разряда по сектору доклассового общества отделения раннего феодализма Государственного Эрмитажа (сейчас — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири). Однако в 1935 г., вскоре после ареста Б.А. Латынина, Т.Г. Оболдуеву, как его сотрудницу, из Эрмитажа увольняют. Она уезжает в Среднюю Азию и в течение двух лет работает в Ходжентском музее в должности старшего научного сотрудника. В 1937 г. Татьяна Григорьевна зачислена научным сотрудником в Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры, а с 1940 по 1942 г. работает в Институте языка, истории и литературы Узбекского филиала АН СССР. В 1937 г. она участвует в раскопках могильника Джун у г. Янгиюль Ташкентской обл. В 1939 г. Т.Г. Оболдуева — начальник первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. Ее участок — от р. Нарын до г. Кувы, длиной 90 км.

© Н.Г. Горбунова, Г.А. Брыкина, Ю.А. Заднепровский, 1996 г.

За работы на строительстве Большого Ферганского канала Татьяна Григорьевна была награждена Президиумом Верховного Совета Узбекистана значком «Участник строительства БФК». В 1940 г. она проводит такие же работы на строительстве Северного Ферганского канала. При работе на этих каналах ею был собран богатейший материал, позволивший продолжить начатую Б.А. Латыниным работу по периодизации древних ферганских культур. Именно Т.Г. Оболдуевой принадлежит честь открытия культуры ферганских земледельцев эпохи бронзы, названной впоследствии «чустской».

Ее труд в годы войны был отмечен государством. Татьяна Григорьевна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1944 (?) г. Т.Г. Оболдуева переезжает на Украину, где работает в Киеве в Институте археологии, занимается и полевой работой, и поисками своей научной темы. Об этом мы узнаем из писем Б.А. Латынина.

Т.Г. Оболдуева совершила большой человеческий и гражданский подвиг: как только стал известен адрес находившегося в ссылке в Находке Б.А. Латынина, она пишет ему. Переписка эта начинается с 1945 г., а ведь тогда это было совсем небезопасно. Татьяна Григорьевна сохранила все письма и передала их впоследствии в архив Государственного Эрмитажа. Б.А. Латынин благодарит Татьяну Григорьевну за ее письма — единственную ниточку, связывавшую его со старой жизнью, и дает ей советы по выбору научной темы. По его совету она пишет диссертацию на тему «Курганы каунчинской и джунской культур», которую и защищает в 1947 г. на ученом совете ИИМК АН СССР.

В письме Б.А. Латынина Т.Г. Оболдуевой мы читаем как бы итог этой части ее жизни: «... я горжусь Вами. Пошла слушать „нового" профессора — Потапенко; поехала в экспедицию в Пскент; с каким-то чужим ленинградским дядей — в Фергану (с трогательной санитарной сумкой); прикатила как снег на голову в Питер; колебалась относительно „доли почтальона", но оказалась в Эрмитаже; после моего крушения осталась не у дел; не потерялись и начали работать в Орта Азия в Ходженте; всякие опять перипетии — в Киеве, освоили новую обстановку, копали самостоятельно, одолели тему, для чего, легко сказать! пришлось в Ташкент (это с Крещатика-то!) съездить; и оформились, и теперь защитились».

В 1950—1952 гг. Т.Г. Оболдуева работает в Керченском государственном краеведческом музее.

В 1952 г. она переезжает в Москву и начинает работать в редакционно-издательском отделе Института истории материальной культуры. Через ее руки проходит вся огромная масса научной продукции института — монографии, МИА, различные сборники. В 1955 г. она становится ответственным секретарем в редколлегии КСИИМК. При ее непосредственном участии изданы 29 сборников КСИИМК — КСИА (71—99).

Будучи сотрудником сектора скифо-сарматской археологии, она разрабатывает научную тему по древней культуре Ферганы, делает доклады на заседаниях сектора. Она возвращается к раскопкам на городище Эйлатан, начатым еще Б.А. Латыниным. Денег на эту работу у нее было мало, она вскрывает отдельные сохранившиеся участки городища. Эти работы не утратили своего значения и по сей день.

Участвовала Т.Г. Оболдуева и в экспедиции Ю.А. Заднепровского на раскопках городища эпохи бронзы Дальверзин.

Когда ей исполнилось 55 лет, ее уволили из ИИМКа. Но она страстно любила поле, археологию, Среднюю Азию. И когда еще в 1962 г. Н.Г. Горбунова предложила ей связать свою судьбу с созданной тогда Ферганской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского краеведческого музея, Татьяна Григорьевна безоговорочно согласилась и работала в экспедиции до 1986 г., до ее завершения. Экспедиция вела раскопки на новостройках в разных районах Ферганы, на поселениях и могильниках, от эпохи бронзы до раннего средневековья, на равнине и в предгорьях, и в песках Центральной Ферганы. И всюду была Татьяна Григорьевна, неизменно подтянутая, высокая, прямая, не всегда с уживчивым характером, но бесконечно добрая. Она вела раскопки, камералку, фотографировала, учила ставить палатки, следила за хозяйством экспедиции, держала в строгости мальчиков-рабочих, живших обычно в лагере, четко и быстро выполняла полевые отчеты. Ее присутствие создавало особую атмосферу в экспедиции, где нельзя было распускаться и жаловаться на трудности, ибо она, самая старшая по возрасту («Я чувствую себя динозавром», — говорила она Н.Г. Горбуновой), никогда не позволяла себя жалеть. Ее любили ребята, несмотря на ее внешнюю резкость и строгость. Они знали, что, даже если она их ругает, но стоит кому-нибудь заболеть, Татьяна Григорьевна тут же придет лечить.

Доброта, принципиальность и честность — вот ее черты, которые привлекали к ней людей. Зная язык, она охотно общалась с местным населением, приходившим к нам побеседовать.

Т.Г. Оболдуева — автор 17 работ, написанных лично ею или в соавторстве с другими исследователями. Кроме того, часть ее статей осталась неопубликованной и хранится в архивах различных учреждений Украины, Узбекистана, Таджикистана.

После завершения работ экспедиции Татьяна Григорьевна занялась приведением в порядок своего архива, беспокоясь за его судьбу, отдавая части его тем, кому, как она считала, они будут нужны. Вот тогда-то она и решила опубликовать джунские курганы, которые так долго, с 1937 г., оставались в рукописи. Это была ее последняя работа.

Научный архив и коллекции из раскопок в Фергане Татьяна Григорьевна передала Государственному Эрмитажу. До конца своих дней Татьяна Григорьевна живо интересовалась делами нашего Института и Эрмитажа. Близко к сердцу принимала все невзгоды и неурядицы, происходящие в нашей стране. Очень тосковала по Средней Азии, огорчалась, что любимая ею Фергана оказалась в ближнем, но трудно доступном зарубежье.

Татьяна Григорьевна прожила нелегкую жизнь, но в своем последнем письме Н.Г. Горбуновой она написала: «А жизнь я прожила счастливую, и рада этому — хорошего было больше... Вам спасибо за Фергану, спасибо за доброе отношение, дружеские встречи, за радость человеческого общения — это самое дорогое в жизни».

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Н.Г. Горбунова, Г.А. Брыкина,
Ю.А. Заднепровский

Институт археологии РАН,
Москва

Институт истории материальной
культуры, Санкт-Петербург

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Т.Г. ОБОЛДУЕВОЙ

1. К вопросу об инвентаризации археологических коллекций, 1936. // Сов. музей. № 1. С. 47—55. Ил.
2. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале, 1940. // Изв. Узб. фил. АН СССР. № 10. С. 29—32. Ил.
3. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. (Тез. канд. дис.), 1948. // КСИИМК. Вып. 23. С. 101—102.
4. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. 1951. // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Т.4. С. 7—40. Ил.
5. Сарматские курганы близ г. Мелитополя. 1952. // Археологічні пам'ятки УССР. Т. 4. С. 43—47. Ил. На укр. яз. Рез. рус.
6. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской обл., 1955. // КСИИМК. Вып. 59. С. 145—149.
7. Курганы эпохи бронзы на р. Когильник. 1955 // Изв. Молд. фил. АН СССР. № 5. С. 31—49. Ил.
8. Исфаринские курганы (к вопросу о системе хозяйства древней Ферганы), 1959. // КСИИМК. Вып. 76. С. 17—27. Ил. (соавт.: Б.А. Латынин).
9. Раскопки 1960 г. на городище Эйлатан, 1962 // КСИА АН СССР. Вып. 91. С. 38—47. Ил.
10. Раскопки поселений на юго-востоке Ферганской области. 1967. // АО—1966. С. 309—311; (соавт.: Н.Г. Горбунова).
11. Работы в зоне строительства Центрального Ферганского канала, 1968 // АО— 1967. С. 339, 340. Ил. (соавт.: Н.Г. Горбунова).
12. Работы на новостройках в Фергане, 1970. // АО—1969. С. 404—405 (соавт.: Н.Г. Горбунова).
13. Работы Ферганской экспедиции, 1971. // АО—1970. С. 413. (соавт.: Н.Г. Горбунова и др.).
14. Ферганская экспедиция, 1974. АО—1973. С. 479—480 (соавт.: Н.Г. Горбунова, Г.П. Иванов и др.).
15. О датировке стен Эйлатана, 1981. // СА. № 4. С. 186—195. Ил.
16. Поселение Арал-тепе в Фергане, 1988. // АСГЭ. 29. С. 82—97. Ил. (соавт.: Н.Г. Горбунова).
17. Курганы на арыке Джун, 1988. // СА. № 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. С.-Пб.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогальные исторические дисциплины. Л.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской Академии наук
ИАК — Известия Государственной Российской археологической комиссии. СПб.-Пг.
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. НАН РК — Известия Национальной академии наук республики Казахстан
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
НИС — Новгородский исторический сборник
НиСф — Нумизматика и сфрагистика
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. М.–Л.
СВ — Средние века
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологических съездов
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
AH — Archaeologia historica
AJA — Amerian Journal of Archaelogy. Cambridge
AS — Anatolian Studies. Ankara
AUBTB — Arkeometri Unitesi Bilimsel Toplantisi Bildirilere. Istanbul
BAR — British Archaelogical Repotrs. Oxford
BEFEO — Bulletin de l'École francais d'Extrême Orient. Paris
CRAI — Comptes-rendus des séances le l'Academie des Inschriptions et Belles-lettres. Paris.
EAZ — Ethnographish-archäologische Zeitschrift
IPEI^2 — Latyshev B. Inscriptiones antique orae Septentrionalis Ponti Euxini, Petropoli, 1916
KST — Kazi Sonuclari Toplantisi
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afganistan. Paris
NNM — Numismatic notes and monographs
Origini — Origini prestoria e protostoria. Roma
R — Radiocarbon
RN — Revue numismatique
SCN — Studii su cercetari de numismatica
ZfA — Zeitschrift für Archäologie

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Глинкина Л.И.*

Сдано в набор 17.10.95 Подписано к печати 22.11.95 Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ.л. 20,8 Усл. кр. отт. 28,7 тыс. Уч.-изд. л. 23,2 Бум. л. 8,0
Тираж 1367 экз. Зак. 3394

Московская типография № 2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6